

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА»

РОССИЙСКИЙ
СОЮЗ ГЕРМАНИСТОВ

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

ЕЖЕГОДНИК
РОССИЙСКОГО СОЮЗА
ГЕРМАНИСТОВ

ТОМ XVII

ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

XVII СЪЕЗД РОССИЙСКОГО СОЮЗА ГЕРМАНИСТОВ
КОЛОМНА, 28 — 30 НОЯБРЯ 2019 ГОДА

Организатор:

Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна)

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2020

УДК 821.112.2.0
ББК 80
P89

Р е д к о л л е г и я :

А. В. Иванов (общая редакция тома),
Н. С. Бабенко (отв. редактор лингвистической части),
Н. А. Бакиш (отв. редактор литературоведческой части),
Р. С. Аликаев, А. В. Белобратов, С. И. Дубинин, А. И. Жеребин,
А. А. Нефедова, Л. Н. Полубоярнинова, Н. Н. Трошина

Р е ц е н з е н т ы :

д-р филол. наук Н. В. Васильева
(Институт языкознания РАН)
д-р филол. наук Е. Е. Дмитриева
(Российский государственный гуманитарный университет)

Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов (= Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Т. 17 : Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве / под общ. ред. А. В. Иванова. — М. : ФЛИНТА, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-9765-4464-2

В настоящий Ежегодник включены тексты докладов семнадцатой конференции Российского союза германистов «Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве», на которой были представлены лингвистические и литературоведческие доклады, содержательно связанные с проблемами изучения текстов и их типологического разнообразия. Внимание уделяется теоретическим, историческим и конкретно-методическим аспектам работы с текстами разной типологической принадлежности. Ежегодник продолжает издание публикаций по материалам конференций, проводимых в рамках РСГ. Включенные в сборник статьи отражают современное состояние исследовательской деятельности отечественных и зарубежных германистов, а также молодого поколения специалистов в разных областях германской филологии.

УДК 821.112.2.0
ББК 80

ISBN 978-5-9765-4464-2

© Авторы, 2020
© НГЛУ, 2020
© Издательство «ФЛИНТА», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА	7
<i>Schuppener G.</i> Sprache als Spiegel der Gesellschaft. Bemerkungen zu vier aktuellen Themen der deutschen Gegenwartssprache	8
<i>Grischaewa L. I.</i> Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien?	24
<i>Wintgens L.</i> Die Karolingisch-Fränkische Sprachlandschaft im Kernraum Westeuropas: <i>Aachen-Limburg-Luxemburg</i>	48
<i>Lachhein B., Awerkina L. A.</i> Leichte Sprache und Einfache Sprache im Deutschen der Gegenwart	70
<i>Аверина А. В.</i> Структурные модели предложений с внешней перспективой в немецком языке.....	81
<i>Березовская А. В.</i> Правовые концепты и механизмы их реализации в терминосистемах Германии и Европейского Союза.....	99
<i>Быкова О. И.</i> Релевантность смыслообразующих структур фельетона как особого типа публицистических текстов в современных СМИ ..	115
<i>Донец П. Н.</i> К вопросу о соотношении понятий «коммуникация» / «дискурс» и возможностях типологизации последнего	126
<i>Кострова О. А.</i> Лингвокультурные концепты в немецкоязычном дискурсе авторов турецкого происхождения	137
<i>Кулькова М. А.</i> Когнитивно-дискурсивные особенности немецкой этноспецифической лексики.....	153
<i>Парина И. С.</i> Применение корпусов параллельных текстов для исследования немецкой фразеологии в сопоставительном аспекте..	166
<i>Трошина Н. Н.</i> Метаязыковой дискурс в ФРГ	178
<i>Филиппов А. К., Филиппов К. А.</i> К вопросу об интерференции немецкого и русского научных дискурсов XVIII в. (на материале текстов « <i>Oeconomus Prudens</i> » и « <i>Флоринова Экономия</i> »).....	191
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	208
<i>Ишимбаева Г. Г.</i> Жанровый синкретизм романа Б. Шлинка «Женщина на лестнице»	209
<i>Кафанова О. Б.</i> Новый немецкий перевод «Записок охотника» И. С. Тургенева.....	221
<i>Серягина Ю. С.</i> Немецкая литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи	239
<i>Смирнова Т. П.</i> «Межа языков»: многоязычие в транскультурной немецкоязычной литературе	254
<i>Соколова Е. В.</i> В отражениях двух дискурсов: СМИ и «высокая литература» о Петере Хандке.....	269

Содержание

<i>Яковенко Е. Б.</i> Библейские пародии как особая разновидность текстов	285
МОЛОДЕЖНАЯ ПЛОЩАДКА	303
<i>Кузовникова Е. Г.</i> Лингвокультурные характеристики немецкоязычного черного юмора (на примере речевых жанров повседневного дискурса)	304
<i>Утфигов В. В.</i> Лингвокультурный концепт <i>Ordnung</i> в немецкоязычных текстах общественно-политической тематики... ..	317
<i>Макаренко О. С.</i> Средства и способы активизации сведений о мире в немецком и русском кроссворде	335
РЕЦЕНЗИИ	357
<i>Абрамов П. В.</i> Осмысленное вхождение. Рец. на кн.: <i>Беляков Д. А.</i> «Волшебная гора» Томаса Манна: от романа испытания к роману становления. М., 2019	358
<i>Дубинин С. И.</i> Рец. на кн.: <i>Лукин О. В.</i> Немецкие грамматисты XIX века: известные и забытые имена. Ярославль, 2019	362
<i>Кострова О. А.</i> Границы и горизонты модального синтаксиса. Рец. на кн.: <i>Аверина А. В.</i> Модальный синтаксис немецкого языка. М., 2019... ..	366
<i>Nefedova L. A.</i> Faszination der lexikalischen Verdoppelung. Rezension von: <i>Schuppener G.</i> Doppelt gemoppelt. Semantisch doppelnde Komposita im Deutschen. Wien, 2019	373
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	380
LIST OF CONTRIBUTORS	382

ЛИНГВИСТИКА

G. Schuppener
Universität der Hl. Cyrill und Method Trnava (Slowakei)

**SPRACHE ALS SPIEGEL DER GESELLSCHAFT.
BEMERKUNGEN ZU VIER AKTUELLEN THEMEN
DER DEUTSCHEN GEGENWARTSSPRACHE¹**

Der vorliegende Beitrag gibt einen Einblick in vier aktuelle Themen der Gegenwartssprache. Dabei handelt es sich um die gendergerechte Sprache, die Sprache im Internet, die Leichte Sprache und die Rolle der Dialekte in der Gegenwart. Angesprochen werden die grundlegenden gesellschaftlichen, technischen und kulturellen Veränderungen, die sich in diesen Teilbereichen der Gegenwartssprache widerspiegeln. Gerade hier zeigt sich die Dynamik der Sprachentwicklung in den letzten Jahrzehnten. Besonders deutlich erkennbar ist dies im Bereich der Sprache im Internet. Doch auch in allen anderen hier behandelten Bereichen ist die Entwicklung nicht abgeschlossen, so dass eine abschließende sprachwissenschaftliche Beurteilung weiterhin aussteht.

Schlüsselwörter: Sprachwandel; Gegenwartssprache; Dialekte; Internet; Gender; Leichte Sprache

1. Hintergrund

Jede lebende Sprache entwickelt sich so wie die zugehörige Gesellschaft und der kulturelle, ökonomische und technische Kontext, in dem sie gebraucht wird, fortlaufend weiter. Durch diesen Sprachwandel spiegelt auch die deutsche Sprache die Entwicklungen der deutschen Gegenwartsgesellschaft wider.² Ebenso wie gesellschaftliche, kulturelle, ökonomische und technische Prozesse nur in den seltensten Fällen geradlinig und zielgerichtet verlaufen, weisen auch die Veränderungen in der Gegenwartssprache manche durchaus kontrovers zu diskutierenden Aspekte auf, so dass nicht immer einfach zu beurteilen ist, welche Veränderungen sich langfristig durchsetzen

¹ Teile dieses Beitrages entstanden im Rahmen des Projektes „Vergleich sprachlicher Strategien des Rechtspopulismus (Deutschland — Österreich — Tschechien — Slowakei): Lexik — Texte — Diskurse“ („Komparácia jazykových stratégií pravicového populizmu (Nemecko — Rakúsko — Česko — Slovensko): lexika — texty — diskurzy“) an der Universität der Hl. Cyrill und Method Trnava (APVV-17-0128).

² Analoges gilt natürlich auch für die Varietäten des Deutschen in Österreich, der Schweiz und in allen anderen Gebieten, in denen die deutsche Sprache heute aktiv verwendet wird.

werden und welche lediglich temporärer Art sind. Zu vier dieser aktuellen Themenbereiche soll im Folgenden Stellung genommen werden, nämlich zur Rolle von gendergerechter Sprache, zu sprachlichen Entwicklungen im Internet, z. B. im Bereich von Chats, zu Bedeutung, Zielsetzung und Verwendungsbereichen von Leichter/Einfacher Sprache und schließlich zur Relevanz von Dialekten heute.³ Ziel ist es dabei, einen Einblick in den derzeitigen Diskussionsstand zu geben und zugleich eine begründete, wenn auch subjektive Einschätzung der Phänomene und der künftigen Entwicklung zu geben.

2. Gendergerechte Sprache

Dass Sprache gesellschaftliche Rollen reflektiert und transportiert, ist eine bereits mehrere Jahrzehnte alte Erkenntnis. Betrachtet werden in diesem Zusammenhang insbesondere auch die Unterschiede in Kommunikation und Sprachgebrauch von Männern und Frauen. Spätestens mit der westdeutschen Frauenbewegung der späten 1960er Jahre, verstärkt dann auch seit der zweiten Hälfte der 1980er und den 1990er Jahren waren mit dem Kampf um die reale Gleichberechtigung von Frauen in allen gesellschaftlichen Bereichen auch eine Kritik am sprachlichen und kommunikativen Alltag und der Kampf gegen (tatsächliche oder vermeintliche) sprachliche Diskriminierung von Frauen verbunden. Seit den Anfängen der Feministischen Linguistik werden diese Bemühungen auch sprachwissenschaftlich untersucht (Pusch 1990). Neben das reine Beschreiben der Phänomene traten dabei klare Empfehlungen und Forderungen zur Änderung des sprachlichen Usus.

Während die DDR zumindest formal und legislativ weit fortschrittlicher hinsichtlich der rechtlichen Gleichstellung von Frauen und Männern war, änderten sich die rechtlichen Grundlagen in der BRD vom Ende der 1950er bis weit in die 1970er Jahre erst langsam. Dass die Veränderungen im gesellschaftlichen und rechtlichen Bereich auch Einfluss auf den Sprachgebrauch hatten, zeigt das Bei-

³ Anlass für diese Betrachtung war eine zweistündige Online-Veranstaltung des Lehrstuhls für deutsche Sprache an der Pädagogischen Staatlichen Universität Moskau mit dem Thema „Sprache als Spiegel der Gesellschaft“ am 26.5.2020. (<http://www.germanistenverband.ru/de/about-us/news/veranstaltung-mit-herrn-professor-schuppener>, <http://mpgu.su/bez-rubriki/master-klass-professora-georga-shuppenera-germanija-v-institute-inostrannyh-jazykov/>)

spiel des Lexems *Fräulein*, dessen Gebrauch zugunsten von *Frau* seit den 1950er Jahren stark zurückgegangen ist.

In der jüngeren Vergangenheit ist der Begriff *Gender*, bei dem es vor allem um die jeweiligen gesellschaftlichen Rollen der Geschlechter geht, auch in der sprachwissenschaftlichen Diskussion stärker in den Vordergrund gerückt. Bei der so genannten *gendergerechten Sprache* wird demnach das Ziel verfolgt, in der Sprache eine Gleichberechtigung der Geschlechter zu realisieren. Die zahllosen Aspekte, die damit verbunden sind, können hier schon aus Platzgründen nicht dargestellt werden.⁴ Sichtbarster Ausdruck sind sicher die verschiedenen Formen und Versuche, in der Schriftsprache (und teils auch in der gesprochenen Sprache) eine gleichberechtigte Berücksichtigung der verschiedenen Geschlechter umzusetzen. Vertrat man früher noch allgemein die Auffassung, das so genannte generische Maskulinum (z. B. *die Lehrer*) schließe auch weibliche Individuen ein, so werden heute (zumindest in der Schriftsprache) andere Formen bevorzugt, um sprachliche Gleichberechtigung zu erzielen, sei es durch die Verwendung von geschlechtsneutralen Formen, die in der Regel auch mit der Ersetzung von Lexik einhergehen, sei es durch Kenntlichmachung von verschiedenen geschlechtsbezogenen Formen: also einerseits *Lehrende, Lehrkräfte, Lehrpersonal*, andererseits *Lehrerinnen und Lehrer, Lehrer/Lehrerinnen, Lehrer/innen, LehrerInnen, Lehrer_innen, Lehrer(innen), Lehrer*innen*. Weitere Formen sind denkbar. In jedem Fall gibt es nun eine große Auswahl an verschiedenen Möglichkeiten, die man positiv als Vielfalt und Wahlfreiheit werten kann, negativ als fehlende Einheitlichkeit oder Unübersichtlichkeit. Hierbei sind sicher auch subjektive Präferenzen und Meinungen für eine Bewertung ausschlaggebend.

Aus sprachwissenschaftlicher Sicht wenig geeignet, wenn auch beispielsweise im universitären Bereich häufig verwendet, sind partizipiale geschlechtsneutrale Bildungen wie *Lehrende, Studierende, Dozierende* usw., impliziert doch die Bildung mit dem Partizip Präsens die fortdauernde Aktivität, die natürlich nicht gegeben ist, und zugleich lenkt die Bildung von Beruf, Funktion bzw. Rolle der betreffenden Person ab.

Derzeit ist nicht abzusehen, welche der oben genannten vielfäl-

⁴ Einen guten ersten Überblick vermittelt auch der entsprechende Eintrag (https://de.wikipedia.org/wiki/Geschlechtergerechte_Sprache).

tigen Möglichkeiten sich durchsetzen wird oder ob auch in Zukunft mit einem Nebeneinander von verschiedenen Ausdrucksformen zu rechnen ist. Einfacher, weil analog bildbar, sind jedenfalls die zweitgenannten parallelen Formen, während die geschlechtsneutralen Bezeichnungen oftmals individuell gebildet werden müssen oder in adäquater Form gar nicht vorliegen.⁵

Mindestens ebenso wichtig wie die Erörterung solcher Fragen sind die gesellschaftliche Diskussion über gendergerechte Sprache und aus sprachwissenschaftlicher Sicht die Betrachtung der Konzepte, die ihr zugrunde liegen.

Richtet man zunächst die Aufmerksamkeit auf den sprachphilosophischen Dreiklang des Verhältnisses von Sprache — Denken — Wirklichkeit, so ist leicht zu erkennen, dass dem Konzept gendergerechter Sprache Auffassungen zugrunde liegen, die zum einen davon ausgehen, dass Sprache die Wirklichkeit (was immer das ist) widerspiegelt (bzw. widerspiegeln sollte), zum anderen, dass über eine Veränderung von Sprache auch das Denken und damit sogar die Wirklichkeit beeinflusst werden könne. Eine deutliche Nähe zu der so genannten Sapir-Whorf-Hypothese (verkürzt: Sprache formt das Denken) ist unverkennbar.

Dass die Sprache durch die gesellschaftliche Wirklichkeit geprägt oder zumindest beeinflusst wird, ist kaum bestreitbar. So finden sich in der deutschen Sprache zahlreiche Spuren einer männlich dominierten Gesellschaft. Ein nennenswerter Teil davon ist aber nur noch sprachhistorisch erschließbar, kann also auch — setzt man eine Gültigkeit der Sapir-Whorf-Hypothese voraus — das Denken nicht mehr beeinflussen: Wem ist heute z. B. noch bewusst und bekannt, dass *Mensch* in althochdeutscher Zeit als adjektivische Ableitung zu *Mann* entstand? Heute wird *Mensch* vollständig geschlechtsneutral verstanden.

Grundsätzlich ist die Forderung legitim und angemessen, dass sich die gesellschaftlich erwünschte und wenigstens teilweise auch realisierte Gleichstellung und Gleichberechtigung der Geschlechter auch ihren Niederschlag in der Sprache finden möge. Kritisiert wird jedoch, dass schriftliche Texte durch gendergerechte Sprache, speziell durch die parallele Nutzung von männlichen und weiblichen

⁵ Wie wäre beispielsweise das geschlechtsneutrale Pendant zu *Autoren/Autorinnen*? Wohl kaum *Schreibende* oder *Schreibkräfte*.

Formen, schwerer lesbar und verständlich würden. Dies ist in manchen Fällen kaum bestreitbar. Gerade aus diesem Grund wird bisweilen auf geschlechtsneutrale Formulierungen ausgewichen.

Politisch ist die gendergerechte (geschlechtergerechte) Sprache ebenfalls umstritten. Vor allem rechtspopulistische Parteien lehnen diese ab, ebenso wie generell das Konzept von Gender, d. h. von gesellschaftlich konstituierten Geschlechterrollen. Dementsprechend positionieren sich in Deutschland vor allem die „Alternative für Deutschland“ (AfD) und in Österreich die „Freiheitliche Partei Österreichs“ (FPÖ). So wandte sich die AfD beispielsweise in ihrem Programm zur Bundestagswahl 2017 dezidiert gegen eine „geschlechterneutrale Sprache“ (Alternative für Deutschland 2017: 40). Als langjährige Regierungspartei in Österreich setzte sich die FPÖ auf verschiedenen Ebenen gegen gendergerechte Sprache ein.⁶ Auf der politischen Linken wird gendergerechte Sprache hingegen sehr stark befürwortet oder gar als notwendige Norm angesehen. So beschloss die Partei „Bündnis90/Die Grünen“ auf ihrer Bundesdelegiertenkonferenz in Halle im Jahre 2015, in Anträgen und Beschlüssen durchweg gendergerechte Sprache unter Verwendung des Gender-Sterns * zu gebrauchen.⁷

Die politische Auseinandersetzung über diese Thematik zeigt deutlich, dass die Verwendung oder Ablehnung gendergerechter Sprache offenkundig nicht allein eine Frage des Sprachwandels oder der Stilistik ist, sondern dass sich hierin (durchaus auch aus pragmatischer Sicht im Sinne von Sprache als Handeln) grundlegende weltanschauliche Unterschiede offenbaren. So wird Sprache ideologisch aufgeladen, um dem einen oder anderen gesellschaftlichen Wirklichkeitskonzept zur Geltung zu verhelfen.

Angesichts der weiten Verbreitung, der doch mehrheitlichen Akzeptanz und des gesellschaftlichen Normungsdrucks in Richtung auf eine geschlechtergerechte Sprache kann in der Schriftlichkeit eine solche Form der Sprache als inzwischen etabliert gelten.

Hinsichtlich der spontanen (konzeptionellen) Mündlichkeit, d. h. der nicht schriftlich vorbereiteten gesprochenen Sprache, sieht

⁶ <https://www.derstandard.de/story/2000080640386/fpoe-kaempft-weiter-gegen-gendergerechte-sprache>

⁷ https://cms.gruene.de/uploads/documents/BDK15_Geschlechtergerechte_Sprache-1.pdf

die Lage allerdings gänzlich anders aus: Gendergerechte Sprache ist hier aus Gründen der Sprachökonomie (Parallelförmigkeiten verlängern und verkomplizieren den Ausdruck und erschweren das Verständnis, adäquate geschlechtsneutrale Formen stehen nicht überall zur Verfügung bzw. sind auch nicht immer regulär erschließbar) eher von geringer Bedeutung. Typografische Mittel zur einfachen Markierung (Binnen-I, Gender-Stern, Unterstrich, Schrägstrich) stehen als sprachökonomische Signale in der mündlichen Kommunikation nicht zur Verfügung. Daher ist fraglich, ob und wenn ja, wie sich gendergerechte Sprache in der gesprochenen Sprache etablieren kann.

3. Sprache im Internet

Einen weiteren Bereich, in dem sich in der jüngeren Vergangenheit sehr starke Entwicklungen in der Sprache vollzogen und auch heute noch vollziehen, stellen die so genannten Neuen Medien dar, speziell das Internet. Wegen der Vielzahl an unterschiedlichen neuen Möglichkeiten der Kommunikation in diesem Bereich ist es nahezu unmöglich, in kurzer Form die Veränderungen und Neuerungen umfassend zu beschreiben und zu analysieren. Dennoch lassen sich einige generelle Tendenzen identifizieren.

Grundsätzlich führt das Internet zu einer Beschleunigung der Kommunikationsprozesse. Texte müssen schneller produziert werden und werden zugleich auch schneller rezipiert. Das bewirkt, dass vorwiegend bei Texten mit Aktualitätsbezug leichter fassbare (also tendenziell kürzere) Einheiten produziert werden. Zugleich haben sich die Lesegewohnheiten verändert, und zwar insofern, als derartige kürzere Texte erwartet werden und die Aufmerksamkeit für längere Texte nachlässt.

Mit der Beschleunigung der Kommunikation verbreiten sich auch sprachliche Neuerungen wesentlich schneller als zuvor. Zugleich verschwinden manche Erscheinungen nach kurzer Zeit wieder. Bestes Beispiel dafür ist das Phänomen der Inflektiva in der Online-Kommunikation. Formen wie *grins*, *freu*, *grübel* usw., die in der Anfangszeit der Neuen Medien beispielsweise in Chats sehr häufig gebraucht wurden, werden heute nur noch selten genutzt. Selbst Abkürzungen wie *lol* (engl. *laughing out loud* „lauthals lachen“) oder *OMG* = *O mein Gott* haben offenbar ihren Höhepunkt in der Gebrauchshäufigkeit bereits hinter sich. Hintergrund hierfür ist die technische Entwicklung: War anfangs Chat- und andere spontane Internet-

Kommunikation auf das Repertoire des Standardzeichensatzes (also diejenigen Zeichen, die mit der Tastatur erzeugt werden konnten) beschränkt, gibt es heute komfortable Möglichkeiten zum Einfügen grafischer Elemente. Die Funktion der Inflektiva und vieler Abkürzungen, nämlich den Ausdruck von Emotionen und Gefühlszuständen, haben heute die so genannten Emoticons übernommen.

Neubildungen sind häufig Kurzformen, wie beispielsweise *Proggi* für „Programm, Software“ oder *funzen* für „funktionieren“. Nicht alle dieser Neubildungen können sich aber dauerhaft halten, wie das erwähnte *Proggi* zeigt, dessen Verwendung heute schon wieder selten ist.⁸ Das Verb *funzen* hingegen konnte sich bislang durchsetzen. Die Tendenz zu kurzen Formen resultiert aus der Schnelligkeit der Echtzeit-Kommunikation und ist daher sprachökonomisch motiviert. Dies gilt wohl auch für enklitische Formen wie *kannste*, *meinste*, *brauchste*, *kommste*.⁹

Ohne die technisch bedingte mehr oder minder lange Zeitspanne zwischen Produktion und Rezeption, die ansonsten mit der Schriftlichkeit verbundenen ist, verschwimmen bei der schriftlichen Kommunikation in Echtzeit die bisher klaren Grenzen zwischen Schriftlichkeit und Mündlichkeit. Zwar sind die meisten Texte (von Audio- und Video-Dateien abgesehen) im Internet formal schriftlich, beim Chat oder auch bei Kommentaren in sozialen Netzwerken wie Facebook handelt es sich aber um durchaus dialogische, spontane Sprachproduktion, häufig mit sehr geringen formalen Ansprüchen. Solche Merkmale sind in der klassischen Zweiteilung zwischen geschriebener und gesprochener Sprache charakteristisch für letztere (Schuppener 2020: 27ff.). Man kann also sagen, dass sprachliche Äußerungen in Kommentaren in sozialen Netzwerken, in der Chat-Kommunikation und bei vielen anderen Textsorten im Internet zwar schriftlich sind, aber der konzeptionellen Mündlichkeit zuzuordnen sind.

Gerade im Chat, aber auch in Diskussionsforen, bei Texten in so-

⁸ Dies zeigt eine einfache Internet-Suche nach dem Begriff *Proggi*. Der Großteil der Ergebnisse stammt aus den Jahren 2003-2007, in den letzten Jahren wird das Wort in der Bedeutung „Programm, Software“ so gut wie gar nicht mehr benutzt.

⁹ Vgl. <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/813/1401>. Hier finden sich auch noch zahlreiche weitere Beispiele für Entwicklungen in der Chat-Kommunikation.

zialen Netzwerken oder bei Beiträgen in den Kommentarbereichen von Online-Nachrichtenportalen wie tagesschau.de, heute.de oder den Portalen von Tages- und Wochenzeitungen zeigt sich die Orientierung an der Mündlichkeit u. a. darin, dass die schriftlichen Äußerungen oftmals sehr informell gestaltet werden: Formalia der schriftlichen Kommunikation werden häufig weggelassen, wie beispielsweise Anreden. Vielfach werden Pseudonyme genutzt oder lediglich Vornamen. Rechtschreibung, Syntax und Grammatik weisen nicht selten Fehler auf. Dialektale Formen und Schreibungen sind durchaus ebenfalls zu finden. Dies alles kann nicht allein aus mangelnder Sorgfalt erklärt werden, sondern ist Resultat der spontanen und nicht langfristig geplanten und unkorrigierten Kommunikation, also analog zur Mündlichkeit. Der Mündlichkeit entspricht auch die bereits erwähnte Verwendung enklitischer Formen.

Ein weiterer Faktor für die oftmals geringere Formalität der Sprache im Internet, speziell in den sozialen Medien, liegt darin, dass durch die niedrige Zugangs- und damit Hemmschwelle im Internet sich nun Personen zu Wort melden, die sich früher nicht für eine breitere Öffentlichkeit schriftlich geäußert hätten, d. h. denen teilweise auch die Kenntnisse der Regeln schriftlicher Kommunikation fehlen. Überdies ist durch die Anonymität der Äußerungsmöglichkeiten und die damit fehlenden Sanktionen keine unbedingte Notwendigkeit zur Korrektur oder Reflexion der Äußerungen gegeben, d. h. es kann hier jederzeit spontan kommuniziert werden.

Die spontane Kommunikation, die der Mündlichkeit nahesteht, war auch die Ursache für die Entstehung der oben erwähnten inflektiven Formen. In der Echtzeitkommunikation im Chat ermöglichten sie in kurzer und damit sprachökonomischer Weise den Ausdruck von Emotionen, die in schriftlichen Texten normalerweise umschrieben werden müssen und ansonsten in der mündlichen Kommunikation durch die Prosodie und non-verbale Mittel (Körpersprache, Mimik, Gestik) vermittelt werden. Da das heutige Repertoire an Emoticons eine noch differenziertere und kürzere Möglichkeit zur Darstellung von Emotionen bietet, ist es naheliegend, dass diese die inflektiven Formen substituieren.

An diesem Beispiel zeigt sich auch, dass die Entwicklung der Kommunikation im Internet sehr dynamisch ist und manche Phänomene sehr kurzlebig sind. Dies wird insbesondere durch technische Entwicklungen bedingt. Werden neue und/oder leistungsfähigere

Anwendungen entwickelt, so führt dies zu nachlassendem Interesse für ältere. Dies trifft beispielsweise für die in den 1990er Jahren beliebten Nachrichtengruppen (engl. newsgroups) zu, die heute kaum noch eine Rolle spielen.¹⁰ Ähnliches gilt für manche Internet-Foren, die heute durch Facebook-Seiten abgelöst worden sind.

Zu den weiteren Tendenzen zählt schließlich, dass Texte im Internet heute in der Regel multimedial sind, d. h. aus Verknüpfungen von Sprache und Bild (bisweilen auch anderen Medien) bestehen, während in den 1990er Jahren Texte noch weitgehend sprachzentriert waren. Das bedeutet, dass heute ein neues (multimediales) Textverständnis für die Produktion, Rezeption und Analyse von Internet-Kommunikation zugrunde gelegt werden muss, das auch die außersprachlichen Elemente des Textes berücksichtigt.

Ferner hat die Entwicklung des Internets auch Auswirkungen auf das Textsortenspektrum: Neue Textsorten sind in der jüngeren Vergangenheit im Zusammenhang mit dem Internet und anderen Medien entstanden, deren Beschreibung mit den klassischen Mitteln der Textlinguistik oftmals nur teilweise möglich ist. Dies gilt für Hypertexte, WLAN-Namen, Twitter-Nachrichten, Facebook-Kommentare usw. Die Neuen Medien beeinflussen die Veränderung der Sprache also multidimensional. Da die technische Entwicklung in diesem Bereich noch lange nicht abgeschlossen ist, wird die zunehmende Digitalisierung auch zukünftig zum Sprachwandel beitragen.

4. Leichte/Einfache Sprache

In den letzten Jahrzehnten hat es im deutschsprachigen Raum starke Bemühungen gegeben, Gruppen, die bislang vom gesellschaftlichen und politischen Leben mehr oder minder ausgeschlossen waren, aktiv in die Gesellschaft zu integrieren bzw. ihnen bessere Möglichkeiten zur gesellschaftlichen Teilhabe zu eröffnen. Ein Aspekt dabei ist auch die Sprache:

Es ist hinreichend bekannt, dass die schriftliche Kommunikation anderen Regeln folgt als die mündliche. Insbesondere offizielle schriftliche Texte zeichnen sich häufig durch eine höhere Komplexität und Formalität aus. Dies gilt speziell für Texte aus der Verwaltung, der Wissenschaft, dem politischen und juristischen Bereich. Für Menschen mit geringem Bildungsstand, mit kognitiven Einschränkungen oder Behinderungen wie Leseschwäche (Dyslexie),

¹⁰ Vgl. <https://de.wikipedia.org/wiki/NewsGroup>

seien sie angeboren oder durch Krankheit bedingt, sind diese Texte häufig gar nicht oder nur schwer zu verstehen. Das führt dazu, dass die betroffenen Personen keinen Zugang zu nennenswerten Bereichen des gesellschaftlichen Lebens haben. Um diese sprachlichen Barrieren zu beseitigen oder doch zumindest zu verringern, gibt es zwei Konzepte, die in den letzten Jahren größere Bedeutung gewonnen haben: die *Einfache Sprache* und die *Leichte Sprache*.

Die so genannte *Leichte Sprache* ist eine Varietät, die konstruiert und bewusst vereinfachend ist.¹¹ Dabei richtet sich die Vereinfachung primär auf die Gruppe der Rezipienten und ihre Bedürfnisse aus. Es geht also nicht vorrangig darum, die Sprachproduktion generell zu vereinfachen.

Anders als die Rezipienten der Leichten Sprache besitzen die Produzenten in der Regel keine eingeschränkte, sondern oft besonders große Kompetenz in der Verwendung der deutschen Sprache.

Charakteristische Merkmale der Leichten Sprache sind u. a.:

- Verwendung kurzer Sätze;
- Vermeidung des Passivs;
- Vermeidung des Konjunktivs;
- Vermeidung von Nebensätzen;
- konsequente Satzstruktur Subjekt — Prädikat — Objekt;
- weitgehende Vermeidung des Genitivs;
- weitgehende Vermeidung von komplexeren Zahlenangaben und Substitution durch *viel* bzw. *wenig*;
- weitgehende Vermeidung von Fremdwörtern bzw. Gebrauch mit unmittelbarer Erklärung;
- weitgehende Vermeidung von Abstrakta;
- häufige Auftrennung von Komposita durch Verwendung von Bindestrichen;
- weitgehende Vermeidung von Metaphern und Metonymien;
- typografische Vereinfachung (durchgehend linksbündige Schreibung, einfache Absatzstrukturen etc.);
- Verwendung von erläuternden Sprache-Bild-Kombinationen.

¹¹ Auf Grund der Komplexität der Thematik und der Vielzahl der hiermit verbundenen praktischen, aber auch theoretischen (insbesondere sprachwissenschaftlichen) Aspekte kann hier nur ein grober Überblick gegeben werden. Ausführlicheres dazu findet sich beispielsweise bei (Bredel, Maaß 2016).

Aus der Spezifik der Leichten Sprache als geplanter Varietät resultiert, dass es für sie kodifizierte Regeln gibt, die speziell vom „Netzwerk Leichte Sprache“ festgelegt werden.¹² Die Idee der Leichten Sprache geht maßgeblich zurück auf die amerikanische Organisation „People First“, die in den 1990er Jahren das englischsprachige Pendant *Easy Read* entwickelte. Frühere Ansätze gab es allerdings schon in Schweden. Seit Ende der 1990er Jahre gibt es im deutschsprachigen Raum Initiativen, die sich für die Umsetzung der Idee im Deutschen einsetzen und die Verwendung Leichter Sprache propagieren.

Es gilt inzwischen als anerkannt, dass mit Leichter Sprache die oben benannte Zielgruppe einen besseren Zugang zu den so formulierten Informationen erhält. In Deutschland wird die Verwendung Leichter Sprache sogar durch § 11 des Behindertengleichstellungsgesetzes (BGG) gesetzlich gefördert. Die entsprechenden Absätze lauten dort:

- „(1) Träger öffentlicher Gewalt sollen mit Menschen mit geistigen Behinderungen und Menschen mit seelischen Behinderungen in einfacher und verständlicher Sprache kommunizieren. Auf Verlangen sollen sie ihnen insbesondere Bescheide, Allgemeinverfügungen, öffentlich-rechtliche Verträge und Vordrucke in einfacher und verständlicher Weise erläutern.
 - (2) Ist die Erläuterung nach Absatz 1 nicht ausreichend, sollen Träger öffentlicher Gewalt auf Verlangen Menschen mit geistigen Behinderungen und Menschen mit seelischen Behinderungen Bescheide, Allgemeinverfügungen, öffentlich-rechtliche Verträge und Vordrucke in Leichter Sprache erläutern.
- [...]
- (4) Träger öffentlicher Gewalt sollen Informationen vermehrt in Leichter Sprache bereitstellen. Die Bundesregierung wirkt darauf hin, dass die Träger öffentlicher Gewalt die Leichte Sprache stärker einsetzen und ihre Kompetenzen für das Verfassen von Texten in Leichter Sprache auf- und ausgebaut werden.“¹³

Die Verwendung der Leichten Sprache ist in der Öffentlichkeit und in der Forschung allerdings umstritten. Als Gegenargumente werden u. a. angeführt, diese Varietät sei latent bildungsfeindlich bzw. für die Zielgruppe stigmatisierend. Außerdem lassen sich kom-

¹² Vgl. <https://www.leichte-sprache.org/>

¹³ https://www.gesetze-im-internet.de/bggg/_11.html

plexe Sachverhalte und Texte auf Grund der strikten Regelungen in Leichter Sprache nicht ohne Informationsreduzierung bzw. -verlust darstellen. Die wissenschaftliche Diskussion über Chancen und Probleme, Vor- und Nachteile der Leichten Sprache ist noch nicht abgeschlossen.

Weniger stark als in der *Leichten Sprache* ist die Vereinfachung in der so genannten *Einfachen Sprache*. Diese orientiert sich an der Standardvarietät, vermeidet aber für Menschen mit geringer Sprachkompetenz komplizierte Formen und Strukturen.

Auf die Entwicklung der Sprache in ihrer Gesamtheit hat die Verwendung von Leichter oder Einfacher Sprache kaum nennenswerten Einfluss. Einer der Gründe dafür ist die Tatsache, dass es sich dabei um artifizielle Varietäten handelt, die bewusst in einem eng umgrenzten Verwendungsbereich genutzt werden. Allerdings kann die Verpflichtung, Texte in der öffentlichen, vor allem in der staatlich-offiziellen Kommunikation bei Bedarf auch in Einfacher bzw. Leichter Sprache zur Verfügung zu stellen, durchaus auch das Nachdenken darüber fördern, ob und wie beispielsweise Verwaltungssprache grundsätzlich verständlicher gestaltet werden könne. Derartige Fragestellungen, die das Bewusstsein für verständliche und einfache Kommunikation im öffentlich-staatlichen Bereich betrachten, gibt es mit einem breiteren Ansatz bereits seit einiger Zeit.¹⁴

5. Die Rolle der Dialekte heute

Ein weiteres wichtiges Thema der Entwicklung der deutschen Gegenwartssprache ist die Rolle der Dialekte heute. Diese wird teilweise kontrovers diskutiert. Unbestritten ist allerdings, dass die Dialekte der ehemaligen deutschen Ostgebiete und der anderen Siedlungsgebiete in Mittelost-, Ost- und Südosteuropa untergegangen oder vom Aussterben bedroht sind,¹⁵ jedenfalls dann, wenn keine geschlossene deutschsprachige Sprechergemeinde vor Ort mehr besteht. Bei Nachfahren der Vertriebenen werden in Deutschland und Österreich die ursprünglichen Dialekte kaum mehr gepflegt und tradiert. Hier erfolgt vielmehr eine Assimilation an die sprachliche Umgebung.

¹⁴ Den Anfang bildet mutmaßlich die Publikation „Bürgernahe Verwaltungssprache“ (1984). Diskutiert werden zahlreiche Fragen zu dieser Thematik in (Eichhoff-Cyrus, Antos 2008).

¹⁵ Dies gilt beispielsweise für Hochpreußisch, Ostpommersch, Niederländisch usw.

Eine andere Frage ist hingegen, welche Rolle die territorial angestammten Dialekte heute im Alltag in Deutschland, Österreich und in der Schweiz spielen.

Schon lange festgestellt wurde ein „weitgehender Dialektschwund“ im Bereich des niederdeutschen Sprachraumes (Ammon 1995; konkret belegt bei [Kremer, Van Caeneghem 2007]). Aber auch außerhalb des ursprünglich niederdeutschen Sprachraumes kann heute ein deutlicher Rückgang des Dialektgebrauches zugunsten regiolektaler Varietäten beobachtet werden. Vor allem im städtischen und stadtnahen Raum tritt höchstens noch eine dialektal gefärbte Alltagssprache auf, eher kann man von Regiolekten sprechen. Besonders deutlich ist der Dialektschwund bei der jüngeren Generation. Zwar wird in der Forschungsliteratur darauf hingewiesen, dass diese Personen im Alter teilweise zum Dialektgebrauch tendieren (Ammon, Dittmar, & al. 2006: 1769), doch sind die zugrunde liegenden Forschungen bereits drei Jahrzehnte alt und geben den derzeitigen Stand kaum wieder.

Im Internet und in den sozialen Medien, die heute zu den wichtigsten Kommunikationskanälen zählen, finden sich zwar, wie bereits oben erwähnt, durchaus dialektale Elemente oder auch dialektale Einfärbungen der Standardsprache, doch dezidierte Dialektformate sind selten und haben naturgemäß eine relativ geringe Reichweite. Dialektbeiträge in Rundfunk, Fernsehen und den Printmedien haben heute nur eine marginale Bedeutung. Schon in den 1990er Jahren bestätigten Studien den Rückgang des Dialektgebrauches und der Dialektkompetenz (Rein 2020: 40; Besch, Wolf 2009: 28f.). Der Relevanzverlust von Dialekt in der öffentlichen Kommunikation, aber auch im privaten Alltagsleben hat zahlreiche Ursachen: Schon seit vielen Jahrzehnten ist die überregionale Reichweite von Medien ein Faktor, der die Verbreitung der Standardsprache fördert. Durch Internet und soziale Medien wird dies noch verstärkt. Rein dialektale Texte sind zwar auch dort zu finden, sprechen aber nur einen sehr begrenzten Kreis von Rezipienten an. Selbst im lokalen Bereich kann Dialektkompetenz nicht mehr unbedingt vorausgesetzt werden. Denn die zunehmende Mobilität der Bevölkerung führt zu einer Durchmischung, die für Dialekte und ihre Verwendung destabilisierend bzw. nachteilig wirkt. Die mancherorts nach wie vor bestehende Stigmatisierung von Dialekt als provinziell trägt mutmaßlich ebenfalls zum Rückgang des Dialektgebrauches im Alltag bei. Allerdings

gibt es gerade im oberdeutschen Raum durchaus auch eine positive Besetzung des Dialektgebrauches, steht er doch für lokale und regionale Identität, bisweilen sogar als Markenzeichen. Dies belegt beispielsweise der 1999 für das Marketing des Bundeslandes Baden-Württemberg eingeführte Slogan „Wir können alles. Außer Hochdeutsch“.¹⁶

Dialektverfall und Mundartrenaissance sind zwei gegensätzliche Befunde, die seit Jahrzehnten in der dialektologischen Literatur diskutiert werden.¹⁷ Auch heute noch gibt es diese beiden gegenläufigen Tendenzen: einerseits der Rückgang des Dialektgebrauches und der Verwendungsbereiche von Dialekt sowie die verstärkten Einflüsse aus der Standardsprache auf die Dialekte, andererseits die Etablierung von bestimmten Residuen, in denen Dialekt, Regiolekt oder dialektal gefärbte Umgangssprache erwartet werden, wie insbesondere im Brauchtum, beispielsweise im Karneval, im Umfeld des Oktoberfestes oder in der (echten) Volksmusik.

Damit ergibt sich insgesamt ein ambivalentes Bild, bei dem aber tendenziell ein Rückgang des Dialektgebrauches zu verzeichnen ist und die Funktionsverengung von Dialekt auf Folkloristisches erkennbar wird.

Gänzlich anders ist die Situation in der deutschsprachigen Schweiz. Hier dringen die Dialekte und dialektale Ausgleichsformen (d. h. Dialekte mit großräumiger Strahlkraft) gegenüber der Standardsprache in immer mehr Bereichen vor (Schmidlin 2011: 65). Dies gilt selbst für die lange Zeit sehr stark durch den Standard geprägten Bereiche der öffentlichen Kommunikation in den Massenmedien, wie Fernsehen und Rundfunk (Christen 1998: 30). Eine wesentliche Ursache ist in der schweizerischen Identitätsstiftung und Abgrenzung zum vermeintlich dominanten Deutschland zu sehen, innerhalb derer auch die lokalen Dialekte eine hohe Bedeutung haben.

6. Fazit und Ausblick

An den oben näher betrachteten Bereichen konnten wichtige Entwicklungen der deutschen Gegenwartssprache dargestellt werden, die aus technischen, kulturellen und gesellschaftlich-politischen Veränderungen resultieren. Da sich im digitalen Zeitalter solche

¹⁶ Vgl. <https://www.bw-jetzt.de/>

¹⁷ Man beachte den Sammelband Stickel (1997), der mehrere Beiträge zu dieser Thematik enthält.

Veränderungen teilweise sehr schnell vollziehen, verhält sich auch der Sprachwandel dynamisch, denn Neuerungen im Alltagsleben spiegeln sich unmittelbar auch in der Sprache wider. Für die Zukunft ist daher zu erwarten, dass sich dieser Prozess der raschen Veränderung in Teilbereichen der deutschen Sprache weiter fortsetzt, möglicherweise sogar noch beschleunigt.

Zitierte Literatur / References

- Alternative für Deutschland. (2017) *Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017*. Berlin: AfD.
- Ammon, Ulrich. (1995) *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin; New York: de Gruyter.
- Ammon, Ulrich; Dittmar, Norbert, & al. (eds) (2006) *Sociolinguistics / Soziolinguistik*. Bd. 3. Berlin; New York: de Gruyter.
- Besch, Werner, & Wolf, Norbert Richard. (2009) *Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte — Zeitstufen — Linguistische Studien*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Bredel, Ursula, & Maaß, Christiane. (2016) *Leichte Sprache. Theoretische Grundlagen, Orientierung für die Praxis*. Berlin: Dudenverlag.
- Bundesverwaltungsamt, Bundesstelle für Büroorganisation und Bürotechnik. (ed.) (1984) *Bürgernahe Verwaltungssprache. Empfehlungen zu Inhalt und Darstellung*. Köln: Bundesverwaltungsamt, Bundesstelle für Büroorganisation und Bürotechnik.
- Christen, Helen. (1998) *Dialekt im Alltag. Eine empirische Untersuchung zur lokalen Komponente heutiger schweizerdeutscher Varietäten*. Tübingen: Niemeyer.
- Eichhoff-Cyrus, Karin M., & Antos, Gerd. (eds) (2008) *Verständlichkeit als Bürgerrecht? Die Rechts- und Verwaltungssprache in der öffentlichen Diskussion*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- Kremer, Ludger, & Van Caeneghem, Veerle. (2007) *Dialektschwund im Westmünsterland. Zum Verlauf des niederdeutsch-hochdeutschen Sprachwechsels im 20. Jahrhundert*. Vreden: Landeskundliches Institut Westmünsterland.
- Pusch, Luise F. (1990) *Alle Menschen werden Schwestern. Feministische Sprachkritik*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Rein, Charlotte. (2020) *Zurück nach Erp. Individueller und intergenerationaler Sprachwandel in einer ripuarischen Sprechergemeinschaft*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau.
- Schmidlin, Regula. (2011) *Die Vielfalt des Deutschen: Standard und Variation. Gebrauch, Einschätzung und Kodifizierung einer plurizentrischen Sprache*. Berlin; Boston: de Gruyter.
- Schuppener, Georg. (2020) *Basiswissen Varietäten des Deutschen*. Leipzig: Editi-

on Hamouda.

Stickel, Gerhard. (ed.) (1997) *Varietäten des Deutschen. Regional- und Umgangssprachen*. Berlin; New York: de Gruyter.

Internet-Quellen

<https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/813/1401> (2020, June 7).

https://cms.gruene.de/uploads/documents/BDK15_Geschlechtergerechte_Sprache-1.pdf (2020, June 4).

https://de.wikipedia.org/wiki/Geschlechtergerechte_Sprache (2020, June 3).

<https://de.wikipedia.org/wiki/Newsgroup> (2020, June 6).

<https://www.bw-jetzt.de/> (2020, June 15).

<https://www.derstandard.de/story/2000080640386/fpoe-kaempft-weiter-gegen-gendergerechte-sprache> (2020, June 4).

https://www.gesetze-im-internet.de/bgg/_11.html (2020, June 10).

<https://www.leichte-sprache.org/> (2020, June 23).

Georg Schuppener

St. Cyril and Method University, Trnava (Slovakia)

Language as a Mirror of Society.

Some Remarks on four Current Issues in Contemporary German Language

This article provides an insight into four current topics in contemporary German language. These are gender-sensitive language, language on the Internet, so-called easy language and the role of dialects in the present. It addresses the fundamental social, technical and cultural changes that are reflected in these areas of contemporary language. It is precisely shown here that the dynamics of language development in recent decades are evident. This is particularly evident in the field of language on the Internet. However, the development is still going on in all other areas dealt with here either, so that a final linguistic assessment is still pending.

Key words: Language change; contemporary language; dialects; internet; gender; easy language

HOMO LUDENS, FAKE NEWS UND TEXT, ODER WARUM ÄNDERN SICH DIE TEXTGESTALTUNGSPRINZIPIEN?

Einige Tendenzen bei der semantischen, syntaktischen, funktionalen Textgestaltung jeder Textsorte auf der Mikro- und Makroebene in diversen kommunikativen Räumen sind als gesetzmäßig und regulär anzuerkennen. Diese Tendenzen sind ein deutlicher Beweis für Transformationen von Textgestaltungsprinzipien: (1) Aufkommen unkonventioneller Ausdrucksmittel bei der Realisierung verschiedenartiger Strategien, darunter auch bei der Gestaltung ludophiler Texte, deren Funktionsbereich sich konsequent erweitert; (2) häufiges, intensives und bewusstes Generieren von Fake News in verschiedenen Diskursformaten; (3) Hybridisierung konventioneller Textsorten mit diffusen Grenzen zwischen den Textsorten und neuen textsemantischen, textsyntaktischen, funktionalen Gestaltungsprinzipien auf der Mikro- und Makroebene.

Schlüsselwörter: Textsorte; Textgestaltung auf der Mikro- und Makroebene; ludophile Texte; Generieren von Fake News mit sprachlichen Ausdrucksmitteln; Simulacrum; Realisierung diskursiver Strategien

1. Einführung und Problemstellung

Die Feststellung, dass Texte „Grundeinheiten der sprachlichen Kommunikation, die kohärente Folgen von Informationseinheiten/Sätzen mit kommunikativer Funktion in textsortenspezifischer Prägung“ (Heinemann, Heinemann 2002: 111-112) darstellen, ist in der linguistischen Forschung längst zur Binsenwahrheit geworden. Vor dem Hintergrund, dass grundlegende Textgestaltungsprinzipien erkannt, beschrieben und mehrfach durch die Analyse verschiedenartiger Textsorten unter Beweis gestellt worden sind, sind einige, erst seit einer kurzen Zeit zu beobachtende, Tendenzen bei der Textgestaltung besonders auffällig geworden. Solche Auffälligkeiten bei der Textgestaltung sind aber nicht so einfach zu erklären, weil auf die Gründe für anzusprechende Prozesse einzugehen heißt, unter anderem Korrelationen nachzuweisen, die es erlauben, zahlreiche heterogene Relationen zwischen Supersystemen, Systemen und Subsystemen in Bezug auf Textgenerieren und -rezipieren zu berücksichtigen. Denn bekanntlich liegt dem Textverständnis das Verstehen von der Situation mit den ihr zukommenden spezifischen und/oder aspezifischen Relationen zwischen den Objekten der außersprachlichen Wirklichkeit zugrunde (Paivio 1986).

Folglich muss dem Impuls, Auffälligkeiten bei der Textgestaltung zu erläutern, unter Berücksichtigung von diversen markanten, ja brisanten, Charakteristiken der aktuellen Kultur und Gesellschaft begegnet werden:

- Einsicht in die Beschaffenheit der Kultur heute, und zwar Postmoderne (Fiedler, L. (1969) “Cross the border — Close that gap”. *Playboy*) mit den ihr zukommenden Spezifika und verschiedenen Perspektiven beim Wahrnehmen ein und desselben Sachverhaltes bzw. Objektes;

- Bedeutsamkeit von Possible-worldstheory mit dem (bewussten) Wahrnehmen von Wahrheitswert von Sachverhalten nicht nur in der philosophischen Betrachtung, sondern auch im Alltag und in der Kunst, z. B. Fiktion, Science Fiktion;

- Entwicklung neuer Interaktionsformen mit entsprechenden Diskursformaten, die Simulation, Entstehung von Simulacrum, von Simultaneität zu begleitenden Phänomenen, Public Relations u. a.;

- Erkenntnis von subkulturell relevanten Differenzen mit Spezifika in der Massen- und Jugendkultur sowie Vorliebe für neue Interaktionsformen wie Events, Performance u. dgl.;

- Entwicklung neuer Gattungen in der Kunst wie visuelle Poesie und Experiment sowie Pop Art, Popkultur, Popliteratur, Popmusik mit der ihnen zukommenden Polyphonie diverser Äthiologie;

- Aufkommen von neuen Darbietungsformen wie Aktionskunst, Straßentheater, Performance, Spieltheorien, Funkult, Karnevalismus, Sport u. a. m. (oder neue Varianten der altbekannten Darbietungsformen);

- Transformation von zahlreichen Prozessen, die so oder anders mit den Kultur-Codes, d. i. mit den semiotischen Regularitäten verbunden sind, darunter Einfluss der Multikulturalität auf die Gesellschaft und Mentalität der Sprach- und Kulturteilhaber, Einfluss der Medien auf Wahrnehmungsmuster sowie auf das Kategorisieren und Konzipieren der wahrzunehmenden Wissensbestände;

- neue Formen beim Zeitvertreib, in der Freizeitkultur, Rezeption des Vergnügens als dominierender Einstellung für verschiedene Kategorien von Menschen, um einige Aspekte der angeschnittenen Relationen anzusprechen (s. eingehender in [Erl 2011; Fix 2008; Keller u. a. 2005; Konzepte der Kulturwissenschaften 2003; Kupsch-Losereit 2007; Metzler Lexikon 2000; Metzler Lexikon 2001; Tsvasman 2006; Анисимова 2019]).

Außerdem ist die Globalisierung mit entsprechender Identitätssuche durch Sprach- und Kulturteilhaber und deren Interesse für Ethnizität nicht zu vernachlässigen. Der sich immer deutlicher in fast allen kommunikativen Bereichen durchsetzende Karnevalismus als Kulturströmung, „die subversiv bestehende Ordnungen von Innen heraus durchbricht und erstarrte Gegensätze auflöst“ (Metzler Lexikon 2001: 302), beeinflusst, dass solche Erscheinungen die Textgestaltung grundsätzlich bedingen und den Text durch kognitive Metaphern, Intertextualitätsbezüge und Komik inhaltlich bereichern.

Die erwähnten Prozesse werden von diversen Umstrukturierungserscheinungen in verschiedenen Bereichen begleitet. Zu nennen sind neue Funktionsbereiche für die Sprache und die Auffassung der Sprache als Kommunikations- und Kognitionsmittel und/oder Kulturcode, Auffassung des Textes, wobei nun nicht nur schriftliche bzw. mündliche in Betracht gezogen werden, sondern auch kommunikative Produkte in der computergestützten Kommunikation. Die Folge davon sind Erweiterung der Interaktionsbereiche (z. B. Interkulturelle Kommunikation, Medien usw.), Informations„flut“ mit neuen kommunikativen Instrumenten, Kanälen, Bereichen. Eine immer intensiver werdende Lebensweise von verschiedenen sozialen Gruppen — mit der Beschleunigung¹ als Folge davon — führt zum Aufkommen neuer Strategien wie Rückmeldung in der Interaktion, Gleichbehandlung von Mann und Frau, Flaming, Trolling, Prunk, Generieren von Simulacrum und Fake News usw. (s. eingehender in [Анисимова 2019; Гришаева 2014; Erll 2011; Freudenberg-Findeisen 2016;

¹ Interessant ist es, welche Begriffe im Alltag als Grundbegriffe interpretierbar sind: Beschleunigung, Entpersönlichung, Entmenschlichung, Globalisierung, Technisierung, Informationsflut, Individualismus, Identitätssuche, Singledasein, erhöhte Lebensqualität, erhöhte Umweltbelastung, stressige Lebensweise, Standardisierung u. a. Vergleichbar ist auch die Liste von Grundbegriffen in einer wissenschaftlichen Abhandlung; vgl.: Kulturwissenschaft, multiperspektivisch, Kulturbegriffe, Kulturtheorien, Kultursemiotik, Literaturwissenschaft als Kulturwissenschaft, Kulturanthropologie, Historische und literarische Anthropologie, New Historism, Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen, Kulturgeschichte, Kulturraumstudien, Kultursoziologie, Kulturpsychologie, Kulturökologie, Kulturwissenschaftliche Xenologie, Interkulturelle Kommunikation, Geschlechterforschung, Medienkulturwissenschaft (Konzepte der Kulturwissenschaften 2003) (vgl.: [Erll 2011; Keller u. a. 2005; Metzler Lexikon 2003]).

Grischaewa 2016; Konzepte der Kulturwissenschaften 2003; Metzler Lexikon 2000; Metzler Lexikon 2001]).

Zu den rein sprachlichen Reflexen sind auch solche zu zählen, die mehr oder weniger als traditionell gelten: Entlehnungen, Fremdwörter, Unterschiede von Funktionsbereichen der Wortbildungsmuster, diverse lehnsyntaktische Erscheinungen, Transformation der Relation Proposition \Leftrightarrow syntaktische Struktur (s. z. B. eine eingehende Analyse von entsprechenden Erscheinungen, auf die Linguisten im letzten Drittel des 20. Jahrhunderts aufmerksam geworden sind, in: Drosdowski 1988). Wichtiger sind aber neue Textgestaltungsprinzipien, die zu Transformationen von Textsortenmustern, die durch den Einfluss von interkulturellen Kontakten beeinflussbar sind, führen. Auflockerung der Funktionsstile, diffuse Grenzen zwischen den einzelnen Textsorten, Transformation der Beziehung Mündlichkeit \Leftrightarrow Schriftlichkeit, Dialog \Leftrightarrow Monolog als Folge der Sprachverwendung in einer Interaktion, was um die Jahrhundertwende und Anfang des 21. Jahrhunderts besonders auffällt und mitunter auch als Neuerung in der betreffenden Sprache aufzufassen ist.

Als Beleg für die angesprochenen Erscheinungen kann ein Auszug gelten (s. das Beispiel (1)² unten: ein ludophiler Text, ludophile Kommunikation). Übrigens fällt den Sprach- und Kulturteilhabern die inhaltliche Interpretation von hervorgehobenen Einheiten recht schwer, und nicht unbedingt bleibt sie adäquat, wenn deren Enkulturation (primäre Sozialisation) im 21. Jahrhundert stattgefunden hat:

- (1) *Hinter der „**Bonzenschleuder**“ steht der morgendliche Städteschnellverkehr der Deutschen Reichsbahn (die hieß tatsächlich noch so!), der diverse **Leitungskader** zu Besprechungen in die Ministerien brachte. Auch die Dienstwagen der **SED-Funktionäre** wurden so genannt. Die „**Rennrappe**“, das war der legendäre Kleinwagen „Trabant“ vom **VEB** Automobilwerk „Sachsenring“, wegen der Kunststoffkarosse degradierte ihn der sächsische Volksmund gnadenlos zur „**Babbe**“ (Lange 2000: 24).*

Die Forderung, bei der Analyse von Sprachverwendung in der Interaktion konsequent die Relationen zwischen Supersystem — System — Subsystem zu betrachten, ermöglicht es, die Relation neue Interaktionsformate \Leftrightarrow neue Textsorten als textrelevanten Faktor zu

² Im vorliegenden Beitrag werden meistens Textbeispiele auf Deutsch angeführt, was aber keinesfalls bedeutet, dass Tendenzen in der Verwendung nur der deutschen Sprache ins Auge gefasst werden.

berücksichtigen. Zu nennen sind in diesem Zusammenhang in erster Linie das Dokudrama, Bildergeschichten, Comics, SMS u. a. m., denen neue Prinzipien zugrunde liegen, Wissensbestände zu strukturieren, das Wissen zu kodieren und zu dekodieren sowie dieses unter konkreten kommunikativen Bedingungen zu vermitteln. Deutlich erkennen lassen sich neue Funktionsbereiche und neue Funktionen im Textganzen für Tabellen, Schemata u. dgl. Deutlich nachweisbar sind auch die neue Relation Verbales \Leftrightarrow Nonverbales im Textganzen sowie neue semiotische Mittel (neue Kulturcodes?), d. i. Zeichen in einem Text parallel zur „normalen“ Schrift wie ☺,), -), XXX, neue morphologische Formen (Inflexive etwa wie *lach**, *schreib**, *ess** im computergestützten Diskurs).

Erwähnte Neuerungen sind mit Sicherheit als Marker für neue Tendenzen bei der semantischen und syntaktischen Textgestaltung auf der Mikro- und Makroebene bzw. als Marker für Transformationen konventionaler Textsorten zu deuten. In diesem Zusammenhang ist es sinnvoll, an die Feststellung von Roland Posner zu erinnern, der sich mit ursächlichen Beziehungen zwischen Kulturcodes, deren Verwendungsweisen in einer Interaktion und Beschaffenheit der Sprach- und Kulturteilhaber intensiv auseinandersetzt, indem er verschiedene verbale und nonverbale Möglichkeiten, das kulturspezifische Wissen zu fixieren, miteinander konfrontiert:

„Mit den Verfahren der Textformulierung, Ritualisierung, Gattungsbildung, Grammatikalisierung und Monumentalisierung speichert jede Kultur bestimmte Handlungsmuster, die sich im Laufe ihrer Evolution als wichtig erwiesen haben“ (Posner 2003: 65).

Belegt werden kann die zu besprechende Regularität mit dem Beispiel (2), welches eindeutig auf die Angewiesenheit der Textgestaltung auf kulturspezifische Besonderheiten, das kommunikativ relevante Wissen in einer Interaktion zu vermitteln, hinweist. Insbesondere beachtenswert ist z. B. die kulturspezifische Reihenfolge vom aktivierten Wissen über ein und denselben Wissensbestand in ein und derselben Textsorte in verschiedenen Kulturen beim Vermitteln des entsprechenden Wissens. Zu berücksichtigen sind auch auffallende — und selbstverständlich kognitiv relevante — Unterschiede beim direkten Appell des Textproduzenten an die Kundenschaft, die im Beispiel (2: Gebrauchstext, Alltagskommunikation) hervorgehoben werden:

- (2) *Feinste Zutaten und die köstliche Vielfalt der Variationen — meisterlich zubereitet — haben merci Finest Selection so berühmt gemacht. **Genießen Sie** merci Finest Collection „Stück für Stück“ in ihrer ganzen Vielfalt. Le mélange raffiné des ingrédients sélectionnés et la délicieuse diversité de l'assortiment confectionné par nos maître chocolatiers ont fondé la renommée de merci Finest Selection. **Découvrez et dégustez** l'une après l'autre les spécialités de merci Finest Selection.*
*Finest ingredients and delicious selection of chocolates created by master confectioners have made merci Finest Selection such word-wide favourite. **Enjoy** merci Finest Selection in all its variety.*

Die Analyse von solchen Textbeispielen liefert überzeugende Belege dafür, dass die Sprache über verschiedenartige Verbalisierungsmechanismen, das in einer Interaktion erkannte Wissen zu speichern und abzurufen, verfügt; vgl. die Meinung von Ernst von Glaserfeld:

„Unter Wissen³ verstehen wir Abstraktionen aus der Erlebenswelt, von denen wir annehmen, dass sie Erlebtes — d. h. Situationen, Tatsachen, Begriffe, Ideen, Zusammenhänge und Theorien — zutreffend repräsentieren und für zukünftiges Handeln eine verlässliche Basis bilden“ (Glaserfeld 2006: 333).

Vor diesem Hintergrund können die Textgestaltungsprinzipien durch Leitsätze der Wissensmanagement-Theorien⁴ erläutert werden, d. h. die aktive Steuerung von Wissen in der menschlichen Praxis in Betracht ziehend. In Bezug auf die Textproduktion und -rezeption heißt das, solche Prozesse wie Wissensgenerierung, Wissensspeicherung, Wissensrepräsentation, Wissensverteilung, Wissensnutzung zu betrachten. Unter diesem Blickwinkel sind folgende Fragen berechtigt: Wie werden Wissensbestände in der Kommunikation gegliedert? Welches Wissen wird in der Kommunikation als kognitive Figur in den Vordergrund gerückt? Dies bedeutet auch, zahlreiche kognitive Prozesse beim Rezipieren von Wissen — Verarbeiten von rezipiertem Wissen — dessen Abrufen/Aktivieren (Kategorisieren und Konzeptualisieren) — dessen Co-aktivieren — dessen Codieren — dessen Ver-

³ Zu beachten ist, dass heute konsequent zwischen Wissen und Information unterschieden wird, was auf die Vorstellung Ludwig Wittgensteins zurückzuführen ist.

⁴ Vgl. die Meinung von Gertraud Koch, die das Wissensmanagement als theoretisches Konstrukt beschreibt: „der ergebnisorientierte Einsatz von Wissen für den Unternehmenserfolg, der sich in Form von Innovationen, Absatzsteigerungen und Ähnlichem niederschlägt“ (Koch 2006: 338)

mitteln in einer Interaktion — dessen Decodieren (Kategorisieren und Konzeptualisieren) zu berücksichtigen. Mit anderen Worten heißt es, mentale und syntaktische Strukturen auf kommunikative Strukturen und sie alle aufeinander zu beziehen (s. eingehende Überlegungen in [Bücker 2012; Dietze 1989; Keller u. a. 2005; Nord 2014]). In einer Analyse von Texten als kommunikatives Ergebnis sind aber auch die Relationen linear — hierarchisch // objektiv — subjektiv // konventionell — okkasionell // universell — kulturspezifisch // allgemeingültig — individuell // gesetzmäßig — zufällig⁵ in Betracht zu ziehen.

Wie wichtig Textgestaltungsprinzipien sind, können folgende Gebrauchstexte (s. das Beispiel 3: Gebrauchstext, Alltagskommunikation) belegen, die einleuchtend genug sind, wie verschieden Texte als kommunikative Produkte sind, auch wenn sie ein und dieselbe Textsorte exemplarisch darstellen. Zu beachten sind diverse Wahrnehmungsperspektiven, die in verschiedenen Kulturen beim Textgenerieren bevorzugt werden: Prozess vs. Eigenschaft oder Gegenständlichkeit. Mit anderen Worten lassen sich beim Vergleich von verschiedenen Standpunkten aus — vom kognitiven, aktionalen, syntaktischen, morphologischen, lexikalischen (s. das Beispiel 3) — nachweisen:

- (3) Texte gleicher Textsorte (Gebrauchstext) mit identischer Funktion (Beteiligung am Kauf und Verkauf zwecks Regelung des Kunden-Verhaltens) in verschiedenen Kulturen im identischen Funktionsbereich (Alltag):
englisch: *Sample — Not for individual sale*;
französisch: *Echantillon — Ne peut être vendu séparément*;
deutsch: *Probe — Nicht verkäuflich*;
italienisch: *Campione gratuito — Vietata la vendita*;
spanisch: *Muestra — Prohibida su venta*;
portugiesisch: *Amostra — Não pode ser vendida separadamente*;
niederländisch: *Sample — Niet voor individuele verkoop*.

⁵ Prozesse, die das Wissensmanagement begleiten, sind auch im aktuellen akademischen Diskurs ein wichtiges Thema zahlreicher Diskussionen. Angestrebt werden dabei in erster Linie Kompetenzen als „eine dynamische Kombination aus Wissen, Verstehen und Fähigkeiten“ (Glossary 2006: 59), damit die akademische Ausbildung den aktuellen Anforderungen gerecht bleibt. Dies ermöglicht Wissenserschließung, Wissensvertiefung, Wissensverbreitung, was verschiedene instrumentale und systemische Kompetenzen konsequent vervollkommen lässt.

Es ist auf den ersten Blick erkennbar, wie verschieden in verschiedenen Kulturen Sprach- und Kulturteilhaber ein und dieselbe außersprachliche Situation wahrnehmen und den jeweiligen Wissensbestand konzipieren: statisch (*Not for individual sale*) bzw. prozessual (*Vietata la vendita*). Sie rücken bestimmte Merkmale für einen Gegenstand in den Vordergrund (*Probe — Nicht verkäuflich*) oder den Prozess als Ganzes (*Ne peut être vendu séparément*).

Von Interesse ist auch, dass der Prozess durch sprachliche Formen entweder vergegenständlicht wird (*sale — verkoop*) oder als Verbalform (*être vendu*) zum Ausdruck gebracht wird. Syntaktische Strukturen, die die Erkenntnisse über die Situation verbalisieren, sind auch verschieden: eine positive (*Vietata la vendita*) bzw. eine negative (*Ne peut être vendu séparément*), eine adjektivische⁶ (*Nicht verkäuflich*), eine substantivische (*Not for individual sale*) bzw. eine verbale (*Prohibida su venta*), tritt als Ellipse (*Niet voor individuele verkoop*) oder als vollständiger Elementarsatz (*Ne peut être vendu séparément*) auf.⁷

Ein und dasselbe Merkmal wird auch verschieden bezeichnet: als statisches Merkmal (*séparément — verkäuflich — individual sale — separadamente*) oder als dynamisches Merkmal, das mit der Idee der Zeit verbunden ist (*Prohibida su venta*), als Merkmal eines Gegenstandes (*Niet voor individuele verkoop — Not for individual sale*) oder als Merkmal eines Prozesses (*Não pode ser venida separadamente — Ne peut être vendu séparément — Campionegratuito*).

Auch die Perspektive, von der die Situation wahrgenommen wird, unterscheidet sich sehr: Im Vordergrund ist entweder die Ware (*Probe*) mit einer der zahlreichen Charakteristiken (*Nicht verkäuflich*) oder die Ware (*Sample*) mit der Bezeichnung eines Prozesses, in den diese Ware einbezogen wird (*Not for individual sale*), oder auch

⁶ Adjektivisch — substantivisch — verbal sind Strukturen, die ein und denselben Sachverhalt bezeichnen, sie werden laut Hennig Brinkmann aufgrund der Ausdrucksmöglichkeit für das syntaktische Prädikat (Verbalsatz) und den Prädikativ (Adjektiv- bzw. Substantivsatz) unterschieden. Dadurch wird ein und derselbe Wissensbestand verschieden konzipiert und profiliert (Brinkmann 1971): als Mitteilung (Verbalsatz), Klassifizieren (Substantivsatz), Charakterisieren (Adjektivsatz).

⁷ Vor dem genannten Hintergrund sind die erwähnten Charakteristiken von Bedeutung, weil ein und derselbe Wissensbestand verschieden profiliert und dementsprechend konzipiert wird. Dies ist an den syntaktischen und textgrammatischen Verbalisierungsmechanismen deutlich erkennbar.

sind aus der Sicht der Sprach- und Kulturteilhaber der Prozess sowie die Intention der Handlung (*Prohibida su venta*) eindeutig zu nennen.

Das anbietende Stück kann mit einer lexikalischen Einheit vager Semantik (Hyperonym: *Probe* — *Echantillon* — *Muestra*) bezeichnet werden, wohl aus dem Grunde, das Allgemeine in der betreffenden Tätigkeit (*Kauf* — *Verkauf*) anzusprechen. Die vorgenommene Analyse stellt also eindeutig unter Beweis, wie wichtig es ist, die angesprochenen Verbalisierungsmechanismen als Grundlage beim Deverbalisieren und Verbalisieren vom Wissen zu berücksichtigen.

Ein weiteres Beispiel ist als Beleg für neue Textgestaltungsbesonderheiten aufzufassen. Zu beachten sind Ausdrucksmittel, die nun in der Textsorte Speisekarte eingesetzt werden und die heutzutage, wo Speisekarten fast ausnahmslos multimodal sind, auffallen. Dies betrifft vor allem lexikalische, phraseologische, stilistische, orthographische, syntaktische und sogar morphologische Ausdrucksmittel und Textgestaltung (Gestaltungsprinzipien von narrativen und explikativen Texten) sowie intertextuale Bezüge, die in der Textsorte Speisekarte nicht nur unkonventionell sind, sondern sehr auffallen, ungewöhnlich sind und geradezu als Blickfang wirken (s. das Beispiel 4: Gebrauchstext (Speisekarte): Alltagskommunikation):

- (4) Auszug aus einer Speisekarte (im Original als multimodaler Text existierend) (s. markierte Ausdrucksmittel):

Kartoffelhaus Nr. 1

Grünzeug und mehr...

nun haben wir den Salat <...>

Diese Suppen müssen Sie schon selber auslöffeln... <...>

Für unsere „Fleischfresser“...<...>

Eine feine Fülle in der Kartoffel als Hülle! <...>

Aus aller Welt und „Meer“! <...>

Sie haben die Qual der Wahl! –

Wählen Sie die Beilage zum Mahl! <...>

Die Bratkartoffel <...>

eventuell... <...>

Kartoffelsalate aus Nah und Fern...

welchen **hätten Sie** gern? <...>

...der süße Abschluss! <...>

Oder schauen **Sie** einfach in unsere Eiskarte <...>

Für unsere kleinen Gäste <...>

Alle oben angeführten Text-Beispiele machen deutlich, welche Theorien als Grundlage für Forschung und Interpretation von ge-

wonnenen Erkenntnissen aus vielen Bereichen und Forschungsergebnissen gelten können. Diese ist aus verständlichen Gründen Text- und Diskurstheorie in verschiedenen Versionen und Wissensmanagement.

Die Ursache dafür ist einerseits das Wesen des Textes und seine Rolle in der Kommunikation von Mensch zu Mensch, denn beschrieben und verstanden werden Texte „nur unter Rekurs auf Sprachbenutzer und deren über das Sprachwissen hinausgehende Wissensbestände sowie unter Rekurs auf Faktoren wie Situation, Intention etc., d. h. eigentlich pragmatisch-kommunikationstheoretische Begriffe und Konzepte“ (Drosdowski 1995: 803).

Andererseits ist der Grund für die angedeutete Entscheidung die Einsicht in die Beschaffenheit der modernen Gesellschaft. So spricht Leo Tsvasman von der modernen Epoche als Informationszeitalter und Informationsgesellschaft (Tsvasman 2006: 134), nennt unsere heutige Gesellschaft Wissens-, Erlebnis-, Risikogesellschaft, die sich durch „radikale technologische Innovationen, die zunehmend alle Komplexe der Vergesellschaftung (Wirtschaft, Kultur, Politik sowie Alltag bzw. Lebensweise) betreffen“, auszeichnet (Ibid.). Für diese Gesellschaft ist „quantitative Zunahme der Informationen mit dem beobachtbaren gesellschaftlichen Wandel“ (Tsvasman 2006: 134) sowie solche Merkmale bzw. Tendenzen wie Medialisierung, Virtualisierung, Kommerzialisierung, Individualisierung, Erlebnisorientierung charakteristisch.

Das empirische Material und Untersuchungsmethoden

Das dargestellte Forschungs-Vorhaben lässt auch mit Sicherheit den Text, diese inhaltliche, intentionale, funktionale, formelle, kommunikative Ganzheit, als konstitutive Einheit und als Analyseeinheit verstehen und längst bewährte textgrammatische Verfahren in Verbindung mit kognitiven und diskursiven anwenden. Dabei sind Texte diverser Textsorten zu analysieren, weil grundlegende Textgestaltungsprinzipien in den Vordergrund gerückt werden. Informativ ist in diesem Sinne der Vergleich von den oben angeführten Beispielen 1-4, die absichtlich der Alltagskommunikation entnommen worden sind, um die Vielfalt von inhaltlichen und formellen Variationen bei der Textgestaltung zu zeigen. Solche Merkmale wie gleicher kommunikativer Bereich (Alltag), vergleichbare Intentionen und Motive (Konsumieren von diversen Konsumgütern), kommunikative Kategorie von Interaktanten (Konsumierende) ei-

nerseits und verschiedenartige kommunikative und kognitive Aufgaben in der Interaktion, heterogene diskursive Bedingungen etc. andererseits veranschaulichen die Vielheit von Sprachverwendungsweisen sowie Variabilität von Textgestaltungsprinzipien bei der Realisierung einer Textsorte.

Untersuchungsergebnisse und deren Besprechung

Verallgemeinernd lassen sich einige Auffälligkeiten beim Textgenerieren und -rezipieren verfolgen (s. eingehender z. B. in [Анисимова 2019; Гришаева 2014; 2018; Fix 2008; Freudenberg-Findeisen 2014; 2016]), die als wichtiges theoretisch relevantes Ergebnis zu behandeln sind:

- intensiver Einsatz des Komischen in dafür spezifischen Diskursen: wissenschaftlichem, didaktischem, politischem, kulinarischem, theologischem, religiösem, akademischem, Mediadiskurs u. a.;
- Aufkommen neuer, *unkonventioneller* Ausdrucksmittel und Strategien beim Generieren des Komischen;
- Realisierung ludophiler Strategien bei der Lösung diverser wissenschaftlicher, didaktischer, politischer, publizistischer und theologischer Aufgaben mithilfe von spezifischen und aspezifischen heterogenen sprachlichen Ausdrucksmitteln;
- Erweiterung des Funktionsbereiches von Manipulation als diskursive Strategie und als Technik beim Textgenerieren, in dem verschiedenartige kommunikative und kognitive Aufgaben gelöst werden;
- Erweiterung des Funktionsbereiches von Textsorten wie Comics, Karikaturen, Dokudrama, Witz, Show usw.;
- Erweiterung vom Komplex isofunktionaler Ausdrucksmittel, die sich auf eine bestimmte kommunikative und kognitive Aufgabe spezialisieren;
- eine immer zunehmende Rolle von Medientexten in beinahe jedem Diskursformat;
- ein immer intensiver werdendes Generieren der Fake News in diversen Diskursformaten für verschiedene Zwecke und Generieren von Texten mit einem weit gefächerten Manipulationspotential⁸;

⁸ Leo Tsvasman definiert die Manipulation als „Interaktion, die eine tendenziell absichtliche und interessengeleitete Handlungsbeeinflussung unterschwellig ggf. zum fremden Nutzen bezweckt“ (Tsvasman 2006: 226). Vassilij Pugatschow nennt längst bekannte und detailliert beschriebene Verfahren der Manipulation: Halbwahrheit, Etikettierung, Euphemismen,

- Befolgen von diversen aspezifischen Mustern für die sprachliche Bewältigung außersprachlicher Situationen;
- Einfluss auf die Wahrnehmungs-, Kategorisierungs- und Konzeptualisationsprozesse von wahrgenommenem Wissen sowie Handlungen der Rezipienten in der realen Welt;
- Aufkommen von hybriden Texten in verschiedenen Bereichen mit verschiedenen Folgen:
 - diffuse Grenzen zwischen den einzelnen Textsorten (Unterschiede in der semantischen und syntaktischen Mikro- und Makrostruktur);
 - Aufkommen von neuen Textsorten mit der Möglichkeit, konventionalisiert zu werden;
 - Erweiterung des Funktionsbereiches der Sprache als Kulturcode;
- Zunahme von semiotisch heterogenen (multimodalen) Texten in verschiedenen kommunikativen Bereichen;
- intensives Generieren von Fake News nicht nur im Medientext sondern auch in anderen Diskursformaten;
- Zunahme von Texten verschiedener Sorten, die kognitive Metaphern⁹ enthalten bzw. denen diese zu Grunde liegen; usw.

Als Folge davon ist eine beinahe selbstverständliche Transformation von Textgestaltung in textsemantischer, textsyntaktischer, funktioneller, semiotischer Sicht wie auch Veränderungen des Funktionsbereiches und Funktionspotentials von diversen Textsorten.

So lassen sich solche Verwendungsweisen von sprachlichen Ausdrucksmitteln beobachten, wobei sich die wiederholte negative Wertung in einem Medientext in ihr Gegenteil verwandeln kann. Die

Schweigespirale u. a. (Pugatschow 2006: 230-232).

⁹ Die kognitiven Metaphern sind sehr verschieden: „einmalig“ und zufällig (okkasionell); „gesetzmäßig“, aber „zufällig“; „gesetzmäßig“ und regulär (s. Text-Beispiele oben). Dies hängt sehr eng mit den in der Kultur aktuellen Erwartungsnormen und allgemein gültigen Konventionen sowie mit den Besonderheiten der Kreativität von der Sprechfähigkeit eines konkreten Sprach- und Kulturteilhabers zusammen. Kognitive Metaphern sind in einer transphrastischen Einheit oder in mehreren transphrastischen Einheiten sowie im Textganzen nachweisbar, was durch die Beschaffenheit der in der Interaktion zu realisierenden diskursiven Strategie bedingt ist. Nicht selten ist das Zusammenspiel von Metaphern im Textganzen als eine interessante Technik beim Textgenerieren zu deuten.

Wiederholung von negativen Charakteristiken unterstützt das beabsichtigte kommunikative Ziel kaum oder nur bedingt. Zu unterscheiden sind auch Medientexte, die das Manipulieren als Ziel absichtlich verfolgen, und Medientexte, die das Manipulieren als so genannten Kollateralschaden verursachen (s. z. B. eine detaillierte und komplexe Analyse von solchen Erscheinungen in [Гришаева 2014; 2018]).

Die skizzierten erläuterten Erkenntnisse über die Textgestaltungsprinzipien sind auch linguistisch und didaktisch gesehen von Bedeutung. Der Grund dafür ist die Notwendigkeit, bei der Ausbildung einer Fachperson im Bereich Linguistik/Philologie Allgemeinwissen, Fachwissen, Fertigkeiten, Kompetenzen, die eine beruflich ausgebildete Fachperson benötigt, auszugrenzen, d. i. aus einem größeren Ganzen herauszunehmen, bevor entsprechende fachliche Grenzen überschritten werden. Dies bedeutet unter anderem, theoretische, didaktische, methodische Grenzüberschreitungen zu begründen und angemessene didaktische Lehr- und Lernstrategien zu entwickeln sowie den Erwerb von linguistischen, d. h. fachlichen, Kompetenzen in einen größeren Kontext zwecks Erwerbs von kognitiven, individuellen, sozialen, strategischen Kompetenzen einzubetten.¹⁰

Als eine der zahlreichen verschiedenartigen Folgen von zu beobachtenden Tendenzen ist unter anderem die Erweiterung des Funktionspotentials von Ausdrucksmitteln in einem für sie neuen Funktionsbereich zu nennen. Die angesprochene Erscheinung ist deswegen von besonderem Interesse, weil in solchen Fällen paradigmatische Eigenschaften der eingesetzten heterogenen Ausdrucksmittel oft deren syntagmatischen widersprechen: Denn der Diskurs generiert neue Bedeutungen und Sinnzusammenhänge, und der unkonventionelle Gebrauch bedingt so oder anders die potentielle Änderung im Häufigkeitsvorkommen in einem für die in Frage kommenden sprachlichen Ausdrucksmittel neuen Diskursformat und im Endeffekt die Änderung deren Funktionspotentials sowie die der semantischen und syntaktischen Textgestaltung auf der Mikro- und Makroebene. Die Änderung von Textgestaltungsprinzipien ist an den Strukturen, die im Textganzen wirksam sind, deutlich erkennbar: vor allem an der Struktur von nominativen, konno-

¹⁰ Vgl. in diesem Zusammenhang Zielsetzung und Fragestellung der akademischen Tätigkeit vor dem Hintergrund der Ausbildung von Fachpersonen an europäischen Universitäten z. B. in (Glossary 2006).

tativen, aktionalen Ketten, an der Entfaltung von Thema-Rhema-Progression im Textganzen (vgl. miteinander angeführte Beispiele, insbesondere das Beispiel 4).

Als weitere Marker für zu besprechende Tendenzen beim Textgenerieren können auch folgende Erscheinungen gelten:

- paradigmatisch neutrale Ausdrucksmittel werden beim Generieren von ludophilen bzw. satirischen Texten verwendet, so dass die humoristische bzw. satirische Wirkung in erster Linie durch Textgestaltungsmittel und nicht durch den Einsatz von spezifischen Stilistika erreicht wird (s. das Beispiel 1);

- ludophile Strategien und deren spezifische und/oder aspezifische Ausdrucksmittel werden in wissenschaftlichen, politischen, didaktischen u. a. Diskursformaten und/bzw. Textsorten realisiert. Als Folge werden ludophile Texte unter für sie atypischen Bedingungen generiert (s. das Beispiel 4).

Aktuelle verschiedenartige Medientexte sind reich an Fake News, wobei diese entweder bewusst (d. i. ein bestimmtes Ziel verfolgend) oder ungewollt (d. i. gegen jede Erwartungsnorm, okkasionell) unter diversen Bedingungen in Verbindung mit Gestaltungsprinzipien von Texten und Interaktionen durch die Kommunikanten mit verschiedenartigen Eigenschaften generiert werden. Die Fake News, die bewusst konstruiert werden, werden öfter von Sprach- und Kulturteilhabern als solche erkannt und rezipiert. Zweitere sind für Interaktanten unerwartet und aus diesem Grund nicht mit Sicherheit als solche erkennbar und rezipiert. Solche Fake News scheinen im Diskurs zu dominieren, weil in den entsprechenden Texten Wirklichkeit, Fiktion und Virtualität so vermischt werden, dass der Rezipient „auf sie reinfällt“, wie sich Gerd Antos diesbezüglich äußert (Antos 2017). Indem Antos sich mit dem Rezipieren von Fake News auseinandersetzt, hält er es für wichtig, die Beziehung Wunder und Fake News (Ibid.: 18) zu besprechen. Der Grund dafür ist die kausale Relation Fiktion + Realität + Fake News \Rightarrow Tatsache(n) und Tatsache(n) \Rightarrow Fake News mit gegenseitiger Wirkung.

Dieser Interpretation kann zugestimmt werden, weil die Sprach- und Kulturteilhaber im Mediendiskurs konsequent mit der Konstruktion der Wirklichkeit (in diversen Versionen) konfrontiert sind, dabei ist ohne Appell an konventionelle Denkmuster kaum auszukommen. Beim Generieren von Fake News werden auch konventionelle Ausdrucksmittel für bestimmte Strategien stark beansprucht,

d. h. gewohnte und sich bewährte Denkmuster werden beim Konzeptualisieren und Kategorisieren aktiviert. Bestätigt werden kann dadurch, dass die Fake News mithilfe heterogener sprachlicher Ausdrucksmittel und Textgestaltungsverfahren in verschiedenen Textsorten mit verschiedenartiger inhaltlicher und formeller Textgestaltung, in verschiedenen kommunikativen Bereichen durch verschiedene Subjekte unter verschiedenen kommunikativen Bedingungen in verschiedenen Kulturräumen und mitunter für ähnliche kommunikative Ziele konstruiert werden. Die Fake News sind deshalb als Mittel, diverse Manipulationsstrategien im Diskurs gezielt bzw. ungewollt zu realisieren, zu deuten. Die typischen Subjektkategorien, die Fake News gezielt generieren, sind wohl Homo ludens, Homo politicus sowie Künstler, diverse Medienleute etc., für die die Konstruktion von fiktiver Wirklichkeit bzw. Virtualität eine der wichtigsten Aufgaben ist. Als Indiz dafür gilt die Realisierung von ein und derselben Strategie (darunter auch die wiederholte Konstruktion von Fake News bzw. Simulacrum) im Laufe eines längeren Zeitabschnittes mit denselben Ausdrucksmitteln und Aktivieren derselben Wissensbestände in verschiedenen Kulturen, z. B. zahlreiche Medientexte über „das aggressive Russland“ mit dem „aggressiven Gas“ und dem „aggressiven, heimtückischen, allmächtigen, allwissenden Putin“, die angebliche Argumente enthalten, deren Unangemessenheit — Unaufrichtigkeit und sogar Verlogenheit — den meisten Sprach- und Kulturteilhabern evident ist, usw.

Die Frage danach, warum solche Medientexte mit den Fake News nichtsdestotrotz intensiv konstruiert werden, kann damit beantwortet werden, dass die Fake News einen direkten Bezug auf Wertvorstellungen haben, die in der entsprechenden Sprachgemeinschaft relevant sind. Diese Wertvorstellungen sind im Kernbereich der personellen und kollektiven Identität des Individuums und des kollektiven Subjekts. Somit beeinflussen sie das positive/negative/neutrale Verhalten der Sprach- und Kulturteilhaber zu diesen Werten und haben einen meist mittelbaren, manchmal auch einen direkten Bezug dazu in jeder Interaktion. Sie sind als solche in jeder Kultur nachweisbar, aber deren inhaltliche Interpretation ist aus verständlichen Gründen verschieden. Sie beeinflussen in jeder Interaktion die Beschaffenheit des Wahrnehmungsrahmens von dem zu rezipierenden Text und deshalb auch das Verhalten der Interaktanten.

Den „Zusammenhang von Sprachgebrauch, Klassifikationspro-

zessen und symbolischer Macht“ der eingesetzten Ausdrucksmittel (Keller u. a. 2005: 7) versuchen Rainer Keller, Andreas Hirsland, Werner Schneider und Willy Viehörer durch die Kategorie Dispositive zu erklären. Dispositive interpretieren sie als „sich institutionalisierende bzw. institutionelle Antworten auf bestimmte gesellschaftliche Problemlagen“ (Schneider, Hirsland 2005: 261), die Wirkung bei der Produktion, Reproduktion, Transformation von Diskursen (Ibid.: 259) haben. Deshalb wird erklärt, warum das Wissen, mit welchem entsprechende Dispositive konform sind, als wahres Wissen rezipiert wird: „Ein Dispositiv konstituiert somit einerseits den Möglichkeitsraum für gültiges ‘wahres’ Wissen, ist andererseits selbst aber nicht unabhängig davon“ (Ibid.). Indem die Wissenschaftler an Foucaults Machtkonzept mit strukturierenden Wirkungen auf Wirklichkeitskonstruktionen, Handlungsfelder, individuelle Handlungspräferenzen (Subjektivitäten) appellieren, setzen sie sich mit der Relation (Macht-)Wissen und gesellschaftliche Praxis auseinander:

„Dispositive sind als Ensembles zu verstehen, welche Diskurse, Praktiken, Institutionen, Gegenstände und anderes mehr umfassen; sie bezeichnen mithin komplexe Ausschnitte einer historisch gewordenen Sozialwelt mit ihrem (jeweils typischen) Sagen und Tun, ihren spezifischen Sichtbarkeiten wie material erfassbaren Alltagsdingen bis hin zu unseren leiblich erfahrbaren Körpern und den in all diesem erscheinenden, machvollen Regeln ihrer ‘Wahr’-Nehmung, ihrer Gestaltung, ihres Gebrauchs“ (Ibid.: 267).

Die Aussagekraft der zitierten Meinung wird viel deutlicher, wenn hervorgehoben wird, dass entsprechende Schlussfolgerungen erst nach einer komplexen Analyse von aktuellen Medientexten mit verschiedenen textsortenspezifischen Charakteristika unter diversen Blickwinkeln gemacht werden.

Zu beachten ist, dass bis heute der Konsens immer noch nicht in allen Fragestellungen im besagten Problemkreis erreicht ist, und die Aussagekraft von theoretischen Interpretationen einzelner Fragen zwecks derer Angemessenheit zu überprüfen ist. Außerdem sind heute verschiedenartige Identitätsfragen nach wie vor besonders aktuell, vielleicht sogar aktueller denn je. Diese Einsicht veranlasst uns bewusst zu berücksichtigen, dass die personelle und kollektive Identität für die Wahl von verbalen und nonverbalen Ausdrucksmitteln/Instrumenten bei der Lösung aller kommunikativen Aufgaben entscheidend sind. Deutlicher kann diese These auf folgende Weise

erläutert werden: Die kollektive Identität sorgt für das Wissen über isofunktionale Sprachmittel und sonstige Instrumente, mit denen entsprechende Handlungen ausgeführt werden können bzw. müssen. Die personelle Identität motiviert so oder anders unter diesen oder jenen Bedingungen Entscheidungen eines konkreten Kommunikanten für ein Sprachmittel bzw. Instrument aus dem erwähnten Komplex von isofunktionalen Mitteln (s. entsprechende Erwägungen und theoretische Argumente für die Entscheidung dafür in [Гришаева 2007; 2014]). In diesem Zusammenhang bleiben einige Probleme nach wie vor aktuell. Dies betrifft in erster Linie die Relation Werte (axiologisches Weltbild) \Leftrightarrow kollektive Identität, Weltbild (Komplex von Werten) \Leftrightarrow kollektive Identität, kollektive Identität \Leftrightarrow Propaganda bzw. Informationserstattung, kollektive Identität \Leftrightarrow Einwanderungswelle(n) wie auch Konstruktion der Wirklichkeit \Leftrightarrow Diskurs.

Die gewonnenen Erkenntnisse machen deutlich, dass die theoretische Grundlage für den angeschnittenen Problembereich interdisziplinär sein muss. Aussagekräftige Leitsätze sind dabei in erster Linie in der Texttheorie zu suchen — unabhängig von deren Version. Die Plausibilität von ihnen lässt sich davon ableiten, dass jeder Text als Produkt der Interaktion von Sprach- und Kulturteilhabern mit heterogenen Charakteristika unter bestimmten kommunikativen Bedingungen angesprochen wird. Seine Interpretation als Lösung einer kommunikativen und kognitiven Aufgabe ermöglicht, die bei seinem Generieren eingesetzten sprachlichen Ausdrucksmittel als Mittel für Erkenntnis und Kommunikation zu beschreiben. Die Auffassung des Textes als Ganzheit in Bezug auf dessen Funktion, Intention, Thema, Struktur, Inhalt ist eine Gewähr für eine komplexe Analyse, die diverse Analyseverfahren zu verwenden erlaubt. Die in der Texttheorie entwickelten Analyseverfahren gewähren den Forschenden die Möglichkeit sowohl dynamisches, als auch statisches Herangehen bei der Beschreibung von heterogenen Ausdrucksmitteln einzusetzen. Dadurch sind die auf solche Weise zu verwendenden Ergebnisse erkenntnisreich genug.

Schlussfolgerung und Ausblick

Zusammenfassend lassen sich einige Leitsätze, die für die Textforschung von theoretischer und didaktischer Relevanz sein können, hervorheben.

Die Analyse von zahlreichen Textsorten-Beispielen überzeugt, dass die Unterschiede in der Sprachverwendung alles andere als zu-

fällig sind — sie sind regulär und deswegen als solche anzusprechen und zu beschreiben. Zu klären sind in diesem Zusammenhang in erster Linie

- Wahrnehmungsmuster (vor allem beim Kategorisieren und Konzipieren vom Wissen beim dessen Vermitteln in einer Interaktion), die der entsprechenden Sprachverwendungsweisen zugrunde liegen;
- Merkmale, die für kulturgerechte Kategorisierung vom Wissen notwendig, hinreichend und obligatorisch bzw. fakultativ sind;
- Relation Wissen, welches in der Interaktion zu explizieren ist, ⇔ Wissen, welches in der Interaktion co-aktiviert wird;
- potentiell denkbare Verbalisierungsmöglichkeiten für das zu bezeichnende Objekt (im weiten Sinne) der außersprachlichen Wirklichkeit;
- Wahl von einem Ausdrucksmittel aus einer Menge von potentiell isofunktionalen Sprachmitteln sowie kulturspezifische Motive für die entsprechende Wahl u. dgl.

Nach wie vor wird die Textuntersuchung mit der Notwendigkeit konfrontiert, sich bewusst mit den semantischen und syntaktischen Markern für die Textkohärenz auseinanderzusetzen. Dies veranlasst alle an Textgesetzmäßigkeiten Interessierten, konsequent Textgestaltungsprinzipien zu analysieren sowie Personen, die Fremdsprachen und Kulturen studieren, für Probleme, die beim Text-Generieren und -Rezipieren relevant sind, zu sensibilisieren.

Als Folge der Betrachtung des angeschnittenen Problemkreises ist dessen didaktische Relevanz zu berücksichtigen, was im kreativen Texten zum Ausdruck kommt, d. h. im Sprachunterricht den Prozessen und Regularitäten mehr Aufmerksamkeit zu widmen, die sonst im Fremdsprachenunterricht traditionsgemäß vernachlässigt werden: also mehr Aufmerksamkeit für diverse Werbetexte, Medientexte, darunter auch Texte mit Fake News und/oder Simulacrum, fiktive Texte, die in den letzten Jahrzehnten öfters generiert werden, ludophile Texte.

Raster. Textextern und textintern relevante Textgestaltungsfaktoren

Faktoren		Textgestaltung (Mikro-/Makroebene)			
		semantisch	syntaktisch	funktional	semiotisch
textextern	(öffentliche) Agenda				
	Werte				
	Handlungs-				

Homo ludens, Fake News und Text

	muster				
	Beschaffenheit der Situation, in der interagiert wird				
	Identität von Interaktanten				
	Feindbilder				
	Heldensagen				
	Unsicherheitsvermeidung				
	informative Relevanz				
	Beschaffenheit von kognitiven Filtern				
	Kognitiver Hintergrund ⇔ kognitive Figur				
	Kognitive Strategien				
	nominative Strategien				
	diskursive Strategie				
	... (u. a.)				
textintern	Thema				
	Klasse von Textsorten				
	Textsorte				
	Thema-Rhema-Progression				
	Struktur von nominativen / kognitiven / aktionalen				

Ketten				
... (u. a.)				

Vor dem angesprochenen Hintergrund können heterogene Parameter, die für die Textanalyse und Didaktik in Frage kommen, in einem Raster zusammengefasst werden (s. oben das Raster). Zu betonen ist, dass im entsprechenden Raster nicht alle Parameter, die potentiell für die Analyse vom Textgenerieren und -rezipieren von Bedeutung sein mögen, aufgelistet worden sind.

Zu berücksichtigen ist bei der Analyse von der Textgestaltung konventioneller und unkonventioneller kommunikativer Produkte Besonderheiten, die sich sowohl auf der Mikro-, als auch auf der Makroebene beobachten lassen.

Unter dem ersten Blickwinkel ist vor allem die Relation Zahl der finiten Konstruktionen \Leftrightarrow Zahl der Propositionen, Ausdrucksformen für Proposition sowie Verbindungsmöglichkeiten von Propositionen zu beachten, weil die angeschnittenen Ausdrucksmöglichkeiten sehr eng — und mitunter sogar kausal — mit der Beschaffenheit von Thema-Rhema-Progression in einer transphrastischen Ganzheit und/oder mit der Informationsvermittlung im Textganzen verbunden sind.

Unter dem zweiten Blickwinkel sind Ausdrucksformen für Makrokomponenten, die Relation obligatorische \Leftrightarrow fakultative Makrokomponenten im Textganzen in den Forschungs-Mittelpunkt zu rücken.

Vor dem Hintergrund der gewonnenen Erkenntnisse lässt sich die Frage im Untertitel des Beitrags auf folgende Weise beantworten.

Die Textgestaltungsprinzipien sind diachron gesehen aus semantischer, syntaktischer, funktionaler Sicht im Umbau begriffen. Diese Eigenschaft von Textsorten ist ein evidentes Zeugnis für Anpassungspotenzen der Sprache als Kulturcode unter diversen kommunikativen Bedingungen. Sprach- und Kulturteilhaber realisieren in jeder Interaktion bestimmte diskursive Strategien, indem sie verschiedenartige Ausdrucksmittel verbaler und nonverbaler Codes teleologisch einsetzen.

In der modernen Informationsgesellschaft, in der die Kommunikanten-Kategorie Homo ludens in fast jedem Interaktionstyp dominant zu werden scheint, sind Strategien wie die ludophile besonders gefragt. Deshalb sind das intensive Generieren ludophiler Texte

und die Hybridisierung von ludophilen einerseits und wissenschaftlichen/politischen/publizistischen/didaktischen/Medien-/Gebrauchs- u. a. Texten andererseits als aktueller Trend einzuschätzen. Folgerichtig ist auch ein erhöhtes Häufigkeitsvorkommen entsprechender Techniken zu erwarten wie kognitive Metapher, Wortspiel, Auflockerung von stilistischen Diffinitäten, Konstruieren von Fake News, Generieren von Simulacrum u. a. m., die sich in verschiedenen Diskursformaten als besonders effizient erweisen und dadurch wiederholt, weil mit Sicherheit erfolversprechend, von den Kommunikanten mit diversen Eigenschaften eingesetzt werden.

Aus diesem Grunde sind die Fake News, die heutzutage besonders auffällig sind, als eines der effizienten Ausdrucksmittel für die Intention des Textproduzenten bei der Realisierung manipulativer Strategien vor allem in zahlreichen heterogenen Medien-Diskursformaten anzusprechen. Und sie bleiben es, solange mit diesem Ausdrucksmittel das kommunikative Ziel aus der Sicht des Interaktanten besonders einfach und sicher realisierbar wird, d. i. solange diese sich bewähren.

Das Konstruieren von Fake News sowie Simulacrum scheint mit der Beschaffenheit der Manipulation — für „positive“/edle, humane Ziele bzw. für „negative“/unanständige, eigennützige, missliche — in keinem direkten Zusammenhang zu stehen, weil diese, d. h. Fake News und Simulacrum, als Verbalisierungsmechanismen und/oder Textgenerierungstechniken bei der Realisierung einer diskursiven Strategie durch Kommunikanten mit diesen oder jenen heterogenen Eigenschaften der in einer bestimmten Weise gearteten kommunikativen Situation konform teleologisch eingesetzt werden.

Zitierte Literatur / References

- Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2019.
[Anisimova, Yelena Ye. (2019) *Religiozniy diskurs: funktsional'nyi i antropologicheskyyi aspekty* (Religious Discourse: Functional and Anthropological Aspects). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007.
[Grishaeva, Lyudmila I. (2007) *Osobennosti ispol'zovaniya yazyka i kulturnaya identichnost' kommunikantov* (Features of language use and cultural identity of communicants). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].

- Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. [Grishayeva, Lyudmila I. (2014) *Paradoksy medialinguistiki* (The Paradoxes of Medialinguistics). Voronezh: Nauka-Unipress. (In Russian)].
- Гришаева Л. И. Членение информационного потока в медиaprостранстве и синтаксические механизмы вербализации сведений о мире (на примере медиатекстов канала «EURONEWS») // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 19—32. [Grishayeva, Lyudmila I. (2018) Chleneniye infomatsionnogo potoka i sintaksicheskiye mekhanizmy verbalizatsii svedeniy o mire (na primere mediatekstov kanala “Euronews”) (Segmentation of the Information Flow in the Media Space and Syntactic Mechanisms of Verbalization of Information about the World (On the Example of EURONEWS Media Texts). *Political Linguistics Journal*, 1, 19—32. (In Russian)].
- Antos, Gerd. (2017) Fake News. Warum wir auf sie reinfallen. Oder: „Ich mache euch die Welt, so wie sie mir gefällt“. *Sprachdienst*, 1, 1—20.
- Brinkmann, Hennig. (1971) *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf: Schwann.
- Bücker, Jörg. (2012) *Sprachhandeln und Sprachwissen. Grammatische Konstruktionen im Spannungsfeld von Interaktion und Kognition*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.
- Dietze, Joachim. (1989) *Einführung in die Informationslinguistik. Die linguistische Datenverarbeitung in der Informationswissenschaft*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.
- Drosdowski, Günther. (1988) *Ist unsere Sprache noch zu retten?* Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- Drosdowski, Günther. (ed.) (1995) *Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- Erl, Astrid. (2011) *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen*. Stuttgart-Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Fix, Ulla. (2008) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
- Freudenberg-Findeisen, Renate. (2014) Verschenkte Möglichkeiten: Zur Arbeit mit Textsorten in DaF-Lehrwerken. In *Subjekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovye i mezhkulturnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Intercultural Aspects). Voronezh: Nauka-Unipress, 564—590.
- Freudenberg-Findeisen, Renate. (ed.) (2016) *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analysen und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht*. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag.
- Glaserfeld, Ernst. (2006) Wissen als Konstrukt. In Tsvasman, Leon R. (ed.) *Das große Lexikon Medien und Kommunikation*. Würzburg: Ergon-Verlag, 333—334.

- Glossary on the Bologna Process. English — German — Russian. (2006) In Jubara, Annett; Kaschlun, Gunhild; Kiessler, Oliver, & Smolarczyk, Rudolf. (eds) *Beiträge zur Hochschulpolitik*, 7. Bonn: The German Rectors' Conference.
- Grischaewa, Ljudmila I. (2016) Makro-Textsortenanalyse: Universelles und Kulturspezifisches. In Freudenberg-Findeisen, Renate. (ed.) *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analysen und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht*. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 69—81.
- Heinemann, Margot, & Heinemann, Wolfgang. (2002) *Grundfragen der Textlinguistik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Hirseland, Andreas, & Schneider, Werner. (2005) Die diskursive Konstruktion von Wirklichkeit. Einleitende Bemerkungen zum Verhältnis von Wissenssoziologie und Diskursforschung. In Keller, Reiner; Hirseland, Andreas; Schneider, Werner, & Viehörer, Willy. (eds) *Die diskursive Konstruktion von Wirklichkeit. Zum Verhältnis von Wissenssoziologie und Diskursforschung*. Konstanz: UVK, 7—21.
- Keller, Reiner; Hirseland, Andreas; Schneider, Werner, & Viehörer, Willy. (eds) (2005) *Die diskursive Konstruktion von Wirklichkeit. Zum Verhältnis von Wissenssoziologie und Diskursforschung*. Konstanz: UVK,
- Koch, Gertraud. (2006) Wissensmanagement In Tsvasman, Leon R. (ed.) *Das große Lexikon Medien und Kommunikation*. Würzburg: Ergon-Verlag, 337—341.
- Kupsch-Losereit, Sigrid. (2007) Verrückte Kulturen: Zur Vermittlung von kultureller Differenz beim Übersetzen. In Wotjak Gerd. (ed.) *Quo vadis Translatologie? Ein halbes Jahrhundert universitäre Ausbildung von Dolmetschern und Übersetzern in Leipzig. Rückschau, Zwischenbilanz und Perspektiven aus der Außensicht*. Berlin: Frank & Timme, 205—220.
- Lange, Bernd-Lutz. (2000) *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag.
- Nord, Christiane. (2014) Jaspis und Diamant. Bedeutung, Sinn und Funktion in der Bibelübersetzung (am Beispiel Offb 21, 18-21). In *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykowye i mezhkulturnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Intercultural Aspects). Voronezh: Nauka-Unipress, 550—564.
- Nünning, Ansgar, & Nünning, Vera. (eds) (2003) *Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen — Ansätze — Perspektiven*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Nünning, Ansgar. (ed.) (2001) *Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie. Ansätze — Personen — Grundbegriffe*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Paivio, Allan. (1986) *Mental Representations: A Dual Coding Approach*. Oxford: Oxford University Press. (Oxford Psychology Series)
- Posner, Roland. (2003) Kultursemiotik. In Nünning, Ansgar, & Nünning, Vera.

- (eds) *Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen — Ansätze — Perspektiven*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 39—72.
- Pugatschjow, Vassilij. (2006) Faktoren und Merkmale der Manipulation. In Tsvasman, Leon R. (ed.) *Das große Lexikon Medien und Kommunikation*. Würzburg: Ergon-Verlag, 228—233.
- Schneider, Werner, & Hirseland, Andreas. (2005) Macht — Wissen — gesellschaftliche Praxis. In Keller, Reiner; Hirseland, Andreas; Schneider, Werner, & Viehörer, Willy. (eds) *Die diskursive Konstruktion von Wirklichkeit. Zum Verhältnis von Wissenssoziologie und Diskursforschung*. Konstanz: UVK, 251—275.
- Schnell, Ralf. (ed.) (2000) *Metzler Lexikon Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945*. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler.
- Tsvasman, Leon. (2006) Informationsgesellschaft. In Tsvasman, Leon R. (ed.) *Das große Lexikon Medien und Kommunikation*. Würzburg: Ergon-Verlag, 134—141.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

Homo Ludens, Fake News and the Text, or Why the Principles of Text Organisation change?

A number of tendencies which occur in the real discourse together and are indicative of transformations of text organisation principles should be treated as natural phenomena: (1) the intensive penetration of means of humour creation into traditionally *bona-fide* communicative spheres and the development of new ways and strategies of creation of the humorous effect; (2) intensive and conscious generation of fake news in various discourse formats for different communicative purposes; (3) hybridization of various types of texts making the borders between types of texts vague and leading to the emergence of new types of texts. These tendencies can be traced in the generation of texts of different types as they influence their semantic, syntactic and functional micro- and macrostructure.

Key words: Type of text; micro- and macrostructure of text; generation of fake news by verbal means; simulacrum; manifestation of discourse strategies

L. Wintgens

Königliche Kommission für Ortsnamenkunde und Mundartforschung

**DIE KAROLINGISCH-FRÄNKISCHE SPRACHLANDSCHAFT
IM KERN- RAUM WESTEUROPAS:
AACHEN-LIMBURG-LUXEMBURG**

*„Jede Provinz liebt ihren Dialekt, denn er ist doch eigentlich
das Element, in welchem die Seele ihren Atem schöpft“*

Aus meinem Leben — Dichtung und Wahrheit.
Johann Wolfgang von Goethe

Das westeuropäische Kerngebiet rundum die Krönungsstadt Aachen wurde bisher von der im 19. Jh. entstandenen Sprachwissenschaft kaum beachtet. Dabei fand gerade auch hier die Kreolisierung statt, die die Mischsprachen deutsch, französisch und englisch schuf. Insbesondere aber wurden von hier aus ab dem 8. Jh. bis zu Beginn der Neuzeit die Geschehnisse Westeuropas bestimmt. Eine imperialistische preußische Politik sorgte im 19. Jh. dafür, dass der empirisch erarbeitete ‚Rheinische Fächer‘, statt zum Forschungsmittel zur fixierenden Regel wurde: die ‚2. oder hochdeutsche Lautverschiebung‘ wurde mittels der Strahlungstheorie zum Eroberungsinstrument der nördlicheren Areale. Erst in den 1960er Jahren vertraten Forscher die Meinung, die Konsonantenverschiebung der Explosiven *p, t, k* zu den Frikativen *f, ts, s, ch* sei autochthon bedingt. Durch komparatistische Erforschung der Dialekte, der Toponymik und der schriftlichen Quellen dokumentiert der Referent auch in den rezenten Atlasbänden (Wintgens I 2014, I 2016), dass die Region Aachen-Limburg-Luxemburg wichtige Materialien zur Sprachgeschichte Europas bietet und — wie Theodor Frings schrieb — „in der deutsch-romanischen Nahtzone ein älteres sprachliches Westeuropa bis heute lebt“ (Frings 1932: 6). Das zu enge Wort ‚deutsch‘ muss durch *germanisch* — das Pendant zu *romanisch* — ersetzt werden. Allerdings wird das alte Europa in Bälde aufhören zu existieren, wenn die Politik die massive unkontrollierte Immigration weiterhin zulässt.

Schlüsselwörter: Lautverschiebung (LV); Sprachgeographie; Regionalsprache; Toponymik; Gemeinschaft; Sprachengrenze; Sprachgeschichte; Epigraphie; Schreibe/Scripta

1. Einleitung

Als Belgien 1830 gegründet wurde, gab es neben französischsprachigen und flämischsprachigen Bevölkerungsteilen insgesamt auch mindestens 50.000 bis 60.000 Deutschsprachige verteilt auf den Nordosten der Provinz Lüttich

(Aubel-Montzen-Welkenraedt) und den Osten der Provinz Luxemburg (Beho; Arel/Arlon), denn vielerorts hatte sich, nach Verlust der ripuarischen Scripta um 1600, dort das Hochdeutsche als Sprache von Kirche und Schule durchgesetzt. Seit 1963 hat das Land sich vom Einheitsstaat zur Föderation entwickelt, insbesondere um die Gleichberechtigung des Niederländischen mit dem Französischen zu garantieren. 1973 erhält so ihr kleinster Gliedstaat, die „Deutschsprachige Gemeinschaft Belgiens“ (DG), als erster ein direkt gewähltes Parlament. Diese autonome Region mit als Hauptstadt Eupen umfasst in 9 Großgemeinden ca. 76.000 Einwohner, hat eine eigene Regierung (vier Minister), eine eigene Rundfunkanstalt (BRF) und eine autonome Hochschule, an welcher der Verfasser zu Anfang der 1970er Jahre seine Hochschulkarriere begann. In der Folge erhielt er, durch Fürsprache des Klassikers Prof. Dr. J. Labarbe (Arlon), Dekan der Faculté de Philosophie et Lettres an der Staatlichen Universität Lüttich, beim Brüsseler FNRS eine Doktorandenbörse und eine Forscherstelle am Seminar für vergleichende Linguistik der ULg. In der Folge wurde er Dozent, dann Professor und Verwaltungsratsmitglied an der Haute Ecole P.H. Spaak (ISI) in Brüssel.

Geboren in Hergenrath (Kelmis), wohnt er seit 1960 im benachbarten Montzener Raum, der seit dem XVII. Jh. und bis 1914 gleichfalls deutschsprachig war. 1888 wurde auf Wunsch der Bevölkerung ein ‚deutsches Dekanat Montzen‘ gegründet. Doch die beiden Einfälle von Osten her — 1914 und erneut 1940 — bedingten, dass der hier 1963 vom Gesetzgeber vorgesehene Schutz der deutschen Sprache in der Praxis ‚lettre morte‘ bleibt. Selbst die germanische Mundart hat unter ihrer entfernten Verwandtschaft mit der ‚Sprache des Feindes‘ (so noch lange nach 1945!) bis auf den heutigen Tag zu leiden. Ein Beitrag in der deutschsprachigen Tageszeitung Grenz-Echo sprach somit von einer „Gegend, wo Kriege nicht nur Menschen, sondern auch Sprachen töten“ (GE, Eupen, 21.11.1981). Die imperialistische Politik Deutschlands, die die beiden Weltkriege verursachte, haben der deutschen Sprache und Kultur weltweit — so

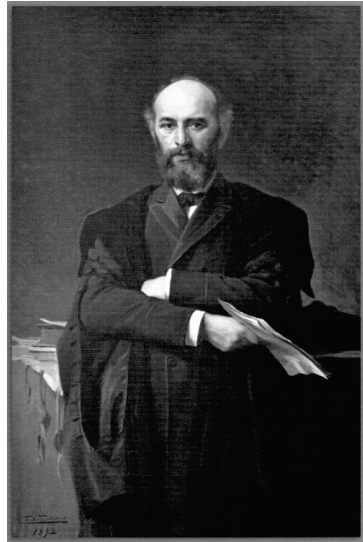

Fig. 1.
Godefroid (Gottfried) Kurth
Porträtmalerei 1892

*auch hier — bleibend geschadet. Noch seit 2010 sind so zahlreiche künstle-
risch ziselierete Grabsteine des 16. bis 18. Jh. von den Friedhöfen in Henri-
Chapelle, Gemmenich und Montzen verschwunden, nur weil sie nicht franzö-
sisch beschriftet waren... Die Verwechslung von Politik und Sprache hält hier,
sehr zum Schaden des historischen Kulturguts, noch immer an — leider aber
auch die imperialistische Einstellung seitens gewisser deutscher Nachbarn...*

*Den vorliegenden Beitrag möchte ich dem Andenken an Godefroid, alias
Gottfried KURTH (Frassem/Arlon 1847 — Asse/Brüssel 1916) widmen, Pro-
fessor an der Staatlichen Universität Lüttich, Begründer der belgischen Histo-
rikerschule und zugleich der Toponymik als innovativem Forschungsgebiet
(s. Fig. 1).*

*In meinem dreisprachigen Werk „Vergleichender Sprachatlas des
Karolingisch-Fränkischen“ (Wintgens I 2014, II 2016) habe ich die
Wichtigkeit seines Forschungswerks La frontière linguistique en Belgique
et dans le Nord de la France, Brüssel I 1896, II 1898, hervorgehoben
und seine Grundkarte von der Maas bis zur französischen Grenze angerei-
chert (Diese entfällt hier, weil sie nicht bunt gedruckt werden darf).
Darauf wird deutlich, wie viel Raum das Germanische im Lauf der Geschie-
chte an das Romanische verloren hat. Zudem hat G. Kurth durch die Grün-
dung des „Deutschen Vereins zur Hebung und Pflege der Mutter-
sprache im deutschredenden Belgien“ (ediert 1899-1914 ein Jahrbuch)
die deutsche Sprache in Belgien tatkräftig verteidigt. In Montzen wurde
1905 eine weitere Sektion gegründet. Doch die annexionistische Politik
Deutschlands und die Aggression vom 4. August 1914 machte Kurths Bemü-
hungen fruchtlos; das gleiche widerfuhr dem Kollegen und Nachfolger Hein-
rich Bischoff (Montzen 1873 — Aachen 1940) in Folge des erneuten deut-
schen Einfalls in Belgien am 10. Mai 1940.*

*Auch das Großherzogtum Luxemburg hat sehr unter den beiden Welt-
kriegen gelitten. Es zählt heute rund 600.000 Einwohner. Seit dem 24. Feb-
ruar 1984 hat das Lëtzebuergesche hier den Status der einzigen National-
sprache, die sogar bei Parlamentsdebatten gesprochen und geschrieben wird.
So hat Luxemburg als einziges Land die angestammte Regionalsprache hoffä-
hig gemacht. Französisch und Deutsch sind daneben als Nutzsprachen ge-
bräuchlich, so dass hier nebeneinander drei Literaturen entstanden sind. Da-
neben gewinnt — wie weltweit — das Englische an Gewicht. Die Losung
„Mir wëllen bleiwen, wat mer sinn“ bestärkt die sprachloyale Haltung der
Bevölkerung. Die offizielle Wertschätzung des angestammten immateriellen
Kulturerbes gipfelt darin, dass am Dreiländereck in Schengen die Texttafeln
mit den dort abgeschlossenen EU-Verträgen (1985/1995) in Englisch,*

Deutsch, Französisch und Lëtzebuergesch beschriftet sind.

Durch die Grenzlage zu den Niederlanden, Deutschland (Nordrhein-Westfalen; Rheinland-Pfalz) und Luxemburg und die seit dem Mittelalter nachgewiesene kosmopolitische Aufgeschlossenheit erfüllt Ostbelgien jedenfalls bis heute unverkennbar eine kulturelle Brückenfunktion in Europa. Die Deutschsprachige Gemeinschaft Belgiens tritt somit, ähnlich wie Luxemburg, das kulturelle Erbe des alten karolingischen Mittelreichs Lotharingen an.

2. Materialien und Methoden

2.1. Sprache, das menschliche Ausdrucks- und Kommunikationsmittel *par excellence*, ist ein äußerst empfindlicher sozialer Bereich. Die Sprachgeschichte und Sprachgeographie sind somit des Öfteren umstritten. Eben deshalb sollen diese Teilbereiche hier historisch dokumentiert werden. Unsere Benennung *Karolingisch-Fränkisch* (KF) weist auf die Entstehungszeit der Mischsprache im 8.-9. Jh. und auf das geographische Areal rund um den Kern des karolingischen Hausbesitzes im östlichen Maastal, das engere Umfeld des sog. ‚Aachener Reichs‘.

Dass die Karolinger seit Karl dem Großen an der Ostgrenze ihres Hausguts zwischen Landen (B), Eschweiler (D) und Metz (F) in Aachen ihre Pfalz errichteten ist bekannt, weniger dass dies wegen der reichhaltigen Galmei-Erzlager im etwas westlicher gelegenen Kelmis (Altenberg) geschah (Wintgens 2010). Im 11. Jh. entstand wenig westlich die Grafschaft, das spätere Herzogtum Limburg, das bis zum Ende des ‚ancien régime‘ sogar unweit Köln Besitztümer hatte, u. a. in Kerpen und Lommersum (Sanchez 2014). Alt-Limburg wurde von der romanisch-germanischen Sprachengrenze durchquert, war also eigentlich seit jeher eine sprachliche Kontakt- und Mischzone (NB: Die heutigen Provinzen Limburg in Belgien und den Niederlanden haben den Namen erst 1815 entliehen) (s. Fig. 1a).

Von den Werken früherer Dialektologen bot hierbei das dritte Buch Wilhelm Welters (Welter 1938) eine wichtige Basis für weitere Forschungen, aber auch er hing der RF-Doktrin untertänig an.

Die Hofschule Karls des Großen legte den Grundstein für die kulturelle Entwicklung des Raumes (karolingische Renaissance; karolingische Minuskel). Durch die sprachschöpferische Ausstrahlung Aachens entwickelte sich in der Folge im engeren Maasraum — und das *vor* der Mittelhochdeutschen Dichtung im Süden — eine erste volkssprachliche Literatur, von der Heinrich van Veldeke nur eine Spitze darstellt (Wintgens II 2016: 184). In der Stadt Aachen wurden

seit dem 10. (936: Otto I.) bis ins 15. Jh. hinein (1531: Ferdinand I.) 30 Könige gekrönt. Sie wurde deshalb von diesen Fürsten seit jeher reich beschenkt und dotiert. Als Appellgericht übte der Aachener Gerichtshof vom 12. bis 16. Jh. wichtige Rechte aus von Leerdam, Nijmegen, Duisburg und Werden im Norden bis Reuland, Prüm und Gerolstein im Süden.

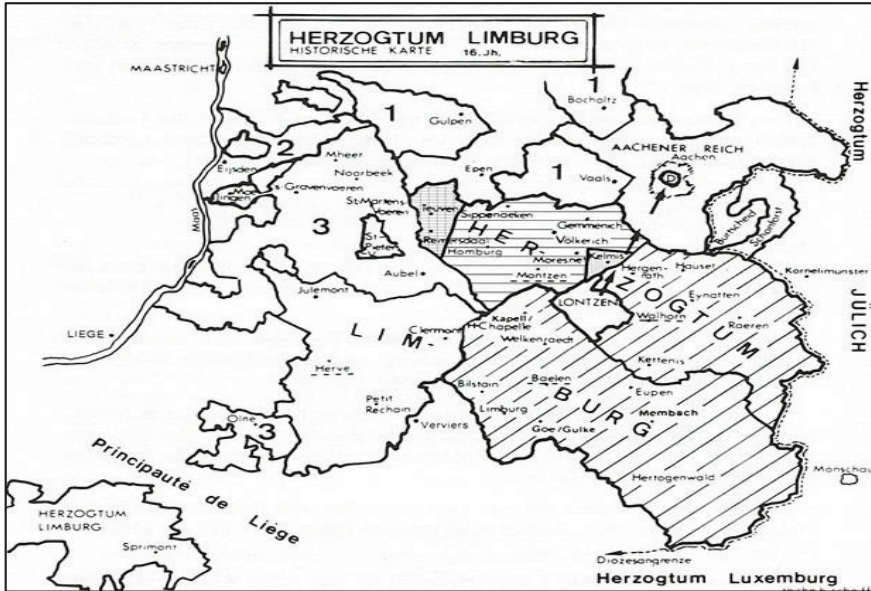
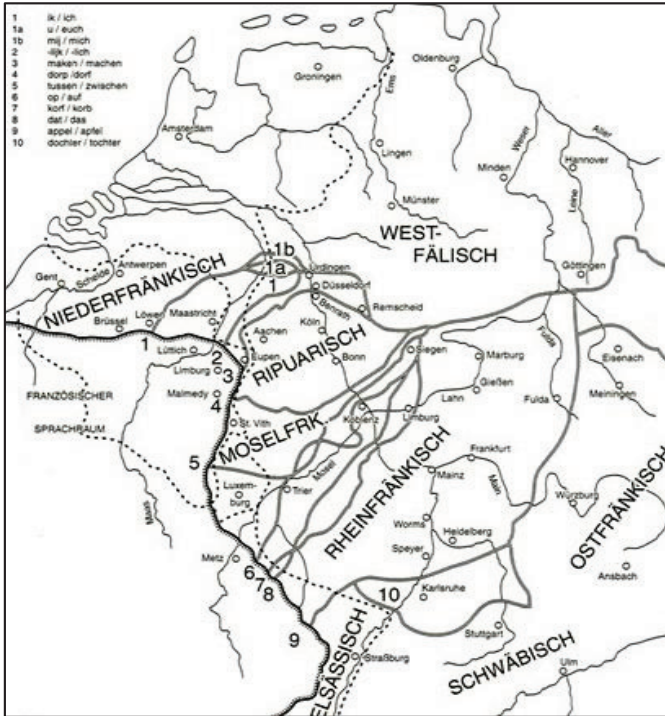

Fig. 1a. Aachen und Limburg¹

¹ *Der schraffierte Raum bezeichnet das Gebiet der drei sog. „duytschen Banken“ Baelen, Walhorn und Montzen, der weiße das Quartier wallon Herve. Die Zahlen weisen auf die Übermaas-Länder 1 Rolduc (Herzogenrath), 2 Valkenburg, 3 Dalhem. Die dem Aachener Marienstift (Dom) gehörende Enklave Freie Herrlichkeit Lontzen wurde ab dem 16. Jh. immer stärker in Limburg integriert. Das Gebiet der ehemaligen Bank Montzen wurde nach 1963 auf die drei belgischen Gemeinschaften verteilt: Remersdael-Teuven gehören zum Vlaams Gewest (VG), Sippenaeken-Homb(o)urg-Gemmenich-Moresnet-Montzen zur Communauté française (CF), Kelmis und Neu-Moresnet zur Deutschsprachigen Gemeinschaft Belgiens (DG).*

1439 vereinnahmte Herzog *Philippe le Bon* von Burgund, Brabant und Limburg kurzerhand die Gruben des *Aue Bäärech* (daher im 19. Jh. die *SA Vieille-Montagne*) und verlegte so die Grenze zu Aachen vom Lauf der *Göhl* und *Zoow* (Gemmenich) auf den Höhenkamm eines Ausläufers des Mittelgebirges Eifel-Ardennen. Hier verläuft noch heute die belgisch-deutsche Staats-

Fig. 2. Der sog. ‚Rheinische Fächer‘²

grenze. Aber auch die Lautverschiebungslinie (LV) der niederfränkischem Sprenglaute *p, t, k* zu den ripuarischen Reibelauten *f, ts, s, ch* (sog. *Benrather Linie*) im sog. ‚Rheinischen Fächer‘ verläuft hier seit jeher auf dieser natürlichen Grenze (s. Fig. 2). Unser Satz „Das Wasser brauchst du nur laufen zu lassen“ fasst die LV zusammen: Er lautet niederfränkisch /Dat Waater brukste mär loope te loote/ und ripuarisch /Dat Waser bruchste mär loofe tse lose/. Zwischen Vaals (NL)-Aachen (D)-Raeren (B) im Norden und Gemmenich-Kelmis-Hergenrath (B) im Süden folgt die LF dem bewaldeten Höhenrücken des Eifel-Ausläufers bis hin zum niederländischen ‚Mergelland‘.

² Das Konstrukt des RF widerspiegelt u.E. die vorwiegend durch unterschiedliche Substrate (Slawen, Rätoromanen, Galloromanen, Belger) bewirkte Aufgliederung der germanischen Stämme oder Volksgruppierungen in *Ingwäonen*, den sog. Küstengermanen (Sachsen, Angeln, Friesen) nördlich und westlich der Benrather Linie (Nr. 3), *Istwäonen* (Franken, Hessen) nördlich des Mosel-Lahn-Grabens (Nr. 5-8) und *Irmīnonen* (Alemannen, Bayern) südlich der *Appel-Apfel-Linie* (Nr. 9). Übergangsgebiete liegen zwischen den Linien Nr. 1 und 3 (niederfränkisch-ripuarisch) sowie Nr. 8 und 9 (Rheinfrän-

Karl der Große (†28. Januar 814) wollte Aachen zu einem *Byzanz des Nordens* ausbauen, davon zeugt u. a. das Oktogon des Doms südlich und der Granus-Turm nördlich des Katschhofs, beide aus dem Jahre 800 (s. Fig. 3).

Fig. 3. Der Aachener Mariendom mit dem Oktogon aus dem Jahr 800

Der Name Aachen, ripuarisch /Oche/ und niederfränkisch oder plattdeutsch (d. h. unverschoben) /Ooke/ gesprochen, kommt vom Lateinischen *aquae granni* „an den Wassern des Keltengottes Granus“.

kisch). *Ripuarisch* bedeutet an den Ufern (lat. *ripa*) von Maas und Rhein. — In diesem Übergangsgebiet von ‘hochdeutschen’ Formen (*éch, och; -lich* etc.) im niederländischen Raum zu reden ist ebenso unsinnig wie *dat, op, tussen* etc. ‚niederländische‘ Formen im deutschen Raum zu nennen.

NB: Die *Appel/Apfel*-Linie widerspiegelt nach der letztendlichen Meinung von Theodor Frings, *Geschichte der deutschen Sprache*, 3. erw. Aufl., 1957, 39 im heutigen germanischen Sprachgebiet die südlichste Grenze des massiven Vordringens der Franken. Wir stellen somit fest, dass sie folglich in etwa die Verlängerung der Grenze zwischen der *langue d’oïl* und der *langue d’oc* in Frankreich bildet.

Auch *Aix-la-Chapelle* ist durch eine Art Lautverschiebung entstanden. Katsch- oder Kakshof (in Bütgenbach Kegs, 16. Jh., /Käks/) bedeutet „Schandpfahl“ (vgl. nl. kaak). *Plat-dütsch* ist eine rein topographische Benennung für die Volkssprache im Flachland westlich und nördlich von Aachen: Zur Unterscheidung von der lateinischen Schriftsprache, wurde die germanische Volkssprache *diutisk* genannt. Der Name taucht z. B. am 14. Februar 842 bei den sog. ‚Straßburger Eiden‘ auf, als Karl der Kahle in diesem Idiom zu den Soldaten seines Bruders, Ludwig des Deutschen, spricht, der sich zuvor in Altfranzösisch an dessen Recken gewandt hatte. Die Benennung bleibt bis heute doppeldeutig: Auch der ältere Limburger (u. a. in B-Maaseyck) nannte seine Alltagssprache /Dütsch/, der ältere Luxemburger /Däitsch/; auf Englisch aber bedeutet *Dutch* noch immer „Niederländisch“ — Deutsch heißt dort ‚German‘.

Insbesondere zwischen den beiden Weltkriegen des 20. Jh. — und leider auch noch danach! — betrachteten im Zuge der herrschenden Eroberungstimmung gewisse philologische Kreise in Deutschland die niederfränkischen Dialekte in Belgien und den Niederlanden einfach als „deutsche Mundarten“. Dass flämische Sprachforscher daraufhin schrieben: „*Zo was ... deze zuidoostelijke hoek voortaan negatief gekenschetst, als van het overige Nederlands afwijkend door zekere met het Hoogduits gemeenschappelijke bijzonderheden...*“, ist daher kaum erstaunlich (Leenen 1950: 55). Dennoch hielten solche Tendenzen weiter an. Noch 1965 (!) erschien eine Karte (ab 1999 auch im Internet), die — wegen der beiden vor Ort verschobenen Wörter *éich* „dt. ich/ nl. ik“ und *o(o)ch* „dt. auch/ nl. ook“ (Uerdinger Linie) — das Ripuarische ganz einfach bis vor die Tore der brabantischen Stadt Leuven/Löwen ausdehnte (H. Protze 1965). Erst durch eine öffentliche Anprangerung auf dem UNGEGN-Weltkongress in Brüssel, am 11. Oktober 2018, konnte der Referent den anwesenden Vorsitzenden des ‚Ständigen Ausschusses für geographische Namen‘ in Frankfurt/Main überzeugen, die anstößige Karte vom Netz zu nehmen. Dabei hatte der deutsche Dialektforscher Dr. Georg Wenker 1877 auf seiner allerersten Mundartkarte anhand von Feldforschungen das niederfränkische Areal sogar bis zu einer Linie südlich von Blankenheim-Münstereifel-Königswinter, in etwa der *Eifel-* oder *Dorp-/Dorflinie*, festgelegt (Wenker 1877).

Infolge sich steigernder imperialistischer Bestrebungen wurden dem empirischen ‚Rheinischen Fächer‘ unter Einfluss der herrschen-

den Machtpolitik eine ‚hochdeutsche Strahlungstheorie‘ angedichtet, nach der der niederfränkische Raum nach Norden und Westen hin erobert wurde“ (Frings, Van Ginneken 1919). Der Kollege André Stevens aus Tongeren titelt daher realistisch ‚De Hoogduitse overrompeling‘ (Stevens 1951). Statt die unterschiedlichen Lautverschiebungsphänomene (s. Fig. 4) als je nach der örtlichen Bevölkerungsvermischung auftretende autochthone Erscheinungen induktiv zu untersuchen, wurde der RF zur Doktrin erhoben. Noch 1969 bedeutete mir so der Neu-Grammatiker J. Warland, mein Promotor an der Universität Lüttich: „Herr W., es gibt keine Ausnahmen!“ In meiner Masterarbeit konnte ich 1970 dokumentieren, dass im niederfränkischen Teil des alten Herzogtums Limburg die Formen der Kategorie der *jan*-Verben /bööse, haase, jrööse, nöitse, schötse/ „büßen, hassen, grüßen, nützen, schützen“ usw. sehr wohl verschoben auftreten. 1971 erschien dann in Halle/Saale ein 366 Seiten starkes Buch von Gerhard Lerchner gefüllt mit Ausnahmen hüben und drüben der ‚Benrather Linie‘... In Aachen tritt z. B. das niederfränkische Verb nl. raken ‚berühren‘ als /raache/ auf, daneben aber /vloke/ ‚fluchen‘, zö(ö)ke (+ Köln/ Sankt Vith zööche) ‚suchen‘, zéeke (+ Köln/ Maldingen zéesche) ‚urinieren‘, /Vermaach/ ‚Spass, nl. vermak‘, /déjp; Déjpdē/ ‚tief; Tiefe‘, /Kälek neben Kälech/ ‚Kelch‘, /böche“ neben böke“ „Adj. aus Buche“ und /Bokeskoch/ „Buchweizenkuchen“, /kot(s)/ „kurz“. Im ripuarischen Raum Bütgenbach-Büllingen steht für ‚reif‘ unverschobenes /rip/, das Nachbardorf Manderfeld hat /réif/; im Süd-Lëtzebuergeschen (Gutland) lautet „geschmolzen“ /geschmo(u)lt/.

	<i>latin</i>	<i>espagnol (occitan)</i>	<i>français</i>	<i>anglais/néerl.</i>	<i>allemand</i>	<i>danois</i>
p	ripa	riba	rive	hope / hopen	hoffen	håbe hoobe
t	pater	padre	père			
	vita	vida	vie	let / laten	lassen	lade laa(de)
k	securu(m)	segur	sûr	-- /roken	rauchen	ryge rüü(ſe)
th				father / vader	Vater	far faa(r)*

* De même encore chez les vieilles générations de notre région : *Då verröön noch Vaar än Moor*. "Il trahirait son père et sa mère".

Fig. 4. ‚Lautverschiebungs‘-Phänomene in den romanischen und germanischen Sprachen

Obwohl H. M. Heinrichs, R. Schützeichel und andere Forscher seit langem autochthon wirkende örtliche Mitlautverschiebungsercheinungen feststellten, — die ähnlich auch im Romanischen, in den skandinavischen Sprachen und im Englischen auftreten, — verharren gewisse Autoren bei imperativen Formeln, wie sie insbesondere zur Nazizeit gerne benutzt wurden.

So schreibt der Genker Germanist Jan Goossens noch 1994 in Band II seines „Fränkischen Sprachatlas“ (S. 16) deduktiv und diktorisch: „An der Auffassung, dass die Uerdinger Linie vorgeschobene Sprachformen südlicheren Ursprungs im niederfänkischen (sic!) Raum, der sonst keine Lautverschiebung kennt, begrenzt, ist nicht zu rütteln...“ S. 18 zitiert er sogar in Theodor Frings' imperialistischem Stil die Uerdinger Linie (*ik/ich, ook/och*) „sei das Ergebnis eines „letzten Eroberungsstadiums“ an der Peripherie des Kölner Landes ... rund um 1500.“ Köln steht für ihn als *das* Strahlungszentrum südlicher Phänomene unabdingbar fest; vom nahen Aachen, von wo aus immerhin seit dem 8. Jh. die Geschicke Westeuropas mitbestimmt wurden, nimmt der Limburger — wie so mancher Sprachforscher und Historiker — keinerlei Notiz!

Weshalb manche flämisch-limburgische Autoren lieber Einflüsse aus fernerer deutschen Landen anerkennen als aus dem maasländischen Zentrum Aachen, deutet der limburgische Sprachforscher Jozef Leenen in seinem Beitrag über den ‚Drielandenblik‘ bei Vaals-Gemmenich-Aachen lakonisch an: „We hebben geen taalkundig propagandamateriaal voor de oprichting van een neokarolingische staat willen leveren...“ (Leenen 1938).

Dass der sog. ‚Rheinische Fächer‘ in Wirklichkeit um die Achse der maasländischen Stadt Aachen dreht, wird deutlich, wenn man die Zirkelnadel dort ansetzt. Zudem wird klar, wie viel Raum im Osten des Maastals, über Lüttich hinaus, im Mittelalter ans Romanische übergang, was die wesentliche Einbuchtung der germanisch-romanischen Sprachengrenze nach Nordosten hin erklärt. Germanische Wurzeln haben hier Toponyme wie Dalhem, Herstal, Chertal, Visé/Wezet, Warsage/Weerst etc. Auch der Name Liège/Lüttich/Luik/ — regionalsprachlich unverschoben in Aachen und Köln /Lük/ und Luxemburg /Lik/ — soll ursprünglich teils germanische Wurzeln haben.

2.2. Wie die Dialekte bietet nämlich auch die Toponymik ein Bild der jahrtausendealten Bevölkerungsvermischung, die m.E. durch

lokale Substratwirkung die LV verursachte. Der Ortsname *Gemmenich* /*Jömelech*/ beispielsweise ist aus drei Sprachen zusammengesetzt: Gem-ini-acum: Keltisch (oder belgisch?) -aco latinisiert zu -acum „Ort, Besitz“, germanisch -ini- „Clan, Familie“, beide sind Nachsilben zum romanischen (?) Personennamen Gemo, Geminius. Gesamtbedeutung: „der Besitz des Clans von Geminius“ (s. Fig. 5).

Fig. 5. Ortsschild vor Gemmenich beim Pilgerort Moresnet-Eichschen

Auch in der Toponymik treten ortsweise, selbst im Moselfränkischen, unverschobene Formen auf. In der ripuarischen Ortschaft Hauset (heute Gemeinde Raeren),

unweit Aachen, gibt es unverschobene Toponyme, wie /*Jéétenbäärech*/ „Geißenberg“ und /*Bökebösch*/ „Buchenbusch“. Im östlichen Randgebiet der belgischen Provinz Luxemburg heißt das Dorf *Beho* (mit LV aus dem germanischen Ortsnamen Buchholz) in der Regionalsprache /Bookels/. Der Nachbarort *Wathermal* trägt den gleichen ‚unverschobenen‘ Namen wie die bekannte Vorstadt von Brüssel in der ehemals rein niederfränkischen Provinz Brabant (Wintgens 2018: UNGEGN).

Fig. 6. Quoidbach (etym. *Böser Bach*) nahe bei Crawhez (etym. *Krähenheide*)

Ähnlich wie für Beho erklären sich die zahlreichen Hydronyme aus germ. *-baki* in der Wallonie und in Nordfrankreich. Das Appellativ /*Bak*/ bleibt in Eupen und Walhorn unverschoben, in Kelmis und weiter nach Westen heißt es /*Baach*/, wie im ripuarischen Vaals (NL), Aachen (D) und Raeren (B).

So finden sich im heute fast gänzlich romanisierten Dorf Clermont (etymologisch ‚Klare Mündung‘) unweit des Weilers Crawhez u. a. die Toponyme La Bach und Quoidbach (s. Fig. 6).

Diese Form reicht in Niederländisch Limburg bis südlich der alten Römerstraße Bavai-Tongeren-Maastricht-Valkenburg-Heerlen-

Rimburg-Jülich-Köln; sie erscheint u. a. in Cortembach /Kortemich/, Palenbach /Paalemich/, Craubach /Kraubech/ (Heerlen hat heute /Baak/). Im heute romanischen Raum treten, neben Schaarbeek oder Flobecq, unzählige Toponyme auf, die auf einer lautverschobenen Form fußen, wie -baie, Bombay(e), -bais, -Roubaix, -bis, Tubize...

Weit verbreitet ist das belgogalloromanische Toponym *Kiem* aus cam(m)inus (ergibt frz. chemin) besonders im Moselfränkischen. Im Karolingisch-Fränkischen finden sich so Tautologien in Montzen *Kinkenweg* (Montzen), in Eupen *Kinkebahn*, in Kelmis *Kénkepées*. Martelingen hat *Kiem*, Weiswampach, wie überall im Ösling, mit steigendem Diphthong, *Kiämel* (wohl Diminutiv) (s. Fig. 7).

Der steigende Diphthong mit *j/i* vor *i, é* und mit *w/u* vor *a, o* tritt in unserem Untersuchungsraum in den Relikträumen des Ösling (B; Lux.) sowie im engeren Maasraum (Aubel; Moelingen) auf. So z. B.

Fig. 7. /Der Kénkewääch/, tautologischer Name unweit des Ortszentrums Montzen

Fig. 8. Das Straßenschild im Weiler Biwisch unweit des Ortszentrums Elwen weist beide Phänomene der steigenden Diphthonge auf

auf nachstehenden Straßenschildern in der dreisprachigen Ortschaft Elwen / Troisvierges / Ulflingen, deren Name schon an den neolithischen Matronen-Kult erinnert. In der nahen deutschen Eifel befinden sich in Pesch (Steinfeld) und in Marmagen Statuen der drei Fruchtbarkeitsgöttinnen. Dieses alte, m. E. (prä-?)indoeuropäische Sprachmerkmal verbindet Westeuropa mit den slawischen und den skandinavischen Sprachräumen (Wintgens 1996) (s. Fig. 8).

Dass es zur karolingischen Zeit im engeren und weiteren Aachener Umfeld romanische Ansiedlungen gab, bezeugen die

Ortsnamen Walheim (D), Wallhorn (B: i. J. 888 noch Harne), Wahlwiller (NL). Welschbillig (im Großherzogtum Luxemburg) weist m. E. zudem auf eine ältere Wohnstatt der Belger (# Kelten) hin, die anscheinend zwischen der Leine (Hannover) und den Ardennen saßen. Aus diesem ‚melting pot‘ sind die westeuropäischen Sprachen entstanden: das Französische (die sog. Langue d’Oil) ist eigentlich die Sprache der romanisierten Franken (Superstrat). Ähnlich ist das Deutsche durch die LV entstanden, und zwar m.E. durch Substrat-Wirkungen der autochthonen Slawen, Rätoromanen, Gallo-Romanen und Belger. Das Englische wurde infolge der *Battle of Hasting*s (1066) u. a. durch das keltische Substrat und zugleich das franko-normannische Superstrat herausgebildet.

3. Forschungsunterlagen und Ergebnisse

3.1. Nicht nur die Mundartforschung und die Ortsnamenkunde, auch die Untersuchung der schriftlichen Dokumente bietet die Möglichkeit sprachhistorische Feststellungen zu machen und Schlüsse zu ziehen. So konnten wir dokumentieren, dass vom Ende des 13. bis gegen Ende des 16. Jh. — der Übernahme der Luthersprache — die westripuarische Schreibe die Sprache der meisten Territorien an Maas und Rhein war. Auch die zwischenterritorialen Verträge der sog. ‚Landfriedensbünde an Maas und Rhein‘ im 14. Jh. wurden in Aachen, seltener in Köln, in dieser diplomatischen Sprache abgefasst.

Dass Aachen eine sprachschöpferische Wirkung ausgeübt hat, beweist auch seine Lage im Zentrum des Areals, das die germanischen Monophthonge *i*, *ü*, *u* behalten hat, z. B. in /mii nö(j)/nöt Huus/ ‚mein neues Haus‘. Jozef Leenen nennt es verschiedentlich „het monoftongisch oerstadium“, das somit zwischen Lomel-Houthalen-Genk-Eigenbilzen-Riemst-Zichen im Norden und der sog. *Eifellinie* südlich von Bütgenbach-Büllingen, jenseits des Hohen Venns, fortbesteht.

Entscheidend aber für den Nachweis der sprachbildenden Kraft im Bereich der Wort-, Laut- und Formenlehre ist jedoch meines Erachtens das Festhalten an zwei Eigenheiten, die den engeren Aachen-Limburger Raum als äußerst widerstandsfähiges Reliktgebiet kennzeichnen: die Existenz eines eigenen bestimmten Artikels für Orts- und z.T. auch Zeitangaben, den sog. *jen*-Artikel (alle Genders), der heute in der „Euregio Maas-Rhein“ durch den Normierungseffekt der offiziellen Sprachen (deutsch; niederländisch) stark in Bedrängnis gerät. Er trat schon in der spätmittelalterlichen Schriftlichkeit sehr selten, meist nur in Toponymen, auf. Die zweite Eigenheit ist der be-

stimmte Artikel mask. Sing. *der* (*Maan, Titel, Hoot* etc.), der mitten im regionalsprachlichen *de*-Gebiet (B+NL-Limburg, Rheinland, Eifel, Luxemburg) erscheint und nachweislich in Aachen-Limburg autochthon in Dokumenten des 13. bis 16. Jh. verwendet wird, lange bevor die Luthersprache hier Fuß fasste (Wintgens 1982: 167; 180; 440 f.)

506. Graf Wilhelm v. Jülich weist das zwischen der Abtei und dem Vogte v. Burscheid wieder streitig gewesene Vogteirecht. — 1261, im September. ^{1) 1261, 1263}

Ich *Wilhelm* greue van *Guleche* dun kunt allen den die nu sien ende die herna kumen solen, dat ich also sulige zueinge, also was intuschen mine vrowe die epdisse inde den conuent van *Burschiet*, die van dere grawer ordenen sint, van einenthaluen, inde heren *Arnolde* den *voit* van *Burschiet* van andren haluen, alsus nieder han gelahet. Her *Arnolt* der *voit* ende sine nakumelinge, ende wat van ome kumen mah ende van sinen nakumelingen, solen lazen mine vrowe die epdisse inde den conuent in al den rechte, da si nu in is, also in oren hantvestene steit, die si van keiseren ende van kuningen halu, inde wat da nu gedain is, dat sal stede bliuen, inde dar umbe enmah der *voit*, noch engein siner nakumelinge, die van ome kumen sien of kumen mugen, iemerme mine vrowe die epdisse ende den conuent noch engeln er gult ze zalen sezzen. Vorwert ensal der *voit* noch engein siner

alles des denges, da die zueinge umbe was. Umbe dat dit dene eweliche stede bliue ende dat nieman herna brechen enmuge, so hait mien neue der *herzoge van Lemborg*, van deme dat die *vodie ruret*, durch bede van beiden siden sien ingesegele, ende ig dat min, ende dit goizhus van Achen dat hore, ende die stat van Achen dat hore, ende mien vrowe die eptisse dit hore, dere dat dene in einchalf anegeit, der *voit van Achen* dit sien, der droszete van *Rode* dit sien, her *Arnolt van Borscheit* der *voit*, deme dit dene van anderhaluen anegeit, dit sien, ane diesen brief gehalten; bit also sulicher vorworden, so we dat dit vorbreche, also also id bescreuen es, ende he des verzuget worde also also id vorschreuen is, dat wers alle bit gesamender hant ende unse nakumelinge weder deme wesen solen, de id zebrichet ende den anderen gestain de id heldet, ende die gewalt aue dun.

Du dit geschiede du warens dusend iar ende zweihundert iar ende ein en seszig iar dat got geboren wart, ende in den mande den man heizet September.

Fig. 9. Der mask. Sg. ist schon 1261 belegt in der ältesten regionalen Urkunde verfasst in Burscheid (Aus Th. J. Lacomblet; Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins, I-IV, Düsseldorf 1840-1858, Nr. 506)

Die schriftlichen Belege hierzu ebenso wie die Handhabung der LV durch die Schreiberhände im 16. Jh. wurden in unserer Dissertation (Wintgens: 1982) statistisch untersucht (s. Fig. 9).

Ein Registereintrag im Marktflecken Aubel, im Osten der Grafschaft Dalhem, aus dem Jahre 1565 in vorwiegend ripuarischem Wortlaut verwendet einleitend (Ende der 2. Zeile) den *gen*-Artikel in der Ortsangabe (s. Fig. 10).

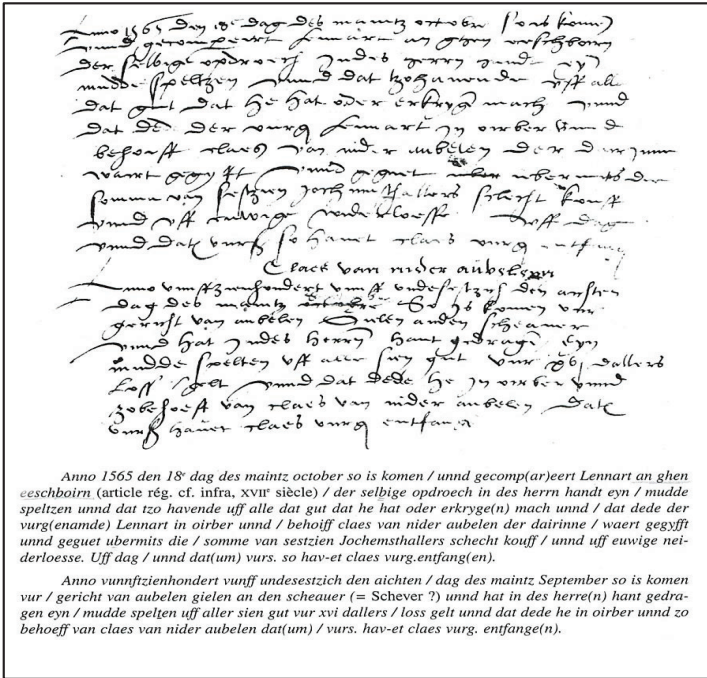

Fig. 10. Der *gen*-Artikel tritt 1565 im fast noch ripuarischen Eintrag in einem Gudungsregister von Aubel auf. (Registre aux oeuvres: Aubel 1551-1565, 260v, Archives de l'Etat, Liège)

Noch heute findet sich diese Eigenheit der Regionalsprache auf offiziellen Ortsschildern in der Voer-Gemeinde (VG) und in Hergenrath (DG) sowie auf zusätzlichen toponymischen Hinweistafeln in der *plattdütschen* Gemeinde Plombières /ob-ene Bliiberech/ (CF) (s. Fig. 11).

Fig. 11. Der überlieferte *gen*-Artikel bleibt auch heute noch offiziell anerkannt: links in Hergenrath (DG), rechts in der Voer-Gemeinde (VG).

Die Wichtigkeit der ripuarischen Schreibe geht auch aus den epigraphischen Denkmalen hervor, die sowohl in Aachen selbst wie im

Fig. 12.

*Ave Maria, keiserin/
du bis tzo aichen/
eyn werdin(n)e.dich/
besoict so mennich/
vre(m)dt gast. u(n)da(n)c mois/*

Herzogtum Limburg vorliegen. Wie eine Beschwörungsformel verheißt ein Spruch am Wachturm des ‚kleinen Landgrabens‘ (ca. 1458), vor Limburgs Grenze bei Hauset, dem Fluch, der die Stadt Aachen mit ihrem Marienkult verschmäht (s. Fig. 12).

In der Sankt Georgs-Kirche auf dem Hochplateau mit der Hauptstadt des Herzogtums Limburg gibt der Sockel der 10 m hohen gotischen Theothek noch 1520 die Stifter eines Kirchenfensters in reinem Ripuarisch an. In den Verwaltungsregistern des 16. Jhs wechseln sich Altfranzösisch und Ripuarisch-Brabant-isch ab — wohl nach Wunsch der Bürger (Wintgens 1988: 25-27) (s. Fig. 13).

Fig. 13. Diese vinster hait gegeve(n)
Pirot Hubret/ meyer
tzo der tzyt tzo Limborch
ende sin huisfrauwe/ Dillien.
Bidt got vur dye selen.

Die Eingangstür der Burg Crawhez (Clermont) schmückt ein Segensspruch in hybrider Sprache: *In godd gey walt/ habbe icht gesstalt/ het gesche noe synen/ wellen. A(nn)o 1551.*

Unsere obige Sammelkarte beider Phänomene zeigt, dass die bereits im 10. Jh. bekannte *gen*-Form in einem geschlossenen südniederländisch-rheinischen Bezirk gegolten hat. In Hürtgen, Wolseifen und Prüm gibt es noch heute Reliktbelege, und das sogar im Nominativ: siehe das Prümer Gedicht „*Jen Turm vò Babel*“ in At-

las II (Wintgens 2016: 93). Diese Form ist m. E. verwandt mit dem isländischen Artikel (*h*)*in*.

Unsere letzte Karte bietet einen Einblick in die Lage und Ausdehnung des Karolingisch-Fränkischen Sprachareals. Ausgehend vom „Aachener Wirkungskreis“ rundum das alte Verwaltungs- und Kulturzentrum im Herzen der Krönungsstadt Aachen erstreckt es sich über die Maas hinaus bis zum Gete-Fluss und noch weiter nach Westen bis vor Leuven. Andererseits reicht das breite Tal der Mittelmaas nach Osten bis Kerpen und Frechen und umfasst etwas nördlicher das Tal der Ruhr, an deren rechtem Ufer die ‚rheinischen‘ Städte Düren und Jülich liegen.

4. Schlussfolgerungen und Forderungen an die Forschung

4.1. Eine Sprachlandschaft entsteht nicht innerhalb einer kurzen Frist; sie baut sich von innen her auf durch Adstrat-, Substrat- und Superstrat-Wirkungen beim allmählichen Zusammenwachsen der Bevölkerungen. Bereits 2000 schrieb der Verfasser mit Bezug auf die Sprachlinien, die das ehemalige westriparuarische Zentrum *Aachen* (halb-)kreisförmig oder elliptisch umgeben: „Aus den heutigen Mundarten wird ersichtlich, dass die karolingische Kultur eine sprachschöpferische Wirkung ausgeübt hat.“ (Wintgens 2000: 148). Die *Formenlehre* weist noch ‚Skandinavismen‘ auf wie die Substantivierung n. Sg. *e fingt; et langt; et mingt*; Sie ist im Lëtzebuergeschen sogar bei den Adjektiven (épithètes) die Norm: *e langt Haus*. Die *Lautlehre* bietet — wie im Englischen — die Vokalisierung des *ch* vor *t* u. a. /Naat/Nait/ „Nacht, nl. nacht“, des *l* vor Konsonant /Schower/ „Schulter, nl. schouder“, /Hoos/ „Hals“, /Wook/ „Wolke“, den Schleif-/Stoßton wie in /Daach/ Sg. — /Daach/ pl.; Hoot „Holz“ — Hoot „Hut“ etc. (vgl. den dänischen *stöd*). Der *Wortschatz* enthält u. a. romanische Relikt- oder Lehnwörter wie /Aat/ „Kellerdrainage“, /Kangel/ „Dachrinne“, /Ön/ (Alt-Limburg) neben /Én/ (Luxemburg) und /Öelech/ (Aachen-Raeren-Nord-Eifel) „Zwiebel“ usw. Zahlreiche weitere Belege enthalten die Bände *Sprachatlas des Karolingisch-Fränkischen*.

4.2. Viele dieser Phänomene finden sich auch im Englischen wieder. Gemeinsam mit den ostbelgischen Anglisten Dr. J. Schoonbroodt und Dr. C.-H. Discry unternehmen wir deshalb augenblicklich eine eingehende komparatistische Studie zur Wort-, Laut- und Formenlehre, deren erster Band *Lexis* voraussichtlich 2021 ediert wird. Wünschenswert wäre außerdem, dass die Russische Germanistik baldigst vergleichende Studien im Bereich der Lexik und der Lautlehre anre-

gen könnte, z. B. zu den oben behandelten steigenden Diphthongen und den verschiedensten Lautverschiebungsphänomenen, die schon J. Grimm, der Begründer des Forschungszweigs, konkret als Fortsetzung der Konsonanten-Entwicklungen seit den Anfängen der ‚1. oder germanischen Lautverschiebung‘ um ca. 1800 vor Christus betrachtete.

4.3. Falls aber die unkontrollierte Immigration (fast schon eine Invasion wie die Völkerwanderungen des frühen Mittelalters) weiter anhält, wird nicht nur die alte europäische Kultur stark in Bedrängnis geraten. Die unüberlegte pseudo-humanistische Welt-Offenheit gewisser PolitikerInnen — die die Folgen zweier immer grausamer wütenden Weltkriege bis heute Lügen strafen — wird mancherorts den „mariage intime“, die fruchtbare romanisch-germanische Symbiose in Westeuropa hinwegspülen. Auf jeden Fall wird jegliche Erforschung von Regionalsprachen unmöglich, da diese durch Pidgin-Englisch oder -französisch oder -deutsch ersetzt wurden. Der langjährige Ministerpräsident und jetzige Parlamentspräsident der DG, der Jurist Karl-Heinz Lambertz, fordert in seinem rezenten Buch — geschrieben im Dialog mit einem deutschen Publizisten — (Lambertz-Entel 2018), dass die ‚EU der Staaten‘ angesichts ihres Versagens dringend von einem *Europa der Regionen* abgelöst werden soll. Leere Schlagwörter wie „Wir schaffen das...“, die eine gewisse Kanzlerin — ohne jegliche Legitimierung seitens der EU (Lambertz-Entel 2018: 112-114) — plötzlich in den Raum schleudert, können ein lockeres Länder-Konglomerat nicht zur Stabilität führen — auch nicht auf Kosten wehrloser illegaler Arbeitskräfte. Die durch Terroranschläge verunsicherten Menschen in Belgien, Frankreich und Deutschland bis hin nach Schweden wünschen ein geborgenes Leben, das sie in den historisch bedingten Regionen der Territorien von vor dem *ancien régime* wiederzufinden hoffen. Die Bürger der exponierten Länder Griechenland (!), Italien, Spanien an den seit 2010 ungeschützten EU-Außengrenzen müssen fürchten, dass ihre Heimat unregierbar wird. Dass manche Politiker sich mehr um ihre persönliche Karriere kümmern als um das Wohl Europas und seiner Bürger, kann nur kurzfristig zu Amokläufen ungeschützter Steuerzahler und bürgerkriegsähnlichen Konfrontationen führen. Der *rush* ins *Eudorado* wird für Ortsansässige und Neuankömmlinge katastrophal enden, falls der von den beiden Autoren zwingend geforderte Umbau — insbesondere aber der Schutz der Außengrenzen — nicht umgehend unternommen wird. Den bei der RGV-Tagung geäußer-

ten Bedenken einer russischen Kollegin — ob die EU denn aufhören wolle zu existieren!?! — konnte der Referent, mit Bedauern, nur beipflichten. In der kosmopolitischen Grenzstadt Aachen wurden noch bis zum Ende des 19. Jh. Bücher in verschiedenen Sprachen gedruckt. Etwas von diesem kreativen *Flair* bietet die Thermen-Stadt auch noch heute: Das Motto an der Front eines Bürgerhauses beim *Aachener Domplatz* sollten alle EU-Politiker dringend beherzigen „*Tu peux ce que tu veux*“.

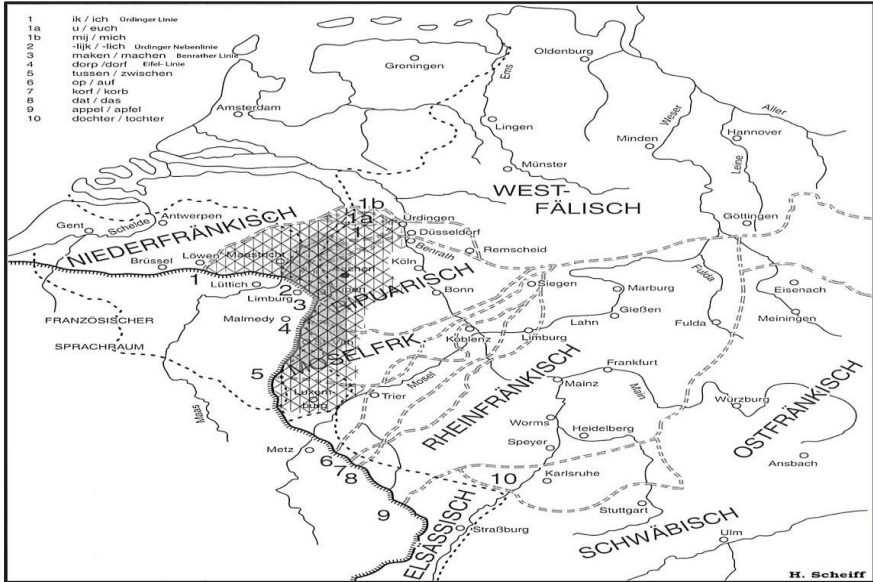

Fig. 14. Der sog. Rheinische Fächer ohne ‚Strahlungstheorie‘ sollte als objektives Arbeitsinstrument sachgerecht *Westgermanischer Sprachfächer* genannt werden³

³ Die Laut- und Wortlinien dieses Konstrukts stellen m. E. Ausgleichslinien dar, die wohl seit dem späten Mittelalter Spracherscheinungen aus der Zeit der Bevölkerungsvermischung fixieren. Der westlichste Teil ist konkret als „Aachener Wirkungskreis“ zu betrachten. Das zweifach eingefärbte Areal in der vorliegenden Fassung gibt erstmals *grosso modo* den gestaffelten Kernbereich des Karolingisch-Fränkischen Sprachraums an.

Zitierte Literatur / References

- Frings, Theodor, & Van Ginneken, Jac. (1922) Zur Geschichte des Niederfränkischen in Limburg. In *Zeitschrift für deutsche Mundarten*, 14, 97—208.
- Frings, Theodor. (1932) *Germania Romana*. Halle a. S.: Niemeyer.
- Goossens, Jan. (1994) *Sprachatlas des nördlichen Rheinlands und des südöstlichen Niederlands* (Fränkischer Sprachatlas). Zweite Lieferung. Marburg: Elwert.
- Kurth, Godefroid (Gottfried). (I 1896; II 1898) *La frontière linguistique en Belgique et dans le Nord de la France*. Bruxelles: F. Hayez, imprimeur de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. [Nachdruck 1974]
- Lambertz, Karl-Heinz, & Entel, Stefan Alexander (2018) *Von Eupen nach Europa. Ein Plädoyer für eine föderale und regionale EU*. Luxemburg: Media for Europe.
- Leenen, Jozef (1938). Franse taaluitzetting over Limburg. In *Handelingen van de Koninklijke Commissie voor Toponymie & Dialectologie*, Jg. 12, 149—166.
- Leenen, Jozef. (1950) De Limburgse taalgouw in het Nederlandse taalland. In *Album Prof. Dr. L. Grootaers*. Leuven, 53—62.
- Lerchner, Gerhard. (1971) *Zur II. Lautverschiebung im Rheinisch-Westmitteldeutschen — Diachronische und diatopische Untersuchungen*. Halle: Niemeyer. (Mitteldeutsche Studien 30).
- Sanchez, Vilar Juan Antonio. (2014) *Kerpen und Lommersum — Zwei brabantische Enklaven im Heiligen Römischen Reich*. Weilerswist: Verlag Ralf Liebe.
- Stevens, André. (1951) De evolutie van de Haspengouwse streektaalen. In *Limburgs Haspengouw*. Tongeren: Limb. Drukkerijen, 223—264.
- Welter, Wilhelm. (1938) *Die Mundarten des Aachener Landes als Mittler zwischen Rhein und Maas*. Bonn: Ludwig Röhrscheid.
- Wenker, Georg. (1877) *Das rheinische Platt, nebst einer Karte*. Düsseldorf: Selbstverlag. [2. Aufl.]
- Wintgens, Leo. (1982) *Grundlagen der Sprachgeschichte im Bereich des Herzogtums Limburg — Beitrag zum Studium der Sprachlandschaft zwischen Maas und Rhein*. Eupen: Grenz-Echo-Verlag. (Ostbelgische Studien I, Dissertation ULg.).
- Wintgens, Leo. (1988) *Weistümer und Rechtstexte im Bereich des Herzogtums Limburg — Quellen zur Regionalgeschichte des 14.-18. Jahrhunderts*. Eupen: Grenz-Echo-Verlag. (Ostbelgische Studien III)
- Wintgens, Léo. (1996) La Belgique, reflet de la 'frontière linguistique' ou terre de rencontre plurimillénaire? — Réflexions sur l'actualité historique en Europe de l'Est. In *Mémoires et Publications de la Société des Sciences, Arts et Lettres du Hainaut*, 98e vol., Mons: Maison Léon Losseau, 169—222.
- Wintgens, Leo. (2000) Les doublets toponymiques, témoins du passé commun

- / Toponymische Namenpaare als Zeugen gemeinsamer Geschichte:
„A garder ou à chasser?“. In *Bulletin de la Commission Royale de Toponymie & Dialectologie* LXXII. Brüssel, 117—151.
- Wintgens, Leo. (2010) *Echos aus einem europäischen Kuriosum: Neutral-Moresnet-Neutre*. Montzen-Aachen: Helios-Verlag. (5-sprachig).
- Wintgens, Leo. (2014) *Vergleichender Sprachatlas des Karolingisch-Fränkischen in der DG und in ihrem Umfeld*, I Wortschatz. Montzen-Aachen: Helios.
- Wintgens, Leo. (2016) *Vergleichender Sprachatlas des Karolingisch-Fränkischen in der DG und in ihrem Umfeld*, II Lautlehre, Formenlehre, Namenkunde, Sprachgeschichte, Wortschatz. Montzen-Aachen: Helios.
- Wintgens, Leo. (2018) *Exonyms and endonyms in historical contact regions — standardization without levelling: the case of Eastern Belgium* (UNGEGN). URL: <https://unstats.un.org/UNSD/geoinfo/UNGEGN/Brussels.html> ‘Symposium session 3, 11 October 2018’

Archives Générales du Royaume — Algemeen Rijksarchief, Brüssel.
Archives de l’Etat, Liège, u. a. Registre aux oeuvres d’Aubel 1551—1565.
Staatsarchiv Eupen.
Stadtarchiv Aachen.

Leo Wintgens

The Royal Commission for Toponymy and Dialect Research

The Carolingian Frankish Language Area in the Nucleus Sphere of Western Europe: Aachen-Limburg-Luxemburg

The nucleus area around the coronation town Aachen/Aix-la-Chapelle has, so far, been neglected by the philological research founded in the course of the 19th century. This is not acceptable, because here too, at the cross-roads of so many idioms, an intense creolization has occurred that, finally, gave birth to our modern languages English, French and German. Moreover, since the end of the 8th century until the beginning of the Modern era, the history of Western Europe was directed from this town, the coronation seat of the Carolingian dynasty and its followers. Much later, a ‘Rhenish fan’, developed by means of an empiric method, was falsified by imperialistic Prussian politics to become a fixed rule: the “2nd or ‘hochdeutsche’ consonantic shift” was so misused as an instrument of invasion of Southern phenomena towards the North. However in the years 1960 some philologists started to consider the shifts of the explosives *p, t, k* to the hissing sounds *f, ts, s, ch* as being autochthonous. By means of comparative analyses of the regional dialects, the toponymy and the historical sources, the lecturer has documented in his recent atlas books (Wintgens I 2014; I 2016), that the region Aachen-Limburg-Luxemburg contains plenty of materials for the study of the linguistical history of Europe. As for this, he agrees with Theodor Frings when he wrote that “in der deutsch-

romanischen Nahtzone ein älteres sprachliches Westeuropa bis heute lebt” (Frings 1932: 6). As a matter of fact, the erroneous term ‘deutsch’ ought to be replaced by *germanisch* corresponding exactly to *romanisch*. But, of course, if the actual uncontrolled immigration into Europe does not cease, the existence of our old Romanic-Germanic culture with its fruitful “mariage intime” will soon be in peril.

Key words: Phonetic shift; geography of language; a regional language; toponymy; community; the language border; linguistic history; epigraphy; writing/scripta

B. Lachhein
Universität Duisburg-Essen
L. A. Awerkina
Staatliche Linguistische Universität Nishnij Nowgorod

LEICHTE SPRACHE UND EINFACHE SPRACHE IM DEUTSCHEN DER GEGENWART

Leichte Sprache wurde in Deutschland infolge der UN-Behindertenrechtskonvention für und mit Menschen mit Lernschwierigkeiten entwickelt. Sie entspricht dem Sprachniveau A1. *Einfache Sprache* hat ihren Ursprung im Ausmaß des Analphabetismus in Deutschland. Gering literalisierten Erwachsenen sollen Informationen in und Freude an der deutschen Sprache auf dem Sprachniveau A2 bis B1 vermittelt werden. Bei beiden Konzepten tragen Kenntnisse der Hintergründe, Ziele und Zielgruppen zu einer stilicheren Textarbeit bei.

Schlüsselwörter: Leichte Sprache; einfache Sprache; Menschen mit Lernschwierigkeiten; Analphabetismus in Deutschland; gering literalisierte Erwachsene

Einleitung

Was ist los mit der deutschen Sprache?, fragen sich aufmerksame Beobachter im In- und Ausland.

Schlägt man in Deutschland eine Tageszeitung auf, schaltet Radio, Fernsehen oder den Rechner ein, springen Themen der Gegenwart ins Auge, wie Europäische Union, Migration, Klimawandel oder Digitalisierung. Die Themen werden in Wort und Bild aufbereitet angeboten — konzeptuell politisch korrekt, gegendert hinterlegt, in leichter und einfacher Sprache, gemäß Regeln und Empfehlungen von Institutionen, wie dem Duden, der Gesellschaft für deutsche Sprache und Universitäten.

Die Adaptionen unterliegen einem ständigen Entwicklungsprozess. Sie lösen kontroverse Diskussionen aus und erfordern nicht nur bei der Übertragung aus einer Sprache in die andere kontextuale Kenntnisse sondern auch innerhalb der Muttersprache Aufmerksamkeit hinsichtlich inhaltlicher, orthografischer, grammatikalischer und phonetischer Besonderheiten.

Den Schwerpunkt dieses Beitrages bilden die Konzepte der Leichten und Einfachen Sprache. Widmet man sich der deutschen Sprache unter dem Gesichtspunkt der Verständlichkeit, so wird deut-

lich, dass Fachsprache einer jeweils kleinen Gruppe von Experten zugänglich ist, während Leichte Sprache die höchste Form der Vereinfachung darstellt, verbunden mit der größten Reichweite. Somit bewegen wir uns im Spannungsbogen zwischen Fachsprache über Gemein- / Standardsprache und Einfacher Sprache bis hin zur Leichten Sprache (Hansen-Schirra, et al. 2015).

Das Konzept der Leichten Sprache — Entwicklung und Umsetzung in Deutschland

Das Konzept der Leichten Sprache wurde infolge der UN-Behindertenrechtskonvention aus dem Jahr 2008 und deren Ratifizierung in Deutschland 2009 entwickelt und verbreitet. Menschen mit Lernschwierigkeiten setzen sich bereits seit den 1960-er und verstärkt 1990-er Jahren für eine gleichberechtigte Teilhabe am gesellschaftlichen Leben ein. Behinderte Menschen werden von nun an nicht mehr nach dem medizinischen Modell als *Kranke* betrachtet, sondern als Menschen (*Menschenrechtliches Modell*), deren Behinderung eher von außen durch Umwelt und Strukturen wirkt (Beck 1994).

Das 2006 als Verein gegründete *Netzwerk für Leichte Sprache* mit vier Fachstellen aus den fünf Ländern Deutschland, Österreich, Schweiz, Luxemburg und Italien, ist öffentliches Sprachrohr zur Durchsetzung einer selbstbestimmten und aktiven Teilhabe.

Für eine wissenschaftliche Begleitung sorgte ab 2015 in Zusammenarbeit mit dem Ministerium für Soziales, Arbeit, Gesundheit und Demografie eine vergleichende Rezeptionsstudie unter dem Titel *LES is more — Leichte und Einfache Sprache in der politischen Medienpräsenz* unter der Leitung von Hansen-Schirra und Gutermuth, Sprachwissenschaftler am Fachbereich Translations-, Sprach- und Kulturwissenschaft der Johannes Gutenberg-Universität Mainz. In die Studie einbezogen waren drei Gruppen: Menschen mit kognitiven Einschränkungen, mit Migrationshintergrund und ab einem Lebensalter über 65 Jahren.

Neben der Erhebung der Lesezeit wurden Verständlichkeitstests durchgeführt. Im Ergebnis zeichnete sich ab, dass sich das Textverständnis von Menschen mit Behinderungen verbessert, während sich Senioren von Leichter Sprache unterfordert fühlen (Hansen-Schirra 2017).

Grundsätze Leichter Sprache folgen besonderen Sprach- und Rechtschreibregeln sowie Empfehlungen zu Typografie und Medieneinsatz. Unter anderem ist der Fokus auf die Verwendung be-

kannter Wörter, die Vermeidung des Genitivs, Konjunktivs, Präteritums gerichtet und entspricht dem Sprachniveau A1. Weitere Vorgaben betreffen die Satzbildung. Ein Satz soll aus maximal acht Wörtern bestehen, nur eine Aussage und keine Nebensätze enthalten. Nach jedem Satzzeichen folgt ein Absatz. Die Schrift soll groß und serifenlos sein. Sind diese Bedingungen erfüllt, erhält der Text das seit 2002 etablierte europäische Gütesiegel *Leichte Sprache* (Netzwerk Leichte Sprache 2019).

Um die Informationsverarbeitung der im Deutschen häufig vorkommenden Komposita zu erleichtern, wird deren Auflösung durch den Einsatz von Mediopunkt oder Bindestrich empfohlen. *Deutsch ist für die langen, zusammengesetzten Wörter bekannt, (...). Nicht immer lässt sich dafür eine Alternative finden, sodass auch in der Leichten Sprache komplexe Komposita vorkommen*, unterstreicht Silke Gutermuth die Notwendigkeit der Segmentierung (Giegerich 2017).

Texte in Leichter Sprache zu verfassen, ist eng an Personen aus der Zielgruppe geknüpft. Jeder Text, der mit dem Siegel *Leichte Sprache* versehen worden ist, wurde von mindestens zwei Prüfpersonen mit Lernschwierigkeiten gelesen und hinsichtlich seiner Verständlichkeit für die Zielgruppe beurteilt. Seit 2011 gibt es mit der *Barrierefreien Informationstechnikverordnung* (BITV 2.0) eine gesetzliche Grundlage in Deutschland, wonach *wichtige Informationen alternativ in Leichter Sprache vorzuhalten* sind (BITV 2.0 §4). Entsprechend führen Behörden, Ministerien, Institutionen, Rundfunk- und Fernsehanstalten auf ihren Webseiten die Rubrik *Leichte Sprache*.

Das Konzept der Leichten Sprache ist aus der Praxis heraus und dem Bedarf an einer eigenständigen Informationsgewinnung entstanden. In der Folge entstanden neue Arbeitsplätze in sogenannten Büros für Leichte Sprache. In Deutschland existieren heute circa 80 solcher Büros (Straßmann 2014). Die potenziellen Prüfer absolvieren dort eine Ausbildung und arbeiten anschließend für verschiedene Auftraggeber, wie Verbände, Ministerien, Veranstalter von Konferenzen oder Festivals.

Zur Erfüllung der Vorgaben für Bundesbehörden zum Bereitstellen von Informationen in Leichter Sprache infolge der Änderung des Behindertengleichstellungsgesetzes sowie der Sicherung der Qualität wurde das Berufsbild *Fachkraft für Leichte Sprache* seit 2018 zum Ausbildungsberuf (Deutsches Ärzteblatt 2018). Inzwischen hat sich Übersetzen/Dolmetschen für Leichte Sprache für Menschen mit

Behinderungen, Demenz oder mit Migrationshintergrund als neues Dienstleistungsangebot herauskristallisiert (vgl. Wagner 2019).

In einem aktuellen Forschungsprojekt der Universität Leipzig wurde unter dem Titel *Leichte Sprache im Arbeitsleben (LeiSA)* von November 2014 bis Januar 2018 eine sprachwissenschaftliche Bestandsaufnahme erhoben. Wissenschaftler in einem interdisziplinären Team aus Sonderpädagogen, Sozialmediziner, Soziologen und Linguisten sowie Menschen mit Lernschwierigkeiten evaluierten die sogenannte *Leichte Sprache* (Bock 2018). Die Autoren kommen zu dem Schluss, dass *Leichte Sprache* nun nicht mehr in einer strikten Form an Regeln gebunden sein, wie eingangs beschrieben, sondern über ihre **Absicht** bzw. **Funktion** definiert werden soll: *Leichte Sprache dient dazu, Kommunikation für Personenkreise, die sonst von dieser Kommunikation ausgeschlossen wären, verständlich zu machen und barrierefrei aufzubereiten* (Bock 2018: 11). Die bisherigen Regeln sollen gemäß der Studie der Orientierung dienen.

Um zu entscheiden, welche Formulierung im jeweiligen Fall besser oder schlechter ist, hat das Forschungsteam fünf Kriterien für das Schreiben von Texten formuliert (Ibid.: 16).

1. Ein Text muss zum Leser passen.
2. Er muss die Funktion und den Zweck des Textes deutlich machen.
3. Der Text soll dem Inhalt gerecht werden.
4. Er soll der Lesesituation entsprechen.
5. Der Text soll zum Sender passen.

Zur systematischen Verstetigung erschienen im Duden-Verlag 2016 drei Bücher zum Thema *Leichte Sprache* der Autoren Bredel und Maas:

Leichte Sprache. Theoretische Grundlagen — Orientierung für die Praxis;
Leichte Sprache. Ratgeber für Übersetzer oder Interessierte;
Arbeitsbuch Leichte Sprache.

Mit dem Einsatz digitaler Medien und der Nutzung ihrer Möglichkeiten zur Verbreitung der Leichten Sprache etablierte sich konsequenterweise ein Online-Lexikon unter dem Namen *Hurraki*. Hervorzuheben ist, dass dieses Lexikon zum gegenwärtigen Zeitpunkt unter Verwendung eines einheitlichen Logotyps, länderspezifisch modifiziert, auch in englischer, italienischer, ungarischer und spanischer Sprache zur Verfügung steht. Die Präsentation spricht optisch ihre spezifische Zielgruppe deutlich durch die Textmerkmale wie

Mediapunkte, kurze Sätze und einfache Wörter an (Hurraki 2019).

Das Konzept der Einfachen Sprache — ein Erfordernis der Gegenwart

Neben der leichten Sprache wird eine weitere Differenzierung im Spannungsbogen der Verständlichkeit diskutiert.

Das Konzept der *Einfachen Sprache* erhält seit den jüngsten Erkenntnissen über das Ausmaß des funktionalen Analphabetismus in Deutschland besondere Relevanz. Der vom Bundesministerium für Bildung und Forschung geförderten und an der Universität Hamburg durchgeführten Studie *LEO 2018 — Leben mit geringer Literalität* zufolge, leben in Deutschland rund 6,2 Millionen Menschen als sogenannte gering literalisierte Erwachsene: Sie können einzelne Wörter oder Sätze lesen, aber den Sinn von Texten nicht eigenständig erschließen. Für 52,6 Prozent dieser Menschen ist Deutsch die Muttersprache. Weitere 13 Millionen Menschen scheitern an fachlichen Texten (Grotlüschen, et al. 2019). Zudem ist für etwa eine Million Menschen Deutsch die Zweitsprache. Eine positive Tendenz kann konstatiert werden, weil nach der ersten Erhebung 2010 noch rund 7,5 Mio. Menschen zu den funktionalen Analphabeten zählten (Babka von Gostomski, Pupeter 2008).

Im Netzwerk *Einfache Sprache* wird das Konzept charakterisiert als *eine neue Sprachvarietät (Sprachstil) des Deutschen. Es handelt sich um eine Sprachvereinfachung, bei der weder der Inhalt verkürzt, noch die Lebendigkeit des Textes aufgegeben wird* (Netzwerk Einfache Sprache 2019).

Die Texte sollen inhaltlich klar, sprachlich korrekt und ästhetisch ansprechend bleiben. Als niedrigschwellige Angebote sollen sie den Zugang zur Schriftsprache und zu Büchern erleichtern. Die Einfache Sprache bewegt sich auf dem Sprachniveau A2 bis B1.

Folgende Merkmale kennzeichnen Angebote in Einfacher Sprache:

- *kurze Wörter*: zusammengesetzte Wörter sind möglichst aufzulösen oder mit Bindestrichen oder Mediapunkten zu verbinden;
- *verständliche Begriffe*: Grundwortschatz; keine Abkürzungen, Fachbegriffe oder Fremdwörter (wenn nötig, erklären);
- *einfache Grammatik*: starke Verben, anstatt Substantiv und schwachem Verb; Aktiv- statt Passivform; selten Konjunktiv;
- *kurze Sätze mit einfacher Struktur*: bis zu 15 Wörter pro Satz;
- *Subjekt — Prädikat — Objekt*; höchstens ein Nebensatz; kein Schachtelsatz;

- *übersichtlicher Text*: logisch aufgebaut; in kleine Absätze untergliedert; mit Zwischenüberschriften und Hervorhebungen;
- *gut lesbare Schrift*: serifenlose Buchstaben, Schriftgröße ab 12, große Zeilenabstände (möglichst 1,5);
- *eindeutige Fotos und Zeichnungen*, die zum Text passen.

Die Einfache Sprache stellt einen Mittelweg zwischen Leichter und Standardsprache dar. Sie spricht explizit *die breite Bevölkerung an — die Nicht-Fachleute. In der Praxis profitieren von der „einfachen“ Sprache jedoch vor allem Zugewanderte, Menschen mit Leseschwierigkeiten, funktionale Analphabeten, Touristen und Andere* (Netzwerk Einfache Sprache 2019). Eine besondere Zielgruppe für Einfache Sprache stellen Nicht-Muttersprachler dar, bei denen man davon ausgeht, dass sie sich zunehmend mehr Deutschkenntnisse erarbeiten und irgendwann vom Lesen in Einfacher zur komplexen Sprache wechseln werden.

Die Konzepte der Leichten und Einfachen Sprachen in der Praxis

Die Konzepte *Leichte und Einfache Sprache* werden oft gleichgesetzt, obwohl sie sich hinsichtlich ihrer Grundlagen, Regeln und Zielgruppen unterscheiden. Zu ihren Anwendungsgebieten gehören Nachrichten, Behördentexte, Informationen aller Art, ebenso wie Literatur. Texte werden entweder den Hauptaussagen des Originals entsprechend in Einfache Sprache *übersetzt* oder in Einfacher Sprache *neu formuliert*.

Dass ein zielgruppengerechter Umgang mit den Konzepten der Leichten bzw. Einfachen Sprache eine sensible Herangehensweise erfordert, soll am folgenden Beispiel verdeutlicht werden.

Die amtliche Wahlbenachrichtigung zur Landtagswahl in Schleswig-Holstein 2017 wurde erstmals in Leichter Sprache verfasst und unterschiedslos allen Bürgern zugestellt. Darin hieß es: *Dann bekommen Sie den Wahl-Schein und die Brief-Wahl-Unterlagen [...] Soll eine andere Person für Sie die Brief-Wahl-Unterlagen beantragen oder abholen? Dann braucht diese Person eine schriftliche Voll-Macht von Ihnen. Oder den von Ihnen unterschriebenen Wahl-Schein-Antrag.* Die Zeitung „Schleswiger Nachrichten“ vom 11.4.2017 fasst die Reaktionen der Bevölkerung unter der Überschrift *Wahlbenachrichtigungen in „leichter Sprache“ lassen viele Bürger ratlos zurück — und auch Experten wundern sich* zusammen. Im Artikel konstatiert der Redakteur irritierte, von einem primitiven Stil und falschem Deutsch peinlich berührte Bürger, ebenso wie Politiker, die die grundsätzliche Idee, die Schreiben

in leichter Sprache zu verfassen, verteidigten (Schleswiger Nachrichten 11.4.2017).

Auch der Buchhandel reagiert auf den neuen Markt und offeriert Bücher in Einfacher Sprache, die von Verlagen, wie dem Berliner Passanten-Verlag, herausgegeben werden. *Menschen, die Bücher in Leichter und Einfacher Sprache kaufen, können zwar meist lesen, aber es strengt sie schnell an. Gründe dafür sind, dass sie geistig beeinträchtigt sind oder alt. (...) Dazu zählen auch Zuwanderer, die Deutsch erst lernen*, so die Aussage von Lydia Herms, Autorin des Rundfunkbeitrags *Bücher in Leichter Sprache Einfach gut* im Gespräch mit der Übersetzerin und Mitbegründerin des Passanten-Verlages Doreen Hennig (Deutschlandfunk Nova 17.8.2015).

Eine vergleichende Leseprobe aus dem Roman Fjodor Dostojewskis „Weiße Nächte“ (s. Tabelle) verdeutlicht anhand von Merkmalen, wie Syntax, Wortwahl, Umfang und Layout die Unterschiede zwischen Standard- und Einfacher Sprache (vgl. Röhl 2011: 11-12; Hennig 2014: 6).

Im Münsteraner Spaß-am-Leben-Verlag werden neben Büchern in Leichter und Einfacher Sprache auch Begleitmaterialien für die Schul- und Erwachsenenbildung angeboten (Spaß am Leben Verlag 2019).

Die Konzepte der Leichten und Einfachen Sprache sind nicht unumstritten, wie am Beispiel der Wahlbenachrichtigung bereits verdeutlicht worden ist. Befürworter argumentieren damit, dass *Leichte Sprache* integrierend wirkt, Texte von der Zielgruppe auf Tauglichkeit geprüft, einfach, prägnant und übersichtlich strukturiert sind und folglich den Zugang zu Information und Literatur ermöglicht. Kritiker, wie der Sprachwissenschaftler Alexander Lasch oder der Lektor Mathias Stolarz, sehen dagegen einen Mangel an Gehalt, Stil, Metaphern oder Vergleichen. Texte wirkten durch ihre Uniformität wenig ansprechend, sie würden durch die starke Gliederung auseinandergerissen. Da Menschen mit Lernschwierigkeiten ganz unterschiedliche Bedürfnisse aufweisen, sei das Konzept nicht generell anwendbar. Letztlich seien ästhetische Defizite, Stigmatisierung und eine ausschließende Wirkung die Folge, besonders dann, wenn Formulierungen in *Leichter Sprache* als normabweichend wahrgenommen werden (Lasch 2017).

Tabelle. Vergleichende Leseproben Standard- und Einfache Sprache

<p>Fjodor M. Dostojewski. Weiße Nächte. Eine Liebesgeschichte. Aus dem Russischen von Hermann Röhl, Insel Verlag 2011</p>	<p>Fjodor M. Dostojewski. Weiße Nächte. Ein empfindsamer Roman. Nach der urheberrechtsfreien deutschen Übersetzung von 1917. Übertragen in Einfache Sprache von Doreen Hennig Passanten-Verlag Berlin 2014</p>
<p>Es war mir eine schreckliche Empfindung, so allein zurückzubleiben, und ganze drei Tage lang irrte ich in tiefer Schwermut durch die Stadt und begriff absolut nicht, was mit mir vorging. Mag ich auf den Newski-Prospekt oder in den Sommergarten gehen oder auf der Uferstraße hin und her wandern: nirgends auch nur eine einzige von den Personen, die ich das ganze Jahr über an ein und derselben Stelle zu bestimmter Stunde zu treffen gewohnt gewesen bin. Sie kennen mich natürlich nicht; aber ich meinerseits kenne sie. Ich kenne sie genau; ich habe beinahe ihre Physiognomien studiert und blicke sie mit Freuden an, wenn sie vergnügt sind, und werde mißmutig, wenn sie trube aussehen. Ich habe beinahe Freundschaft geschlossen mit einem alten Manne, dem ich tagtäglich zu bestimmter Stunde an der Fontanka begegne</p>	<p>Seit 3 Tagen laufe ich durch die Stadt. Ich laufe durch den Sommer-Garten, durch die Ufer-Straße. Nirgends sehe ich die Menschen, die mir sonst an diesen Orten begegnen. All die Menschen, die mich nicht kennen. Aber ich kenne sie. Ich kenne sie genau. Ich habe sie genau beobachtet. Ich freue mich, wenn sie glücklich sind. Ich werde traurig, wenn sie traurig sind. Fast habe ich mit einem alten Herrn Freundschaft geschlossen</p>

Schlussbetrachtung

Leichte Sprache ist ein sinnvoller Beitrag für die Zielgruppe. Ganz im Molière'schen Sinne: *Wer so spricht, dass er verstanden wird, spricht immer gut* (Molière 1622-1673). **Einfache Sprache** jedoch für die breite Bevölkerung zu etablieren, scheint der Sprachkompetenz nicht förderlich zu sein, besonders, wenn man berücksichtigt, dass auch das Erlernen der deutschen Sprache auf diesem Niveau erfolgen soll. Praktiker sind der Meinung, wenn man eine Sprache erlernt, ist es unerheblich, ob man sie auf Standard- oder einfachem Niveau erlernt. Unabhängig davon ermöglichen die Kenntnisse der Hintergründe, Ziele und Zielgruppen eine differenzierte Erschließung der Kontexte und tragen zu einer stilsicheren, erfolgreichen Textarbeit bei.

Zitierte Literatur / References

- Babka von Gostomski, Christian., & Pupeter, Monika. (2008) Zufallsbefragung von Ausländern auf Basis des Ausländerzentralregisters: Erfahrungen bei der Repräsentativbefragung — Ausgewählte Migrantengruppen in Deutschland 2006/2007 (RAM). In *Methoden, Daten, Analysen (mda)*, 2 (2), 149—177. Retrieved from <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-126673>.
- Bock, Bettina M. (2019) *Leichte Sprache — Kein Regelwerk. Sprachwissenschaftliche Ergebnisse und Praxisempfehlungen aus dem LeiSA-Projekt*. Berlin: Verlag Frank & Timme.
- Bredel, Ursula, & Maaß, Christiane. (2016) *Arbeitsbuch Leichte Sprache. Übungen für die Praxis mit Lösungen*. Berlin: Verlag Duden. [1. Aufl.]
- Bredel, Ursula, & Maaß, Christiane. (2016) *Leichte Sprache: Theoretische Grundlagen. Orientierung für die Praxis*. Berlin: Verlag Duden. [1. Aufl.]
- Bredel, Ursula, & Maaß, Christiane. (2016) *Ratgeber Leichte Sprache: Die wichtigsten Regeln und Empfehlungen für die Praxis*. Berlin: Verlag Duden. [1. Aufl.]
- Dix, Eva. (2017) *Leichte Sprache — eine Handreichung für die Praxis*. Jena; Weimar:
- Dostojewski, Fjodor M. (2011) *Weißer Nächte / Aus dem Russischen von Hermann Röhl*. Berlin: Insel Verlag. [1. Aufl.]
- Dostojewski, Fjodor M. (2014) *Weißer Nächte / Übertragen in Einfache Sprache von Doreen Hennig*. Berlin: Passanten-Verlag.
- Edmondson, Willis J., & House, Juliane. (2000) *Einführung in die Sprachlehrforschung*. Tübingen; Basel: UTB.
- Erstmals Fachausbildung für leicht verständliche Sprache. (2019. September 22) In *Deutsches Ärzteblatt*. Retrieved from

- <http://www.aerzteblatt.de/nachrichten/87273/> Erstmals-Fachausbildung-fuer-leicht-verstaendliche-Sprache
- Giegerich, Petra. (2019. September 07) Leichte Sprache auf dem Prüfstand. *idw-Informationsdienst der Wissenschaft*. Johannes Gutenberg Universität Mainz. Retrieved from <https://idw-online.de/de/news667587>
- Grotlüschen, Anke, Buddeberg, Klaus, et al. (2019. September 02) *LEO 2018 — Leben mit geringer Literalität*. Hamburg: Pressebroschüre. Retrieved from <http://blogs.epb.uni-hamburg.de/leo>
- Hahn, Walther. (1981) Einführung. In Hahn, Walther. (ed.) *Fachspachen*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1—14.
- Herns, Lydia. (2015. August 17) Bücher in Leichter Sprache Einfach gut. *Rundfunksendung*. Retrieved from <https://www.deutschlandfunknova.de/beitrag/leichte-sprache-besser-verstehen-mit-kurzen-saetzen>
- Jensen, O. (2017. April 11) Das Rätsel um die Land-Tags-Wahl. *Schleswiger Nachrichten*. Retrieved from <https://www.shz.de/16563051>
- Lasch, Alexander. (2019. September 02) *Leichte und einfache Sprache Eine empirische Grundlegung*. Kiel: Christian-Albrechts-Universität. Retrieved from https://alexanderlasch.files.wordpress.com/2017/11/leichte_sprache6.pdf
- Möhn, Dieter. (1981) *Fach- und Gemeinsprache — zur Emanzipation und Isolation der Sprache*. In Hahn, W. v. (ed.) *Fachsprachen*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 172— 217.
- Molière, Jean-Baptiste Poquelin (2019. September 02). 164 Zitate und 4 Gedichte von Molière. In *Aphorismen, Zitate, Sprüche und Gedichte*. Retrieved from https://www.aphorismen.de/suche?f_autor=2668_Molière
- Netzwerk Einfache Sprache. (2019. September 02) Retrieved from <https://www.netzwerk-einfache-sprache.com>
- Online-Lexikon Hurraki. (2019. September 02) Retrieved from <https://www.hurraki.de/wiki>
- Stolarz, Mathias. (08. September 2019) *Verständliche Texte durch eine angemessene Sprache*. Retrieved from <https://www.lektorat-stolarz.de/dienstleistungen/leichte-sprache.html>
- Straßmann, Burkhard. (2014. January 30) Deutsch light. *Die Zeit*, 6, 2014.
- Verordnung zur Schaffung barrierefreier Informationstechnik nach dem Behindertengleichstellungsgesetz (Barrierefreie-Informationstechnik-Verordnung — BITV 2.0)
- Wagner, Yvette. (2019. September 02) *Was sind leichte und einfache Sprache*. Retrieved from <http://www.die-leichtathletin.de/leichte-und-einfache-sprache.htm>

Barbara Lachhein

University Duisburg-Essen

Larisa A. Averkina

Nizhny Novgorod State Linguistics University

Plain Language and Easy-to-Read Language in Modern German

Plain Language Concept was developed for and with people having intellectual difficulties as a result of the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities. It corresponds to language level A1. The concept of *Easy-to-Read Language* has its requirement in a high rate of illiteracy in Germany. It corresponds to the level A2 to B1. In both cases, the knowledge of the background, characteristics, objectives and target groups contributes to a stylistically confident, successful text work.

Key words: Plain Language; Easy-to-Read Language; people with learning disabilities; analphabetism in Germany; low-literacy adults

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ВНЕШНЕЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Коммуникативно одночленные предложения, включающие в себя только рему, трактуются в статье как предложения с внешней перспективой, поскольку они не совместимы с маркерами пропозициональной установки. Цель исследования состоит в описании структурных моделей предложений с внешней перспективой в немецком языке. Посредством метода компонентного анализа были выявлены их типы; метод дистрибутивного анализа позволил определить их позиции в структуре текста; трансформационный анализ показал взаимосвязь модальных и топикализованных компонентов. В результате проведенного исследования были выявлены маркированные и немаркированные типы предложений с внешней перспективой. Маркированные типы отличаются структурной одночленностью, сдвиг референциального субъекта в позицию после предиката и использование формального подлежащего *es*. Анализ семантики подлежащего и позиции предложения в микротексте и тексте позволяет определить немаркированный тип.

Ключевые слова: модальность; тема; топик; внешняя перспектива; внутренняя перспектива; модель предложения; коммуникативная бинарность

1. Вводные замечания: к постановке проблемы

Термины «внешняя перспектива» и «внутренняя перспектива» в морфологии используются для дифференциации слов, принадлежащих одной части речи, на основании их грамматических свойств (глаголов, имен существительных, местоимений) (Leiss 1992; Engel 1998). Так, например, непредельные глаголы способны кодировать внутреннюю перспективу (например, *schlafen*, *blühen* и т. д.), а предельные — внешнюю (например, *einschlafen*, *aufblühen* и т. д.); имена существительные также могут быть интерпретированы с этой позиции (неисчисляемые типа *Gold*, *Sand* отражают внутреннюю перспективу, исчисляемые типа *das Buch*, *der Tisch* и т. д. отражают внешнюю перспективу) (Leiss 1992; Leiss 2000). С. Энгель рассматривает с этой позиции местоимения (Engel 1998). В данном случае внешняя перспектива позволяет рассматривать действие / объект как нечто целостное, в то время как внутренняя перспектива — это взгляд на действие / объект

как бы «изнутри».

Внешняя и внутренняя перспектива могут находить свою реализацию и на уровне предложения. Применительно к предложению слово «перспектива» употреблено в нашей работе в следующем смысле: это особая сила, способная превратить единицу словаря в единицу грамматики. Так, например, слово *Feuer* становится предложением (*Feuer!*) тогда, когда оно отражает ситуацию действительности в определенный период времени. В европейской грамматической традиции для обозначения перспективы используется термин «связка» (*Kopula*) (Zemb 1978; Leiss 2018); в отечественном языкознании — термин «предикативность» (Виноградов 1975). Интересны наблюдения Э. Лайсс (Leiss 2017) относительно существования двух типов связок — одна из них характерна для предложений, в которых структурировано наше общее знание о мире (например, *Der Hund ist ein Haustier*, подлежащее и сказуемое, выраженные именем существительным, выступают в сигнификативном значении), другая присуща предложениям, отражающим ситуацию в определенный отрезок времени и имеет конкретный референциальный объект (например, *Mein Hund lahmt*; *Der Hund ist heute krank*, в обоих случаях подлежащее использовано в денотативном значении). В данной работе мы будем оперировать термином «перспектива», а не «связка» и «предикативность» по нескольким причинам: во-первых, предложение и без отсутствия связки может считаться таковым (как, например, в случае *Feuer!*), во-вторых, вместо связки может быть использован и полнозначный глагол (например, *Hunde bellen*, *Katzen miauen*), а, в-третьих, это позволяет разграничить предложения с внешней и внутренней перспективой.

Предложения с внутренней перспективой могут содержать маркеры пропозициональной установки, что нехарактерно для предложений с внешней перспективой, ср.:

- (1) *Der Meister hatte sich während des ganzen Tages nicht blicken lassen. **Vielleicht saß er in der Schwarzen Kammer und hatte sich eingeschlossen.***¹
- (2) *Er war gerne Jurist und Richter, und wenn er, was er gemacht hatte, noch mal machen müsste, würde er es ebenso machen. **Das Fenster stand offen.** Auf dem Parkplatz wurden Türen zugeschlagen und Motoren angelassen.*²

¹ Preußler, Otfried. (1980) *Krabat*. Stuttgart: Thienemann Verlag.

² Schlink, Bernhard. (1995) *Der Vorleser*. Zürich: Diogenes Verlag.

Выделенное предложение фрагмента (1) содержит как пропозицию, так и пропозициональную установку. Оно интегрировано в текст и участвует в создании каузальных отношений на уровне микротекста. В следующем сегменте (2) выделенное предложение инициирует новую микротему, не связано по смыслу с предыдущим и создает некий фон для описания дальнейших событий. Предложение (1) можно рассматривать как отражающее внутреннюю перспективу, в то время как предложение (2) кодирует внешнюю перспективу, вводя новую информацию и инициируя микротему.

Мы полагаем, что предложения с внешней перспективой обладают своими структурными, семантическими и коммуникативными свойствами, которые определяют их позицию в структуре текста и влияют на их совместимость / несовместимость с модальными маркерами. Так, включение модальных показателей в выделенное предложение текстового сегмента (3) формально возможно, т. е. не ломает его грамматическую структуру, однако в смысловом отношении противоречит его роли как инициального предложения в микротексте:

- (3) *Ich hatte dort sonst nie zu tun. Ein anderer Student fuhr. Er war dort aufgewachsen und kannte sich aus.*
*Es war Donnerstag.*³

Выделенное предложение отрывка является коммуникативно нерасчлененным предложением — этот термин употребим в отечественной лингвистике в работах И. П. Распопова (1970), К. Г. Крушельницкой (1962), О. И. Москальской (1981). О. И. Москальская делает в связи с этим важное наблюдение о двух основных свойствах коммуникативно нерасчлененных предложений: (1) постпозиция подлежащего, влекущая за собой инверсию с *es*, что наблюдается в предложениях типа *Es war einmal ein König* и (2) оформление подлежащего неопределенным артиклем с оставлением его в начальной позиции, как например, в предложении-зачине басни Эдвина Гернле «Хамелеон»: *Ein von den Jägern hart verfolgter Panther kauerte einmal im Dickicht, um Atem zu schöpfen* (пример О. И. Москальской) (Москальская 1981: 139). В зарубежных исследованиях по германистике применительно к предложениям такого рода используется термин «те-

³ Schlink, Bernhard. Ibid.

тичные предложения» с момента появления работ японского германиста С. Куроды (1972). Сама по себе идея разграничения тетичных и категоричных суждений и типов предикаций восходит еще к наблюдениям философов Ф. Brentano и А. Марти; заслуга С. Куроды заключается в том, что он показал, что тетичное предложение — это простое суждение, воспринимаемое как нечто целостное, а категоричное суждение, напротив, трактуется им как двойственное суждение, включающее предикационную базу и предикат. В японском языке тетичные предложения маркированы суффиксом *-ga*, категоричные суждения маркированы суффиксом *-wa* (Kuroda 1972).

Немецкие, японские и китайские германисты, входящие в рабочую группу *Thetik und Kategorik*, обратились к вопросу о глубинной структуре тетичных предложений и особенностям их синтаксического оформления в немецком языке. Тетичным предложениям приписывается, прежде всего, свойство безличности: так, П.-М. Фогель указывает на то, что безличные предложения (z. B. *Es schneit; Es regnet*) уже изначально являются тетичными (Vogel 2006: 70), а В. Абрахам и Э. Лайсс пишут о специфике субъекта в тетичных предложениях: субъект и предикат в тетичных предложениях образуют целое, а не два различных синтаксических актанта (Leiss 2020: 32); они обладают своей спецификой в плане информационной структуры (Abraham 2020: 96); тетичные предложения не могут содержать в своей структуре модальные частицы и не включены в дискурс (Abraham 2019; Abraham 2020).

Таким образом, можно говорить о том, что для тетичных предложений как для предложений с внешней перспективой характерна особая структура. Для ее описания мы хотели бы обратить внимание на следующие моменты:

- позиция предложений в микротексте;
- взаимосвязь структуры предложения и его семантики и
- особенности глубинной структуры предложения с внешней перспективой.

Гипотеза исследования состоит в следующем: особенности глубинной структуры предложений с внешней перспективой в немецком языке находят свое отражение на уровне поверхностного синтаксиса.

Цель данной публикации заключается в описании струк-

турных моделей предложений с внешней перспективой в немецком языке. Выявление маркированных и немаркированных типов, в которых находит отражение внешняя перспектива, составляет научную новизну настоящего исследования. В работе представлен анализ предложений, обладающих временной референцией (предложения типа *Die Rose ist eine Blume* в статье не рассматриваются).

В качестве источников примеров послужили художественные произведения (роман О. Пройслера «Krabat», Г. Белля «Billard um halb zehn», Б. Шлинка «Der Vorleser», Э. М. Ремарка «Drei Kameraden», Г. Гецце «Narziss und Goldmund», «Der Steppenwolf», М. Фриша «Homo faber»), немецкие сказки (Das tapfere Schneiderlein, Hänsel und Gretel, Dornröschen и др.), басни Г. Э. Лессинга. Выбор художественных произведений не случаен и объясняется большим количеством тетичных предложений, использованных авторами для обозначения переходов от одной сюжетной линии к другой, смены повествовательных планов, для описаний природы, служащих дополнительным фоном повествования. Позиция предложений с внешней перспективой в микро-тексте и тексте зависит не в последнюю очередь от способов их оформления. Всего было проанализировано свыше 200 примеров, отобранных методом сплошной выборки. При обработке фактического материала были использованы методы компонентного, дистрибутивного и трансформационного анализа: метод компонентного анализа позволил дифференцировать отобранные примеры и составить модели предложений с внешней перспективой; посредством метода дистрибутивного анализа нам удалось определить их типичные позиции в структуре текста; трансформационный анализ способствовал выявлению взаимосвязи структуры предложения и его коммуникативного членения.

2. Глубинная структура предложений с внешней перспективой

Глубинная структура предложения определяется его информационно-структурным рисунком и способностью содержать в своей линейной схеме маркеры пропозициональной установки. Л. Рицци отобразил универсальную глубинную структуру предложения на следующей схеме:

... *Force* ... *Topic* ... *Focus* ... *Fin*... (Rizzi 1997: 288)

Force — иллокутивная сила, проявляющаяся в возможности

включения модальных маркеров в предложение, посредством которых передаются интенции говорящего и оценка говорящим пропозиции с точки зрения вероятности. *Top* — топиализованный элемент предложения, т. е. это тема предложения, или информация, ожидаемая от адресата («*Topiks sind adressatenseitig erwartbar*»; см. в [Wulf 2019: 227]). *Foc* представляет собой выделение одной из альтернатив, то, что несет основное ударение в предложении. *Fin* — это подчинительный союз. Рассмотрим реализацию этих компонентов на следующем примере:

- (4) [...] *er sagte laut:*
„*Vielleicht war es nur ein Spaß, ein Spiel*“.⁴

В выделенном предложении фрагмента (4) компонент *Force* находит свое формальное выражение в использовании маркера пропозициональной установки (модальное слово *vielleicht*); в роли топика (*Top*) выступает местоимение *es*. Фокусный экспонент (*Foc*) — эта та часть предложения, которая несет новую, значимую в предложении информацию и получает, как правило, наибольшее ударение — в данном случае речь идет об именном сказуемом (*ein Spaß, ein Spiel*). В работах, в которых рассматривается вопрос об информационной структуре предложения, зачастую используется термин комментарий (*Kommentar*) — под ним имеется ввиду та новая информация, которая сообщается в предложении о топике, т. е. о высказанной ранее и уже известной из контекста информации (см. в [Lohnstein 2000: 131]). Таким образом, рассмотренное нами предложение в отрывке (4) можно трактовать как предложение с внутренней перспективой, содержащее три базовых компонента на уровне глубинной структуры (*Force, Top, Foc*).

Рассмотрим предложение, в котором находит свое выражение внешняя перспектива. Для наглядности проанализируем первое предложение сказки Братьев Гримм «*Die Bienenkönigin*»:

- (5a) *Zwei Königssöhne gingen einmal auf Abenteuer* [...].⁵

Приведенный пример содержит только рему высказыва-

⁴ Böll, Heinrich. (1983) *Billard um halbzehn*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.

⁵ Grimms Märchen. *Die Bienenkönigin*. Retrieved from <http://maerchenwelt.eu/index.htm>

ния, так как вводит новую информацию и выступает в роли зачина текста. Как коммуникативно одночленное предложение оно не может содержать модальных маркеров: если появляются модальные слова, модальные частицы, модальные глаголы в эпистемическом употреблении, то это указывает на коммуникативную двучленность, т. е. деление на тему и рему, ср.:

(5b) *Zwei Königssöhne gingen vielleicht auf Abenteuer.*

Данное предложение уже не воспринимается как предложение-зачин, а как возможный вариант ответа на вопрос: *Wohin gingen zwei Königssöhne?*

В плане информационной структуры предложение (5а) одночленно: в двучленных предложениях топикализованный элемент может занимать позицию в пред-предполье, а подобная трансформация для предложения-зачина невозможна:

(5c) **Was zwei Königssöhne angeht, gingen sie auf Abenteuer.*

В лингвистической литературе указывается на то, что информационно-структурная бинарность проявляется в ударении: предложение, содержащее топик и комментарий, интонационно двучленно. Х. Лонштайн демонстрирует это на следующих примерах:

(6) */Peter \SCHLÄFT.*

(7a) *Das TeleFON\klingelt* (Lohnstein 2011: 398).

Деление предложения на топик и комментарий можно проследить на примере (6); в примере (7а) ввиду отсутствия топика ударение получает только комментарий, соответственно, предложение (7а) может быть рассмотрено как предложение с внешней перспективой. Это свойство не является постоянным для предложения со структурой S + P. Так, если оно употреблено в диалоге, и предикат приобретает ударность, т. е. кодируется *Verumfokus* (термин принадлежит Т. Хеле [Höhle 1992]; в отечественной терминологии — верификативная рема; см. в [Янко 2008]), то речь идет о категоричном утверждении, ср.:

(7b) *A: Das Telefon klingelt nicht.*

B: Das Telefon KLINGelt.

В приведенном примере выделенное предложение выступает в роли реплики ответа и служит не для констатации факта, а

для выражения отрицания, так как говорящий не согласен с мнением собеседника.

Перейдем к вопросу о том, находят ли особенности глубинной структуры тетичных предложений свое отражение на уровне поверхностного синтаксиса.

3. Структурные модели предложений с внешней перспективой

При анализе фактического материала и его систематизации учитывались следующие факторы:

- глагольность предложения;
- валентность глагола;
- позиция подлежащего в линейной схеме предложения;
- определенность / неопределенность субъекта.

Соответственно, были рассмотрены следующие типы предложений, в которых может находить реализацию внешняя перспектива.

I. Номинативные (назывные) предложения.

II. Безличные предложения.

III. Предложения с одновалентным предикатом.

IV. Предложения с двухвалентным предикатом.

В целом можно говорить о следующей закономерности: внешней перспективой обладают в первую очередь номинативные предложения и предложения с предикатом, валентность которого равна нулю. В предложениях, в которых валентность глагола равна единице или двум, тип перспективы определяет порядок следования компонентов в предложении, присутствие формального подлежащего и место предложения в структуре текста. Остановимся подробнее на грамматических и семантических особенностях обозначенных типов предложений.

Модель 1. Номинативные предложения ((Adj / PI / PII) + Nomen)

Номинативные предложения (по В. Г. Адмони — назывные предложения (Nennsätze); см. в [Admoni 1957: 169]) — один из классических вариантов тетичных предложений. В функции референциальных объектов выступают, как правило, предметы и объекты окружающей действительности. Назначение предложений такого рода — описание объектов действительности, на фоне которых разворачиваются события. Рассмотрим в связи с этим наиболее типичные примеры:

- (8) *So kam es, dass er erst gegen Abend sein Ziel erreichte. Schwarzkolln war ein Dorf wie die anderen Heidedörfer: Häuser und Scheunen in langer Zeile zu beiden Seiten der Straße, tief eingeschneit; Rauchfahnen über den Dächern, dampfende Misthaufen, Rindergebrüll.*⁶
- (9) *Karfreitag, am frühen Abend [...].*⁷
- (10) *Blauer Himmel, getünchte Wand [...].*⁸

Бытийные предложения служат для описания окружающих объектов, временных рамок, погодных и природных явлений, и уже по своей структуре они не могут быть коммуникативно бинарными. Они являются как предложениями-зачинами (9), (10), так и могут иметь место в середине абзаца (8).

Модель 2. Безличные предложения

Модель 2.1. Es + Корпула + Prädikativ

Предложения, выстроенные по данной модели, могут быть интегрированы в структуру абзаца, в особенности это характерно для типа текста «описание»:

- (11) *Da er nicht schlafen konnte, stand er schließlich auf und ging aus der Hütte. Es war kühl, ein wenig Wind spielte in den Birken.*⁹

Как видно из приведенного фрагмента, безличное предложение с местоимением *es* употреблено в середине микротекста, выступая в роли одного из элементов общего описания. В роли предикатива выступают, как правило, наречия как в (11). Предложения подобного рода служат для описания погоды, ср.:

- (12) *Als er eine gute Handvoll beisammen hatte, setzte er sich auf die Steine und ruhte. Es war heiß, und er blickte begehrllich zum Schattendunkel eines fernen Waldrandes hinüber.*¹⁰
- (13) *Wenige Sterne waren zu sehen, es war windstill, in der Höhe aber schien das Gewölk bewegt.*¹¹

Если в роли предикатива выступают имена существительные как в (14), (15) и (16), служащие для идентификации и характеристики названных ранее лиц /действий, то речь идет уже о предло-

⁶ Preußler, Otfried. (1980). Op. cit.

⁷ Preußler, Otfried. Ibid.

⁸ Böll, Heinrich. (1983). Op. cit.

⁹ Hesse, Hermann. (2000) *Narziss und Goldmund*. Zürich: Suhrkamp Taschenbuch Verlag.

¹⁰ Hesse, Hermann. Ibid.

¹¹ Hesse, Hermann. Ibid.

жениях с бинарной коммуникативной структурой и, соответственно, внутренней перспективой, а само местоимение *es* выполняет не функцию формального подлежащего, а имеет референцию с каким-л. объектом реального мира:

- (14) *Es war etwas anderes. Es war das Mädchen.*¹²
(15) *Wie schnell ging das alles, wie lag überall das Glück am Wege, wie schön und heiß war es und wie sonderbar vergänglich! Es war Sünde, es war Ehebruch.*¹³
(16) „O ja, und dabei soll es bleiben! *Es war mir Ernst!*“¹⁴

В выделенных предложениях в функции предикатива использованы имена существительные, в роли подлежащего — местоимение *es*, указывающее на одну из существующих альтернатив. Иную ситуацию мы наблюдаем, если существительное как предикатив несет временную семантику (*Mittag, Abend* и т. д.) или времен года (*Sommer, Winter* и т. д.), например:

- (17) *Es war die richtige Straße, aber kein Fahrzeug weit und breit. Ich verschnaupte, dann weiter auf dieser Straße mit gekiestem Teer, zuerst Laufschrift, dann langsam und immer langsamer, ich war barfuss. Es war Mittag.*¹⁵

Выделенное предложение фрагмента кодирует внешнюю перспективу.

Модель 2.2. Es + Prädikat

Эта модель характерна для предложений, содержащих глаголы с семантикой природных явлений, валентность которых равна нулю, например:

- (18) *Draußen regnete es. Es rauschte.*¹⁶

Как правило, речь идет о нераспространенных конструкциях — возможны лишь указания на место и время.

В некоторых случаях предложения, выстроенные по данной модели, могут иметь вид категоричных суждений, то есть коммуникативно бинарных. Это становится возможным, если

¹² Hesse, Hermann. Ibid.

¹³ Hesse, Hermann. Ibid.

¹⁴ Hesse, Hermann. (1999) *Der Steppenwolf*. Zürich: Suhrkamp Taschenbuch Verlag.

¹⁵ Frisch, Max. (2003) *Homo faber*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag.

¹⁶ Böll, Heinrich. (1967) In der Finsternis. In *Erzählungen*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 104—111.

они употреблены в диалоге и предикат получает наибольшее ударение (кодировка Verumfolus), например:

- (19) A: *Draußen war es warm. Es kann nicht wahr sein, dass es regnete.*
B: ***Draußen REGnete es.***

В приведенном примере выделенное предложение представляет собой реакцию говорящего на слова собеседника. Посредством ударного выделения финитной формы глагола говорящий отрицает утверждение собеседника.

В монологе предложения данного типа всегда коммуникативно одночленны и отражают внешнюю перспективу.

Модель 3. Предложения с одновалентным предикатом

Модель 3.1. S + P (+ Adv_{loc})

По нашим наблюдениям, чаще всего в предложениях данного типа в роли подлежащего выступают существительные, обозначающие единственные в своем роде явления (Unika), как это можно проследить на следующих примерах:

- (20) *Es ist Frühling, der Schnee ist dahingeschmolzen, der Wind hat ihn auf getilgt. Krabat geht durch den Koselbruch, es ist Nacht und Tag. **Der Mond steht am Himmel, die Sonne scheint.***¹⁷
- (21) *Als sie zur Stadt hinaus waren und die Höhen am anderen Ufer des Stromes erreicht hatten, lenkte der Meister die Kutsche auf freies Feld. Dort erhoben die Pferde sich wieder vom Boden, und weiter ging es, in luftiger Höhe heimzu. **Der Mond stand im Westen, recht tief schon, er musste bald untergehen.** Krabat hing schweigend seinen Gedanken nach.*¹⁸
- (22) *Im Umgang mit Stechscheit und Torfmesser ungeübt, hatte er Michal und Merten geholfen, die schwarzen, fettig glänzenden Torfziegel aus der Kuhle herauszukarren und aufzuschlichten. **Die Sonne schien, in den Wassertümpeln am Wegrand spiegelten sich die Birken. Das Gras auf den Hügeln im Moor war vergilbt, das Heidekraut längst verblüht.***¹⁹

Как видно из приведенных текстовых сегментов, предложения, содержащие в роли определенного субъекта существительные, обозначающие явления, единственные в своем роде, могут занимать позицию не только в начале, но и в середине абзаца и не всегда иницируют текст. Последнее предложение фрагмента (20) служит для создания дополнительного плана, на

¹⁷ Preußler, Otfried. (1980). Op. cit.

¹⁸ Preußler, Otfried. Ibid.

¹⁹ Preußler, Otfried. Ibid.

фоне которого осуществляется повествование. В отрывке (21) эту роль выполняет первое предложение абзаца. В последнем отрывке (22) с определенным артиклем употреблено не только существительное, обозначающее единственное в своем роде светило (*die Sonne*), — определенный артикль стоит перед названием деревьев и трав. По всей видимости, это один из приемов, позволяющих автору показать границы того пространства, в котором разворачиваются события. На следующих примерах можно проследить, что определенный артикль в тетичном предложении, инициирующем микротему, служит не для маркировки единственных в своем роде явлений, а для указания на конкретные детали места, где происходят описываемые события:

(23) *längst waren die Lücken wieder geschlossen, spielten Kinder auf Bleidächern, ging seine Enkelin drüben auf dem Kilbschen Bleidach mit Schulbüchern in der Hand auf und ab, wie vor fünfzig Jahren seine Frau dort auf- und abgegangen war – oder war's nicht doch Johanna, seine Frau, die an sonnigen Nachmittagen dort Kabale und Liebe las?*

Das Telefon klingelte; *angenehm, dass Leonore den Hörer abnahm, ihre Stimme dem unbekanntem Anrufer Antwort gab.*²⁰

(24) *Sie stellte die Tasse auf den Tisch. Ich lehnte am Bett. Ich hatte ein Gefühl, als wenn ich von einer langen, schwierigen Reise nach Hause gekommen wäre. Die Vögel begannen zu zwitschern.*²¹

Внешнюю перспективу в предложениях данного типа (23), (24) определяет их позиция в начале абзаца. Факультативный компонент в предложениях данного типа - показатели места, например:

(25) *Die folgende Nacht verbrachten sie in der Schmiede von Petershain auf dem Heuboden; dort geschah es, dass Krabat zum ersten mal jenen seltsamen Traum hatte. Elf Raben saßen auf einer Stange und blickten ihn an.*²²

Модель 3.2. Es + P + S (+ Adv_{loc})

Однозначным маркером предложений с внешней перспективой является формальное подлежащее *es* при наличии в предложении референциального подлежащего — его позиция после предиката позволяет выдвинуть на первый план бытийность,

²⁰ Böll, Heinrich. (1983). Op. cit.

²¹ Remarque, Erich Maria. (1983) *Drei Kameraden*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.

²² Preußler, Otfried. (1980). Op. cit.

т. е. описание ситуации в некий момент времени в некотором пространстве:

- (26) *Krabat setzte sich auf und erstarrte vor Schreck.*
*Es standen elf weiße Gestalten an seinem Lager, die blickten im Schein einer Stallaterne auf ihn herunter: elf weiße Gestalten mit weißen Gesichtern und weißen Händen.*²³
- (27) *Es lebte einmal eine alte Königin.*²⁴

Предложение, содержащее местоимение *es* в инициальной позиции в (26), инициирует микротему и занимает позицию в начале абзаца. Предложение (27) — зачин сказки. По наблюдениям В. Дресслера, отсутствие референциального субъекта в первой позиции и использование местоимения *es* — не что иное, как прикрытая начальная позиция глагола (Dressler 1973: 59).

Модель 3.3. Adv_{temp} (Adv_{loc}) + P + S_{indef}

Один из вариантов построения тетичных предложений, содержащих одновалентный глагол, предполагает использование локальных или временных показателей в позиции перед предикатом. Перед показателями места и времени, употребленными в начале предложения, стоит, как правило, неопределенный артикль, в некоторых случаях — нулевой артикль. В роли предиката выступает полнозначный или связочный глагол с семантикой бытийности (*leben*, *wohnen* или *sein* в значении *existieren*), ср.:

- (28) *Vor Zeiten war ein König und eine Königin [...].*²⁵
- (29) *Vor einem großen Walde wohnte ein armer Holzhacker [...].*²⁶

Модель 4. Предложения с двухвалентным предикатом
(S_{indef/def} + P + O)

Предложения с переходным глаголом также могут кодировать внешнюю перспективу и считаться тетичными — определяющую роль играет при этом контекстуальное окружение. Свой статус коммуникативно одночленных предложений они приобретают только в начале текста. Классическим примером

²³ Preußler, Otfried. Ibid.

²⁴ Grimms Märchen. *Die Gänsemagd*. Retrieved from <http://maerchenwelt.eu/index.htm>

²⁵ Grimms Märchen. *Dornröschen*. Retrieved from <http://maerchenwelt.eu/index.htm>

²⁶ Grimms Märchen. *Hänsel und Gretel*. Retrieved from <http://maerchenwelt.eu/index.htm>

могут послужить примеры, отобранные из басен Г. Э. Лессинга:

(30) *Ein Schäfer hatte durch eine grausame Seuche seine ganze Herde verloren.*²⁷

(31) *Das pfeilschnelle Renntier sah den Strauß und sprach [...].*²⁸

Как видно из приведенных примеров, имя существительное, занимающее позицию подлежащего, может выступать как с определенным, так и с неопределенным артиклем.

В целом можно заключить, что предложения с внешней перспективой по своей структуре — это не всегда безличные предложения. В роли подлежащего может выступать определенный или неопределенный референциальный субъект — в таком случае тетичность предложения формирует контекстуальное окружение. Независимо от позиции в тексте всегда тетичны бытийные предложения; предложения с формальным подлежащим *es* при наличии референциального подлежащего в среднем поле; предложения с маркерами времени или места в предполье и подлежащим в среднем поле, если все они выступают с показателями неопределенности.

4. Результаты исследования и их обсуждение

Глубинная и поверхностная структура предложений находятся в тесной взаимосвязи. В разделе 2 было показано, что предложения с внешней перспективой на уровне глубинного синтаксиса отличает отсутствие модальных маркеров, позволяющих передать интенцию говорящего (компонент *Force*). Это напрямую связано с наличием в предложении топикализованных элементов (*Top*), т. е. информационно-структурная одночленность исключает пропозициональную установку. Напротив, присутствие топика придает предложению иллокутивную силу и делает его коммуникативно бинарным. Неполная схема предложения с внешней перспективой, содержащая только комментарий, или *Foc*, т. е. то, ради чего осуществляется высказывание, может находить свое выражение на уровне синтаксической структуры: так, предложения с формальным подлежащим *es* при наличии референциального подлежащего, безличные и назывные предложения — это всегда предложения с внешней перспективой. Внешняя перспектива имеет место и в предложениях с локальными и / или временными показателя-

²⁷ Lessing, Gotthold Ephraim. *Der Wolf und der Schäfer*. Retrieved from <http://www.udoklinger.de/Deutsch/Fabeln/Lessing.htm>

²⁸ Lessing, Gotthold Ephraim. *Der Strauß*. Ibid.

ми в предполье и подлежащим с неопределенным артиклем в среднем поле предложения. В предложениях, в которых используется глагол с валентностью 2, может находить свою реализацию как внешняя, так и внутренняя перспектива — определяющим фактором является позиция предложения в структуре текста: инициальное предложение абзаца (микротемы) всегда отражает внешнюю перспективу, в то время как предложение с внутренней перспективой интегрировано в микротекст и текст и коммуникативно бинарно. Аналогичная ситуация может иметь место при одновалентном глаголе, если субъект предложения использован с определенным артиклем. Исключение из этого правила представляют те типы предложений, в которых в роли подлежащего выступают имена существительные, обозначающие явления, единственные в своем роде (*der Mond, die Sonne*; см. пример (20)). В результате можно говорить о существовании маркированных и немаркированных типов предложений с внешней перспективой.

В систематизированном виде предложения с внешней и внутренней перспективой на уровне глубинного и поверхностного синтаксиса представлены ниже (см. Табл.).

Таблица. Предложения с внешней перспективой на уровне глубинного и поверхностного синтаксиса

	Предложения с внешней перспективой	Предложения с внутренней перспективой
--	---	--

Уровень глубинного синтаксиса

Коммуникативное членение / информационная структура	R (только рема) К (только комментарий)	T-R (тема – рема) Т-К (топик-комментарий)
Маркеры пропозициональной установки	отсутствуют	могут быть включены

Уровень поверхностного синтаксиса

Позиция подлежащего	<p>I. <i>Маркированный тип</i>: (1) $E_s + P + S$; (2) безличные предложения; (3) назывные предложения; (4) $Adv_{temp} (Adv_{loc}) + P + S_{indef}$</p>	Референциальный субъект в функции подлежащего, предложение не иницирует микротекст / текст
	<p>II. <i>Немаркированный тип</i> (вид перспективы зависит от семантики подлежащего и положения в структуре текста): (1) $S + P (+ Adv_{loc})$; (2) $S_{indef/def} + P + O$</p>	

5. Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи топикализованных и модальных элементов: информационно-структурная одночленность предложения исключает использование маркеров пропозициональной установки. Это находит свое отражение и на уровне поверхностного синтаксиса. Маркированный тип предложений отличает смещение референциального субъекта в позицию после глагола. Для выявления немаркированных типов определяющим фактором является место предложения в структуре микротекста и текста.

Список литературы / References

- Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. [Vinogradov, Viktor V. (1975) *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike* (Selected Works. Researches of Russian Grammar). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Крушельницкая К. Г.* Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М.: КомКнига, 2006 (1962). [Krushel'nitskaya,

- Klavdia G. (2006) *Ocherki po sopostavitel'noi grammatike nemetskogo i russkogo yazykov* (Articles about Comparative Grammar of German and Russian). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. [Moskalkskaja, Olga I. (1981) *Grammatika teksta* (Text Grammar). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970. [Rasporov, Igor P. (1970) *Stroeniye prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* (Structure of a Simple Sentence in Modern Russian). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. [Janko, Tatyana E. (2008) *Intonatsionnye strategii russkoy rechi v sopostavitel'nom aspekte* (Intonation Strategies of Russian Speech in Comparative Aspect). Moscow: Jazyki slavjanskikh kultur (LRC Publishing House). (In Russian)].
- Abraham, Werner. (2019) Deutsche Modalpartikel in Nichthauptsatz- und Infinitivkonstruktionen. In Kaṭny, Andrzej; Lukas, Katarzyna, & Olszewska, Izabela. (eds) *Studia Germanistica Gedanensia*, 41. Gdańsk: Wydawnictwo uniwersytetu Gdanskiego, 17—36.
- Abraham, Werner. (2020) Zur Architektur von Informationsautonomie: Thetik und Kategorik. Wie sind sie linguistisch zu verorten und zu unterscheiden? In Abraham, Werner; Leiss, Elisabeth, & Tanaka, Shin. (eds) *Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik*. Tübingen: Stauffenburg, 87—144. (Studien zur deutschen Grammatik)
- Admoni, Vladimir G. (2002/1957) Zur Prädikativität. In Pavlov, Vladimir, & Reichmann, Oskar. (eds) *Sprachtheorie und deutsche Grammatik. Aufsätze aus den Jahren 1949-1975*. Tübingen: Niemeyer.
- Dressler, Wolfgang. (1973) *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Niemeyer.
- Engel, Sabine. (1998) *Das universale System der Personalpronomina. Das Fundament für Habermas' normative Begründung der menschlichen Vernunft?* Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Höhle, Tilman N. (1992) Über Verum-Fokus im Deutschen. In Jacobs, J. (ed.) *Informationsstruktur und Grammatik*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 112—141. (Linguistische Berichte, 4)
- Kuroda, Sige-Yuki. (1972) The Categorical and the Thetic Judgement. Evidence from Japanese Syntax. *Foundations of Language*, 9, 153—185.
- Leiss, Elisabeth. (1992) *Die Verbalkategorien des Deutschen*. Berlin: De Gruyter.
- Leiss, Elisabeth. (2000) *Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit*. Berlin: De Gruyter.
- Leiss, Elisabeth. (2017) Kodierung von Wissen und Erfahrung anhand von zwei unterschiedlichen Kopula- und Prädikatsqualitäten. In Tanaka, Shin; Leiss, Elisabeth, & Abraham, Werner. (eds) *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik*. Hamburg: Buske, 41—58.
- Leiss, Elisabeth. (2018) Das Phema bei Jean-Marie Zemb im Rahmen einer

- Theorie der Kopula. In Robin, Thérèse. (ed.) *Diskursgrammatik — Grammaire du discours. Hommage à Jean-Marie Zemb*. Bd. 2. Frankfurt am Main: Peter Lang, 57—69.
- Leiss, Elisabeth. (2020) Thetik, Kategorik und die Theorie der Kopula in der Universalgrammatik des Realismus. In Abraham, Werner; Leiss, Elisabeth, & Tanaka, Shin. (eds) *Zur übereinzelsprachlichen Architektur von Thetik und Kategorik*. Tübingen: Stauffenburg, 15—42.
- Lohnstein, Horst. (2000) *Satzmodus — kompositionell. Zur Parametrisierung der Modusphrase im Deutschen*. Berlin: Akademie Verlag.
- Lohnstein, Horst. (2011) *Formale Semantik und natürliche Sprache*. Berlin: De Gruyter. [2., durchges. u. erw. Aufl.]
- Rizzi, Luigi. (1997) The Fine Structure of the Left Periphery. In Haegeman, L. (ed.) *Elements of Grammar: Handbook in Generative Syntax*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 381—338.
- Vogel, Petra Maria. (2006) *Das unpersönliche Passiv: Eine funktionale Untersuchung unter besonderer Berücksichtigung des Deutschen und seiner historischen Entwicklung*. Berlin: De Gruyter.
- Wulf, Detmer. (2019) *Pragmatische Bedingungen der Topikalität. Zur Identifizierbarkeit von Satztopiks im Deutschen*. Tübingen: Narr.
- Zemb, Jean-Marie. (1978) *Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch. Teil 1: Comparaison de deux systèmes*. Mannheim: Bibliographisches Institut.

Anna V. Averina
Moscow State Region University

Structure Models of Sentences with External Perspective in German

Sentences consisting of one segment in terms of communication and possessing only the rhema are interpreted in the article as sentences with external perspective as they are incompatible with markers of propositional attitude. The aim of the article is to describe structure models with the external perspective in German. The method of component analysis was used to describe the types of such sentences; the distribution method allowed describing their positions in the text structure; the analysis through transformation helped to find the connection between topic and modality. As a result of the research two types of the sentences with external perspective were revealed: marked and non-marked ones. Predicate shifting and the use of the formal subject *es* are features of the marked sentence type; the non-marked sentences can be determined by the subject semantics and their position in the text structure.

Key words: Modality; topic; topic; external perspective; internal perspective; sentence model; communicative binary

А. В. Березовская
МГИМО МИД России

ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПТЫ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ТЕРМИНОСИСТЕМАХ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье рассматриваются проблемы функционирования немецкого юридического языка в условиях глобализации и пути их решения. Для юриста язык — это основной инструмент его профессиональной деятельности. Он необходим для точного понимания правовых норм. Концепция единой Европы в контексте единого глобального пространства изменила форматы коммуникации в разных сферах человеческой деятельности, что, безусловно, повлияло и продолжает оказывать негативное влияние на профессиональные языки. Так, немецкий терминологический корпус, формировавшийся веками, подвергается все более агрессивному внешнему воздействию. Можно говорить о создаваемой новой терминологической системе — общеевропейском понятийном аппарате, который будет способствовать формированию единого европейского правового пространства. Процессы сближения национальных законодательств, направленные на унификацию правовых систем государств-членов, должны при этом учитывать национальную идентичность правовой терминологии. Национальное право здесь рассматривается как исторически сложившееся выражение культурной идентичности. Особое внимание в статье уделяется сложностям, связанным с выбором эквивалента или заполнением лексической лакуны, взаимосвязи правовых концептов и способов их реализации, а также проблеме заимствований в языке права. Материалом для исследования послужили правовые акты Германии и ЕС.

Ключевые слова: терминологический корпус; европейская правовая терминология; концепт; национальная идентичность; эквивалент

1. Введение

Право Европейского союза представляет собой сложное образование, характерной чертой которого является наличие уникальной понятийной системы. Ее основу образует терминологический корпус национальных законодательств, однако мы наблюдаем и значительное, постоянно растущее число специфических терминологических образований, характерных для международного права. Для успешного функционирования Европейского законодательства необходима унификация правовых систем государств-членов, при этом важно учитывать

национальную идентичность правовой терминологии. В настоящее время немецкий язык сохраняет одну из лидирующих позиций в ЕС. Согласно данным, опубликованным МИД Германии, немецкий язык является самым распространенным родным языком в ЕС, в качестве иностранного языка он делит с французским второе место (<https://www.auswaertiges-amt.de>). Во многих исследованиях, посвященных роли и месту немецкого языка на европейском уровне, также утверждается, что немецкий язык в Европейском Союзе является иностранным языком номер два, а по численности носителей языка занимает первое место (Born 2000: 2175-2185). Однако на фоне евроинтеграционных процессов и укрепления позиций английского языка можно наблюдать агрессивное воздействие и трудности с поддержанием статуса немецкого языка. Так, в немецкоязычных версиях европейских нормативных актов все чаще встречаются неоправданные заимствования из английского языка, а формировавшиеся веками понятия «размываются» путем неточного использования терминов, что не характерно для текстов немецкого законодательства.

Право представляет собой единственную систему норм, обязательных для всех членов общества. В связи с этим терминологии уделяется значительное внимание при изучении языка права, поскольку она способствует точному и ясному формулированию правовых предписаний, достижению максимальной лаконичности юридического текста, а, следовательно, оптимизирует процесс реализации правовых норм. Многие исследователи специальных дискурсов подчеркивают, что для стабильности терминологии необходимо точное соответствие термина его определению, то есть его однозначность.

«Dadurch, dass die Begriffe festgelegt und von den anderen Begriffen abgegrenzt werden, werden die Begriffsbeziehungen verdeutlicht, was für die Erarbeitung der Begriffssysteme wichtig ist» (Мюллер 2016: 40).

Стоит отметить, что эта характерная черта термина встречается все реже, в текстах законодательства можно обнаружить большое количество синонимов. Кроме того, особенностью юридического термина является тесная взаимосвязь в нем языковых и правовых характеристик. Правовая терминология европейских правовых текстов оказывает существенное влия-

ние на терминологию национального законодательства, вследствие чего нарушается национальная правовая идентичность.

1.1. Правовая идентичность

Право выражает исторически сложившуюся культурную самобытность народов. Традиционно под правом понимают «систему норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся общеобязательным, нормативно-государственным критерием правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения» (Алексеев 1994: 123). Понятие права неотделимо от понятия правосознания, то есть формы общественного сознания в отношении юридической действительности, уникально реализующегося в разных государствах. Национальная правовая идентичность является камнем преткновения в процессе унификации правовых норм, поскольку представления и оценки людей относительно совпадения юридических норм с общественными требованиями обусловлены традициями и культурными особенностями страны. Чем сильнее стремление сблизить разные правовые системы в рамках Европейского союза, уравновесить правовые нормы разных стран, тем выше национальное правовое самосознание, тем острее желание сохранить свою идентичность.

Для целей нашего исследования интерес представляет когнитивный компонент правовой идентичности — сформированные представления о праве. Это знания субъекта о своих правах, обязанностях, гражданском долге, правопорядке, ценностях и законе. В памяти субъекта хранится информация, полученная им на основе личного опыта при освоении правовой действительности, то есть обусловленная непосредственным участием отдельного лица в правовой сфере жизнедеятельности общества, кроме того отражающая национальную специфику правовой сферы. Данная информация кодируется в понятиях, которые, в свою очередь, имеют фреймовую структуру. Под фреймом понимается «модель абстрактного образа, минимально возможное описание сущности какого-либо объекта, явления, события, ситуации, процесса» (Минский 1979: 5). Фрейм состоит из имени и отдельных единиц, называемых словами. Базовые фреймы юридического дискурса, такие как *закон, законность, порядок, справедливость, наказание, решение, по-*

разному представлены в разных языках и имеют отличающийся набор слотов. Правовая идентичность представителей разных стран базируется на разных принципах реализации правового сознания, что затрудняет процесс гармонизации правовых норм, направленный, прежде всего, на нивелирование противоречий правового сознания и устранении правовых коллизий. Процесс унификации правовых норм, а, значит, приведения к единообразию терминологического корпуса европейского законодательства осложняется наличием двух разнонаправленных векторов: процессом интернационализации, с одной стороны, и попытками сохранения и использования исконных терминов национального права, или терминов, образованных из корней национального языка, — с другой.

2. Постановка проблемы и характеристика материала

В юридическом дискурсе часто возникает проблема выбора подходящего эквивалента, а также правильного толкования используемой терминологии. Современные подходы к изучению специальных дискурсов позволили по-новому взглянуть на структуру термина и особенности его использования в языке права. Однозначность термина является аксиомой, однако сегодня все больше внимания уделяется изучению соотношения термина и стоящего за ним понятия, исследованию концептов специальных дискурсов и способов их репрезентации в языке права. Так, в законотворческом процессе Евросоюза часто возникает проблема выбора подходящего эквивалента при создании правовых текстов на немецком языке. Для поиска ее эффективного решения необходимо рассмотреть процесс заимствований в синхронном и диахронном аспектах, а также установить соотношенность отдельных концептов и терминов в национальных законодательствах стран-членов ЕС. С помощью лингвокогнитивного подхода можно осуществить комплексный анализ юридического дискурса права ЕС с учетом внешних и внутренних факторов, определить и исследовать его национально-специфические составляющие. В исследованиях терминологического корпуса права ЕС целесообразно учитывать влияние как лингвистических, так и социокультурных факторов. Применение когнитивно-фреймового подхода к изучению юридического дискурса позволит установить закономерности изменений, происходящих в структуре немецких правовых концептов, вы-

явить причины возникающих трудностей при создании правовых текстов на немецком языке, найти пути их решения.

Материалом для исследования послужили следующие источники:

- два главных договора Европейского союза: Договор о функционировании Европейского союза и Договор о Европейском союзе, Регламенты ЕС Рим I и Рим II и текущие директивы ЕС в немецкоязычной и английской версиях; официальные тексты представлены на сайте <https://eur-lex.europa.eu>;

- Гражданское уложение Германии (далее — ГГУ) — крупнейший и основополагающий закон Германии, регулирующий гражданские правоотношения;

- Основной закон ФРГ — конституция Германии, в которой закреплены основы правовой и политической системы страны.

Тексты немецких нормативных актов размещены на сайтах <http://www.gesetze-im-internet.de> и <https://www.bundestag.de/grundgesetz>. Использование электронных версий позволяет отслеживать последние изменения в текстах законодательства, а также существенно облегчает процесс исследования языковых единиц.

Исторический пласт исследования составили избирательные капитуляции немецких императоров XVII-XIX вв. Тексты Капитуляций собраны в книге Вольфганга Бургдорфа «Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519-1792» (Burgdorf 2015).

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Исторический пласт

Необходимость унифицированного, единого для всех правового регулирования не является чем-то новым для Европы. На ее территории несколько веков существовало такое государственное образование, как Священная Римская империя германской нации. Священная Римская империя не имела единого нормативного акта в виде конституции. Начиная с позднего Средневековья, правовые обычаи стали дополняться законодательными актами императоров и рейхстага. Среди базовых нормативных актов, оформивших конституционно-правовое устройство Священной Римской империи, выделяются избирательные капитуляции императоров, в которых гарантирова-

лись права и свободы различных имперских сословий, составившиеся на немецком языке. Этот документ, незначительно варьирувавшийся в содержательной части, позволяет проследить развитие немецкого юридического языка, а также сделать вывод о его лидирующей позиции в Европе на протяжении длительного времени. По словам Хайнца Духхардта, периодичность избирательных решений, содержащихся в текстах Капитуляций, позволяет отслеживать конституционные и политические события в течение длительных периодов времени и отражать динамику конституционной жизни (Duchhardt 2015: 9-10). О важности этого документа пишет и Вольфганг Бургдорф. Он приводит слова известного правоведа XVIII в. Кристиана Августа Бека: «Они (Избирательные капитуляции — *прим. авт.*) заслуживают особого внимания, потому что в них заключалось все государственное право» (цит. по: [Duchhardt 2015: 10]). Не менее известный историк права Франц-Доминик Геберлин считает, что благодаря этим документам можно «лучше всего узнать о настроениях, принципах и государственном интересе отдельных сословий» (цит. по: [Duchhardt 2015: 11]). Этот важный документ был обращен к представителям разных сословий, проживавших на значительной части территории современной Европы в условиях отсутствия единого нормированного литературного языка.

В качестве наиболее характерных языковых особенностей данного документа можно отметить значительное число заимствований из латинского и французского языков. Традиционно подобные слова выделялись в тексте путем использования специальных шрифтов. Кроме того, в капитуляциях встречается большое количество парных выражений, типичных для немецких правовых текстов, представляющих особый интерес в рамках нашего исследования. В состав таких выражений часто входили и заимствования, при этом заимствованный компонент, как правило, маркировался.

Некоторые из парных выражений или дублетных форм связывают с рецепцией римского права (Grimm 1899: 7). Это такие выражения как *ohne Wissen und Willen, in Haus und Hof, Macht und Gewalt, zu Wasser und zu Land*. Ни один из компонентов не выделялся специально на письме или при печати, поскольку формула целиком переводилась с латинского языка. В совре-

менных правовых текстах подобные дублеты уже не актуальны.

Другую группу составляют такие сочетания как *auf der Gassen und Straßen, aufziehen und erscheinen, Hilfen und Anlagen, bekümmert und betrübt werden* и др. Причины объединения в пары этой группы слов до конца не исследованы учеными. Некоторые считают, что это связано с формой презентации юридических текстов, а именно — их зачитыванием вслух в целях доведения их содержания до сведения заинтересованных лиц, то есть представителей разных сословий. Наличие парных словосочетаний могло облегчить процесс воспроизведения и процесс восприятия текстов законов (Fuhr 1962; Naff 1949), способствовало их лучшему запоминанию. Изменение законотворческого процесса и формата функционирования правовых текстов привело к прекращению использования парных сочетаний данной группы.

В текстах немецкого права можно выделить целую группу парных выражений, в состав которых входили слова, близкие по значению: *schützen und schirmen, Recht und Billigkeit, Recht und Gerechtigkeit*; либо слова, обозначающие действия, направленные на один и тот же объект: *die ihm geschwächt, genommen, entzogen worden, suspendieren und ausschließen, halten und leisten (den Schutz)*; или связанные с одним и тем же субъектом: *einwilligen und bestätigen, versetzen und verkaufen*. Объединение слов в пары происходило, скорее всего, с целью уточнения понятий, либо достижения наиболее полного их определения, либо перечисления возможных юридических действий. Примеры таких парных выражений можно найти в работах Феликса Либермана (Liebermann 1903) и Карла Рихтхофена (Richthofen 1840). Среди них *schädigen und schänden, unschuldig in Tat und im Planen, mit Wille und Absicht, Recht und Gewohnheit*. В текстах избирательных капитуляций также насчитывается большое количество подобных парных выражений, например, *Gebrauch und Gewohnheit, Ungnade oder Widerwille, bedenken und beratschlagen, Bürden und Schuldigkeiten, Empörung und Aufruhr, angreifen und bekriegen, rechtlich und gültig, Voreltern und Vorfahren, Untertanen und Zugewandte*. В процессе становления терминологии многие из этих обозначений, ранее синонимичных, обрели более точные границы и сферу употребления, и сегодня они часто входят в состав разных концептов, а их употребление в рамках одного и того же контекста не представляется уместным.

Слова, которые ранее объединялись в пары в законодательных текстах, дополняли друг друга, поясняли друг друга или обозначали одинаковые или схожие понятия, сегодня развили свои сферы употребления. Обозначения *rechtlich* (законный, правовой) и *gültig* (действительный), хоть и могут находиться в границах одного концепта, но не заменяют друг друга. Это можно увидеть в таких сочетаниях как *ein gültiger Ausweis*, *Fahrschein* или *einen Vertrag als gültig anerkennen* (<https://www.duden.de>), но *rechtliche Fragen* или *einen rechtlichen Anspruch auf etwas haben* (<https://www.duden.de>).

Рассмотрим историю еще одной пары — *Bürden und Schuldigkeiten*. Согласно данным современных словарей *die Bürde* относится к высокому стилю и обозначает «тяжелую ношу», «бремя» (<https://www.duden.de>), одним из основных синонимов является *die Belastung*; *die Schuldigkeit* не указано в ряду синонимов к этому слову. В свою очередь, *die Schuldigkeit* имеет значение «чувства вины, долга», стилистически нейтрально и связано с понятием *Pflicht* (<https://www.duden.de>).

Термин *Bürde* встречается в правовых текстах ЕС. В Судебном решении от 15 октября 2019 г. по делу *Dumitru-Tudor Dorobantu Rechtssache C-128/18*, идет отсылка к статье 3 Европейской конвенции по правам человека, гарантирующей содержание под стражей заключенного таким образом, чтобы сохранялись права человека, и чтобы осуществляемые меры не оказывали на заключенного никакого *бремени или нагрузки* («*dass die Modalitäten der Durchführung der Maßnahme den Betroffenen keiner Bürde oder Last aussetzen*» (<https://eur-lex.europa.eu>)). Данный термин передает значение «бремени, тяжелой ноши», что соответствует словарному определению. А в Решении комиссии С 54/2003 (бывшее N 194/2002) от 25 января 2006 г. о государственной помощи, которую Федеративная Республика Германия намеревается предоставить в рамках схемы возмещения расходов в связи с введением системы взимания платы за проезд тяжелых грузовых автомобилей на автомагистралях Германии, речь идет об особой финансовой нагрузке — *бремени* для пользователей немецких автобанов, в особенности из других государств-членов ЕС. Здесь мы видим пример метафоризации термина *Bürde*. («*Ein solcher Verwaltungsaufwand dürfte für gelegentliche Nutzer deutscher Autobah-*

nen, insbesondere aus anderen Mitgliedstaaten, eine besondere Bürde sein» (<https://eur-lex.europa.eu>). Подобный пример употребления мы встречаем в Решении суда первой инстанции от 7-го ноября 2002 г. по делу Vela SRL и Tecnagrind SL против комиссии Европейских сообществ. Речь идет об уклонении заявителя от *бремени* софинансирования проекта («sich der Bürde der Kofinanzierung des Vorhabens ganz oder teilweise zu entziehen») (<https://eur-lex.europa.eu>).

Понятие *Schuldigkeit* — в значении «чувство вины» не встречается в современных юридических документах, термин *Schuldigkeit* фигурирует в основном в названиях приговоров судов, но в значении виновности, которую устанавливают соответствующие инстанции. В процессе становления правовой терминологии появилось много однокоренных образований от *Schuld* — *schuldig sein*, *Schulden*, *Schuldner*, *Schuldenlast* и др. «Вина» и «виновность» два принципиально разных термина, хоть и образованных от одного корня. В юридическом дискурсе эти два понятия часто рассматриваются как синонимичные, однако это неверно. В то время как «вина» обозначает психическое отношение лица к совершаемому действию или бездействию и их последствиям, термин «виновность» обозначает юридическое состояние лица, в отношении которого установлена вина в совершении преступления. В связи с этим становится понятно, почему употребление термина *Schuldigkeit* ограничивается исключительно приговорами судов, а остальные однокоренные с ним термины встречаются в самых разных правовых документах.

Наибольший интерес представляет группа парных выражений, в состав которых входили заимствования: *Erbschaft oder Succession*, *confirmieren und bestätigen*, *Contract oder Bündnis*, *contravenieren und zuwiderhandeln*, *Genehmigung und Approbation*. Заимствованный компонент выделялся на письме и в печати специальным шрифтом. Роль немецкого компонента, на наш взгляд, заключалась, в уточнении, пояснении латинского термина. Интересен тот факт, что многие из этих слов так и не ассимилировались в немецком языке, а в XIX в. попали в список «вредоносных слов», от которых предлагали избавиться пуристы, ратовавшие за чистоту родного языка. Сегодня проблема избыточного использования заимствованных слов вновь актуальна. Объем слов иностранного происхождения, встречающихся в

нормативных актах ЕС на немецком языке, резко отличается от ситуации в немецком законодательстве. При этом их употребление зачастую необоснованно.

3.2. *Займствования в праве ЕС и немецком законодательстве*

Количество слов с детерминирующими заимствованную лексику компонентами *-tät*, *-tion*, *-ieren* в документах Евросоюза не сопоставимо с аналогичной лексикой в немецких правовых документах. На 412 страницах текста Договора о функционировании Европейского союза и 283 страниц Лиссабонского договора встречается соответственно 503 и 278 слов с компонентом *-tät* и более 1000 слов с компонентом *-tion* в обоих документах. В то же время на 50 страницах Основного закона и 422 страницах ГГУ встречается 44 и 122 слова с *-tion* и 9 и 13 с *-tät* соответственно. Глаголов на *-ieren* всего 25 в Основном законе и 64 в ГГУ, в то время как в упомянутых выше текстах ЕС их насчитывается примерно от 200 до 300. Среди используемых слов встречается много единиц, для которых в немецком языке имеются эквиваленты, что ставит под вопрос целесообразность их использования. Например, для *inkludieren* есть немецкий эквивалент *einschließen*; *aggregieren* можно выразить с помощью немецких слов *zusammenfassen* или *zusammensetzen*; *strukturieren* — нем. *einordnen*, *eingruppieren*; *diskriminieren* — нем. *benachteiligen*; *prognostizierten* — нем. *voraussagen*, *vorhersagen*, *andeuten* и др. В немецкие варианты правовых текстов ЕС проникают иноязычные слова, для которых существуют традиционные немецкие термины. Глагол *kontrahieren* используется вместо привычного сочетания *Vertrag abschließen* в Решении суда от 23.10.2014 по делу Haeger & Schmidt GmbH против Mutuelles du Mans assurances IARD (MMA IARD) и. А. — «in dem Fall, dass der ursprüngliche Auftraggeber mit einem ersten Spediteur *kontrahiert hat*». Термин *Vertrag* заменяется обозначением *Kontrakt*: «insbesondere für kurzfristige *Kontrakte* zu beschränken», «bei Derivatgeschäften entspricht der Wert des Geschäfts dem Nominalwert *des Kontrakts*» — в других правовых документах.

Вероятно, использование займствований призвано ускорить процесс унификации европейского права и превратить язык юридических документов в своего рода *lingua franca*, в общих чертах понятный каждому работающему с документом заинтересованному лицу, независимо от его национальной

принадлежности. Однако такой подход к использованию терминологии, несомненно, способен оказать негативное влияние на национальный терминологический корпус права. Учитывая историю развития немецкого языка и становления языка немецкого права, остается надеяться на то, что позиция сохранения национальной терминологии будет активно отстаиваться и в дальнейшем.

3.3. Репрезентация фрейма «принятие решения»

Негативное влияние, оказываемое на исконно немецкую терминологию со стороны английского языка, можно проследить на примере фрейма «решение, принятие решения». Для его репрезентации чаще всего используются глаголы *entscheiden* и *beschließen* и однокоренные с ним существительные *Entscheidung* и *Beschluss*. В англоязычных текстах правовых актов ЕС мы встречаем только одну пару: глагол *decide* и существительное *decision*. В текстах избирательных капитуляций немецких императоров встречаются оба глагола, причем *entscheiden* и его трансформации связаны с деятельностью судов, точнее принятием решения судьей, а *beschließen* используется, когда речь идет о постановлениях императора, законодательных актах более высокого уровня, требовавших, как нам известно, предварительной коллегиальной работы курфюрстов и представителей других сословий. Существительные *Entscheidung* и *Beschluss* являются синонимами, однако сферы их употребления не полностью совпадают. Наиболее частотные сочетания с глаголами и прилагательными помогают определить сферу употребления и различия данных терминов. С *Entscheidung* чаще всего встречаются прилагательные *richtig*, *schnell*, *wichtig*, *endgültig* и глаголы *treffen*, *begründen*, *fällen*, *begrüßen* (<https://www.duden.de>). Этот термин ассоциируется скорее с одним субъектом, принимающим, выносящим решение. *Beschluss* определяется в словаре Duden как «совместно принятое, вынесенное решение, результат консультаций, согласований» (<https://www.duden.de>). Среди ассоциаций данной репрезентации фрейма «решение, принятие решения» частотными являются *formell*, *richterlich*, *förmlich*, *einstimmig*, *endgültig* и *fällen*, *begrüßen*, *bedürfen*, *umsetzen*, *ergehen*.

Английский эквивалент более емкий и покрывает собой возможные варианты толкования. Перед переводчиком каждый раз стоит задача выбора правильного эквивалента при подго-

товке немецкоязычной версии нормативного акта или другого правового документа. Эта задача не всегда решается удачно. В результате границы использования двух имеющихся в немецком языке терминов размываются, что в будущем может привести к возникновению правовой коллизии. Т. А. Фесенко в своем исследовании, посвященном специфике ментального лексикона и вариантам репрезентации лексических знаний, отмечает, что в «одних контекстах отношение «ментальная единица — слово — комбинация слов» носит гибкий характер, а в других — возникают прочные связи, не допускающие иных комбинаций» (Фесенко 2005: 55). Чтобы избежать некорректного, неточного использования термина и, как следствие, неоднозначности его толкования, следует ориентироваться именно на эти «прочные связи», сформировавшиеся за время развития языка права и обусловленные особенностями правового дискурса, и при выборе эквивалента принимать решение в пользу более точного варианта, обеспечивающего однозначность используемой терминологии. Если обратиться только к названиям правовых актов ЕС, можно убедиться, что однозначное соответствие терминологии отсутствует.

«Verordnung (EU) Nr. 1094/2010 ...zur Änderung des Beschlusses Nr. 716/2009/EG und zur Aufhebung *des Beschlusses 2009/79/EG der Kommission*», (в англоязычном варианте «amending Decision and repealing Commission Decision»); и «Verordnung (EG) Nr. 767/2009 ...zur Aufhebung der Richtlinien und der *Entscheidung 2004/217/EG der Kommission*» (в англоязычном варианте «repealing Commission Decision») (<https://www.dwds.de>).

4. Заключение и выводы

Применение лингвокогнитивного подхода к изучению юридического дискурса позволяет выяснить причины неточного употребления терминов в текстах законодательства, наблюдаемых в процессе законотворческой деятельности в Евросоюзе, и выработать пути решения возникающих юридических коллизий. Кроме того, могут быть предложены стратегии и алгоритмы работы с терминологией, предупреждающие неправильный выбор эквивалента. Использование терминов в праве ЕС должно быть единообразным и унифицированным и следовать правилу: одно понятие — один термин. Небрежность в обращении с терминологией, некомпетентность лиц, задей-

ствованных при подготовке правовых документов, и взаимовлияние в рамках правового термина языковых и правовых характеристик приводят к размыванию юридических понятий, формировавшихся на протяжении столетий в национальных законодательствах. Установление четких связей между термином и концептом, реконструкция языковой картины мира людей прошлых эпох, всесторонний анализ структуры правовых концептов, учет особенностей функционирования термина в юридическом дискурсе — все это, на наш взгляд, будет способствовать увеличению эффективности и ускорению процесса евроинтеграции, позволит при этом сохранить национальную правовую идентичность.

Автор выражает признательность и благодарность Наталии Сергеевне Бабенко за помощь в подготовке статьи к публикации.

Список литературы / References

- Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1994. [Alekseev, Sergey S. (1994) *Teoriya prava* (Theory of Law). Moscow: BEK. (In Russian)].
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. [Minskiy, Marvin (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* (Frames for Knowledge Representation). Moscow: Energia. (In Russian)].
- Мюллер Ю. Э. Prinzipien, Arten und Charakteristika von Definitionen in der deutschen und englischen Logistikterminologie // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 7. С. 39—49. [Myuller, Yuliya E. (2016) Principles, Types and Characteristics of Definitions in German and English Logistics Terminology. In *Filologicheskiye nauki v MGIMO* (Philological Sciences at MGIMO), 7, 39—49. (In German)].
- Фесенко Т. А. Ментальный лексикон: проблемы структуры и репрезентации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 53—58. [Fesenko, Tamara A. (2005) Mental'nyj leksikon: problemy struktury i reprezentatsii (Mental Lexicon: Problems of Structure and Representation). In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* (Issues of Cognitive Linguistics), 3, 53—58. (In Russian)].
- Auswärtiges Amt (2019, May 2). *Die deutsche Sprache in der EU*. Retrieved from <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/europa/deutsche-europapolitik/deutschespracheindereu-node>
- Born, Joachim (2000) Die Stellung des Deutschen in den Europäischen Institutionen. In Besch, Werner; Betten, Anne; Reichmann, Oskar, & Sonderegger, Stefan. (eds) *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2. Aufl. 2. Teilband. Berlin,

- New York: Walter de Gruyter, 2175—2185.
- Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. (2018, October 1) *Bürgerliches Gesetzbuch*. In der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002. Retrieved from <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/>
- Burgdorf, Wolfgang. (2015) *Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519-1792*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH.
- Deutscher Bundestag. (2018, October 1) *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*. In der Fassung vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347) Retrieved from <https://www.bundestag.de/grundgesetz>
- Duchhardt, Heinz. (2015) *Wahlkapitulationen in Europa*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH.
- Duden online. (2018, October 5) Beschluss. In *Duden-Online-Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Beschluss>
- Duden online. (2018, October 5) Entscheidung. In *Duden-Online-Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Entscheidung>
- Duden online. (2019, October 15) Bürde. In *Duden-Online-Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Buerde>.
- Duden online. (2019, October 15) Schuldigkeit. In *Duden-Online-Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Schuldigkeit>
- DWDS. (2019, October 17) gültig. In *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Retrieved from <https://www.dwds.de/wb/gueltig>
- DWDS. (2019, October 17) rechtlich. In *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Retrieved from <https://www.dwds.de/wb/rechtlich>
- EUR-Lex. (2018, October 10) *Konsolidierte Fassungen des Vertrags über die Europäische Union und des Vertrags über die Arbeitsweise der Europäischen Union*. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT>.
- EUR-Lex. (2018, October 10) *Vertrag von Lissabon zur Änderung des Vertrags über die Europäische Union und des Vertrags zur Gründung der Europäischen Gemeinschaft*. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:C2007/306/01>
- EUR-Lex. (2019, December 10) Entscheidung der Kommission vom 25. Januar 2006 über die staatliche Beihilfe C 54/2003 (ex N 194/2002), die die Bundesrepublik Deutschland im Rahmen einer Erstattungsregelung im Zusammenhang mit der Einführung eines Mautsystems. Retrieved für schwere Nutzfahrzeuge auf deutschen Autobahnen gewähren will. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?qid=1582835664091&uri=CELEX:32009D0150>
- EUR-Lex. (2019, December 10) *Urteil des Gerichts erster Instanz (Dritte Kammer) vom 7. November 2002*. — Vela Srl und Tecnagrind SL gegen Kommission der Europäischen Gemeinschaften. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?qid=1583086248779&uri=CELEX:61999TJ0141>

- EUR-Lex. (2019, December 10) *Urteil des Gerichtshofs (Große Kammer) vom 15. Oktober 2019*. Dumitru-Tudor Dorobantu Rechtssache C-128/18. ECLI-Identifikator: ECLI:EU:C:2019:857. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/DE/TXT/?qid=1582835664091&uri=CELEX:62018CJ0128>
- EUR-Lex. (2020, February 8) *Verordnung (EG) Nr. 767/2009 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 13. Juli 2009 über das Inverkehrbringen und die Verwendung von Futtermitteln*. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?qid=1582673283394&uri=CELEX:32009R0767>
- EUR-Lex. (2020, February 8) *Verordnung (EU) Nr. 1094/2010 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 24. November 2010 zur Errichtung einer Europäischen Aufsichtsbehörde (Europäische Aufsichtsbehörde für das Versicherungswesen und die betriebliche Altersversorgung)*. Retrieved from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?qid=1582673319108&uri=CELEX:32010R1094>
- Fuhr, Ludwig. (1962) *Zur Entstehung und rechtlichen Bedeutung der mittelalterlichen Formel „ane arglist unde geverde“*. Diss. jur. Frankfurt am Main.
- Grimm, Jacob. (1899, 1956) *Deutsche Rechtsalterthümer*. Bd. I. Leipzig: Dietrich'sche Verlagsbuchhandlung; Berlin: Akademie-Verlag (Nachdruck der 4. Aufl.).
- Haff, Karl. (1949) *Der germanische Rechtssprecher als Träger der Kontinuität*. In *ZRG*, Germ. Abt., 66.
- Liebermann, Felix. (1903) *Die Gesetze der Angelsachsen*. Bd. I. Text und Übersetzung. Halle a. S.: Niemeyer.
- Richthofen, Freiherr Karl Otto Johannes Theresius. (1840) *Friesische Rechtsquellen*. Berlin: Nicolaische Buchhandlung.

Anastasiya V. Berezovskaya

Moscow State Institute of International Relations MGIMO (University)

Legal Concepts and Their Implementation in the Legal Terminology used in Germany and in the European Union

The article deals with the problems of functioning of the German legal language in the context of globalization and ways to solve them. Language is the main tool of professional activity for a lawyer. It is necessary for a precise understanding of the law. The concept of a United Europe in the context of a single global space has changed the formats of communication in different spheres of human activity, which, of course, influenced and continues to have a negative impact on professional languages. Thus, the German terminological corpus, formed over the centuries, is exposed to more and more aggressive external influence. We can talk about creation of the new terminological system — of the common European conceptual framework that

will contribute to the formation of the common European legal space. The processes of convergence of national legislation aimed at the unification of the legal systems of the member States should take into account the national identity of legal terminology. National law is considered here as a historically formed expression of cultural identity. Particular attention is paid to the difficulties associated with the choice of equivalent or filling the lexical lacuna, to the relationship of legal concepts and ways of their implementation, as well as to the problem of borrowing in the language of law. The material for the study was the legal acts of Germany and the EU.

Key words: Terminological corpus; European legal terminology; concept; national identity; equivalent

РЕЛЕВАНТНОСТЬ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ СТРУКТУР ФЕЛЬЕТОНА КАК ОСОБОГО ТИПА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Фельетон, особый жанр публицистики, сочетает особенности художественного и публицистического текста. Доминирующими функциями фельетона являются информативная функция и функция воздействия на читателя. Центральной категорией текста является смысл. На основании сущностных признаков фельетона определено его место в типологии текстов как информативно-художественного текста. Исследование проведено на материале современных немецкоязычных источников в сфере массовой коммуникации. Интегративный подход к исследованию смыслообразования на уровне тематической, лексической, грамматической, стилистической структур фельетона направлен на выявление текстоспецифических стилевых черт особого типа немецкоязычных публицистических текстов современных СМИ. Описание стилевых черт фельетона вносит вклад в перспективу изучения типологии текстов на материале разных языков.

Ключевые слова: публицистический жанр; фельетон; смысл текста; концепт; стилевая черта

1. Введение

В современной науке текст как носитель информации считается действенным способом влияния на сознание людей. Фельетон является ярким примером текста, способного воздействовать на разум читателей. Фельетон рассматривается в рамках функционально ориентированной типологии текстов (Texttypen), предложенной К. Бринкером, как особый тип (Textsorte) публицистических текстов. Главным критерием для определения типа текста, согласно К. Бринкеру, является его доминирующая функция, выраженная в тексте специфическими, конвенционально (ситуативно) обусловленными, коммуникативно-функциональными и структурными признаками. «Sie haben sich in der Sprachgemeinschaft historisch entwickelt und gehören zum Alltagswissen der Sprachteilhaber; sie besitzen eine normierende Wirkung, erleichtern aber zugleich den kommunikativen Umgang, indem sie den Kommunizierenden mehr oder weniger feste Orientierungen für die Produktion und Rezeption von Texten geben»

(Brinker 1992: 133). К. Бринкер относит фельетоны к информационному типу текстов. Фельетон в широком понимании — короткая сатирическая статья, имеющая критический характер. В немецком языке (*das Feuilleton*) означает: «1. *Literarischer, kultureller oder unterhaltender Teil einer Zeitung*; 2. *Literarischer Beitrag im Feuilletonenteil einer Zeitung*; 3. *Populärwissenschaftlicher, im Plauderton geschriebener Aufsatz*» (DUW 1996: 504).

1.1. К истории становления фельетона

В «Литературной энциклопедии» (Кокорев 1939) описана история возникновения фельетона. Термин «фельетон» возник во Франции в начале XIX в. Впервые термин появился во французском языке: *feuilleton* и *feuille* — «лист», «листок». Первые фельетоны включали в себя афиши театров, объявления, шутки, карикатуры, стихи, стихотворные загадки и шарады. С течением времени рубрика изменилась и стала представлять собой небольшой юмористический рассказ, а затем превратилась в отдельный сложный жанр. Чтобы определить место фельетона в современной немецкой публицистике, имеет смысл обратиться к истокам данного типа текста в Германии, к истории его появления. В Германии фельетон получил свое развитие в 30-50-х гг. XIX в., благодаря трудам таких писателей-публицистов как Генрих Гейне («Письма из Парижа») и Карл Людвиг Берне («Парижские письма»). Оба писателя являются одними из основоположников политического фельетона в Германии. Их фельетоны поэтичны и очень эмоциональны, полны призыва к борьбе против феодализма и мещанства. Во времена империализма в Германии, в начале XX в. популярностью пользовались сенсационные фельетоны Максимилиана Гардена — известного немецкого журналиста, актера и публициста, который приобрел известность в 1907 г. благодаря критике и обличению негативных качеств людей, приближенных в то время к последнему германскому императору и королю Пруссии Вильгельму II и входящих в его привилегированное окружение. В 1892 г. Максимилиан Гарден создал еженедельник под названием «*Die Zukunft*», в котором публиковал собственные фельетоны и статьи о политике и искусстве.

Большой вклад в развитие данного жанра внесли известные немецкие фельетонисты: Жан Поль (настоящее имя Иоганн Паль), Карл Людвиг Эрнст Коссак, Йозеф Рот, Вальтер Беньямин, Зигфрид Кракауэр, Теодор Герцль, Феликс Зальтен, Элис Тере-

за, Эмма Шалек, Стефан Цвейг и др. Наиболее известными писателями, журналистами-фельетонистами в современной немецкой прессе можно считать таких авторов как: Мануэль Дж. Хартунг, Ирэна Гетц, Торстен Хармзен, Харальд Мартенштейн, Йенс Есзен и др.

В современной научной литературе не уделяется достаточного внимания исследованию фельетона как особого жанра публицистического текста. В отдельных работах отечественных авторов отмечены разные особенности фельетона: 1) двойственность жанра, нахождение на стыке публицистического и художественного стилей (Журбина 1965: 67-68); 2) коллизия, публицистическое наполнение столкновения мнений (Ibid.: 210); 3) скрытый, глубинный характер комического конфликта (Ibid.: 211); демонстрация комической сущности любого отрицательно факта (Кройчик 1975: 164-165).

1.2. Цель и задачи исследования

Недостаточно исследованный в германистике углубленный лингвистический анализ смыслообразования на материале немецкоязычных фельетонов послужил нам основанием для обращения к данной проблеме.

Выбор предмета и объекта исследования обусловлены необходимостью более глубокого изучения сущностных признаков и особенностей смыслообразующих структур фельетона. Учитывая, что центральная категория текста — категория смысла, мы считаем необходимым использовать интегративный подход к исследованию текстоспецифических смыслообразующих структур фельетона на разных уровнях смыслообразования (тематическом, лексическом, грамматическом, стилистическом) в соответствии с интенцией отправителя информации, что определяет цель и новизну нашего исследования. Данная цель предполагает решение следующих задач:

1) выявить сущностные признаки фельетона и его место в типологии текстов как вида информативно-художественного текста;

2) описать особенности текстоспецифических смыслообразующих структур немецкого фельетона с целью выявления наиболее релевантных стилевых черт на тематическом, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

На основании изученных нами постулатов по исследуемой

проблематике можно выделить следующие сущностные признаки фельетона:

- главная задача фельетона как сатирического жанра — обнаружение отрицательных фактов действительности и их последующее устранение из жизни общества;
- одной из важнейших функций фельетона является функция воздействия — призыв к действию, влияние на разум, чувства и эмоции читателя;
- фельетон соотносится с субъективной позицией, мнением автора, такой текст формирует отношение и мнение читателя по актуальной для общества проблеме, создает позицию и мнение читателя, которое, тем не менее, не противоречит мнению автора-фельетониста;
- логика, ясность, простота и доступность изложения характерна для передачи информации;
- фельетон сочетает в себе особенности как публицистического, так и художественного текста, является смешанным жанром;
- эмоциональность и экспрессивная образность фельетона — обязательные условия его эффективности и результативности;
- фельетон обладает такими чертами как комичность, полемичность, ироничность и сатиричность.

2. Характеристика материала и методов исследования

Корпус эмпирического материала исследования представлен 50 немецкоязычными фельетонами, опубликованными в популярных немецких газетах (36): «Die Zeit», «Süddeutsche Zeitung», «Junge Welt», «Die Welt», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Berliner Zeitung»; австрийских: «Die Presse» и швейцарских («Neue Zürcher Zeitung»; журналах (2): «Tichys Einblick», «Zeit Magazin»; книгах (1), электронных источниках (11).

Интегративный подход к исследованию смыслообразующих структур фельетона на разных уровнях (тематическом, лексическом, грамматическом, стилистическом) осуществлялся с применением целого комплекса методов и приемов, включая лексикографическое описание, компонентный, этимологический, лингво-когнитивный, контекстуальный, количественный анализ. Лингво-когнитивный анализ использовался с целью изучения процессов номинации определенных смысловых полей, концептов, как результата взаимодействия когнитивных и лингвисти-

ческих механизмов в процессе актуализации смыслообразующих концептов. С позиции лингвокультурологической направленности в рамках лингво-когнитивного анализа была исследована национально-культурная специфика репрезентированных концептов в смысловой структуре фельетона. Контекстуальный анализ выполнялся с опорой на широкое понимание контекста: изучение словесного окружения языковых единиц и контекста культуры лингвокультурной общности.

3. Результаты исследования и их обсуждение

На тематическом и лексическом уровне нами были выявлены номинации следующих смыслообразующих концептов, обнаружившие следующую номинативную плотность: «искусство» с номинативной плотностью 26%, «общественно-политическая жизнь» (20%), «образование» (13%), «интернет и социальные сети» (10%), «этика и мораль» (10%), «гендер» (6%), «внутреннее состояние человека» (6%), «феминизм» (4%). Для иллюстрации приведем примеры.

На уровне лексических смыслообразующих структур релевантными являются концепты:

1) концепт «искусство» (включая концепт «литература») является наиболее частотным по номинативной плотности (26%):

*«Unter ihnen sticht besonders ein 1934 entstandenes **Porträt** der ersten deutschen Museumsdirektorin Hanna Stirnemann hervor, die einige **Werke der Künstlerin** im selben Jahr im Stadtmuseum von Jena ausstellte»* (Kress 2019);

2) концепт «общественно-политическая жизнь» (20%): *«Dass **Polizisten** in einer **Demokratie** taktieren müssen, um dem **Recht** ausnahmsweise Geltung zu verschaffen»* (Fischer 2019);

3) концепт «образование» (13%):

*«Clay Shirky, **Professor** für neue Medien an der New York **University** und vor kurzem von «Foreign Policy» zu einem der «100 einflussreichsten Köpfe der Welt» gewählt, hat sich Leo Tolstois «Krieg und Frieden» vorgenommen»* (Jandl 2018);

4) концепт «интернет и социальные сети» (10%):

*«An jedem Facebook-Tag also, jedem **Twitter-Tag** und jedem Tag auf **Instagram** muss man nun diese Göttinnen anschauen und dazu auch noch eine Suppe der **Superlativ-Hashtags**, in der die Bilder schwimmen»* (Prizkau 2019);

5) концепт «этика и мораль» (10%):

*«So tritt **die Heuchelei** in sein Leben, und der freudlose, immer vorwurfsvolle*

und *bittere Habitus entsteht*» (Jessen 2017);

6) концепт «гендер» (6%):

«*Am besten, jeder sucht sich ein Geschlecht aus und wer auf kein Geschlecht Lust hat, ist dann halt „Drittes“*» (Gadamer 2018);

7) концепт «внутреннее состояние человека» (6%):

«*Rassismus definiert die Regeln des Zusammenlebens in einem kleinen Ort im Osten von Texas: Attica Locke erzählt in "Bluebird, Bluebird" von Hass, Ehre, Angst und Begehren*» (Fischer 2019);

8) концепт «феминизм» (4):

«*Denn die Idee des Feminismus — ein Leben ohne Zuschreibung —, es ist eine Idee, die keinem Kopf, egal ob männlich oder weiblich, schadet*» (Prizkau 2019).

Особого внимания заслуживает детальный анализ культурно маркированных лексических единиц, используемых в фельетоне, что способствует достижению достоверности излагаемой информации. Мы выделили следующие релевантные для анализируемых текстов слова-реалии:

1) имена собственные (антропонимы, топонимы) составили 59% от общего числа слов-реалий: 1) антропонимы: Gerhard Richter, Marcel Proust, Hans Magnus Enzensberger, Jeff Koons, Kurt Schwitters, Sam Keller, Michael Majerus, Clay Shirky, Joseph Roths, Adam, Eva, Thomas Mann, Moritz Schmidt, Pamela Rosenkranz, Bedford Stroh, Lois Hechenblaikner, Laurie Penny, Hans Arp, Beyoncé Knowles, Shakespeare, Hillary, Madeleine Albright, Bill Clinton, Gertrude Stein, Bernie Sanders и др.; 2) топонимы: Fondation Beyeler, die Schweiz, Mailand, Sotheby's, Basel, Linz, Baden-Württemberg, St. Pauli, Europa, Graz, Texas, Osttexas и др.;

2) обозначения социального статуса, должностей персонажей текстов составили 24% от общего числа слов-реалий: der Maler, der Bildhauer, der Reporter, der Galerist, der Ausstellungs-Kurator, die Schützen, die Justizsoldaten, der Vorsitzende, der Staatsanwalt, der Geschworene, der Sprecher, der Landesbischof, das Parteiamt, Berufskraftfahrer, der Metzger, der Industriereiniger, der Pflasterer, der Schlosser, der Rentner, Justiz-Fachangestellte, die Friseurinnen, der Buchhändler, der Kaiser, die Regisseurin;

3) названия еды, напитков (9%): Friesengeist, das Curry, Ladyfingers (Окра), der Kornschnaps, der Schnaps и др.;

4) названия деталей костюмов и украшений (5%): Mi-

nidirndl, Lederhosen, Jeans, Basecap, Spitzhüte, Flickenschürzen;

5) обозначения денежных единиц, валюты (1%): Dollar, Euro.

Различные способы выражения оценочности и эмотивности воздействуют на восприятие смысла текста. Текстоспецифическим средством оценочного высказывания в фельетонах является имплицитная оценка, которая содержится не в значении слова, а в контексте. К имплицитному типу оценочности относят квазицитаты как оценочную универсалию в публицистическом тексте. Это особый механизм оценки. Квазицитаты являются цитатами «вырванными» из другого контекста, но за счет цитирования у читателя создается ощущение правдоподобности написанного. В этом случае мы имеем также возможность рассматривать варианты трансформации цитат — их «расширения» с помощью журналистского комментария, так как «расширительные» комментарии позволяют закладывать в цитату дополнительный оценочный смысл. Этот прием позволяет управлять сознанием аудитории и оказывать воздействие на читателя. Использование автором квазицитат указывает на доминирующую в тексте субъективную оценку:

«„Im Bildungsbereich sollte man Vorreiter sein“, sagt Gender-Beauftragter Martin Adam. „Zwang führt zu Widerstand“, sagt Evi Genetti, die diese Vorschriften bei eigenständigen wissenschaftlichen Arbeiten für problematisch hält» (Sommerbauer 2009).

Исследуя грамматический уровень, мы выявили: 1) в отношении категории темпоральности настоящее время — наиболее частотная временная форма глагольных конструкций (как способ отражения актуальности событий); 2) как способ выражения субъективной модальности (отношения автора к излагаемым фактам) были выявлены различные способы выражения: использование модальных глаголов, слов и частиц.

На уровне синтаксической организации текста релевантно преобладание простых нераспространенных предложений, наличие инверсии (экспрессивный порядок слов); при этом автор ориентирует читателя на понимание сущности и актуальности самого факта или действия. Часто в определенном синтаксическом контексте комическое переосмысляется как сарказм:

«... unter dem syntagmatischen Aspekt okkasionelle Tönungen der Komik Sarkasmus ausdrücken können» (Riesel, Schendels 1975: 263).

Например:

*«Sehr geehrter Herr, sehr geehrte Frau, reicht nun nicht mehr. **Sehr geehrtes Drittes** wäre eine sinnvolle Ergänzung» (Gadamer 2018).*

Стилевая черта логичности изложения прослеживается в наличии большого количества сложносочиненных предложений. Риторические вопросы направлены на побуждение читателя к размышлению. Автор заставляет читателя задуматься, самому ответить на поставленный вопрос, и, тем не менее, не требует ответа: *«Was aber, wenn immer weniger gelesen wird?» (Jandl 2018)* Риторический вопрос в фельетонных текстах зачастую выступает в функции диалога с читательской аудиторией:

«Warum ich das erzähle? Wahrscheinlich weil sogar diese Oh-Baby-Britney damals wusste, was junge, kluge, engagierte Frauen aus ihren Köpfen aussperren im Jetzt: Es hat keinen Sinn, an Göttinnen zu glauben» (Prizkau 2019).

В качестве наиболее релевантных смыслообразующих стилиевых черт анализируемых фельетонов на стилистическом уровне мы выделили эмоциональность (ирония и сарказм), оценочность, экспрессивную образность, ясность, логику изложения и достоверность. В процессе интерпретации рассматриваемых негативных фактов и событий действительности, журналист выявляет их социальную роль. С помощью большого количества языковых средств им придается сатирический и комический образ. Авторы сознательно нарушают нормы стилистической сочетаемости и используют смешение стилей (Stilmischung) в узком контексте. Все это соответствует стилевой направленности фельетона, в котором часто проявляются процессы взаимодействия разговорных, общественно-деловых и литературных стилей, например, вкрапления разговорной, просторечной лексики:

*«Man kann aber auch nur das Göttinnen-Potenzial dieser bestimmten Frauen kalkulieren, um zu **kapieren**, dass dieses sich nicht rechnet» (Prizkau 2019).*

Для фельетонного текста характерно употребление иронии и сарказма. Ирония — это тонкая насмешка, намекающая на несоответствие положительного значения и отрицательного подтекста, выраженная в скрытой форме. Механизм возникновения иронию и функцию выдвижения в тексте объяснили немецкие стилисты В. Фляйшер и Г. Михаэль:

«Zunächst werden negative Wertungen in ihr scheinbar positives Gegenteil übersetzt und so hervorgehoben» (Fleischer, Michel 1977: 155).

Так, насмешка часто прикрыта серьезной формой написания или произнесения:

«Die vegetarische Küche Indiens hat nicht nur religiöse Motive, obwohl der Gedanke der Seelenwanderung natürlich nahelegt, den Verzehr eines Huhns zu scheuen, in dem womöglich **der Geist des Onkels gackert**» (Jessen: 2017).

(2) «Wer sich bis her schon nicht sicher war, wessen Geschlecht sein Kind ist, wird es in Zukunft leichter haben. **Die Eltern lassen bei ihrem Kind einfach ein 3. Geschlecht eintragen**» (Gadamer 2018).

В плане иерархии стилевых черт фельетонных текстов эмотивность, в частности, ирония и сарказм выступают как основные стилевые черты. Использование иронии и сарказма авторами-фельетонистами свидетельствует о сатирической сущности фельетонных текстов и цели воспитания у читателя критического отношения к проблемам современного общества.

4. Заключение

Полученные нами результаты позволяют сделать вывод о текстоспецифических особенностях фельетона: ярко выраженную сатирическую направленность, демонстрацию комической сущности при изложении отрицательных фактов действительности средствами выражения эмоциональности и оценочности, а также образную экспрессивность. Фельетон сочетает в себе черты как художественного, так и публицистического текста и является перспективным объектом лингвистического изучения типологии текстов на материале разных языков.

Результаты проведенной нами работы могут быть применены в дальнейшем исследовании публицистических текстов в конкретном современном лингвокультурном пространстве, а также в практике обучения немецкому языку на продвинутом этапе обучения при углубленном лингвистическом анализе и интерпретации смысла публицистических текстов.

Список литературы / References

- Журбина Е. И. Искусство фельетона. М.: Художественная литература, 1965. [Zhurbina, Yevgeniya I. (1965) *Iskusstvo felyetona* (The Art of Feuilleton). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Кокорев А. В. Фельетон // Литературная энциклопедия / под ред.

- А. В. Луначарского. В 11 т. Т. 11. М.: Художественная литература, 1939. Стб. 689—695. [Kokorev, Aleksandr V. (1939) Felyeton (Feuilleton). In Lunacharsky, Anatoly V. (ed.) *Literaturnaya Entsiklopediya* (Literary Encyclopedia). In 11 vols. Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, col. 689—695. (In Russian)].
- Кройчик Л. Е. Современный газетный фельетон. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1975. [Kroychik, Lev E. (1975) *Sovremenny gazetny felyeton* (The Modern Newspaper Feuilleton). Voronezh: Voronezh University Press. (In Russian)].
- Ризель Э. Г., Шендельс Е. И. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1975. [Riesel, Elise G., Schendels, Evgeniya I. (1975) *Stilistika nemetskogo yazyka* (Stylistics of the German language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Brinker, Klaus. (1992) *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- DUW — Dudenredaktion. (ed.) (1996) *Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim: Dudenverlag.
- Fischer, Stefan. (2019, May 02). *Unter Scheinheiligen*. Retrieved from <https://www.sueddeutsche.de/kultur/amerikanische-literatur-unter-scheinheiligen-1.4412637>
- Fleischer, Wolfgang, & Michael, Georg. (1977) *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig.
- Gadamer, Klaus-Jürgen. (2018, December 12). *Das Dritte Geschlecht*. Retrieved from <https://www.tichyseinblick.de/feuilleton/glosse/das-dritte-geschlecht>.
- Jandl, Paul. (2018, March 17). *Lesen!* Retrieved from <https://www.google.com/amp/feuilleton/lessen-ld1364416>.
- Jessen, Jens. (2017, September 04). *Vegetarische Raubtiere*. Retrieved from <https://www.zeit.de/2017/27/fleischkonsum-vegetarismus-indien-deutschland-tierleben>.
- Kress, Jonathan. (2019, May 03). *Porträt der Direktorin*. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Retrieved from <https://m.faz.net/aktuell/feuilleton/kunstmarkt/nagel-auktionen-portraet-der-direktorin-16169222.html>.
- Prizkau, Anna. (2019, May 10). *Wenn Frauen beten*. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Retrieved from <https://www.google.com/amp/s/m.faz.net/aktuell/feuilleton/feminismus-wenn-frauen-beten-14306193.amp.htm>.
- Sommerbauer, Jutta. (2019, May 14). *Genderproblem: Gerechte Sprache nach Leitfaden?* *Die Presse* 22.02. 2009. Retrieved from <https://www.google.com/amp/s/amp.diepresse.com/454786>.

Olga I. Bykova
Voronezh State University

**Relevance of the Meaning Forming Structures of the Feuilleton
as a Special Type of Publicistic Texts in Modern Media**

Feuilleton, a special genre of journalism, combines the features of artistic and journalistic text. The dominant functions of the feuilleton are the informative function and the function of influencing the reader. The Central category of the text is meaning. Based on the essential features of the feuilleton, its place in the typology of texts as an informative and artistic text is determined. The study is based on the material of modern German-language sources in the field of mass communication. An integrative approach to the study of meaning formation at the level of thematic, lexical, grammatical, and stylistic structures of the feuilleton is aimed at identifying text-specific stylistic features of a special type of German-language publicistic texts of modern media. The description of the meaning-forming stylistic features of the feuilleton contributes to the perspective of studying the typology of texts based on the material of different languages.

Key words: Journalistic genre; feuilleton; meaning of the text; concept; style feature

П. Н. Донец

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «КОММУНИКАЦИЯ» / «ДИСКУРС» И ВОЗМОЖНОСТЯХ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПОСЛЕДНЕГО

Феномен «дискурса» с большим трудом поддается типологизации. В качестве возможного решения проблемы предлагается подход с точки зрения теории коммуникации, согласно которому «дискурс» понимается как Текст (ряд текстов), сложившийся в результате взаимодействия всей совокупности коммуникативных факторов. В работе рассматриваются самые известные модели акта коммуникации и излагается ее авторский вариант. На основе входящих в эту модель коммуникативных факторов дифференцируются наиболее важные типы дискурса.

Ключевые слова: дискурс; коммуникация; модели коммуникации; типы дискурса

1. Введение

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть соотношение понятий «коммуникация» и «дискурс» и предложить критерии типологизации последнего. Его основная гипотеза заключается в том, что в качестве таковых могут выступить отдельные коммуникативные факторы либо их сочетания.

Несмотря на весьма значительное количество работ по проблематике дискурса, нельзя признать решенными как вопрос определения соответствующего понятия, так и проблему его типологизации.

Типологии обычно строятся по родовидовому принципу: вначале определяется опорная величина, а затем — на основе тех или иных дифференциальных признаков — ее отдельные разновидности. В случае дискурса сделать это довольно непросто в связи с разнообразием и многомерностью соответствующего феномена, ср.:

«...формы дискурса столь же разнообразны, как и формы самой человеческой жизни. Расклассифицировать все разновидности дискурса на типы — крайне сложная задача. Кроме того, в литературе о типах дискурса царит крайний разнобой, разные авторы предлагают совершенно несоотносимые подходы» (Кибрик 2009).

Дополнительные сложности возникают в связи с отсутствием

четко разграничиваемых дифференциальных признаков.

В современной отечественной лингвистике понятие «дискурс» обычно определяют, отталкиваясь от опорного понятия «текст» (реже — «речь»). Едва ли не классическими в этом отношении стали дефиниции дискурса Н. Д. Арутюновой: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», «речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990: 136-137), а также В. И. Карасиком: «текст, погруженный в ситуацию общения» (Карасик 2000: 5).

В связи с этим удивляет отсутствие попыток соотнести понятия дискурса и коммуникации, поскольку именно в теории коммуникации, собственно, и начали рассматривать текст с учетом совокупности различных экстралингвистических факторов (если угодно, «погруженным» в ситуацию коммуникации). Одним из немногих исключений на этом фоне может считаться подход А. В. Голоднова, по мнению которого

«...элементами дискурса являются участники коммуникации, само сообщение (или текст), код, на котором создано сообщение, и экстралингвистическая ситуация, в которой происходит коммуникация...» (Голоднов 2009: 79).

На наш взгляд, действительное положение вещей здесь представлено с точностью до наоборот: на самом деле дискурс (сообщение, текст) является элементом коммуникации, а именно результатом взаимодействия всех коммуникативных факторов (участников, кода, ситуации и др.). Представляется, что именно эти факторы (и их сочетания) способны выступить в качестве дифференциальных признаков дискурса.

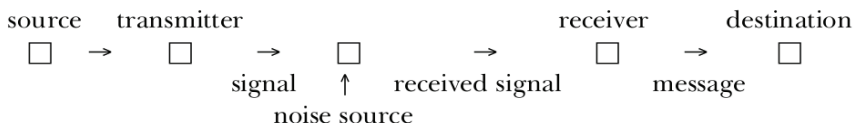
2. Основные модели акта коммуникации

Рассмотрим вначале наиболее популярные модели акта коммуникации. Родоначальником таковых обычно считается Г. Лассуэлл, предложивший формулу «Who says What in Which channel to Whom with What effect?» (Lasswell 1948). Как видим, здесь отсутствует какая-либо схематизация, но основной недостаток этой «формулы» состоит в том, что в ней нет фактора «Код», который, на наш взгляд, является определяющим для коммуникации — под последней мы понимаем интенциональное получение / сообщение информации с помощью историче-

ски сложившихся или искусственно созданных семиотических систем (кодов) в процессе той или иной деятельности либо социального взаимодействия.

В связи с этим настоящими основоположниками коммуникативных моделей следует признать американских математиков К. Шеннона и У. Уивера (Shannon, Weaver 1963: 7), которые предложили в 1949 г. следующую схему.

information

Кодирование в этой схеме присутствует в имплицитной форме, поскольку они интерпретируют Передатчик как кодирующее и Приемник, соответственно, как декодирующее устройство.

При разработке данной модели Шеннона и Уивера интересовала, прежде всего, проблема потери информации в Канале, а также возможности измерения таковой, однако им первым удалось показать, что общение является комплексным процессом и правильно очертить некоторые его составляющие.

С тех пор было предложено немало моделей коммуникации. К числу наиболее известных относится схема Р. О. Якобсона (Якобсон 1975: 198).

	Контекст	
Отправитель	Сообщение	Получатель
	Код	
	Контакт	

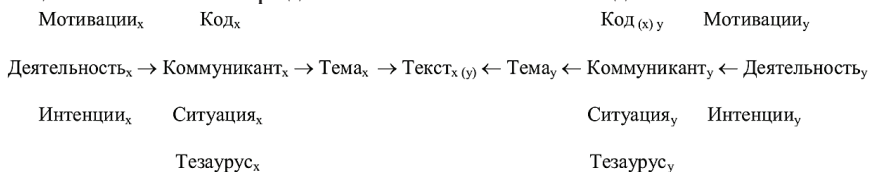
Эта модель получила известность, прежде всего благодаря систематизации языковых функций, которые Якобсон вывел именно из отдельных факторов. Так, например, на основе фактора «Контакт» он постулировал так называемую фатическую функцию, которой обладают высказывания, направленные не на сообщение информации, а на инициирование, поддержание или разрыв коммуникации, контроль за проницаемостью канала и т. п. (Якобсон 1975: 201).

Одну из наиболее удачных моделей коммуникации представил в свое время известный переводовед из ГДР О. Каде (Kade 1980: 103-108). Его модель «коммуникативной ситуации», ко-

торая, к сожалению, не получила у автора схематического изображения, включает следующие факторы:

- 1) цель коммуникации;
- 2) предмет коммуникации;
- 3) передатчик;
- 4) адресат/приемник;
- 5) коммуникативное сообщество;
- 6) средства коммуникации;
- 7) условия передачи.

На основе рассмотренных и иных моделей акта коммуникации нами была предложена собственная модель.

Особенностями данной модели являются, во-первых, ее бинарный характер — каждый из участников обладает своим собственным набором коммуникативных факторов, а во-вторых, коммуникативная деятельность рассматривается в ней как составная часть деятельности материальной или духовной.

Вкратце охарактеризуем содержание каждого из приведенных коммуникативных факторов.

- **Коммуникант:** участник коммуникации; охватывает различные социальные и биологические характеристики партнеров по коммуникации (социальный статус, профессия, должность, возраст, пол, физические данные).

- **Деятельность:** материальная или духовная деятельность, в которую включена собственно коммуникация.

- **Мотивации:** потребности, интересы, ценности коммуникантов, побуждающие коммуникантов начинать какую-либо деятельность и/или вступить в коммуникацию.

- **Интенции:** намерения, задачи и цели, которые преследуются коммуникантами.

- **Ситуация:** время, место и другие условия коммуникации.

- **Тезаурус:** «понятийный словарь», ядро фоновых знаний (знаний о мире) коммуниканта.

- **Код:** семиотическая система, применяемая для передачи

информации. Это, прежде всего, естественный язык (вербальный код), однако в коммуникации используются и многие другие коды (жестика, проксемика, эмблематика, символика, условные знаки и т. д.). Следует также учитывать, что в рамках языкового кода существуют отдельные субкоды, например, жанровые, стилевые, территориальные, профессиональные, субкод образов и т. д.

- **Тема:** создаваемый / модифицируемый / переоцениваемый в процессе коммуникации концепт.

- **Текст:** основной инструмент коммуникации — построенное из элементов семиотической системы по определенным правилам (= «закодированное») сообщение.

- **Канал/Медиум:** на нашей схеме за недостатком места не указан путь, по которому информация доставляется партнеру, а также применяющиеся при этом вспомогательные устройства.

3. Основные типы дискурса

Выше уже указывалось, что отдельные коммуникативные факторы (а также их сочетания) способны выступить в качестве дифференциальных признаков для типологизации дискурса.

По параметру **Коммуникант_х** / **Коммуникант_у** могут быть выделены несколько типов дискурса. Самым простейшим, вероятно, является разграничение *монологического* и *диалогического* дискурсов.

Если **Коммуникант_х** — отдельный индивид, а **Коммуникант_у** — большое количество таковых, то мы имеем дело с *массово-информационным* дискурсом. **Коммуникант_х** может быть также коллективным («открытое письмо», «отчет правительства» и т. д.).

По признаку пол **Коммуниканта** отграничивается «гендерный» дискурс.

Совокупность текстов, произведенных тем или иным конкретным **Коммуникантом_х**, может считаться *авторским* дискурсом: к примеру, «шекспировский дискурс», «пушкинский дискурс» и т. д.

В зависимости от социальных взаимоотношений между **Коммуникантом_х** и **Коммуникантом_у** могут быть выделены *симметричные* и *асимметричные* дискурсы. К первым можно отнести тексты, отражающие общение между равноправными партнерами (например, «молодежный дискурс», «студенческий дискурс»),

ко вторым — общение между лицами с различным социальным статусом («дискурс власти», «авторитарный дискурс», «педагогический дискурс», «медицинский дискурс» и т. д.).

В формировании последних двух типов дискурса значительную роль играет фактор **Деятельность**. Этот фактор является определяющим для большого количества дискурсов – в частности, многих из тех, которые В. И. Карасик относит к типу институциональных: «политического», «религиозного», «научного», «рекламного» и др. Выделяемые им «прагмалингвистические» типы дискурса «юмористический» и «ритуальный» (Карасик 2002) также можно причислить к разряду деятельностиных, пусть и со специфической **Интенцией**.

Поскольку практически любая деятельность является целенаправленной, фактор **Интенция** также должен учитываться при выделении многих типов дискурса.

Интенция может реализовываться различными способами, в этом контексте возникает проблема *дискурсивных стратегий и тактик*.

Для разграничения «профессиональных» и «профанных» типов деятельностиного дискурса полезным будет привлечение фактора **Тезаурус**.

Одна из наиболее оригинальных дефиниций дискурса принадлежит литературоведу О. И. Гущиной: «Дискурс, по определению, является взглядом на проблему под определенным углом зрения...» (Гущева 2018: 53). Оценивая это высказывание, следует, во-первых, отметить, что дискурсом правильнее считать *тексты*, отражающие тот или иной взгляд на вещи, а, во-вторых, что это определение касается лишь относительно небольшого количества дискурсов. Охарактеризовать их также можно с помощью фактора **Деятельность**.

При частом выполнении тех или иных видов деятельности возникают шаблонные, рутинные, выполняемые во многом автоматически цепочки действий. Иногда к искомой Цели могут вести различные цепочки таких действий, связанных с применением разных инструментов и методов (ср. хирургическую и медикаментозную терапию в медицине). Дискурсивным аналогом таких действий может считаться *нарратив*. Этот термин истолковывается в различных направлениях гуманитарного знания по-разному. Представляется, что при его определении сле-

дует отталкиваться от обыденного значения соответствующего слова; ср. несколько примеров его использования в немецкой публицистической прессе:

«In der Gegenwart nun scheint die Wahrnehmung solcher Exterritorialität unter dem Einfluss der #MeToo-Bewegung gegenüber dem *Narrativ* vom weißen einflussreichen Mann als Täter zurückzutreten» (Klaue 2020).

«Es sollten Bürgerräte, Losverfahren und temporäre Quoten für benachteiligte Bevölkerungsgruppen geschaffen werden, um neue *Narrative* gegen „Entdemokratisierungstendenzen“ zu etablieren» (Dilmaghani, Kramer, & Quent 2020).

Опираясь на эти и подобные словоупотребления, нарратив можно определить как разновидность (в основном массово-информационного) дискурса, характеризующегося, среди прочего, следующими признаками: а) его **Отправителями** выступает достаточно обширная группа авторов, б) составляющим его текстам присущи, тем не менее, более или менее стандартная оценка сложившегося положения вещей или события, объяснение причин возникновения последних, прогнозирование их дальнейшего развития, предложение мер по улучшению сложившейся ситуации, преодолению негативных последствий того или иного события и т. д.

Весьма важную роль в их функционировании играют факторы **Мотивация / Интенция**, в связи с чем нарративы на аналогичные темы нередко кардинально отличаются друг от друга или являются даже взаимоисключающими, по крайней мере, в политической деятельности (ср. актуальные нарративы про «возвращение Крыма в родную гавань» и про «аннексию Крыма»). Нарративы могут также задаваться извне (ср. интернет-мем о «методичке»).

В качестве своеобразного **Инструмента** деятельности могут рассматриваться отдельные типы **Текста** («заявление», «инструкция», «рецензия» и т. д.).

По параметру **Код** выделяются типы дискурса в зависимости от рода используемых знаков. Важнейшим, в частности, является разграничение дискурса на «вербальный», «невербальный» и «смешанный» («креолизованный», «поликодовый») типы.

Отдельное место среди вербальных дискурсов занимает оппозиция: «одноязычный» дискурс — «двужызычный» дискурс. Они могут быть *имплицитно-двужызычными* (использование ино-

странного языка) и *эксплицитно-двуязычными* (общение с помощью переводчика).

Невербальные дискурсы могут быть самой разной природы: «изобразительный», «музыкальный», «соматический» («жестовый», «мимический» и т. д.). Для описания этих типов дискурса необходимо привлекать также фактор **Канал** (акустический, зрительный и т. д.), а для оппозиции «письменный дискурс — устный дискурс» также параметр **Деятельность** (как правило, письменные тексты бывают «обработанными»).

Фактор **Ситуация** имеет большое значение для описания «институциональных» дискурсов. Кроме того, как было указано выше, он раскладывается на несколько субфакторов, в частности, на **Время** и **Место**.

Если анализу подвергается дискурс, существующий или существовавший в течение значительного отрезка времени, то правомерно говорить об «эпохальных» дискурсах («викторианский», «перестроечный» и т. д.). Временной фактор проявляется также в случае повторяющихся дискурсов («юбилейный», «олимпийский», «рождественский» и др.).

Субфактор **Место** может послужить основанием для выделения таких типов дискурса, как «стадионный» (для которого характерна яркая поликодовость), «кухонный» (критика существующего строя), «купейный» (излияние души) и т. п. Для приведенных типов дискурса характерна и определенная тематическая заданность.

Как заметил В. И. Карасик,

«бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми (...) оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение (...) протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом» (Карасик 2000: 4).

Другими словами, для «бытового» дискурса характерна высокая значимость фактора **Тезаурус / Фоновые знания**.

Если в случае бытового общения фоновые знания и понятийные словари коммуникантов в значительной степени совпадают, то в «межкультурном» дискурсе они, напротив, сильно расходятся.

Некоторые авторы полагают, что определяющим признаком дискурса является тематическая соотнесенность, ср.:

«Дискурс — это совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется (...) как языковой коррелят определенной социально- культурной практики» (Чернявская 2011: 93).

Представляется, что это определение не является универсальным, — фактор **Тема** не столь важен для описания, например, типов дискурса, выделяемых по параметрам **Коммуникант**, **Канал**, **Код**, однако этот параметр действительно должен привлекаться (в качестве вспомогательного) для характеристики многих разновидностей общения.

В приведенной цитате следует также обратить внимание на положение о том, что «дискурс — это совокупность (...) текстов...», т. е., говоря о дискурсе, чаще всего имеют в виду не отдельный текст, а, по крайней мере, ряд текстов, если не их совокупность.

4. Заключение

Итоги исследования позволяют утверждать, что коммуникативные факторы (и их сочетания) могут использоваться в качестве дифференциальных признаков отдельных типов дискурса. Данное утверждение верно, по крайней мере, применительно к относительно компактным видам дискурса — для характеристики «глобальных» типов дискурса («художественного», «публицистического» и т. д.) этот инструмент, вероятно, не будет столь эффективным в связи с необходимостью привлечения большого количества признаков.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136—137. [Arutiunova, Nina D. (1990) Diskurs (Discourse). *Lingvisticheskiy Entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sov. Entsiklopediya, 136—137. (In Russian)].
- Голоднов А. В. Риторический метадискурс как интегративный тип дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 104. С. 77—86. [Golodnov, Anton V. (2009) Ritoricheskiy metadiskurs kak integrativnyi tip diskursa (Rhetorical Metadiscourse as an Integrative Type of Discourse). In

- Izvestiia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences), 104, 77—86. (In Russian)].
- Гущева О. И. Идентичности Светланы Алексиевич // In *Honorem*. Сб. ст. к 90-летию А. Е. Супруна / под ред. Е. Н. Руденко, А. А. Кожиновой. Минск: РИВШ, 2018. С. 51—62 [Gushcheva, Olga I. (2018) *Identichnosti Svetlany Aleksiyevich* (Identities of Svetlana Aleksiyevich). In Rudenko, Yelena N., & Kozhinova, Alla A. (eds) *In Honorem: A Collection of Articles to the 90th Anniversary of A. E. Suprun*. Minsk: RIVSh, 51—62. (In Russian)].
- Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20. [Karasik, Vladimir I. (2000) *O tipakh diskursa* (About the Types of Discourse). In *Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse*. Volgograd: Peremena, 5—20. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3—21. [Kibrik, Andrey A. (2009) *Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov* (Modus, Genre and other Parameters of Discourse Classification). *Voprosy yazykoznaviya* (Topics in the Study of Language), 2, 3—21. (In Russian)].
- Черныавская В. Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс. Направление: Филология. 2011. № 3. С. 86—95. [Chernyavskaya, Valeriya E. (2011) *Diskurs kak fantomnyy obyekt: ot teksta k diskursu i obratno?* (Discourse as a Phantom Object: from Text to Discourse and Back?). In *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* (Cognition, Communication, Discourse), Field of Study: Philology, 3, 86—95. (In Russian)].
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193—230. [Jakobson, Roman O. (1975) *Strukturalizm: "Za" i "Protiv"* (Structuralism: "For" and "Against"). In Basin, Yevgeniy Ya., & Polyakov, Mark Ya. (eds) *Lingvistika i poetika* (Linguistics and Poetics). Moscow: Progress, 193—230. (In Russian)].
- Dilmaghani, Farhad; Kramer Stephan J., & Quent, Matthias. (2020, February 21) Die biografische Falle. *Zeit online*. Retrieved from <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-02/verfassungsschutz-masterplan-rechtsextratismus-nationalismus/komplettansicht>
- Kade, Otto. (1980) *Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung*. Leipzig: Enzyklopädie.
- Klaue, Magnus. (2020, February 28) Die biografische Falle. *Zeit online*. Retrieved from <https://www.zeit.de/kultur/film/2020-02/roman-polanski>

intrige-cesar-verleihung-filmpreis/komplettansicht

Lasswell, Harold D. (1948) *The Structure and Function of Communication in Society*. In Bryson, Lyman. (ed.) *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers, 37—51.

Shannon, Claude E., & Weaver, Warren. (1963) *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.

Pavel N. Donets

Karazin Kharkov National University

**To the Problem of the Relationship between the Concepts
“Communication”/“Discourse” and the Possibility to typologize the Latter**

The phenomenon of “discourse” is rather difficult to typologize. An approach from the point of view of the theory of communication is suggested as a possible solution to the problem, according to which “discourse” is understood as Text (a number of texts) formed as a result of interaction of the whole set of communicative factors. The paper considers the best known models of the communication act and presents the author’s version of it. Based on the communicative factors included in this model, the most important types of discourse are differentiated.

Key words: Discourse; communication; models of communication; types of discourse

О. А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ АВТОРОВ ТУРЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Концептуальное поле немецкоязычного дискурса турецкого автора Шиннази Дикмена исследуется методом лингвокогнитивного анализа номинаций и ситуаций, ассоциируемых с базовыми концептами немецкой и турецкой культур. Указанные единицы вступают в оппозитивные отношения, которые опредмечиваются зонтичным концептом ОЦЕНОЧНОСТЬ, доминирующим в текстах анализируемой книги, имеющей сатирическую направленность. Базовые концепты обеих культур имеют другую ценностную оценку в контрастирующей культуре, что придает текстам лингвокультурную специфику.

Ключевые слова: гибридная литература; зонтичный концепт; языковые репрезентанты; лингвокультурная специфика; амбивалентная оценка

К постановке проблемы

В немецком литературоведении не прекращается дискуссия о том, как относиться к литературе, написанной авторами немемецкого происхождения. В конце XX в. появился своеобразный реестр наименований, которыми наделялась такая литература. В реестр вошли *Gastarbeiterliteratur*, *Emigranten- und Immigrantenliteratur*, *Migrationsliteratur*, *Ausländerliteratur*, *Gastliteratur*, *eine nicht nur deutsche Literatur*, *Literatur der europäischen Arbeitsmigration*, *Minderheitenliteratur*, *inter-/multi-/mehrkulturelle Literatur*, *Literatur im interkulturellen Kontext*, *Literatur der Fremde* — *Literatur in der Fremde*, *Literatur(en) in Deutschland* (Esselborn 1997: 49). Все перечисленные разновидности не рассматривались как немецкая литература, относились скорее к литературной периферии (*Randliteratur*). Тем не менее, без этой «периферии» современная немецкая литература неммыслима. Чтобы снять уничижительный смысл термина «периферийный», примем нейтральное обозначение литературы авторов немемецкого происхождения: гибридная литература. Этот термин отражает, на наш взгляд, лингвокогнитивную специфику, поскольку предполагает в данном контексте гибридизацию разных языковых и культурных традиций, представленных в языковой лич-

ности автора-биллинга, живущего в этнически чуждой культурной среде.

Среди авторов гибридной литературы значительное место занимают этнические турки, которых в современной Германии насчитывается около трех миллионов. Тема жизни турок в новом культурном окружении становится все более значимой в литературе, которая в Турции воспринимается как турецкая, а в Германии как гибридная. Эта литература не может более оставаться незамеченной в отечественном литературоведении. Отметим появившуюся в 2019 г. статью (Аврутина, Рыженков 2019), в которой анализируются сюжеты, посвященные адаптации эмигрировавших в Германию турков. Наиболее остро проблемы, с которыми сталкиваются турецкие эмигранты, освещаются в публицистических очерках и близких к ним сатирических произведениях. Так, в сборнике статей «Новые гости», вышедшем под псевдонимом Фюрузан, автор показывает «не только недоброжелательное отношение немцев к «новым гостям», далеким от европейского образа жизни, но и уже плохо скрываемую неприязнь к приезжим» (Ibid.).

Признаком «чужести» этнических турков, живущих в Германии, можно считать *kanak sprach*, — выражение, появившееся в названии книги Феридуна Займоглу и символизирующее упрощенный немецкий язык, на котором говорят не только турки, живущие в Германии, но отчасти и другие мигранты и который идентифицирует их как «чужих». Элементы этого языка приводятся в гибридной литературе, как правило, в качестве цитат, прагматический смысл которых — негативная оценка социального статуса. В этом языке глаголы употребляются в инфинитиве, артикли и предлоги опускаются.

Признак оценочности проявляется и в различии картин мира немецкого и турецкого этносов. Турецкие авторы, пишущие по-немецки, прекрасно владеют немецким языком, сохраняя при этом приверженность родной культуре. Концепты, формирующие картину мира, «представляют собою сущности общенародного подсознательного» (Колесов, Пименова 2012: 5). Это подсознательное формирует, в свою очередь, перспективу языковой личности, ее взгляд на иную культуру. Непроизвольно происходит сопоставительная оценка концептов родной и чужой культур.

В имеющейся литературе к базовым концептам немецкой

культуры относятся *ORDNUNG*, *ÜBERMENSCH* (Медведева и др. 2011), *ARBEIT* (Скорнякова 2008). С нашей точки зрения, к базовым концептам, укоренившимся в немецком языковом сознании, можно отнести и *ОБРАЗОВАНИЕ* — концепт, опирающийся на глубокие исторические корни. Здесь достаточно вспомнить известное определение Ф. Г. Клопштока, который назвал Германию *Gelehrtenrepublik* или роман И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». Турецкая (или иная) языковая личность оценивает эти концепты, соотнося их с собственной картиной мира, что находит отражение, в том числе, и в художественном тексте и особенно ярко проявляется в текстах сатирической направленности. Оценка варьирует от ироничного отношения до полного неприятия и выражает лингвокультурную специфику текста. Критический анализ концептуального содержания гибридной литературы до сих пор отсутствует. Анализ этот затрудняется тем, что в отечественной литературе практически не описана концептосфера турецкой культуры.

Не претендуя на исчерпывающую информированность в области востоковедения, мы ставим в предлагаемой статье скромную задачу выявить доминирующее концептуальное содержание в дискурсе турецкого автора, выражающего, с одной стороны, отношение к перечисленным выше базовым концептам немецкой лингвокультуры, а с другой стороны, предлагающего свою интерпретацию отношения немцев к мигрантам. Представляется, что понимание этих отношений может оказаться полезным в поиске способов разрешения межкультурных конфликтов.

Материал и методология исследования

Исследование выполнено на материале книги турецкого журналиста и писателя-сатирика Ш. Дикмена «Ура! Я живу в Германии» (Dikmen 1995), в заостренной форме вскрывающей болевые точки взаимоотношений турков, для которых Германия стала страной проживания, и немцев как принимающей стороны.

Методологией исследования служит лингвоконцептология, ядерным компонентом которой является языковая личность. Изучение языковой личности дает возможность соединить все фундаментальные свойства языка: историчность, социальную природу, системно-знаковое устройство и психическую сущность (Караулов 2010: 26). Языковая личность выстраивает дискурсивную стратегию (Viewpoint), давая свою интерпретацию базовым

вых ценностей, принятых в определенной культуре. В тексте точка зрения автора как языковой личности проявляется в его внутренней организации, в фокусировании тех или иных моментов (Fauconnier 1997: 49). В статье эмпирическим путем выявляются репрезентанты концептов — повторяющиеся или ассоциативно близкие номинации, а также типичные культурные ситуации со своими сценариями, обнаруживающие тематическое и смысловое единство, которое образует *ассоциативно-смысловое концептуальное поле* текста (Болотнова 2009).

Трудности, возникающие при общении турков с немцами, проистекают из столкновения разных типов культур. Немецкая культура относится к числу низкоконтекстных, в которых ориентируются на жесткие правила (Markowski 1995; цит. по: [Гришаева, Цурикова 2004: 57]). Об этом свидетельствуют и базовые концепты немецкой культуры (см. выше). В противоположность этому турецкая культура причисляется к высококонтекстным, в которых полагаются на контекст общения, что исключает чрезмерную организованность (Белая 2011). В энциклопедии Брокгауза и Ефрона отмечается, что к господствующим чертам турецкого национального характера относятся среди прочего *важность и достоинство в обращении, гостеприимство, честность в торговле, преувеличенная национальная гордость, религиозный фанатизм* (ЭСБЕ). Перечисленные черты можно, на наш взгляд, считать основой формирования концептуальной сферы турецкого этноса, ядро которой образуют понятия *гостеприимства, честности и достоинства*. Эти понятия легли в основу известного восточного концепта ГОСТЕПРИИМСТВО, и выведенных нами из анализируемого дискурса концептов ЧЕСТНОСТЬ и УВАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ. Как видим, эти концепты заметно отличаются от базовых концептов немецкой культуры.

Концепт ОЦЕНОЧНОСТЬ не имеет в ассоциативно-смысловом поле ключевого репрезентанта, прямо номинирующего его. Мы не находим в этом поле номинанта *Bewertung*. Концепт «опредмечивается» из состава ассоциируемых с ним номинаций. Определенное рассматривается как одна из процедур трансфера знания из одной научной области в другую (Постовалова 2016: 46-47). В нашем случае ономазиологические единицы, выбираемые автором в качестве номинаций, и описанные типичные культурные ситуации «перетекают» в сферу лингвокон-

цептологии, превращаясь в эпистемические единицы — концепты. Особенность рассматриваемого концепта заключается в его «зонтичности», поскольку он перекрывает разные ментальные образования вплоть до противоположных.

Структура, семантика, интерпретация оценки и средства ее языкового выражения подробно описаны на материале одной культуры в известной монографии Е. М. Вольф (1985). При столкновении культур оценка приобретает свойство амбивалентности, так как оценивающими субъектами становятся представители разных культур. Амбивалентность исследуется оппозитивным методом, позволяющим вывести заложенный в противопоставлении оценочный смысл.

Лингвоконцептуальный анализ

В гибридной литературе наблюдаем расширение типичных концептов немецкой лингвокультуры *ORDNUNG*, *ARBEIT*, *ÜBERMENSCH*. Их ассоциативно-смысловые границы раздвигаются за счет критического отношения к ним, которое проявляется антиподами, входящими в зонтичное пространство. Приведем примеры.

Одна из сильных позиций текста представлена заголовком. Заголовок одной главы из книги Ш. Дикмена гласит: «Kein Geburtstag, keine Integration». Из нее читатель узнает, что протагонист не может точно назвать день своего рождения, что в Турции дата рождения фиксируется приблизительно. Это становится непреодолимым препятствием для его интеграции в немецкое культурное сообщество. В речи протагониста эту невозможность подчеркивают отрицания. В ментальном пространстве языковой личности автора сталкиваются два концепта: производный от доминирующего концепта немецкой культуры *ORDNUNG* субконцепт ТОЧНОСТЬ ‘PÜNKTLICHKEIT’, отсутствующий в турецкой культуре. Возникает привативная концептуально-оценочная оппозиция с разными полюсами оценки: с турецкой стороны ситуация оценивается как нормальная, с немецкой — как экстраординарная. Возникающая контекстуальная оппозиция перекрывается зонтичным концептом ОЦЕНОЧНОСТЬ.

Зонтичный концепт опредмечивается из номинаций, которые служат его косвенными репрезентантами. Высокую частотность в тексте турецкого автора имеют номинации противопоставляемых этносов, которые встречаются и в цитируемой речи

немцев и интерпретируются в соответствующих контекстах как антонимы. Это могут быть существительные *Deutsche* vs. *Türken* и прилагательные *deutsch* vs. *türkisch*. В поисках собственной идентичности, Дикмен задается вопросом, как узнают этническую принадлежность. До того, как он переехал в Германию, этот вопрос не вставал перед ним, он воспринимал свою идентичность как естественную. И только в Германии ему пришлось задуматься об этом. Ср. примеры.

- (1) *Wer ist ein Türke? Wie erkennt man ihn, woher weiß man, ob jemand ein Türke ist? Diese Fragen beschäftigen mich, seit ich in Deutschland bin.*¹
- (2) *Meine Vorstellungen von den Türken, das waren meine Eltern, meine Geschwister, meine Verwandten und die Dorfbewohner und all die anderen, die ich irgendwie kennen gelernt und gesehen habe, bis ich nach Deutschland kam.
In Deutschland fragten mich erst die Deutschen und dann ich mich selbst: Wer ist ein Türke?*²

В качестве контекстуальных антонимов мигрантами и немцами воспринимаются топонимы *Deutschland* и *Türkei* и приведенные выше этнонимы. Возникающая здесь оппозиция имеет эквиополентный характер, имплицитно двусторонний негативный оценочный смысл. Аналогично противопоставляются номинации, отражающие функционально-статусные различия: статус турецких мигрантов расценивается немцами как более низкий (*Gastarbeiter*), а статус работодателей определяется турками как незаконно присвоенный статус хозяев (*Hausherrn*). При этом в турецком языковом сознании, в котором в соответствии с базовым концептом ГОСТЕПРИИМСТВО, происходит рассогласование концепта ГОСТЬ с тем отношением, которое испытывают на себе турки со стороны работодателей, свысока относящихся к своим работникам, и это вступает в противоречие с характером турков, в котором генетически заложена национальная гордость.

Концепт ГОСТЕПРИИМСТВО противостоит рациональности, господствующей в немецкой культуре; отсюда проистекают различия в восприятии человека: турки воспринимают его сердцем, немцы — головой. В тексте возникает антонимическая пара

¹ Dikmen, Şinasi. *Hurra, ich lebe in Deutschland: Satiren*. München: Piper, 1995, 75.

² Ibid.

Herz vs. Kopf, предполагающая с обеих сторон негативную оценку противоположного. Не преодолеваются и различия вероисповедания; отсюда — антонимическая пара *Christ vs. Mohammedaner*, передающая оценку, по крайней мере настороженности с обеих сторон.

Перечисленные различия обозначают, в терминологии М. Ю. Свинкиной, «радикальную инаковость» (Свинкина 2017: 9-10). В художественном сатирическом тексте, имеющем форму письма к турецкому другу, автор, выражая отстраненное отношение к немецкой культуре, комбинирует разные стратегии и тактики и использует этнические гетеростереотипы. Ср. несколько примеров и их последующую интерпретацию.

- (3) Ich habe mal in den türkischen Zeitungen gelesen, dass die Deutschen länger leben als die Türken. Das ist ja keine Kunst, wenn sie – ich meine die Deutschen — jede Woche einen Tag Pause machen vom Leben.³
- (4) Das Leben in Deutschland fängt am Montag an und hört Freitagabend auf. Samstag ist ein Tag, an dem in Deutschland nur Autos gewaschen werden.⁴
- (5) Sonntag? Sonntag in Deutschland, nicht der Rede wert. Die Deutschen verstecken sich in den Wohnungen, damit die Ausländer nicht sehen, wie traurig sie ohne Arbeit sind. In den Hauptstraßen der Stadt siehst du nur die Türken, aber nur die Türken.⁵
- (6) Die Deutschen haben immer Krieg gemacht und verloren, jetzt weißt du es. Nach den Kriegen hatten sie weder zu essen, noch zu trinken. Ein paar Jahre nach den Kriegen haben sie wieder alles gekriegt. Man munkelt, dass die Amerikaner den Deutschen geholfen hätten oder, dass die Deutschen mit dem Geld, welches sie während der Kriege erbeutet haben sollen, alles wieder zurück gekauft hätten.⁶

Для автора приведенных строк своим является турецкий этнос и турецкая культура, а чужим, соответственно, — немецкий этнос и немецкая культура. Таким образом, принимающая сторона — немцы — оказывается в позиции, которая подвергается оценке, не всегда, мягко говоря, лицеприятной. Тем самым развенчивается стереотип, формируемый о немцах турецкими газе-

³ Ibid.: 11.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.: 21.

⁶ Ibid.

тами, согласно которому немцы как нация имеют более высокий статус, хотя бы потому, что они дольше живут (пример 3). Дикмен развенчивает этот стереотип, издевательски замечая, что в долготельстве немцев нет большого искусства, поскольку они регулярно вычеркивают из своей жизни один день в неделю (воскресенье), что и прибавляет к жизни лишние дни. По воскресеньям, на взгляд турка, жизнь в Германии замирает (пример 5), поскольку не реализуется типичный в турецком менталитете производный от гостеприимства субконцепт ОБЩЕНИЕ. Концептуальное восприятие турками воскресного дня в Германии составляет антипод в ассоциативном поле концепта РАБОТА, объединяясь с последним в оценочном зонтичном концепте.

Развенчивает концепт СВЕРХЧЕЛОВЕК и пример 6, в котором констатируются реальные факты поражения Германии в развязанных ею войнах и тяжелого экономического положения в стране после поражения. В следующем предложении с помощью игры однокоренных слов *Krieg* и *gekriegt* имплицитно ставится под сомнение заслуга немцев в послевоенном «экономическом чуде», поскольку возврат к прежнему уровню жизни произошел не без американской помощи. Тем самым ставится под сомнение интерпретация значимого для турков концепта ЧЕСТНОСТЬ, а вместе с тем и значимого для немцев концепта СВЕРХЧЕЛОВЕК.

В примере (4) автор с иронией подходит к немецкому концепту ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, имплицитно оценивая его как не самый лучший. С позиций турецкой культуры нельзя считать полноценной жизнью день, посвященный исключительно работе или мойке машин. Гиперболичность оценки подчеркивает преувеличенное внимание немцев к описанным феноменам. Подмеченная особенность воспринимается немцами, скорее всего, как нормальная необходимая составляющая их жизни, а с позиций иной культуры, расценивается как культурный феномен, ущемляющий ОБЩЕНИЕ. Возникающую оппозицию можно интерпретировать как привативную, в которой маркированным членом является ситуация с мойкой машин в Германии, а немаркированным членом аналогичная ситуация в Турции. При этом оценка ситуации имеет амбивалентно-несимметричный характер: каждый субъект имплицитно оценивает свою ситуацию как соответствующую норме, а чужую как не соответствующую традициям родной культуры.

Когнитивная привативная оппозиция оценки человека по уровню его образования возникает при перечислении прецедентных имен немецкой литературы. Знающие эти имена немцы выступают в качестве маркированного сильного члена оппозиции, обладающего более высоким статусом, которому немцы не знают, что противопоставить; турецкая культура априори рассматривается как слабый член оппозиции более низкого уровня. Подтверждением такой оценки может служить фиксация культурной отсталости турков от европейских народов и их медленное вхождение в европейскую цивилизацию (ЭСБЕ). Тем не менее, немцы подходят к этой проблеме, демонстрируя типичную для них этноцентричную коммуникативную стратегию, в которой учитываются только собственные ценности, а ценности иностранных партнеров игнорируются (ср. Kinast, Schroll-Machl 2007: 437-438). Ср. пародируемое автором высказывание инициативной немецкой участницы заседания, посвященного проблемам турецких гастарбайтеров, переименованных в *Werktouristen*.

- (7) Wenn diese Türken zu mir mit der Bitte gekommen wären: „Frau Müller, wir sind ein kulturloses Volk, wir haben keinen Beethoven, keinen Bach, keinen Goethe, keinen Schiller, keinen Mörike, wir wollen sie aber alle kennen lernen. Dann hätten wir als Initiativgruppe die Wände des Kulturministeriums und des Sozialministeriums eingerissen und materielle Abhilfe geschaffen. Meiner Meinung nach, meine Damen und Herren, ist es unser Problem, dass besonders türkische Gastarbeiter — äh, Werktouristen von der Kultur nicht allzu stark geprägt sind“.⁷

В примере (7) содержится имплицитная критика немецкой культуры, основанной на рациональном восприятии человека. Базовая ценность, которая при этом принимается во внимание — уровень образования, точнее, знакомство с немецкой культурой. В турецкой культуре человек, как отмечено выше, воспринимается сердцем, реализуя производный субконцепт СЕРДЕЧНОСТЬ. Отсюда проистекает амбивалентная оппозиция с противоположными знаками оценки своего и чужого. С немецкой стороны оценочный концепт репрезентируется, например, оскорбительной номинацией в устах немецкой учительницы, которая считает себя знатоком Турции и при этом называет турецких детей в своем классе *Knoblauchkinder*, априори исключая их интеллектуальный

⁷ Ibid.: 61.

уровень и противопоставляя их немецким детям.

Другой пример отчуждения вследствие непонимания концепта ГОСТЕПРИИМСТВО. Немки, считающие себя знатоками Турции и ее жителей и с известной гордостью называющие себя *Türkenkenner*, воспринимают турецкое гостеприимство и неожиданное, без предварительного согласования, посещение гостей как навязчивое (8). В то же время им непонятно, почему, когда они были в Турции, их постоянно приглашали в гости, а в Германии они не получают таких приглашений с турецкой стороны (9), не чувствуя, что гости здесь не они, а турки. В этом непонимании можно видеть прямолинейную рассудочность немецкого менталитета, на которую Дикмен отвечает, объясняя, что турки думают не головой, а сердцем (пример 9). В Германии он должен был научиться немецкой рассудочности (10). Ср. примеры.

- (8) ...ohne vorherige Anmeldung stehen plötzlich sechs mollige Frauen mit ihren Männern vor der Tür und, wenn man selber eingeladen ist, wird einem ja pausenlos etwas angeboten und wenn man dann sagt: Ich kann leider nichts mehr essen, dann sind sie beleidigt.⁸
- (9) Die Türken in Istanbul sind zwar ein bisschen aufdringlicher, aber immerhin gastfreundlicher als die in Deutschland. Wir sind seit drei Jahren wieder in Deutschland, bisher hat kein einziger Türke uns eingeladen, obwohl wir Türken gegenüber sehr positiv eingestellt sind.⁹
- (10) Ich bin auch ein Ausländer und somit eine Ausnahme, weil ich mir Mühe gebe, objektiv zu denken, oder sagen wir mal offen, mit dem Kopf zu denken. Wir haben weniger Probleme, als die Hausherren mit uns haben. Diese Meinung habe ich vertreten, seit ich in Deutschland bin, also, seit ich mit dem Kopf denken gelernt habe.¹⁰

С турецкой стороны негативная оценочность репрезентируется в пародиях на высказывания немцев о слишком хорошей жизни гастарбайтеров в Германии, которые приводит Дикмен.

- (11) Wir verdienen ein Schweinegeld in der BRD. Wir genießen das Leben in einem zivilisierten demokratischen Land, wir können und dürfen auch die beeindruckende, glorreiche, schöne deutsche Kultur genießen. Ganz abgesehen davon, die Gastarbeiter haben beinahe gleiche Rechte wie die

⁸ Ibid.: 65.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.: 58.

Hausherren.¹¹

В ответ на эксплицитные и имплицитные оскорбления, в которых, с одной стороны, (пример 7) чувствуется стратегия изоляции, высвечивания чужого (ср. [Свинкина 2017: 17]), с другой стороны, стратегия упрека (пример 12). Дикмен пишет, отстаивая свой суверенитет.

- (12) Wir sind viel sensibler als unsere deutschen Hausherren, und wir denken immer nur mit unserem Herz.¹²

Право на культурную самобытность утверждается турецким автором и через отчужденное восприятие типичных немецких концептов ARBEIT, AUTO, PÜNKTLICHKEIT, упомянутых ранее, и некоторых других, что достигается употреблением в их контекстуальном окружении предикатов с отрицанием. Ср. следующий пассаж, в котором Дикмен грациозно вписывает организационный гений немцев в ассоциативное поле концепта SICHERHEIT, производного от базового концепта ORDNUNG (13). Автор с известной долей иронии описывает мытье машины, воспринимаемое в Германии в рамках концепта VERANTWORTUNG, также производному от концепта ORDNUNG. Дикмен определяет ответственность, которую чувствуют немцы перед содержанием в чистоте своей машины как долг, гиперболизируя ситуацию, используя стратегию нострификации, то есть переводя чужие реалии в понятную плоскость (ср. [Свинкина 2017: 15]). Ср.: (14).

- (13) Ach, dieses deutsche Organisationsgenie; bis ins kleinste Detail denken, nichts dem Zufall überlassen. Das ist wunderbar, wenn man im vornherein weiß, was man machen darf und was nicht. Das gibt dem Menschen Sicherheit.¹³
- (14) Autowaschen in Deutschland ist nicht Willenssache, sondern heilige Pflicht. Ich frage dich, darfst du als Mohammedaner in die Moschee zum Beten gehen, ohne dass du dich vorher gewaschen hast? Nein, sagst du! Also, in Deutschland darfst du am Montag nicht zur Arbeit gehen, wenn du dein Auto am Samstag nicht gewaschen hast.¹⁴

¹¹ Ibid.: 57.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.: 59.

¹⁴ Ibid.: 18.

Концептуальная специфика текста проявляется в описании типичных турецких традиций. В методике исследования концептов допускается описание сценариев (Колесов, Пименова 2012: 151). Дикмен описывает культурные сценарии, основанные на исламской традиции: ТАНЕЦ ЖИВОТА, и СМОТР НЕВЕСТ. Сценарии соотносятся с базовым концептом турецкой культуры УВАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ. С позиций европейской культуры здесь трудно уловить связь, поскольку не одинаково ценностное содержание этого концепта; но для турецкого автора эта связь, несомненно, существует. Например, танец живота он воспринимает как имидж и честь нации (15), как рекламу униженной турецкой культуры и как терпимость турецких мужчин, заслуживающую уважения (16). Тем самым турецкая традиция восприятия человека через концепт СЕРДЕЧНОСТЬ противостоит рациональности как характерной черте немецкой культуры. Примечательно, что этот культурный сценарий нашел отклик среди немецких женщин, которые, танцуя, раскрепощаются и проникаются симпатией к турецкой культуре. Однако и здесь проявляется их стремление к отличной работе, поскольку, для них танец — это не имидж нации, а РАБОТА (17). Таким образом, происходит сближение культур, неожиданным образом дающее надежду на интеграцию. Ср. примеры.

- (15) Der Bauchtanz ist eine Kultur, eine Tradition, ein Volk, ein Ganzes. Der Bauchtanz ist die Rettung der Türken in Deutschland. Der Bauchtanz ist Image, Prestige, Ehre einer Nation.¹⁵
- (16) Der Bauchtanz ist nicht nur eine Werbung für die niedergeschlagene türkische Kultur im Ausland, sondern auch ein Zeichen der Toleranz der türkischen Männer.¹⁶
- (17) Die deutschen Bauchtänzerinnen genießen große Beliebtheit bei den arabischen und türkischen Wirten, denn sie tanzen gewissenhaft, wie ein deutscher Arbeiter an Fließband, munitiös exakt, zack, zack und fertig.¹⁷

Еще одна болевая точка, затронутая Дикменом, — смешанные браки. В главе “*Brautbeschauer*” автор описывает турецкий обычай, согласно которому невесту должно посмотреть нейтральное лицо, знающее жениха, чтобы решить, подходит ли

¹⁵ Ibid.: 157.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.: 160.

пара друг другу. У немецкой семьи, из которой происходил жених, не нашлось такого лица, и на смотрины пришли родители. Общение семей жениха и невесты растянулось на годы, поскольку разрешение на брак дочери надо испрашивать у всех турецких родственников. За это время жених и его отец приняли ислам (возможный знак интеграции!), так как им понравилось, что в турецкой семье главой является мужчина, а жена делает все, чтобы угодить мужу. В конце концов, свадьба не состоялась, и от заключения брака отказалась немецкая сторона на том основании, что невеста слишком «онемечилась»: употребляет косметику, нескромно одевается, одна разгуливает по городу, так что жених не уверен в ее благочестии. История этой неудавшейся свадьбы показывает, насколько значим сценарий СМОТР НЕВЕСТ и насколько сложен процесс взаимной интеграции культур.

О том же свидетельствуют и неудачные попытки интеграции с турецкой стороны, описанные в главе «Wir tun so, als ob wir Deutsche wären». Приглашая турецкую общину на праздник интеграции, социальный работник — турецкий мигрант — хочет, чтобы приглашенные вели себя как немцы, воспитанные в индивидуалистской культуре: заходили по очереди, за руку здоровались с организатором праздника, раскланивались и осведомлялись о том, как у него идут дела. Турки же представляли коллективистскую культуру, в которой важнее всего принадлежность к группе. Входя, они демонстрировали свою сплоченность, громко смеялись и разговаривали между собой (концепт КОЛЛЕКТИВИЗМ). Организатор праздника осаждал их, говоря, что в Германии так не принято. И так продолжалось весь вечер, который закончился попойкой. При этом каждый должен был оплачивать выпивку сам, как это делают все немцы (концепт ИНДИВИДУАЛИЗМ). Утрированное изображение сценария праздника высвечивает нежелание турков поступаться своими ценностями; они могут сделать вид, что они немцы, заплатить за пиво, но не более того.

Мы упомянули не все болевые точки межкультурной турецко-немецкой интеграции. За рамками нашего анализа остались культура кебаб, скупость немцев, делающих покупки в турецком магазине, отношение к турецким авторам со стороны немецких коллег, немецкие мультикультурные семьи и пр. Но и проанализированное позволяет сделать некоторые выводы.

Выводы

Гибридная литература авторов турецкого происхождения является неотъемлемой частью не только турецкой, но и немецкой литературы, придавая ей особый лингвокультурный колорит. Ее лингвокультурную специфику можно видеть в повышенном внимании авторов к концепту ОЦЕНОЧНОСТЬ, который в заостренной форме представлен в дискурсе, объединяющем тексты Ш. Дикмена. При описании ощущений этнических турков от общения с немцами и восприятия ими немецкой культуры и отношений немцев к турецким иммигрантам с обеих сторон в текстах этот амбивалентный зонтичный концепт явно преобладает, будучи репрезентирован ассоциативными номинациями и типичными ситуациями, представляющими базовые концепты контрастирующих культур. Концепт реализуется в виде эквивалентных или привативных оппозиций. В первом случае он репрезентируется контекстуальными антонимами и отрицаниями в области этнических и топонимических номинаций. Во втором случае имеет место имплицитная асимметричная оценка типичных культурных ситуаций и реализующих их сценариев, когда каждый субъект оценки соотносит «свое» с нормой, а «чужое» относит к экстраординарному со знаком «минус».

Выводы, сделанные на материале одной книги, не могут считаться общезначимыми. Они свидетельствуют лишь об одной актуальной тенденции в общественной жизни Германии, заставляющей задуматься о механизмах культурной интеграции.

Мы отдаем себе отчет в том, что проведенный анализ во многом основан на интуиции исследователя. Решаясь представить его лингвистическому сообществу, мы надеемся на конструктивную критику, которая будет способствовать более глубокому пониманию проблемы.

Список литературы / References

- Аврутина А. С., Рыженков А. С.* Турецкая миграция в Германию: пять сюжетов из турецкой литературы XX–XXI веков // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. № 12 (2). С. 601—613. [Avrutina, Apollinariya S., & Ryzhenkov, Andrey S. (2019) Turetskaya migratsiya v Germaniyu: pyat' syuzhetov iz turetskoj literatury XX–XXI vekov (Emigration to Germany in Turkish Literature of the XX–XXI Centuries). *Minbar. Islamic Studies*; 12 (2), 601—613. (In Russian)].

- Белая Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Форум, 2011. [Belaya, Yelena N. (2011). *Teoriya i praktika mezhkulturnoj kommunikatsii* (Theory and Praxis of Intercultural Communication). Moscow: Forum. (In Russian)].
- Болотниова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. М.: Флинта. Наука, 2009. [Bolotnova, Nina S. (2009). *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* (Communicative Stylistic of Text: Thesaurus Dictionary). Moscow: Flinta. Nauka. (In Russian)].
- Гришаева А. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. [Grishayeva, Lyudmila I., & Tsurikova, Lyubov' V. (2004). *Vvedeniye v teoriyu mezhkulturnoj kommunikatsii* (Introduction to the Theory of Intercultural Communication). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. [Karaulov, Yury N. (2010). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian and Language Personality). Moscow: LKI (In Russian)].
- Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. [Kolesov, Vladimir V., & Pimenova, Marina V. (2012). *Kontseptologiya* (Conceptology). Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russian)].
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2011. [Medvedeva, Tat'yana S.; Oparin, Mark V., & Medvedeva, Diana I. (2011). *Kluchevyye kontsepty nemetskoj lingvokultury* (Key Concepts of German Culture). Izhevsk: Udmurtsky State University. (In Russian)].
- Постовалова В. И. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: Коллективная монография / Отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 36—60. [Postovalova, Valentina I. (2016) Puti i printsipy transferizatsii znaniya v gumanitarnykh naukakh (Ways and Principles of Knowledge Transfer in Human Sciences). In Feshchenko, Vladimir V. (ed.) *Lingvistika i semiotika kulturnykh transferov* (Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers). Moscow: Cultural Revolution, 36—60. (In Russian)].
- Свинкина М. Ю. Актуализация инаковости в медиадискурсе России и Германии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск: Пятигорский гос. ун-т, 2017. [Svinkina, Marina Ju. (2017) *Aktualizatsiya inakovosti v mediadiskurse Rossii i Germanii* (Actualization of Strangeness in Russian and German Media Discourse). PhD thesis in Philology. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. (In Russian)].
- Скорнякова Р. М. Принципы моделирования языковой картины мира. Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2008. [Skornyakova, Raissa M. (2008). *Printsipy modelirovaniya yazykovoy kartiny mira* (Modeling Principles of World Language Picture). Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

(In Russian)].

- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Турция [Электронный ресурс] // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 10.04.2020). [Turtsiya (Turkey). In *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. (2020, April 10). Retrieved from <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%A2%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F>. (In Russian)].
- Esselborn, Karl. (1997) Von der Gastarbeiterliteratur zur Literatur der Interkulturalität. Zum Wandel des Blicks auf die Literatur kultureller Minderheiten in Deutschland. *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache*, 23, 47—75.
- Fauconnier, Gilles. (1997) *Mappings in Thought and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kinast, Eva-Ulrike, & Schroll-Machl, Sylvia. (2007) Überlegungen zu einem strategischen Gesamtkonzept für Interkulturalität im Unternehmen. In Kammhuber, Thomas A., & Schroll-Machl, Sylvia. (eds) *Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kooperation*. Bd. 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 434—450.
- Marossek, Diana. (2013). “Gehst du Bahnhof oder bist du mit Auto? Wie aus einem sozialen Stil Berliner Umgangssprache wird”. Eine Studie zur Ist-Situation an Berliner Schulen 2009—2010. Berlin: Technische Universität.
- Turner, Mark; Avelar, Maíra, & Mendes de Oliva, Milene. (2019) Blended Classic Joint Attention and Multimodal Deixis. *Signo Santa Cruz do Sul*, 44 (79), 3—9.

Olga A. Kostrova

Samara State University of Social Sciences and Education

Linguocultural Concepts in Discourse of German-Speaking Turkish Authors

The research is devoted to the lingual and cognitive features of conceptual space in the discourse of the German-speaking Turkish author Şinasi Dikmen. Nominations and situations associated with basic concepts of the German and Turkish cultures are analyzed. These units enter into oppositional relations which build the subject of the umbrella concept ‘Valuation’. In the satirical texts analyzed this concept is dominant. The basic concepts of both cultures have another value in a contrastive culture. This gives the texts lingual and cultural specifics.

Key words: Hybrid literature; basic concept; language representation; lingual and cultural specifics; ambivalent valuation

М. А. Кулькова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ*

Одной из ключевых проблем современной лингвистики является установление и описание тесных взаимосвязей между семантическими основами языка, национальной ментальностью и культурой того или иного этноса. С этой точки зрения большой интерес для лингвистов, культурологов, социологов, этнографов и др. представляет этноспецифическая лексика. Целью настоящей статьи является выявление особенностей номинаций национальных денежных единиц, обладающих рядом количественных и качественных характеристик в немецком языке, что находит проявление на уровне частотности употребления, а также в плане сочетательных связей на уровне синтагматики. Методологической базой исследования послужили основные положения теории когнитивной лингвистики и применения корпусных технологий при анализе лексических единиц. Автором были сопоставлены данные частотности лексем, номинирующих денежные единицы в немецких паремиологических единицах, со сведениями корпуса немецкого языка «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» (DWDS), проанализированы синтагматические связи рассматриваемой группы немецких этноспецифических лексем, выявлены их когнитивно-дискурсивные черты. Полученные данные могут быть учтены при описании механизмов формирования и поддержания национальной идентичности, трансляции норм и ценностей в немецкоязычном этнокультурном социуме.

Ключевые слова: паремиологическая единица; этноспецифическая лексика; немецкий язык; корпусная лингвистика

1. Введение

На новом витке развития современной германистики отмечаются общие тенденции, характерные для лингвистических исследований в целом: междисциплинарность и интегративность, антропо- и культуроцентричность, дискурсивность и экспланаторность. При этом изучение языковых явлений в свете современных научных течений представляется неполным без учета взаимодействия таких феноменов как язык, социум, сознание и культура.

* Исследование было проведено при финансовой поддержке Правительственного гранта Республики Татарстан «Алгарыш» в 2019 г.

На сегодняшний день когнитивная парадигма научного знания интенсивно развивается в современных лингвистических исследованиях. Когнитивно-дискурсивные научные изыскания позволяют глубже проникнуть в ценностно-смысловое пространство индивида, подвергая детальному рассмотрению через призму личностного мировоззрения окружающий мир, представленный когнитивными знаками кодовой системы языковой личности (Маслова 2011).

Значимую роль при описании языковых средств объективации человеческой ментальности играет этноспецифическая лексика, охватывающая большой языковой пласт и отражающая национальное своеобразие языка, культуры и образа мышления народа в целом (Wierzbicka 1992; Верещагин, Костомаров 2005; Зализняк 2015; Добровольский, Шмелев 2018; Парина 2019; Быкова 2012; Kulkova et al. 2015; Меркиш 2020; и др.). Этнические особенности вербализации представлений о мире того или иного народа детерминированы менталитетом, географическими, культурно-историческими предпосылками, духовными и материальными ценностями представителей определенного этнокультурного социума.

В настоящей статье представлены результаты лингвокогнитивного анализа реалий материальной культуры немецкого народа на примере немецкоязычного пословичного материала, а также корпуса немецкого языка «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» (DWDS).

Подробному рассмотрению подвергаются этноспецифические лексемы, номинирующие денежные единицы, и их паремиологические реализации в немецком языке. Результаты лингвистического анализа дополняются данными, полученными в ходе применения современных немецкоязычных корпусных данных. Исследования, посвященные анализу языковых средств вербализации концепта «Деньги» в немецком языке, проводились уже рядом ученых (Сафина 2002; Федянина 2005; Камышанченко, Нерубенко 2012; Залавина и др. 2019; и др.). Тем не менее, отмечается малочисленность либо отсутствие научных изысканий, посвященных изучению этноспецифических лексем, номинирующих денежные единицы, в немецкоязычном паремиологическом дискурсе с применением корпусных технологий, позволяющих сравнить качественные и количественные ха-

рактические изучаемых немецкоязычных лексем в разных языковых регистрах на материале большого массива текстов.

2. Характеристика материала и методов исследования

В ходе анализа паремиологического корпуса исследования нами были выделены следующие лексемы-номинанты денежных отношений, отражающих специфику реалий немецкого этнокультурного социума: *Pfennig, Groschen, Taler, Dukaten, Gulden, Heller, Batzen, Kreuzer*, выступающие согипонимами по отношению к гиперониму *Geld*, номинирующему деньги в обобщенном виде и не относящемуся к этноспецифической лексике. Тем не менее, в ходе исследования в отдельных случаях мы прибегаем к паремиографическим и корпусным данным с использованием лексемы *Geld* ввиду высокой частотности употребления и широкой информативности, способствующей более глубокому лингвокогнитивному анализу согипонимов. Следует отметить, что в немецких паремиологических единицах (далее — ПЕ) отмечается многочисленность терминов, обозначающих денежные единицы, а также разнообразие их аксиологических характеристик.

Согласно данным толкового словаря немецкого языка Duden (DUW 2003: 1202), лексема *der Pfennig* ‘пфенниг’ (свн. *pfenni(n)c*, двн. *pfenning, pfentin*), этимологически связана с латинским словом *pannus* ‘кусочек материи’, что объясняется тем фактом, что ткань ранее использовалась в качестве способа оплаты либо обмена товаров. Пфенниг являлся немецкой денежной единицей, использовавшейся в денежном обороте в качестве мелкой разменной монеты, начиная с IX-X вв. вплоть до 2002 г.

Der Heller ‘геллер’ (свн. *heller, haller* происходит от названия швабского города Hall ‘Галле’, где производилась чеканка монеты) являлся разменной монетой германских государств в Средние века, а также в Новое время (DUW 2003: 740). Первые монеты содержали серебро, позже геллер чеканился из меди, а стоимость и качество монеты менялись. В XVI в. 1 геллер был равен ½ пфеннига.

Der Groschen ‘грош’ (свн. *grosse*, ср.-лат. *grossus* = *Dickpfennig* досл.: ‘толстый пфенниг’, к лат. *grossus* = *dick* ‘толстый’) — монета среднего номинала, получившая широкое распространение в странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в Германии, в период позднего Средневековья и Нового времени (DUW 2003: 679-680). Один грош был равен десяти пфеннигам.

Der Taler ‘талер’ (происходит от названия чешского города *Joachimstaler* ‘Иоахимсталер’) — обозначение одной из наиболее ценных монет, чеканившейся из серебра, которая была в обращении в европейских странах (DUW 2003: 1560). В Германии талер использовался вплоть до середины XVIII в.

Der Gulden ‘гульден’ (свн. *guldin*, лат. *guldin pfenni(n)c* = *goldene Münze* ‘золотая монета’) представлял крупную денежную единицу. Монета изначально чеканилась из золота, позже из серебра, использовалась в обращении на территории Германии и других европейских стран с XIV по XIX вв. (DUW 2003: 404).

Der Dukaten ‘дукат’ (от лат. *ducatus* ‘герцогство’) — монета из золота, бывшая в обращении в европейских странах с XIII по XIX вв. (DUW 2003: 689).

Der Kreuzer ‘крейцер’ (голл. *kruiser* = *hin und her fahrendes Schiff*, свн. *kruizer* = *Kriegsschiff*) — название серебряных и медных монет, бывших в обращении с XIII по XIX вв. в южной части Германии, в Австрии и Швейцарии. Названа так ввиду изображенного креста на одной из ее сторон (DUW 2003: 963).

Der Batzen ‘батцен’ (от *batzen* ‘липкий, мягкий’) обозначал монету, бывшую в обращении в XV по XIX вв. в Швейцарии, Австрии, Германии. По стоимости батцен занимал промежуточное положение между гульденом и крейцером (1 батцен = 4 крейцера, 1 гольдгульден = 72 крейцера) (DUW 2003: 236).

С точки зрения вербализации денежных отношений в паремиологическом дискурсе наибольшая популярность использования отмечается у лексем *Pfennig* и *Taler*, номинирующих монеты низкой и высокой стоимости, ср.: «*Der eigene Pfennig zahlt am besten*» (Beyer 1989: 196), «*Der Pfennig ist gut angewandt, der einen Groschen erspart*» (Ibid.: 196), «*Ein ersparter Pfennig ist zweimal verdient*» (Ibid.: 196), «*Vor dem Pfennig zieht man den Hut*» (Ibid.: 196), «*Wer den Pfennig nicht spart, kommt nicht zum Groschen*» (Ibid.: 197), «*Wer keine Pfennige hat, lästert die Dukaten*» (Ibid.: 197) и др.

В некоторых случаях в паремии встречаются обе лексемы, вступающие в отношения оппозитивности: «*Besser heute ein Pfennig, als morgen ein Taler*» (Beyer 1989: 196), «*Ein täglicher Pfennig gibt einen jährlichen Taler*» (Ibid.: 196), «*Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert*» (Duden 1998: 543), «*Ein ehrlicher Pfennig ist besser als ein gestohlener Taler*» (Beyer 1989: 196), «*Des Talers Geheimnis sitzt im Pfennig*» (Ibid.: 196).

3. Результаты исследования

Представим результаты анализа частотности употребления лексем, номинирующих денежные единицы в немецких паремиях (см. Табл. 1).

Табл. 1. Частотность употребления лексем, номинирующих денежные единицы, в немецких паремиях

Наименование лексемы, обозначающей денежную единицу в немецком языке	Частотность употребления в паремнологическом дискурсе в количественном и в процентном соотношении
Geld	143 (53 %)
Pfennig	58 (21 %)
Taler	19 (7 %)
Gulden	14 (5 %)
Heller	12 (4 %)
Groschen	12 (4 %)
Batzen	6 (2 %)
Kreuzer	3 (1 %)
Dukaten	1 (0,4 %)

Как видно из таблицы, наиболее высокочастотными конститuentами немецких паремий, характеризующих материально-денежные отношения, выступают лексемы Geld (143 ПЕ), Pfennig (58 ПЕ). К среднечастотным компонентам анализируемой группы паремий относятся лексические единицы Taler (19 ПЕ), Gulden (14 ПЕ), Heller (12 ПЕ), Groschen (12 ПЕ). Низкочастотными компонентами являются лексемы Batzen (6 ПЕ), Kreuzer (3 ПЕ), Dukaten (1 ПЕ).

В немецкоязычном корпусе можно выделить несколько схожих в семантическом плане групп словосочетаний, характеризующих денежные единицы. Положительная коннотация отмечается у следующих лексем, вступающих в атрибутивные отношения со словами-номинантами денежных единиц: *viel Heller*, *viel Kreuzer*, *viele Pfennige*, *viel Geld*, *ein guter Heller*, *ein guter Pfennig*, *ein guter Gulden*, *das liebe Geld*: «*Viel Heller machen auch Geld*» (Simrock 2003: 238), «*Viel Kreuzer machen den Gulden*» (Ibid.: 305), «*Viele Pfennige machen einen Taler*» (Beyer 1989: 196), «*Viel Geld, viel Freunde*» (Simrock 2003: 180), «*Es ist ein guter Heller, so einen Taler bringt*» (Ibid.: 238), «*Es ist ein guter Pfennig, der einen Gulden er-*

spart» (Ibid.: 402), «Es ist *ein guter Pfennig*, der hundert einbringt» (Beyer 1989: 196), «Es ist *ein guter Gulden*, der hundert erspart» (Simrock 2003: 216), «*Das liebe Geld* kann alles» (Ibid.: 177) и т. д.

К числу немецких паремий, характеризующих денежные единицы с точки зрения пейоративной коннотации, можно отнести ПЕ, содержащие следующие словосочетания: *keine Pfennige*, *kein Kreuzer*, *kein Gulden*, *kein Geld*, *klein Geld*, *böser Heller*, *böser Pfennig*. Негативное оценочное отношение к деньгам, в особенности, к мелким монетам, связано, как правило, с невозможностью накопить большую сумму: «*Wer keine Pfennige* hat, lästert die Dukaten» (Beyer 1989: 197), «*Kein Kreuzer*, kein Schweizer» (Simrock 2003: 305), «*Wer den Kreuzer* nicht achtet, wird *keinen Gulden* wechseln» (Ibid.: 305), «*Wo kein Geld* ist, da ist auch keine Vergebung der Sünden» (Ibid.: 177), «*Klein Geld*, kleine Arbeit» (Ibid.: 181), «*Böser Heller*, so *einen Gulden* schadet» (Ibid.: 238), «*Zwei böse Heller* finden sich gern in einem Beutel» (Ibid.: 238), «*Böser Pfennig* kommt allzeit wieder» (Ibid.: 402), «Es ist *ein böser Pfennig*, der einen Gulden schadet» (Ibid.: 402) и др.

В паремиологической картине мира немецкого языка находят широкое отражение ценностные категории немецкого менталитета, связанные с достатком и прочным материальным положением; в паремиях подчеркивается сопутствие успеха, благополучия, хороших дружеских отношений, взаимопонимания при наличии большого количества денег: «*Viel Geld* — viel Freunde» (Simrock 2003: 180), «*Hat der Bauer Geld*, hat's die ganze Welt» (Beyer 1989: 106), «*Geld* regiert die Welt» (Ibid.: 106), «*Wer Geld* hat, wird überall verstanden» (Ibid.: 106), «*Das liebe Geld* kann alles» (Simrock 2003: 177).

Ценность дружбы, которая выступает более важным приоритетом по отношению к деньгам, отражена в следующей ПЕ: «*Besser in der Tasche kein Geld*, als *ohne Freunde* in dieser Welt» (Beyer 1989: 106).

В немецкоязычном паремиологическом дискурсе указывается на релевантность денежных единиц не только большого, но и малого номинала, что отражает бережливость немецкого народа, выступающую в качестве одной из ключевых характеристик данной лингвокультуры: «*Viel Heller* machen auch Geld» (Simrock 2003: 238).

В то же время паремиологический материал описывает и

негативные последствия от больших денег, разрыв дружеских отношений, принятие поспешных и неразумных решений, утрату чувства отзывчивости, гармонии, удовлетворения от имеющихся благ, спокойствия, наличие хлопот: «Geld macht *stumm* (*taub*)» (Beyer 1989: 106), «Wo Geld redet, muß *Verstand schweigen*» (Ibid.: 106), «Viel Geld — *wenig Verstand*» (Ibid.: 106), «Beim Gelde *hört die Freundschaft auf*» (Ibid.: 106), «Geld *stilt keinen Hunger*» (Ibid.: 106), «Wenig Geld — *wenig Sorge*» (Ibid.: 106), «Je mehr Geld, desto *mehr Sorgen*» (Ibid.: 106).

Особое внимание в паремиологическом корпусе уделяется экономному отношению к деньгам, установлена весомая роль бережливости в ряду ключевых характеристик немецкой лингвокультуры. Накопление материального достатка описывается в немецких паремиях согласно семантической модели «от малого к большому»: «*Viele Pfennige machen einen Taler*» (Beyer 1989: 196), «*Es ist ein guter Pfennig, der hundert einbringt*» (Ibid.: 196), «*Es ist ein guter Gulden, der hundert erspart*» (Simrock 2003: 216), «*Ein guter Batzen, der einen Gulden erspart*» (Ibid.: 59), «*Viel Kreuzer machen den Gulden*» (Ibid.: 305).

В системе денежных отношений, вербализованных в немецкоязычном паремиологическом корпусе, отмечаются следующие аксиологические характеристики денег: «возможность быстро заработать деньги» (*frisch Geld, ein geschwinder Batzen*), «принадлежность денег» (*der eigene Pfennig*), «честно заработанные / незаконно приобретенные деньги» (*ein ehrlicher Pfennig, ein ehrlicher Groschen, ein gestohlener Taler*), «регулярность получения дохода (ежедневный, ежегодный)» (*ein täglicher Pfennig, ein jährlicher Taler*): «*Frisch Geld, frischer Held*» (Simrock 2003: 179), «*Besser ein geschwinder Batzen als ein langsamer Sechser*» (Ibid.: 59), «*Der eigene Pfennig zahlt am besten*» (Beyer 1989: 196), «*Ein ehrlicher Pfennig ist besser als ein gestohlener Taler*» (Ibid.: 196), «*Ein ehrlicher Groschen ist besser als ein gestohlener Taler*» (Ibid.: 118), «*Ein täglicher Pfennig gibt einen jährlichen Taler*» (Ibid.: 196).

Обращение к электронному корпусу немецкого языка DWDS позволяет представить систематизированные данные о количественных показателях лемм, номинирующих денежные отношения, в немецком языке (см. Табл. 2).

Табл. 2. Частотность употребления лексем, номинирующих денежные единицы, в электронном корпусе немецкого языка DWDS

Лемма	Абсолютная и относительная частота (ipm) в основном корпусе DWDS (1900-1999)	Абсолютная и относительная частота (ipm) в немецкоязычном архиве текстов DWDS (1473-1927)
Geld	17 245 (142,05)	40 689 (185,95)
Pfennig	2 129 (17,54)	3 013 (13,77)
Taler	698 (5,75)	7 882 (36,02)
Gulden	1 044 (8,60)	5 059 (23,12)
Heller	491 (4,04)	1 548 (7,07)
Groschen	729 (6,00)	2 062 (9,42)
Batzen	3 (0,02)	403 (1,84)
Kreuzer	4 (0,03)	2 152 (9,83)
Dukaten	137 (1,13)	2 740 (12,52)

Как видно из таблицы, индекс ipm лемм, номинирующих денежные единицы, намного выше в немецкоязычном архиве текстов, созданных в XV-XX вв., когда исследуемые денежные единицы были в обращении в Германии и в немецкоязычных странах, по сравнению с основным корпусом DWDS, содержащим тексты только XX в. (с 1900 по 1999 гг.).

Приведем некоторые примеры, характеризующие синтагматические связи лемм, номинирующих денежные отношения, в электронном корпусе DWDS:

- (1) *Jährlich erwirtschafteten die beschlagnahmten Güter mehr als eine Millionen Taler — drei Millionen Mark.*¹
- (2) *Und das ergibt bei einer jährlichen Ernte von gut 1,4 Tonnen 1992 einen Bilanzverlust von 425250 holländischen Gulden, etwa 380000 Mark.*²
- (3) *Dreitausend gute Dukaten für ein armes Pfund Christenfleisch hingegeben; das Gelüste war wenigstens teuer bezahlt.*³
- (4) *Französische Centimes oder österreichische Groschen sammeln die deut-*

¹ Die Welt, 03.02.2000.

² Die Zeit, 12.11.1993, Nr. 46.

³ Die Zeit, 04.06.1965, Nr. 23.

schen Banken und Sparkassen nicht ein.⁴

- (5) Wer sie ablieferte, bekam *sechs Kreuzer* Entgelt, wer sein Soll nicht erfüllte, hatte zwölf Kreuzer zu zahlen.⁵
- (6) Papiermühlen hatten der zu erwartenden guten Geschäfte wegen die Lastwagen geliehen, und ihre Kalkulation hatte sich als richtig erwiesen; denn nachdem die Bücherberge von Wissenschaftlern aller Fakultäten nach besonders wertvollen Exemplaren durchwühlt worden waren, wurde die Masse der Bücher tatsächlich, für *fünfzig Pfennige* pro Zentner, eingestampft.⁶

Данные корпуса DWDS свидетельствуют о значительно большем объеме и вариативном характере левых коллокатов лемм, номинирующих денежные единицы в корпусе DWDS, который формируют литературные произведения, научные и профессиональные тексты, газетные статьи. В паремиологическом корпусе было зафиксировано 16 разновидностей коллокатов, в то время как в электронном корпусе DWDS было обнаружено 69 различных лемм, обозначающих денежные единицы в немецком языке. По характеру коллокатов было выявлено 6 случаев совпадений атрибутивных характеристик, связанных с общей мелиоративной оценочностью и любовью к деньгам (*gut, lieb*), а также со сроком получения денег, временем, затраченным для получения определенной суммы денег, принадлежности, сроке получения денежной суммы (*alt, eigen, frisch, geschwind*). Различия проявляются в атрибутивных характеристиках номинантов денежных единиц в паремиологическом корпусе, связанных с наличием / отсутствием денег (*viel, kein, klein, jährlich*), характером накопления (*erspart*), характером получения денег (*ehrlich*).

В электронном корпусе преимущественно используются коллокаты, отражающие количественные показатели денежных единиц (*acht, achtzig, drei, dreißig, dreitausend, fünf, fünftausend, hundert, hunderttausend, neun, sechs, sechzehn, sechzig, sieben, tausend, vier, zehn, zwanzig, zwei, zweihundert, zwölf*), либо территорию / национальный ареал их распространения (*deutsch, holländisch, niederländisch, preußisch, rheinisch*). Этот факт объясняется функциональным предназначением текстов, в которых употребляются анализиру-

⁴ Die Zeit, 02.07.2001, Nr. 27.

⁵ Die Welt, 20.08.2003.

⁶ Bruyn, Günter de. (2002) *Unter den Linden*. Berlin: Siedler, 62.

емые словоформы. Коммуникативно-прагматическая направленность ПЕ связана, в первую очередь, с моделированием человеческого поведения, что находит отражение в высмеивании пороков человека (алчность, уклонение от закона, получение материальной прибыли нечестным путем) либо поощрении его добродетелей (бережливость, экономное и рациональное отношение к ведению дел, трудолюбие). В художественном, научном, профессиональном либо публицистическом дискурсах значимую роль играет отражение фактов объективной действительности, в нашем случае, описание товарно-денежных отношений с учетом количественных показателей, а также страны распространения денежной единицы.

3. Заключение

Таким образом, сопоставление данных паремиографических источников, а также корпусных сведений об этноспецифической лексике немецкого языка позволили определить некоторые особенности номинаций национальных денежных единиц, обладающих рядом количественных и качественных характеристик, проявляющихся на уровне частотности употребления, а также в плане сочетаемостных связей на уровне синтагматики. Выявленные когнитивно-дискурсивные черты лексем, номинирующих денежные единицы в немецком языке, могут быть учтены при описании механизмов формирования и поддержания идентичности, трансляции норм и ценностей в немецкоязычном этнокультурном социуме.

Список литературы / References

- Быкова О. И. Этнолингвосомиотический подход к исследованию коннотации // *Филология и культура = Philology and Culture*. 2012. № 2. С. 28—31. [Bykova, Olga I. (2012) Etnolingvosemioticheskiy podhod k issledovaniyu konnotatsii (Ethnolinguistical Approach to the Study of Connotation). *Filologija i kul'tura* (Philology and Culture), 2, 28—31. (In Russian)].
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповедческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. [Vereshhagin, Yevgeniy M., & Kostomarov Vitalij G. (2005) *Jazyk i kul'tura: tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedcheskikh taktik i sapientemy* (Language and Culture: Three Linguistic Concepts: Of the Lexical Background, Speech and Behaviour

Tactics and a Sapienteme) Moscow: Indrik. (In Russian)].

Добровольский Д. О., Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные единицы, работа с ними при разных стратегиях перевода и русская конструкция *что ни говори* // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 34—48. [Dobrovolskiy, Dmitriy O., & Shmelev, Aleksey D. (2018) Russkiye lingvospecificichnye yedinitisy, rabota s nimi pri raznykh strategiyakh perevoda i russkaya konstruktsiya *chto ni govori* (Russian language-specific units, working with them in different translation strategies, and the Russian construction *whatever you say*). *Voprosy yazykoznananiya* (Topics in the Study of Language), 5, 34—48. (In Russian)]. doi: 10.31857/S0373658X0001395-3

Залавина Т. Ю., Дерина Н. В., Полякова Л. С., Южакова Ю. В. Концепт деньги в контексте национальных лингвокультур // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2019. Т. 21. № 1. С. 191—196. [Zalavina, Tatyana Ju.; Derina, Nataliya V.; Polyakova, Liliya S., & Juzhakova, Julija V. (2019) Kontsept den'gi v kontekste natsional'nykh lingvokul'tur (The Concept of Money in the Context of National Linguistic Cultures). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Kemerovo State University), 21 (1), 191—196. (In Russian)]. doi: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-191-196>

Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2016» (Москва, 1-4 июня 2016 г.). М., 2016. С. 763—775. [Zaliznyak, Anna A. (2016) Lingvospecificichnye yedinitisy russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza (Linguistic-specific Units of the Russian Language in the Light of Contrastive Corpus Analysis). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* (Computational Linguistics and Intelligent Technologies), 763—775. (In Russian)].

Камышанченко Е. А., Нерубенко Н. В. Сопоставительный анализ пословиц и поговорок английского и немецкого языков, репрезентирующих концепт «деньги» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 78—80. [Kamyshanchenko, Yelena A., & Nerubenko, Natal'ya V. (2012) Sopostavitel'nyy analiz poslovits i pogovorok angliyskogo i nemetskogo jazykov, reprezentiruyushhikh kontsept «den'gi» (Comparative Analysis of Proverbs and Sayings in English and German that represent the Concept of “money”). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Issues of Theory and Praxis), 1, 78—80. (In Russian)].

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2011. [Maslova, Valentina A. (2011) *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku*. (Introduction to Cognitive Linguistics). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].

Меркуш Н. Е. Культурный компонент значения лексических единиц в

- преподавании иностранного языка. М.: МГИМО, 2020. [Merkish, Nataliya Ye. (2020) *Kul'turnyj komponent znacheniya leksicheskikh yedinitv v prepodavanii inostrannogo yazyka* (Cultural Component of the Meaning of Lexical Units in Foreign Language Teaching). Moscow: MGIMO. (In Russian)].
- Парина И. С. Корпусный анализ и лексикографическое описание лингвоспецифичных идиом немецкого языка // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 16: Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 301—311. [Parina, Irina S. (2019) *Korpusnyj analiz i leksikograficheskoye opisaniye lingvospetsifichnykh idiom nemetskogo yazyka* (Corpus Analysis and Lexicographic Description of Language-specific Idioms of the German Language). In Babenko, Nataliya S., Bakshi, Natal'ya A. (eds) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*. Т. 16. Aktivnyye protsessy v yazyke i literature: sotsiokul'turnyye osnovaniya (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 16. Active Processes in Language and Literature: Sociocultural Grounds). Nizhny Novgorod: DEKOM, 301—311. (In Russian)].
- Сафина Р. А. Фразеологические единицы, выражающие материально-денежные отношения, в немецком и русском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань: Казанский гос. ун-т., 2002. [Safina, Rimma A. (2002) *Frazeologicheskiye yedinitvy, vyrazhayushhiye material'no-denezhnyye otnosheniya, v nemetskom i russkom yazykakh* (Phraseological Units expressing Material and Monetary Relations in German and Russian). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Kazan: Kazan State University, 2002. (In Russian)].
- Федянина Л. И. Способы объективации концепта 'Geld' в немецкой языковой картине мира. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 2005. [Fedyanina, Ljubov' I. (2005) *Sposoby ob'yektivatsii kontsepta 'Geld' v nemetskoj yazykovoy kartine mira*. (Ways to objectify the Concept 'Money' in the German-Language World Picture). PhD thesis in Philology. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. (In Russian)].
- Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»: В 2 т. М., 2015. Вып. 14 (21), т. 1. С. 584—595. [Shmelev, Aleksej D. (2015) *Russkiye lingvospetsifichnyye leksicheskiye yedinitvy v parallel'nykh korpusakh: vozmozhnosti issledovaniya i «podvodnyye kamni»* (Russian Language-specific Lexical Units in Parallel Cases: Research Opportunities and “Pitfalls”). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* (Computational Linguistics and Intelligent Technologies), 14 (21), vol. 1, 584—595. (In Russian)].

- Beyer, Horst, & Beyer, Annelies. (1989) *Sprichwörterlexikon*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Duden — Dudenredaktion. (ed.) (1998) *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten* (Bd. 11). Mannheim: Dudenverlag.
- DUW — Dudenredaktion. (ed.) (2003) *Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim: Dudenverlag.
- DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. (2019, October 30). Retrieved from <https://www.dwds.de/>
- Kulkova, Mariya A.; Fattakhova, Nailya N., & Zinecker, Thilo. (2015) Paremiological Text Hermeneutics (in Russian and German). *Journal of Language and Literature*, 6 (2), Iss. 2, 356—360. doi: 10.7813/jll.2015/6-2/72
- Simrock, Karl. (2003) *Die deutschen Sprichwörter*. Düsseldorf: Albatros Verlag.
- Wierzbicka, Anna. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations*. New York: Oxford University Press, 1992.

Mariya A. Kulkova
Kazan (Volga Region) Federal University

Cognitive-Discursive Peculiarities of the German Ethno-Specific Vocabulary

One of the key problems of modern linguistics is the establishment and description of close relationships between the semantic foundations of the language, the national mentality and the culture of a particular ethnic group. From this point of view, ethnospecific vocabulary is of great interest to linguists, cultural scientists, sociologists, ethnographers, and others. The purpose of this article is to identify the features of national monetary units that have a number of quantitative and qualitative characteristics in the German language, which is manifested at the level of frequency of use, as well as in terms of combinability at the level of syntagmatics. The main provisions of the theory of cognitive linguistics and the use of corpus technologies in the analysis of lexical units served as the methodological basis of the research. The author compared data on the frequency of lexemes nominating monetary units in German paremiological units with data from the corpus of the German language “Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache” (DWDS), analyzed syntagmatic connections of the group of German ethnospecific lexemes, and identified their cognitive-discursive features. The obtained data can be taken into account when describing the mechanisms of formation and maintenance of national identity, the translation of norms and values in the German-speaking ethno-cultural society.

Key words: Paremiological unit; ethnospecific vocabulary; German language; corpus linguistics

ПРИМЕНЕНИЕ КОРПУСОВ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Корпусы параллельных текстов в составе Национального корпуса русского языка представляют собой машиночитаемые базы данных, содержащие тексты оригинала и, по меньшей мере, одного официально опубликованного перевода, в которых может осуществляться поиск языковых единиц как по точной форме, так и по грамматическим и семантическим признакам. Они успешно используются в различных исследованиях по сопоставительной лингвистике и переводоведению, в частности, для подбора иноязычных соответствий лексическим единицам. В статье на отдельных примерах рассматриваются возможности использования немецко-русского и русско-немецкого параллельного корпуса НКРЯ для изучения немецкой фразеологии. Показано, что несмотря на ограниченный объем корпуса и преобладание в нем произведений XIX века с его помощью могут быть уточнены сведения о семантике немецких идиом и подобраны для них соответствия, не зафиксированные в существующих двуязычных словарях.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; параллельный корпус; фразеология; перевод; лексикография

1. Введение

25 февраля 2009 г. Национальный корпус русского языка (НКРЯ, <http://www.ruscorgo.ru/>) пополнился немецко-русским подкорпусом параллельных текстов, а 25 сентября 2015 г. был открыт доступ к подкорпусу «Русская классика в немецких переводах».

Подкорпус параллельных текстов представляет собой машиночитаемое собрание текстов в оригинале — в основном, художественных произведений, — и их переводов, выполненных профессиональными переводчиками и официально опубликованных. Временной охват оригиналов немецко-русского подкорпуса НКРЯ — с 1774 г. (И. В. фон Гете, «Страдания юного Вертера» в переводе Н. Касаткиной 1954 г.) по 1985 г. (П. Зюскинд, «Парфюмер» в переводе Э. Венгеровой, 1992 г.). Кроме того, в корпус включены отдельные тексты публицистической и научно-технической сферы 2004-2012 гг. публикации.

Общий объем немецко-русского подкорпуса — 3 916 890 слов.

Подкорпус «Русская классика в немецких переводах» включает прозу с 1830 г. (А. С. Пушкин, «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» в переводе М. Пфайфера, 1984 г.) по 1901 г. (Максим Горький, «Трое» в переводе А. Шольца, 1928 г.). В русско-немецкий подкорпус НКРЯ также входят несколько современных произведений («Трилогия» В. Г. Сорокина 2002-2005 гг. в переводе А. Третнера, 2005-2010 гг., «Последние свидетели» С. А. Алексиевич 1985 г., в переводе Г. М. Браунгардт, 2016 г.), так что общий объем подкорпуса составляет 5 749 741 слово.

Результаты поиска языковой единицы в параллельном корпусе выглядят как фрагменты текста, содержащие искомую единицу, и соответствующие ему фрагменты перевода. Корпус снабжен метаразметкой, включающей информацию об авторе, переводчике, времени создания оригинала и перевода. Эта информация автоматически отображается для каждого контекста, представленного в результатах поиска; ср. пример (1).

- (1) *Der Körper des Schreines hatte eine allseitig gerundete Arbeit mit sechs Fächern.* (Adalbert Stifter. *Der Nachsommer* (1857) | *Адальберт Штифтер*. Бабье лето (С. К. Апт, 1999)) (здесь и далее в контекстах и метаразметке сохранена орфография и пунктуация из НКРЯ — *И. П.*)

Корпус конторки был со всех сторон закруглен и имел шесть ящиков. (Адальберт Штифтер. Бабье лето (С. К. Апт, 1999))

Поиск в корпусах может осуществляться как по точной форме слова или словосочетания, так и по частям (одной или нескольким буквам), по грамматическим (часть речи, грамматическая форма) и семантическим признакам (семантический класс, положительные или отрицательные коннотации). Перед началом поиска из всего массива текстов можно выбрать произведения, отвечающие определенным критериям (время создания, пол, возраст или имя автора и переводчика), и далее работать только с ними.

Корпусы параллельных текстов представляют собой удобный инструмент для сбора эмпирического материала и используются для решения целого ряда задач в области социолингвистики, культурологии, литературоведения, сопоставительной лексикологии, лексикографии, теории и практики перевода.

В частности, они применяются для изучения отличий узуса XIX века от современного и их отражения в переводе (Dobro-

vol'skij 2005). На основе параллельных корпусов рассматриваются проблемы перевода специфических лексических единиц и грамматических конструкций в современных текстах: слов с пространственно-дейктическими элементами, выражающими идею направления движения или указывающими на пространственные отношения между участниками ситуации (Добровольский, Падучева 2008), высказываний от первого лица (Добровольский, Падучева 2010), модальных частиц, содержащих идею актуализации забытого (Добровольский, Левонтина 2015).

С помощью корпусов параллельных текстов проводятся исследования лингвоспецифичной лексики — лексических единиц, обладающих сложной семантической конфигурацией и поэтому не имеющих точного словарного эквивалента в языке, с которым ведется сопоставление (Зализняк 2015; Шмелев 2015). Анна А. Зализняк выделяет ряд признаков лингвоспецифичности лексических единиц, которые могут быть выявлены на основе анализа контекстов с этими единицами и их переводов (Зализняк 2015). Лингвоспецифичные лексемы русского языка рассматриваются в работах Д. О. Добровольского и А. Д. Шмелева (Добровольский 2015; Шмелев 2015). В частности, А. Д. Шмелев доказывает лингвоспецифичность дискурсивной частицы *же* относительно английского языка. Свою точку зрения он аргументирует тем, что в переводах с русского языка на английский она чаще всего опускается (Шмелев 2015).

Перспективы использования корпусов параллельных текстов в сопоставительной лексикологии и лексикографии также связаны с тем, что на корпусном материале могут быть выявлены и описаны тонкие семантические различия между лексическими единицами исходного и переводящего языков, традиционно считающимися эквивалентными. Так, Д. О. Добровольский и соавторы (Добровольский, Кретов, Шаров 2005) на основании анализа англо-русского параллельного корпуса указывают на различия в употреблении лексем *абсолютно* и *absolutely* и предлагают русскоязычные эквиваленты английской лексеме для тех случаев, когда *абсолютно* не соответствует ей по сочетаемости: *absolutely vital* — *жизненно необходимо*, *understand absolutely* — *прекрасно понимать*. Кроме того, в указанной работе предлагаются соответствия в английском языке для глагола *состояться* в значении 'успешно реализовать свои потенциальные (творческие) возможности', кото-

рое не описано в проанализированных авторами лексикографических источниках: *to achieve distinction (as an X)*, *to get established (as an X)*, *to have been successful (as an X)*, *to build a reputation (as an X)*, *to realize his/her potential (as an X)*.

В целом, как отмечает Д. О. Добровольский (Добровольский 2012), анализ корпусов позволяет обнаружить существенно больше возможных переводных эквивалентов для описываемой лексической единицы, чем анализ двуязычных словарей и интроспекция. Например, для немецкой частицы *eben* для случаев, когда она употребляется в качестве самостоятельного высказывания, в словарях традиционно предлагаются эквиваленты *вот то-то и оно*, *вот именно*. Однако переводчики используют и другие соответствия, к примеру, *в том-то и дело*:

- (2) „Nur das“, sagte sie bestimmt. „**Eben...**“ „Gerade deshalb ist er doch unfähig, einen Mord zu begehen“, unterbrach sie mich. (Friedrich Dürrenmatt. *Justiz* (1985))
— Да, и больше ничего, — сказала она уверенно. — **В том-то и дело**. Она не дала мне договорить: «Именно по этой причине он и не способен совершить убийство.» (Фридрих Дюрренматт. *Правосудие* (С. Фридлянд, 1988))

Таким образом, в целом ряде сопоставительных исследований лексики использование в качестве материала параллельных корпусов позволило получить новый и неочевидный результат.

Представляется, что эти корпусы могут стать удобным инструментом и для исследования фразеологии в сопоставительном аспекте. В то же время, по мнению британской исследовательницы Р. Мун, необходимый объем текстового корпуса, обеспечивающий наличие в нем достаточного количества контекстов с фразеологизмами, составляет не менее 50 миллионов слов, а оптимальный — 100 миллионов слов (Moon 2007). Объем немецко-русского и русско-немецкого корпуса параллельных текстов в составе НКРЯ составляет менее десяти миллионов слов. Однако этот корпус является в настоящий момент наиболее крупным из общедоступных для данной пары языков, и опыт его успешного применения в исследованиях лексики позволяет предположить, что для некоторых фразеологизмов, по крайней мере, наиболее распространенных, в нем могут быть найдены примеры употребления.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть возможности применения корпуса параллельных текстов НКРЯ для пары языков немецкий-русский в сопостави-

тельном исследовании немецких идиом.

2. Корпусное исследование немецкой фразеологии: примеры и результаты

Опыт практического использования корпуса параллельных текстов связан с участием в работе над Новым немецко-русским корпусным фразеологическим словарем «Современная немецкая идиоматика» в составе творческой группы под руководством Д. О. Добровольского. Некоторые примеры статей из этого словаря представлены на сайте Института немецкого языка в Мангейме в рамках проекта «Deutsch-russische Idiome online» (http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/). При работе над Новым немецко-русским корпусным фразеологическим словарем преимущественно использовался крупнейший для немецкого языка Мангеймский корпус (DeReKo), объем которого в настоящее время составляет 46,9 миллиардов словоформ (<https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>). По результатам анализа контекстов из этого одноязычного корпуса была составлена подробная характеристика семантических, стилистических, прагматических и сочетаемостных особенностей немецких идиом. Однако для подбора эквивалентов немецким фразеологизмам в русском языке требовались иные источники.

Необходимо признать, что для ряда фразеологизмов в корпусе параллельных текстов НКРЯ не было найдено ни одного случая употребления, например, *bei Adam und Eva anfangen*, *ein heißes Eisen*, *im besten Fall*, *stumm wie ein Fisch*.

Однако для некоторых фразеологизмов анализ контекстов из немецко-русского и русско-немецкого подкорпуса позволил уточнить сведения о семантике и подобрать соответствия, отражающие ее особенности.

Так, фразеологизм *auf eigene Faust* в корпусе встречается 17 раз: двенадцать — в произведениях на немецком языке и пять — в переводах на немецкий язык сочинений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и В. Г. Сорокина.

В Немецко-русском словаре современных фразеологизмов (Мальцева 2003) для фразеологизма *auf eigene Faust* предлагается только один эквивалент — *на свой страх и риск*.

В корпусе параллельных текстов для этого фразеологизма были найдены и другие соответствия: *на свой лад*, *тайком от всех*, *по своему разумению*, *по своему вкусу*, *самостоятельно*. Кроме того,

при анализе контекстов из оригинальных произведений на немецком языке было установлено, что фразеологизм *auf eigene Faust* обладает широкой семантической сочетаемостью и употребляется не только в сочетании с глаголами со значением действия (ср. примеры (3), (4), (5), (6)), но и с глаголами со значением мысли (ср. примеры (7), (8)) для указания на самостоятельность выполняемого действия или принимаемого решения.

Идиома *na свой страх и риск* имеет более узкое значение — ‘полагаясь только на себя’ (Федоров 2008), и в переводе контекстов типа (7), (8) семантика немецкой идиомы не может быть передана с его помощью.

- (3) *Dann habe er auf eigene Faust gehandelt, sagte der Fürsprecher.* (Friedrich Dürrenmatt. *Justiz* (1985))
И тогда, продолжал ходатай, он начал действовать на свой страх и риск. (Фридрих Дюрренматт. Правосудие (С. Фридлянд, 1988))
- (4) *Wenn jedoch einer auf eigene Faust Gerechtigkeit ausüben wolle, gehe es verdammt unmenschlich zu.* (Friedrich Dürrenmatt. *Justiz* (1985))
Но когда отдельный человек вздумает осуществлять справедливость на свой лад, получится до чертиков бесчеловечно. (Фридрих Дюрренматт. Правосудие (С. Фридлянд, 1988))
- (5) *Das tat ich indessen nicht, sondern entlehnte beim Nachbar Papier und Feder und schrieb einen manierlichen Brief an die Klosterbrüder, gab den der Botenfrau mit und ging auf eigene Faust in den Berg.* (Hermann Hesse. *Peter Camenzind* (1904))
Я же вместо этого одолжил у соседа перо и бумагу, написал монахам учтивое письмо, вручил его почтальонше, а сам тайком от всех отправился в горы. (Герман Гессе. Петер Каменцинд (Р. Эйвадис, 1995))
- (6) *Dies waren die lustigsten Bursche der Umgegend; sie hatten sich unter den Kutten ungeheure Bäuche gemacht und schreckliche Bärte von Werg umgebunden, auch die Nasen rot gefärbt; sie gedachten den ganzen Tag sich auf eigene Faust herumzutreiben und spielten gegenwärtig Karten mit großem Hallo, wobei sie andere Spielkarten aus den Kapuzen zogen und statt der Heiligen an die Leute verschenkten.* (Gottfried Keller. *Der grüne Heinrich* (zweite Fassung) (1879-1880))
Это были самые веселые парни во всей округе. Подвязав подушки под ряссы, они сделали себе огромные животы, к тому же прилепили страшные бороды из пакли и вымазали носы красной краской. Весь день они собирались провести по своему вкусу, а пока что шумно играли в карты. При этом они показывали фокусы: извлекали из своих ряс запасные карты и, изображая святых чудотворцев, давали их зрителям. (Готфрид Келлер. Зеленый Генрих (Ю. Афонькин, Г. Снимщикова, Д. Горфинкель, Н. Бутова, 1972))

- (7) *Von Zeit zu Zeit denkt sich Rosina, um die Folter aufs äüßerste anzuspinnen, auf eigene Faust etwas Höllisches aus.* (Gustav Meyrink. *Der Golem* (1914))
 Время от времени Розина **самостоятельно** выдумывает какой-нибудь адский план, чтобы довести мучения Яромира до последней степени. (Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922))
- (8) *Als ich diese Worte nicht recht zu deuten wußte, weil ich die eigene Rede, die sie hervorgerufen, über ihrem Anblicke schon vergessen hatte, sagte der Graf zu mir: «Sie müssen nämlich wissen, es ist Dortchens Wahrzeichen, daß sie ganz auf eigene Faust nicht an Unsterblichkeit glaubt, und zwar nicht etwa infolge eingeschulter Dinge oder durch fremden Einfluß, sondern auf ursprüngliche Weise, sozusagen von Kindesbeinen auf!»* (Gottfried Keller. *Der grüne Heinrich* (zweite Fassung) (1879-1880))
 Я не мог объяснить себе значения этих слов, тем более что, любуясь ее красотой, успел позабыть свои собственные слова, вызвавшие ответ девушки, и граф пояснил мне: — Видите ли, это особенность нашей Dortchen: она не верит в бессмертие души, и не то чтобы ее научили этому, или кто-нибудь оказал на нее влияние — нет, она не верит **сама по себе**, сызмальства, так сказать с пеленок! (Готфрид Келлер. Зеленый Генрих (Ю. Афонькин, Г. Снимщикова, Д. Горфинкель, Н. Бутова, 1972))

Таким образом, статья для идиомы *auf eigene Faust* в двуязычном фразеологическом словаре по результатам корпусного анализа может быть дополнена соответствиями *на свой лад, тайком от всех, по своему разумению, по своему вкусу, самостоятельно*.

Для фразеологизма *jemanden, etwas nicht aus den Augen lassen* анализ контекстов из параллельного корпуса также позволяет подобрать словарные соответствия. В Немецко-русском словаре современных фразеологизмов (Мальцева 2003) эта идиома отсутствует, в Русско-немецком словаре по общей лексике (Цвиллинг 2005) даны два соответствия: *не выпускать из виду, не упустить кого-либо из виду*. В НКРЯ фразеологизм *jemanden, etwas nicht aus den Augen lassen* встречается в 41 контексте, приблизительно две трети из которых представляют собой фрагменты немецких произведений, а одна треть — переводов.

Случаи употребления фразеологизма могут быть условно разделены на две группы в соответствии с тем, какой семантический компонент оказывается в фокусе внимания: ‘напряженно вглядываться в кого-либо, что-либо’ (примеры (9), (10)) или ‘следить за кем-либо, чем-либо’ (примеры (11) — (14)). Также было установлено, что субстантивный компонент фразеологизма может использоваться и в форме единственного числа; ср. пример (12).

- (9) *Da hielt die Straßenbahn zum ersten Mal. Emil **ließ** den Triebwagen **nicht aus den Augen**.* (Erich Kästner. *Emil und die Detektive* (1929))
*Трамвай остановился. Эмиль **не сводил глаз** с моторного вагона. (Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики (Л. Лунгина, 1971))*
- (10) *Frau Permaneder **ließ** das Gesicht ihres Bruders **nicht aus den Augen**, sie beobachtete es mit erregtem und gespanntem Ausdruck.* (Thomas Mann. *Buddenbrooks* (1896-1900))
*Г-жа Перманедер **не спускала** взволнованного и напряженного **взора** с лица брата. (Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953))*
- (11) *Ich **ließ** dich **nicht mehr aus den Augen** und bin gestern in der Nacht dem braven Doktor Hungertobel leibhaftig erschienen.* (Friedrich Dürrenmatt. *Der Verdacht* (1953))
*Я **не выпускал** тебя **из поля зрения** и вчера ночью явился к bravому доктору Хунгертобелю. (Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1990))*
- (12) *Von dem Moment an, wo Wassertrum vom Notar kam, **ließ ich ihn nicht mehr aus dem Auge**.* (Gustav Meyrink. *Der Golem* (1914))
*С тех пор, как Вассертрум вернулся от нотариуса, я **не спускал с него больше глаз**. (Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922))*
- (13) *Herr Hillel solle sie **nicht aus den Augen lassen**.* (Gustav Meyrink. *Der Golem* (1914))
*Пусть господин Гиллель **смотрит за ней в оба**. (Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922))*
- (14) *Charousek **ließ** den Trödler sowieso **nicht aus den Augen**, darüber bestand kein Zweifel.* (Gustav Meyrink. *Der Golem* (1914))
*Харусек уж **проследит** за старьевщиком, в этом никаких сомнений не было. (Густав Майринк. Голем (Д. Выгодский, 1922))*

Итак, для фразеологизма *jemanden/etwas nicht aus den Augen lassen* по результатам корпусного анализа могут быть предложены следующие соответствия: *не сводить глаз с кого-л./чего-л.*; *не спускать взора с кого-л.*; *не выпускать кого-л. из поля зрения*; *не спускать глаз с кого-л.*; *смотреть за кем-л. в оба*; *следить за кем-л.* Кроме того, некоторые контексты из корпуса могут быть использованы в качестве примеров для словарной статьи.

3. Заключение

Опыт использования корпусов параллельных текстов для пары языков немецкий-русский в составе НКРЯ показал, что в отдельных случаях они могут применяться в сопоставительных исследованиях фразеологии. Основное достоинство корпусов как инструмента состоит в том, что они позволяют быстро осу-

щественять поиск в больших текстовых массивах и делать выводы на основе естественных, не возникших в ситуации эксперимента и не сконструированных самим исследователем высказываний. Для того, чтобы использовать корпус, нет необходимости строго формулировать гипотезу и поисковый запрос: поиск может осуществляться по отдельным признакам, и благодаря этому может быть получен неожиданный результат, например, выявлены варианты фразеологизма, не соответствующие зафиксированным в словарях.

Корпусы параллельных текстов позволяют рассматривать искомую единицу и в текстах оригинала, и в текстах переводов, то есть изучать, в качестве соответствия для какого слова или словосочетания в оригинале она используется. В то же время, необходимо учитывать, что выбор соответствия в переводе зависит от контекста, и переводчики используют различные трансформации, в том числе генерализацию, конкретизацию, антонимический перевод или опущение; ср. пример (15).

- (15) *Doktor Mantelsack ließ einen Hochbegabten auf eigene Faust weiterübersetzen und hörte ebensowenig zu wie die anderen vierundzwanzig, die anfangen, sich für die nächste Stunde zu präparieren. Dies war nun gleichgültig. Man konnte niemandem ein Zeugnis dafür geben, noch überhaupt den dienstlichen Eifer darnach beurteilen...* (Thomas Mann. *Buddenbrooks* (1896-1900) | Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953))

Доктор Мантельзак велел переводить дальше одному из очень способных мальчиков, но сам слушал его не внимательнее, чем остальные ученики, которые уже начали готовиться к следующему уроку: перевод никакой роли не играл, за него нельзя было выставить отметку, так же как нельзя было на нем показать свое служебное рвение. (Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953))

Ограничения на возможности применения параллельного корпуса в составе НКРЯ накладывает его сравнительно небольшой объем, а также преобладание не в полной мере отражающих современный узус произведений XIX в. (переводы которых, однако, выполнены преимущественно в XX в.). Вероятно, по мере расширения корпуса эти недостатки будут устранены.

Таким образом, данные, полученные на основе корпусов параллельных текстов, нуждаются в дополнительной проверке перед включением в словарь, но могут существенно расширить представления о семантике фразеологических единиц.

Список литературы / References

- Добровольский Д. О.* Лингвоспецифичная лексика в корпусах параллельных текстов // Речевые жанры современного общения. Тезисы докладов международной конференции «11-е Шмелевские чтения (23-25 февраля 2015)» / Под ред. А. В. Занадворовой. М.: ИРЯ РАН, 2015. 47—49. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. (2015) Lingvospetsifichnaya leksika v korpusakh parallel'nykh tekstov (Language-Specific Lexical Units in Parallel Corpora). In Zanadvorova, Anna V. (ed.) *Rechevyye zhanry sovremennogo obshcheniya. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii "11-e Shmelevskie chteniya (23-25 fevralja 2015)"* (Speech Genres of Modern Communication. Abstracts of the International Conference "11th Shmelev Readings" (February 23-25, 2015)). Moscow: Institute of the Russian Language, 47—49. (In Russian)].
- Добровольский Д. О.* Использование корпусов текстов в двуязычной лексикографии // Среди нехоженных путей. Сб. науч. ст. к юбилею А. А. Кретова / Под редакцией И. А. Меркуловой, К. М. Шилихиной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012, 14—25. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. (2012) Ispol'zovaniye korpusov tekstov v dvuyazychnoy leksikografii (The Use of Text Corpora in Bilingual Lexicography). In Merkulova, Inna A., & Shelikhina, Kseniya M. (eds) *Sredi nekhozhenykh putey. Sbornik nauchnykh statey k yubileyu A. A. Kretova*. (Among the Unknown Paths. Collection of scientific articles for the anniversary of A. A. Kretov). Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2012, 14—25. (In Russian)].
- Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. А.* Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. М.: Индрик, 2005. С. 263—296. [Dobrovolskiy, Dmitriy O., Kretov, Aleksey A., Sharov, Sergey A. (2005) Korpus parallel'nykh tekstov: arhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya (Parallel Text Corpus: Architecture and Usability). In *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka: 2003—2005* (Russian National Corpus: 2003—2005). Moscow: Indrik, 263—296. (In Russian)].
- Добровольский Д. О., Падучева Е. В.* Высказывания от 1-го лица: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. 104—121. [Dobrovolskiy, Dmitriy O., & Paducheva, Yelena V. (2010) Vyskazyvaniya ot pervogo litsa: semantika i pragmatika (Statements in the first person: semantics and pragmatics) In Arutyunova, Nina D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznykh yazykakh i kul'turakh* (Logical Language Analysis. Mono-, Dia-, Polylogue in Different Languages and Cultures). Moscow: Indrik, 104—121. (In Russian)].
- Добровольский Д. О., Падучева Е. В.* Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов hin и her // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды меж-

- дународной конференции «Диалог 2008» / Под ред. А. Е. Кибрика. М.: Наука, 2008. С. 140—146. [Dobrovolskiy, Dmitriy O. & Paducheva, Yelena V. (2008) *Deyksis v otsutstviye govoryashchego: o semantike nemetskikh deyktycheskikh elementov hin i her* (Deixis in the Absence of the Speaker: On the Semantics of the German Deictic Elements *hin* and *her*). In Kibrik, Andrey Ye. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2008" (Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue 2008"). Moscow: Nauka, 140—146. (In Russian)].
- Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2015. С. 683—695. [Zaliznyak, Anna A. (2015) *Lingvospetsifichnye yedinitsey russkogo yazyka v svete kontrastivnogo korpusnogo analiza* (Russian Language-specific Words as an Object of Contrastive Corpus Analysis). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii*. Po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" (Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialog"), 14 (21), vol. 1, 683—695. (In Russian)].
- Мальцева Д. Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов. М.: Русский язык — Медиа, 2003. [Mal'ceva, Dina G. (2003) *Nemetsko-russkiy slovar' sovremennykh frazeologizmov* (German-Russian Dictionary of Modern Phraseological Units. Moscow: Russkiy yazyk — Media. (In Russian)].
- Параллельный корпус (немецкий) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/search-para-de.html> (дата обращения: 29.02.2020). [Parallelnyy korpus (nemetskiy) (Parallel Corpus (German) In *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka* (Russian National Corpus). (2020, February 29) Retrieved from <http://ruscorpora.ru/search-para-de.html> (In Russian)].
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. [Fedorov, Aleksandr I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* (Phraseological dictionary of the Russian literary language). Moscow: Astrel: AST. (In Russian)].
- Цвиллинг М. Я. Русско-немецкий словарь по общей лексике. М.: Русский язык — Медиа, 2003. [Tsvilling, Mikhail Ya. (2003) *Russko-nemetskiy slovar' po obshchey leksike*. (Russian-German Dictionary on General Vocabulary). Moscow: Russkiy yazyk — Media. (In Russian)].
- Шмелев А. Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21). В 2 т. Т. 1: Основная про-

- грамма конференции. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2015. С. 584—595. [Shmelev, Aleksey D. Russkiye lingvospetsifichnyye leksicheskiye yedinitiy v parallel'nykh korpusakh: vozmozhnosti issledovaniya i "podvodnyye kamni" (Russian Language-specific Lexical Units in Parallel Corpora: Prospects of Investigation and "Pitfalls"). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii*. Po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" (Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialog"), 14 (21), vol. 1, 584—595. (In Russian)].
- Das Deutsche Referenzkorpus DeReKo. (29. Februar 2020). Retrieved from <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>
- Deutsch-russische Idiome online. (29. Februar 2020) Retrieved from http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/
- Dobrovolskiy, Dmitriy O. (2005) Paralleles Textcorpus bei der Untersuchung lexikalischer Semantik. Lenz, Friedrich, & Schierholz, Stefan J. (eds) *Korpuslinguistik in Lexik und Grammatik*. Tübingen: Stauffenburg, 153—186.
- Moon Rosamund. (2007) Corpus Linguistic Approaches with English Corpora. In Burger, Harald; Dobrovolskiy, Dmitriy; Kühn, Peter, & Norrick, Neal R. (eds) *Phraseologie/Phraseology*. Ein Internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / An International Handbook of Contemporary Research. Berlin; New York: de Gruyter, 1045—1059.

Irina S. Parina

Nizhny Novgorod State Linguistics University

Application of Parallel Corpora within the Russian National Corpus in Comparative Analysis of German and Russian Phrasemes

Parallel corpora within the Russian National Corpus are machine-readable databases containing original texts with at least one officially published translation. In the corpora, queries including either exact forms of language units or their certain grammatical and semantic features can be formulated. Corpus analysis is applicable in various studies on comparative linguistics and translation theory, particularly in searching for foreign language correspondences for lexical units. The article discusses the applicability of the German-Russian and Russian-German parallel corpora of the RNC in studies German phraseology. It is shown that, despite the limited volume of the corpus and the predominance of literary works from the 19th century, corpus analysis makes it possible to find useful information on the semantics of German idioms as well as correspondences not fixed in existing bilingual dictionaries.

Key words: Corpus linguistics; parallel corpus; phraseology; translation; lexicography

Н. Н. Трошина
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

МЕТАЯЗЫКОВОЙ ДИСКУРС В ФРГ

В условиях глобализации немецкий язык испытывает сильнейшее воздействие английского как языка-донора. Оно проявляется на всех уровнях системы немецкого языка (прежде всего, на лексическом — в широком использовании англицизмов в устной и письменной речи в различных сферах коммуникации) и обуславливает проблемы в лингвокультурной сфере жизни немецкого общества — ценностный конфликт Своего и Чужого, а также проблему языковой лояльности. Эти проблемы уже больше 20 лет являются предметом широкой дискуссии, сформировавшей профессиональный и непрофессиональный метаязыковой дискурс.

Ключевые слова: языковая ситуация; англоамериканизм; язык-донор; экзоглоссия; метаязыковой дискурс; закон о защите немецкого языка; языковая лояльность; многоязычие

1. Введение

Выбор темы настоящей статьи обусловлен спецификой сегодняшней языковой ситуации в Германии — стране с огромным экономическим, научным и культурным потенциалом, что возможно только при наличии коммуникативно мощного национального языка, т. е. «разработанного языка с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющего давнюю письменную традицию» (Кирилина 2015: 77). Тем не менее немецкий язык оказался под прессом глобализации, одной из характеристик которой является тенденция к интернационализации лингвосферы.

2. Характеристика материала исследования

Статья представляет собой социолингвистическую характеристику современной языковой ситуации в Германии и метаязыкового дискурса как специфического ее аспекта.

3. Проблемы немецкоязычных речевых практик в Германии

3.1. О статусе немецкого языка в современном мире

Любое давление, в том числе и языковое, вызывает протест у граждан стран ЕС, но если эта страна является одной из наиболее экономически развитых, если ее вес на международной арене сопоставим с экономическим весом Германии, то отношение к давлению английского языка на национальный язык становится од-

ной из главных гуманитарных / культурных проблем, что, в частности, подтверждается ситуацией, сложившейся в Европейском союзе. Как справедливо указывает М. А. Марусенко, «самым кричащим парадоксом в языковом режиме ЕС является место немецкого языка, совершенно не соответствующее ни численности его носителей от рождения (более 90 млн.), ни самому большому числу государств, в котором он является официальным (Германия, Австрия, Бельгия, Люксембург, Италия¹)» (Марусенко 2015: 34). Это снижение статуса немецкого языка, являющееся последствием двух мировых войн, существует не только в ЕС: немецкий не является официальным языком ООН, где он с 1974 г. имеет статус языка документации (причем переводы выполняются за счет немецкоязычных государств), и НАТО.

Широко известно высказывание Д. Кристала, что «английский язык оказался в нужном месте в нужное время (Кристал 2001: 115). Одним из таких «мест» оказалась Германия, народ которой, однако, не всегда уверен в пользе влияния английского языка на немецкий и активно участвует в дискуссиях на эту тему, то есть в формировании метаязыкового дискурса (Metasprachdiskurs) (термин Й. Шпитцмюллера (Spitzmüller 2005).

3.2. О феномене экзоглоссии в Германии

Сегодня важным компонентом этой ситуации является американский вариант английского языка как основной поставщик заимствований, массово присутствующих в современном немецком языке, то есть английский следует признать языком-донором по отношению к немецкому, а языковую ситуацию — экзоглоссной (от греч. *exo-* «внешний» и *glōssa* «язык, речь»). Под экзоглоссией понимается языковая ситуация, при которой местный язык оказывается как бы «в тени» чужого языка, потому что «степень использования средств языка-донора чрезвычайно высока» (Кобенко 2014: 25). Важно, что экзоглоссия появляется на всех уровнях немецкой языковой системы²:

1) на фонетическом — в переозвучивании давно заимство-

¹ Немецкий язык является региональным официальным языком в итальянском Южном Тироле; он также выполняет функции «национального официального языка» (nationale Amtssprache) в Лихтенштейне (Ammon 2015: 154).

² Примеры приводятся по монографии Ю. В. Кобенко (Кобенко 2014).

ванных иностранных слов типа франц. *Engagement* [ãgaazə'mã:] «ангажемент» → англ. [in'geɪdʒmənt], нем. *TV* [te:fao] «телевидение» → англ. [ti:vi:];

2) на морфологическом — в присвоении грамматического рода англоязычным заимствованиям: англ. *der Airport* < нем. *der Flughafen* «аэропорт», англ. *die Colgate* < нем. *die Zahnpaste* «зубная паста»; в придании заимствованным глаголам окончания *-en* (*printen* «распечатывать», *scannen* «сканировать»), реже *-n* (*recyceln* «перерабатывать») и в спряжении глаголов по слабому типу (*ich habe geklickt* «я кликнул»);

3) на синтаксическом — в переносе отрицания *nicht* «не»: нем. *nicht ich* «не я» вместо *ich nicht* по аналогии с англ. *not me*; нем. *eigentlich nicht* «вообще-то нет» → *nicht wirklich* по аналогии с англ. *not really*: нем. *Ich war nicht wirklich glücklich mit ihr* «Вообще-то я не был счастлив с ней» англ. < *I was not really happy with her*;

4) на орфографическом — в онемечивании заимствованных единиц (англ. *sh* → нем. *sch*: *shock* → *Schock* «шок»); однако в рекламе наблюдается обратное явление — к разнемечиванию немецких слов (нем. *Zigarette* → англ. *Cigarette* «сигарета»; нем. *exklusiv* → англ. *exclusiv* «эксклюзивный, элитарный, уникальный»);

5) на лексическом — в изменении значений слов (нем. *der Star* «скворец» → «звезда, знаменитость» < англ. *star* «звезда, знаменитость»; нем. *scheu* «застенчивый» → нем. «робкий» < англ. *shy* «робкий»).

Английский язык занимает лидирующую позицию среди иностранных языков в ФРГ с 63%, опережая французский (на втором месте — 18%) и нидерландский (на третьем месте — 9%) (Кобенко 2014: 19), что влияет на языковую ситуацию в стране. Параметры этой ситуации периодически выявляются на основе результатов социологических опросов. Надо сказать, что выявленные тенденции в развитии языковой ситуации не всегда совпадают. Так, в апреле 2008 г. Алленсбахский институт общественного мнения (Institut für Demoskopie Allensbach) провел опрос «среди репрезентативно выбранных 1820 граждан ФРГ в возрасте от 16 лет включительно. Выяснилось, что 67% опрошенных, проживающих в западной части страны, и 49% представителей восточной части республики достаточно хорошо (einigermassen gut) владеют английским языком. В «старых» федеральных землях показатели выросли почти в три раза с 1961 г.

(22%) и в 1,5 раза — в ‘новых’ федеральных землях с 1990 г. (33%) (Кобенко 2014: 19). Следует, однако, отметить, что результаты исследования, проведенного Международным институтом маркетинговых и социальных исследований GfK (Growth from Knowledge) в 2014 г., свидетельствуют о менее благополучной ситуации со знанием английского языка в Германии: 65,5% немцев плохо владеют английским языком, причем особенно низок этот показатель в возрастной группе 40-49 лет, в которой он составляет 30,5%. Только 2,1% могли бы участвовать в переговорах на английском языке. У молодых людей показатели весьма резко различаются: 54% лиц в возрасте от 20 до 29 лет владеют английским языком свободно, однако 14-19-летние юноши и девушки знают английский плохо (Englischkenntnisse der Deutschen 2014). Таким образом, распространенное представление о весьма высоком уровне знания английского языка немцами нуждается в уточнении при всем том, что английский действительно активно проникает во все сферы коммуникации.

С началом экзогlossного развития немецкого языка во второй половине XX в. обнаружился ценностный конфликт Своего и Чужого, при котором Свое обесценивалось, теряло привлекательность, а Чужое (американское) воспринималось как престижное и эталонное. При этом Свое интерпретировалось с учетом национал-социалистического прошлого и с необходимостью его преодоления (Vergangenheitsbewältigung). «Поэтому конфликт Своего и Чужого в ФРГ выглядит скорее как конфликт настоящего и прошлого, ‘новонемецкого’ (американского) и исконно немецкого», считает Ю. В. Кобенко (Кобенко 2014: 40). Именно этот момент стал одним из основных в общественной дискуссии о приемлемости / неприемлемости англицизмов в немецкоязычном общении и привел к формированию двух метаязыковых дискурсов — непрофессионального (в основном, любительского) и научного (см. об этом также в [Трошина 2014]).

3.3. Краткая история формирования метаязыковых дискурсов в Германии

Й. Шпитцмюллер кратко излагает историю формирования этих метаязыковых дискурсов, начиная с 90-х гг. XX в. Непосредственным поводом для их появления была декларация «Немецкого союза рок- и поп-музыкантов» («Deutscher Rock- und Popmusikerverband») 1996 г., в которой выдвигалось требование

в законодательном порядке гарантировать немецким исполнителям 40% участия в музыкальных программах, транслируемых по различным телеканалам и СМИ³.

Эта публикация способствовала популяризации критики англоамериканизмов. Таким образом, внимание немецкого лингвокультурного сообщества было привлечено к языковым проблемам, чему немало способствовала проходившая в то же время дискуссия о реформе немецкой орфографии. Однако немцев гораздо больше беспокоило «засорение немецкого языка англицизмами, чем проблема, где писать *ss*, а где *ß*» (Spitzmüller 2005: 129). Хронологическое совпадение этих двух метаязыковых дискурсов очень сенсублизировало языковое сознание немцев и привело к институционализации метаязыкового дискурса критики англицизмов (*Institutionalisierung der Anglizismenkritik*) (Spitzmüller 2005: 122): в октябре 1998 г. для борьбы с англицизмами был основан «Союз немецкого языка» (*Verein Deutsche Sprache — VDS*), в который входили как любители немецкого языка, так и германисты⁴. VDS фиксировал случаи чрезмерного или неудачного использования англицизмов в публичной речи, высмеивал тех, кто их употреблял, что сделало его популярным. В немалой степени этому поспособствовала неудачная рекламная кампания фирмы «Телеком» по изменению телефонных тарифов. В рекламных текстах широко использова-

³ Отметим, что почти двадцать лет спустя У. Аммон также с сожалением констатировал явное вытеснение немецкого языка из сферы вокальной музыки, прежде всего, из эстрадной, что началось в эпоху популярности группы «Битлз» (т. е. с 60-х гг. XX в.). Готовность немецкой публики к сдаче позиций своего родного языка У. Аммон объясняет устойчивым чувством вины немцев за нацистское прошлое своей страны, широко распространенными в мире ассоциациями нацизма с немецким языком и вызванным этим стремление современных немцев растворить свою национальную идентичность в англоязычной идентичности: «Некоторые немецкоязычные певцы видят воплощение своей идентичности скорее в английских текстах, чем в немецких (Ammon 2015: 934)». Со стороны официальных немецких властей были предприняты попытки урегулировать соотношение немецких и иноязычных текстов в музыкальной сфере (прежде всего, на эстраде) путем введения специальных квот, но эти попытки не увенчались успехом.

⁴ „Verein Deutsche Sprache“ насчитывает 30000 членов и финансируется за счет членских взносов и добровольных пожертвований.

лись английские термины, например, англ. *City Call* вместо нем. *Ortsgespräch* «местный разговор по телефону». Это вызвало резкие протесты не только со стороны VDS, но и со стороны Института немецкого языка (Institut für deutsche Sprache) в Мангейме. В результате «Телеком» убрал англицизмы из своей рекламы, что способствовало росту авторитета VDS (как и Института немецкого языка), но не помешало ему объявить руководство «Телекома» «вредителем немецкого языка 1998 года» („Sprachpantscher des Jahres 1998“).

Другой рекламной кампанией, усилившей антианглийские настроения в Германии и поднявшей рейтинг VDS, была кампания «Сделаем Берлин чистым городом!» („Berliner Stadtreinigung“) в мае 1999 г. с ее лозунгом “*We kehre for you*”, то есть «Мы метем для вас». Рекламное агентство, проводившее эту кампанию, получило неплохие дивиденды и повысило свою популярность. Авторитет VDS также укрепился и стал сопоставим с авторитетом Института немецкого языка.

Результаты этих и других рекламных кампаний заставили немецких лингвистов более детально заняться проблемой влияния английских заимствований на немецкий язык: в марте 1998 г. Институт немецкого языка провел ежегодную конференцию, посвятив ее на этот раз теме «Язык — языкознание — общественность». «Общество немецкого языка» (Gesellschaft für deutsche Sprache — GfDS)⁵ провело конференцию на тему «Будущее немецкого языка», «Немецкая академия языка и литературы» (Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung) — конференцию на тему «Языковая политика в Европе». Эти конференции получили неожиданно большой резонанс в прессе, что свидетельствует о важности их проблематики для общества. Однако в СМИ были высказаны также обвинения в адрес директора Института немецкого языка Герхарда Штикеля, констатировавшего усиливающееся неприятие англицизмов немцами и высказавшего в связи с этим озабоченность ростом пуристических настроений в обществе. В ответ на это в «Tageszeitung» вышла статья под заголовком “*Take it easy, Gerhard!*” «Не волнуйся, Герхард!».

В целом позиция немецкой лингвистики по отношению к

⁵ „Gesellschaft für deutsche Sprache“ насчитывает 13000 членов и финансируется из федерального бюджета.

англицизмам была «deskriptivno-sderzhannoj» (deskriptiv-zurückhaltende Position der Linguistik) (Spitzmüller 2005: 127), что привело в мае 1999 г. к первому серьезному конфликту Института немецкого языка и VDS. Это было связано с положительным отношением Института к включению англоязычных компьютерных терминов в словарь серии «Duden». Институт немецкого языка аргументировал это тем, что эти слова относятся к широко используемой лексике, а функция словарей состоит именно в том, чтобы отражать высокочастотную лексику. VDS обвинил Институт немецкого языка в «размывании глубинного кода немецкого языка» (Aufweichen des Tiefencodes der deutschen Sprache) (Spitzmüller 2005: 128), потому что немцы уже теряются в догадках, как же правильно: *downloaded*, *gedownloaded* или *downgeloaded*. Неожиданной была реакция специалистов в области компьютерных технологий: они поддержали критику англицизмов.

Широкое использование англицизмов в метаязыковом дискурсе приобрело в 2000-2001 гг. политический оттенок, поскольку 3 июля 2000 г. VDS потребовал принять закон «О защите родного немецкого языка от англицизмов» („Gesetz über den Schutz der deutschen Muttersprache vor Anglizismen“). 11 сентября 2000 г. с аналогичным требованием выступил берлинский сенатор Экарт Вертебах. Эту позицию поддержали ландтаги (земельные парламенты), например, ландтаг федеральной земли Баден-Вюртемберг. Ситуация обострилась в связи с интервью председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Фридриха Мерца газете «Rheinische Post», в котором он выказал мнение, что живущие в ФРГ иностранцы должны адаптироваться к основной немецкой (буквально «ведущей») культуре страны („deutsche Leitkultur“) (Spitzmüller 2005: 130)⁶. Развернулась бурная дискуссия о месте

⁶ Слово *Leitkultur* стало в 2000 г. «словом года» в результате ожесточенного обсуждения в Бундестаге непопулярного концепта *multikulturelle Gesellschaft* «мультикультурное общество». В результате, в концептуальное поле *Multikulturalität* «мультикультурность» добавились новые опорные концепты, вербально воплощенные: 1) в омофонах *Leidkultur* «страдающая культура (в данном случае — принимающая немецкая культура)» и *Lightkultur* (в обиходно-разговорном значении «развлекательная культура низкого пошиба» (umg. Kultur auf niedrigem Niveau, bes. in Form von leichter Unterhaltung, Spaßkultur [$<$ engl. light »leicht« + Kultur]) (<https://www.wissen.de> 2018); 2) в словосочетаниях *eine deutsche Leitkultur* и *eine Leitkultur in Deutsch-*

языка в национальной культуре и его роли в формировании национального менталитета. Эта дискуссия, как и все события метадискурса, явилась одновременно и симптомом, и катализатором озабоченности общества состоянием немецкого языка. Не остался в стороне и Президент ФРГ Йоханнес Рау, заявивший в своей речи в Майнце на открытии конгресса «Наследие Гутенберга: От первой медийной революции к обществу знания»:

«Избыточное использование американизмов в рекламе и СМИ, а также в документах и публикациях многих фирм и учреждений должно, казалось бы, свидетельствовать о прогрессе и соответствии требованиям современности. На самом деле это часто оказывается свидетельством обеднения выразительных возможностей своего языка. В результате это приводит к изоляции тех, кто не владеет английским языком» (Rau 2002; цит. по: [Spitzmüller 2005: 131]).

Лингвисты — сотрудники Института немецкого языка и члены GfDS — решительно высказались против принятия закона о защите немецкого языка, но подчеркнули необходимость перевода английских заимствований на немецкий язык и закрепления этих переводов в немецких речевых практиках. Указывалось также на необходимость учитывать особенности сферы использования исконно английских слов и сохранение их социопрагматических коннотаций, что не всегда бывает возможно при переводе на немецкий язык.

В результате этой дискуссии 8 мая 2001 г. было принято «Согласованное решение по делопроизводству» ('Gemeinsame Geschäftsordnung'), в котором была отражена позиция Э. Вертебаха:

«Иноязычные выражения (в том числе и из англосаксонского языкового ареала) принципиально допустимы, если это профессионально необходимо и если это не влияет на доступность для их понимания гражданами. Использование иноязычных выражений недопустимо при наличии подходящих немецких слов или если таковые могут быть без особых трудностей созданы на основе имеющихся лексических полей (aus vorhandenen Wortfeldern)» (§ 49 Abs. 2 GGO I; цит. по: [Spitzmüller 2005: 135]).

Закон о защите немецкого языка не принят до сих пор.

Немецкий литературовед Р. Леттау, который, получив по-

land. Дискуссия развернулась на фоне усилившегося притока иммигрантов в Германию и опасения немцев за сохранность своей родной культуры.

сле Второй мировой войны образование в Германии, стал университетским преподавателем в Америке, а в 1978 г. вернулся на родину, констатирует, что Германия была охвачена повальным изучением английского языка: «После того, как этот народ предал все, что в нем было прекрасного, достойного любви и тонкого, он теряет и свой язык. Сейчас вся Германия — не что иное, как один непрерывный курс английского языка» (цит. по: [Schmitz 2004: 81]). С тех пор ситуация не изменилась, не исчез из общественной жизни и метаязыковой дискурс.

Социокультурная и политическая ситуация, угрожающая статусу немецкого языка как коммуникативно мощного, осложняется также из-за того, что в Конституции ФРГ (*Grundgesetz für die BRD*) ничего не говорится о том, что немецкий язык является официальным (государственным) языком страны.

3.4. Метаязыковые дискуссии в современной Германии

В настоящее время в Германии существуют языковые общества, языковые фонды и бюджетные языковые институты. Отношения между ними весьма непросты, что объясняется (в числе прочих причин) и различными взглядами на использование англицизмов в немецком языке, о чем ведутся бурные дискуссии. В ходе этих дискуссий каждая сторона стремится повлиять на общественное мнение, для чего использует данные социологических опросов. Особенно активное участие в этих дискуссиях со стороны «широкой общественности» принимает VDS, а со стороны лингвистического сообщества — Институт немецкого языка. 18-24 июня 2013 г. Международный институт маркетинговых исследований и общественного мнения «YouGovInternational» (*International tätiges Institut für Markt- und Meinungsforschung*) провел опрос на тему «Отношение населения ФРГ к английскому языку» и выяснил, что 59% немцев поддержали бы введение английского языка как второго официального во всем ЕС; 33% выступили бы против. Однако только половина немцев была бы за введение английского языка в качестве второго официального в Германии (Yougov.de. 2013).

Ю. Шпитцмюллер исследует лингвистическую природу происхождения медийного и научного метадискурсов по вопросу об англоязычных заимствованиях. Автор объясняет это различием в функциях, которые опорные концепты и обозначающие их лексические единицы выполняют в этих метаязыковых дискур-

сах. Если в научном метадискурсе, к примеру, слово «англицизм» используется в репрезентативной функции, выводя на первый план семантику, и не содержит никакой оценочной информации, то в медийном дискурсе это же слово используется в апеллятивной функции, т. е. побуждает реципиента к определенным действиям. В медийных СМИ слово «англицизм» коннотировано изначально отрицательно и используется как стигма, как слоган (Schlagwort), объединяющее единомышленников. Таким образом, научный подход к проблеме основывается, как подчеркивает Ю. Шпитцмюллер, на различении слов-дескрипторов (Deskriptionswörter) и слогановых слов (Schlagwörter). При этом лингвисты подходят к языку как к гетерогенному явлению, как к сумме речевых практик, то есть всего того, что говорится и пишется, в том числе, и с использованием заимствований. Разумеется, такой подход не означает для лингвистов отказа от заботы о культуре родного языка. Огульная критика англоязычных заимствований есть свидетельство принадлежности к непрофессиональному сообществу, разделяющему установки медийного метадискурса о языке (Spitzmüller 2005: 105).

Не следует, однако, думать, что в рядах лингвистов существует полное единодушие по поводу использования англицизмов и что не ведутся споры о плюсах и минусах этого феномена. С особенной остротой спор разгорелся в 2013 г. после публикации в информационном бюллетене Института немецкого языка «Sprachreport» статьи члена VDS Х. Х. Мунске «Что такое языковая лояльность?» (Munske 2013). Автор — профессор, специалист в области германской филологии и немецкой диалектологии. Х. Х. Мунске резко критикует профессора А. Буркхардта — председателя GfDS, т. е. общества, всегда стоявшего на позиции открытости в вопросе о взаимовлиянии языков и связанных с этим языковых изменений. Однако открытость не означает для членов этого общества равнодушия или индифферентности. Напротив, как подчеркивает А. Буркхардт, GfDS всегда стремится к научно обоснованной языковой критике, так как только на ее основе могут быть выработаны адекватные рекомендации по культуре речи (Burkhardt 2013: 38). А. Буркхардт напоминает, что взаимодействие и взаимовлияние языков — естественные процессы языкового развития: закрепились же в немецком языке заимствования из французского, например, *Parfum* «духи»,

Portemonnaie «портмоне» и т. д. Поэтому GfDS выступает против применения «полицейских мер по борьбе с иностранными словами» (*Fremdwortpolizei*) (Burkhardt 2013: 38).

Камнем преткновения в споре Х. Х. Мунске и А. Буркхардта стало понятие языковой лояльности, которое Х. Х. Мунске трактует как готовность защищать язык от напыла иностранных заимствований, поскольку язык — это огромная национальная ценность. Не отрицая высокой ценности немецкого языка для немцев, А. Буркхардт все же считает, что языковая лояльность должна проявляться «на другом поле» («auf anderer Felde»), а именно: в отказе от излишней готовности немцев к переходу на английский язык в ситуациях международного общения (Burkhardt 2013: 41).

4. Заключение

Таким образом, дискуссии о взаимодействии немецкого и английского языков в речевых практиках, формирующие современный метаязыковой дискурс в ФРГ, затрагивают не только проблему насыщения этих практик англоязычными заимствованиями, но выявляют острую для современной Германии проблему «лингвокультурного малодушия» («sprachkulturelle Mutlosigkeit») (выражение Г. Река (Roeck 2013); цит. по: [Rösch 2015: 22]), основанного на «немецком чувстве национального смирения» (Meyer 2004: 77), непосредственно связанного с катастрофическими для Германии результатами Второй мировой войны.

Список литературы / References

- Кирилина А. В. Сходства в развитии коммуникативно мощных языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 77—89. [Kirilina, Alla V. (2015) Skhodstva v razvitii kommunikativno moshchnykh yazykov v epokhu globalizatsii (Similarities in the Development of Communicatively Powerful Languages in the Era of Globalization). *Journal of Psycholinguistics*, 2 (24), 77—89. (In Russian)].
- Кобенко Ю. В. Языковая ситуация в ФРГ: Американизация и экзоглоссные тенденции. Томск: Томский гос. ун-т, 2014. [Kobenko, Yuriy V. (2014) *Yazykovaya situatsiya v FRG: Amerikanizatsiya i ekzoglossnye tendentsii* (The Language Situation in Germany: Americanization and Exoglossic Tendencies). Tomsk: Tomsk Polytechnic University. (In Russian)].
- Кристал Д. Английский язык как глобальный. / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2001. [Cristal, David. (2001) *Angliyskiy yazyk kak globalny* (English as a Global Language). Moscow: Ves' mir. (In Russian)].

- Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: Языковые последствия глобализации. М.: ВКН., 2015.
[Marusenko, Mikhail A. (2015) *Evolutsiya mirovoy sistemy yazykov v epokhu postmoderna. Yazykovyye posledstviya globalizatsii* (Evolution of the World Language System in the Postmodern Era: Language Consequences of Globalization). Moscow: VKN. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Проблемы языковой культуры, языковой критики и языковой рефлексии в современной немецкоязычной германистике // Субъект познания и коммуникации: Языковые и межкультурные аспекты. Сб. науч. тр. к юбилею Л. И. Гришаевой / Отв. ред. Л. В. Цурикова, Л. Ю. Шипицина. Воронеж: Перемена, 2014. С. 414—428. [Troshina, Natalia N. (2014) Problemy yazykovoy kultury, yazykovoy kritiki i yazykovoy refleksii v sovremennoy nemetskoyazychnoy germanistike (Issues of Linguistic Culture, Language Criticism and Language Reflection in Contemporary Germanic Philology). In Tsurikova, Lyubov' V., & Stshipitsyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: Yazykovye i mezhkulturnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Peremena, 414—428. (In Russian)].
- Ammon, Ulrich. (2015) *Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt*. Berlin: de Gruyter.
- Burkhardt, Armin. (2013) Die „Anglizismenfrage“ aus der Sicht der „GfDS“. *Sprachreport*, 1/2, 38—42.
- Englischkenntnisse der Deutschen: Viele wären nicht als Expats geeignet. (23. May 2014). Retrieved from https://www.expats-news.com/16492/panorama_auswandern_expatriates/englischkenntnis-der-deutschen-viele-waeren-nicht-als-expats-geeignet/.
- Meyer, Hans J. (2004) Global English — a New Lingua Franca or a New Imperial Culture? In Gardt, Andreas, & Hüppauf, Bernd. (eds) *Globalization and the Future of German*. Berlin: de Gruyter, 65—83.
- Munske, Horst H. (2013) Was ist Sprachloyalität? *Sprachreport*, 29, 29—31.
- Rösch, Olga. (2015) Internationalisierung der Hochschulbildung — was sind unsere Ziele? In *Die Neue Hochschule*, 1, 18—24.
- Schmitz, Heinz-Günter. (2004) Anglizismen in der deutschen Gegenwortsprache, in der deutschen Sprachwissenschaft und im Deutschunterricht. In Karbelaschwili, Samson. (ed.) *Germanistische Studien*, 4. Tbilisi: Caucas. house, 66—81.
- Spitzmüller, Jürgen. (2005) *Metasprachdiskurse: Einstellungen zu Anglizismen und ihre wissenschaftliche Rezeption*. Berlin; New York: de Gruyter.
- Wahrig Fremdwörterlexikon. (12. June 2018). Retrieved from <https://www.wissen.de/fremdwort/lightkultur>.
- Youngov.de. (9. August 2013). *Umfrage: Mehrheit der Deutschen für Englisch als zweite Amtssprache*. Retrieved from <https://youngov.de/news/2013/08/09/umfrage-mehrheit-der-deutschen-fur-englisch-als-zw/>.

Natalya N. Troshina

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences

Metalinguistic Discourse in Germany

In the globalized world the German language is strongly influenced by English as a donor language. This is manifested at all levels of the German language system (but above all, at the lexical level, and it can be seen in the widespread use of anglicisms in oral and written speech in various fields of communication) and causes problems in the cultural and language spheres of life — the value conflict between Own and Alien as well as the problem of the language loyalty. These issues have been the subject of a wide discussion for more than 20 years, which has formed a professional and non-professional metalinguistic discourse.

Key words: Linguistic situation; angloamericanism; donor language; exoglossia; metalinguistic discourse; the law on the protection of the German language; language loyalty; multilingualism

А. К. Филиппов, К. А. Филиппов
Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО НАУЧНЫХ ДИСКУРСОВ XVIII В.

(на материале текстов «*Oeconomus Prudens*»
и «Флоринова Экономия»)

Сопоставительно-лингвистическое исследование немецкого сельскохозяйственного руководства «*Oeconomus Prudens et legalis*» (1702) и его сокращенного перевода на русский язык («Флоринова Экономия», 1738) иллюстрирует тенденции взаимодействия немецкого и русского научных дискурсов в период становления науки и образования в России XVIII в. Немецко-русская интерференция прослеживается на структурно-композиционном, лексическом и синтаксическом уровнях текста «Флориновой экономии», будучи выражена в сохранении общей системы глав и разделов первоисточника, в использовании многочисленных языковых заимствований и в построении отдельных предложений по модели немецкого языка.

Ключевые слова: русский язык; немецкий язык; XVIII век; перевод; специальный текст

1. Введение

Эпоха Просвещения, в основе которой лежит выдвижение на передний план творческого потенциала разумной личности, затрагивает прежде всего культуру, науку и образование. В текстах лучших представителей немецкого и русского Просвещения находят свое отражение разнообразные подходы к формированию понятийного аппарата, обладающего тезаурусными взаимосвязями, специфическими для данной дисциплины и характерными для каждого конкретного исторического периода. Интерференция как «взаимодействие языков при их контакте, которое приводит к проникновению элементов и свойств одного языка в систему другого языка» (Крысин 2014: 124) находит свое реальное воплощение в интерференции дискурсивных практик, характеризующих ту или иную общественную формацию.

Начало XVIII в. в России ознаменовалось большим притоком специалистов (ученых, инженеров и мастеров), прибывших из Европы для обучения россиян науке, технике, ремеслам и мастерству. Важно также упомянуть, что именно «при Петре нача-

лось печатание книг светского содержания, начиная от азбук, учебников и календарей и кончая историческими сочинениями и политическими трактатами» (Всемирная история. Эпоха Просвещения 2003: 52). Все это наряду с привлечением из-за границы необходимых материалов, инструментов, разнообразной литературы способствовало обеспечению эффективного функционирования российского государства.

Историк С. М. Соловьев подробно описывает исключительное внимание Петра I к переводу специальной литературы:

«... Он [Петр] не только указывал, какие книги надобно переводить, но и требовал переводы к себе, сам исправлял их, учил, как надобно переводить; учил, что не надобно держаться мертвого перевода слово в слово, но, выразумевши смысл, передавать живым образом этот смысл совершенно удобопонятно для русского человека, т. е. совершенно соответственно складу русской речи, тогда как подстрочный перевод необходимо искажал русскую речь, давал ей чужие обороты. Так, он писал одному из переводчиков: «Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зело хорошо и внятно переведены; но как учить фортификации делать, то зело темно и непонятно переведено; не надлежит речь от речи хранить в переводе; но точно его выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть!» (Соловьев 1989: 529).

Ярким примером трудностей, с которыми сталкивались российские авторы при переводе специальной литературы, служит перевод М. В. Ломоносовым «Волфьянской экспериментальной физики». В предисловии к переводу Ломоносов сам указывает на эти сложности:

«Я уповаю, что склонный читатель мне сего в вину не поставит, ежели ему некоторые описания опытов не будут довольно вразумительны: ибо сия книжица почти только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты; и потому она на латинском языке весьма коротко и тесно писана, чтобы для удобнейшего употребления учащихся вместить в ней три книги немецких, как уже выше упомянуто. Притом же, сократитель сих опытов¹ в некоторых местах писал весьма неявственно, которые в российском переводе по силе моей старался я изобразить яснее. Сверх сего принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов,

¹В данном случае имеется в виду ученик Хр. Вольфа Людвиг-Филипп Тиммиг (*Ludwig Philipp Thümmig*).

действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут» (Ломоносов 1950-1983, т. 1: 425).

Материалом настоящего исследования послужили два текста утилитарной направленности, авторами которых выступили представители научных дискурсов Германии и России XVIII в., проявившие незаурядное мастерство в репрезентации европейских научных идей в научно-просветительских дискурсах своих стран. В текстах *Francisci Philippi Florini Oeconomus Prudens et legalis. Klug- und Rechts-verständiger Haus-Vatter / in neun Büchern. Nürnberg; Frankfurt; Leipzig, 1702* и «Флоринова Экономика» (1738)² (в переводе С. С. Волчкова) отразились специфические для Германии и России XVIII в. подходы к формированию понятийного аппарата отдельной научной дисциплины.

2. К истории создания русского текста «Флориновой экономики»

Как известно, русский перевод немецкого руководства «*Oeconomus Prudens et legalis. Klug- und Rechts-verständiger Haus-Vatter*» был выполнен Сергеем Саввичем Волчковым (в будущем — переводчиком Императорской Академии Наук) по его собственной инициативе в период пребывания в Берлине в первой половине 30-х гг. XVIII в. (Материалы для истории Императорской академии наук, т. 6: 327). Автором оригинального немецкого сочинения, согласно официальной версии, был пастор из Эберфельда Франц Филипп Флорин, хотя существует предположение, что в действительности этот труд был составлен графом Филиппом фон Зульцбахом (*Philipp von Sulzbach*) и издан под псевдонимом (Meуer 2009: 231). Данное сочинение содержит многочисленные практические рекомендации по домоводству и ведению различных отраслей сельского хозяйства, поэтому перевод его на русский язык, хотя бы и в сокращении, был актуальной задачей в рассматриваемый исторический период.

Примечательно, что в первом издании «Флориновой экономики» (1738) на титульном листе отсутствует имя Волчкова, которое появляется только во втором (1760) и последующих изданиях

² В переиздании 1760 — «Флоринова Экономика». В дальнейшем тексте мы для удобства будем использовать вариант «Флоринова экономика» для обозначения обоих изданий данного произведения.

«Флориновой экономии» (Сводный Каталог русской книги 1966: 307-308). Об авторстве перевода Волчкова можно судить также по некоторым другим свидетельствам, например, по положительному отзыву В. Е. Адодурова, что зафиксировано записью в «Материалах для истории Императорской академии наук» от 7 сентября 1734 г.³:

«Книгу, называемую «Флоринова генеральная экономия», состоящая в девяти частях, которая с немецкого языка на российский сокращенно переведена чрез Д. Сергея Волчкова, я по желанию академии наук прочитал, и рассуждаю, что она, как для содержащихся в ней вещей, так и для употребленного тщания в изрядном изображении российской речи, не малую пользу принести имеет. Василий Адодуров, адъюнкт при императорской академии наук» (Материалы 1886, т. 2: 485-486).

Кроме того, в 1736 г. был издан специальный указ императрицы Анны Иоанновны по поводу издания этого труда:

«Указ Ея И.В. самодержицы всероссийской правительствующего сената академии наук.

По Указу Ея И. В., за подписанием господ кабинетных министров, велено присланную в сенат обретающегося в Берлине, при министерских делах, студента Волчкова книгу, переведенную им на российский язык с немецкого, названной «Флориновой генеральной экономии», которая в оной академии свидетельствована. И о напечатании оной, с имеющимися в ней гридированными фигурами, оная академия требовала указу, напечатав в оной академии, употребить в продажу. И академии наук учинить о том по оному Ея И. В. указу. А означенная книга посылается при сем. Получен февраля 2 дня 1736 году» (Материалы 1886, т. 3: 32).

Эти данные свидетельствуют о высоком качестве русского перевода, с одной стороны, и о насущной потребности государства в подобных текстах, с другой. При этом, однако, нельзя не отметить, что первое издание «Флориновой экономии» вышло в печать с большим количеством ошибок и опечаток, исправленных лишь в издании 1760 г. Ниже приведен весьма характерный

³ Цитаты из русских источников XVIII в. даются в современной графике, но с сохранением оригинальных орфографии и пунктуации, если не указано иное.

пример, взятый из главы «О ведении эконому разных наук»⁴.

«Каждому Эконому, а особливо шляхтичу, не обходимо нужно (ФЭ 1760: необходимо нужно) къ воинскимъ чинамъ, и гражданскимъ достоинствамъ, пристойнымъ наукамъ обучаться: А имянно (ФЭ 1760: а именно), Юриспруденціи, Математики, Инженерству, и прочимъ искусствамъ, которые человекъ совершеннымъ, и государству полезнымъ делаютъ. Но гражданскихъ правъ (ФЭ 1760: гражданскимъ правамъ) не надобно для того учиться, чтобъ въ ябеды накупаться, и въ суды за другихъ ходить, но чтобъ себя самого, честь свою, фамилію, и деревни (ФЭ 1760: деревни), отъ всякихъ бедъ и нападковъ охранять и оборонять, а не стряпчихъ и повѣренныхъ нанимать, и имъ попускать себя какъ слѣпова за носъ водить» (Флоринова Экономия 1738: 33-34; Флоринова Экономия 1760: 35).

Причины этого, вероятно, связаны не только с недостаточным уровнем владения русским словом со стороны Волчкова — что отмечалось Ломоносовым и другими академиками (Ломоносов 1950-1983: Т. 9, с. 628-629) — но и с организацией издательского дела в России XVIII в. Думается, что данный пример хорошо иллюстрируют слова профессора Шумахера, руководившего работой академических переводчиков над подготовкой к печати «Вейсманнова Лексикона»: «Für den anfang ist alles gut; die fehler können bei einer zweiten auflage verbessert werden»⁵) (Материалы Т.6 1890: 171). Как известно, в последующих изданиях текст «Вейсманнова лексикона» претерпел значительные изменения.

Таким образом, история создания «Флориновой экономии» тесно связана с тенденциями развития книгоиздательской деятельности в России XVIII в., когда в связи с недостатком специальной литературы переводные тексты обеспечивали приток новых сведений по различным отраслям науки, техники и образования. Далее мы рассмотрим характерные примеры немецко-русской интерференции в тексте «Флориновой экономии» на различных языковых уровнях.

⁴ Графика издания 1738 г. в данном примере сохранена, в скобках указаны изменения, внесенные во втором издании.

⁵ Цитаты из немецких источников XVIII–XIX вв. приводятся в латинице с сохранением оригинальных орфографии и пунктуации.

3. Немецко-русская интерференция в тексте «Флориновой Экономии»

3.1. Интерференция на структурном уровне

Под структурой текста понимается совокупность его составных частей, выделяемых на различных уровнях, в т. ч. на уровне глав, параграфов и иных рубрик (Структура текста 2003). Рубрикация как система заголовков и соответствующих им разделов выражает логическую связь между частями текста и их соподчиненность (Мильтин, Чельцова 2003). Особую важность подобная система приобретает для объемного и композиционно сложного труда, каким является «*Oeconomia prudens*». В связи с этим представляет интерес адаптация этой системы к русскому тексту, представляющему собой перевод с сокращением.

В структурном плане (общая композиция, членение на разделы, названия отдельных глав) «Флоринова экономия», с одной стороны, сохраняет основные черты, свойственные немецкому оригиналу, с другой — обнаруживает заметное упрощение системы рубрикации, что продиктовано характером этого текста (сокращенный перевод). Русскоязычное руководство состоит из девяти «книг», каждая из которых подразделяется на главы. Количество глав в разных книгах колеблется от 10 до 38. В немецком первоисточнике количество книг (*Bücher*) то же самое — девять, но количество глав (*Capitel*) значительно больше, поскольку многие из них были при переводе целиком исключены Волчковым из текста. Названия глав в русском тексте построены с сохранением модели немецкого оригинала: «Глава первая. О домостроительстве в городах и деревнях»; «Глава вторая. О пашне»; «Глава третья. О горожении поль и заборов» (Ср.: «*Das I. Capitel. Von der Wirtschafft in denen Städten / wie auch auf denen Dörffen und Höfen*»; «*Das II. Capitel. Von dem Acker-Bau sc.*»; «*Das III. Capitel. Von Gehägen / Zäunen und Versicherungen im das Feld und die Gärten*»). В данном случае оба автора следуют классическому образцу наименования текстов и его разделов. Ср.: название книги Исидора Севильского «*Etymologiarium. Siove Originum. Libri XX*» (Этимологии или начала в XX книгах), а также названия главы *De grammatica* (О грамматике) и ее разделов *De disciplina et arte* (О науке и искусствах), *De septem liberalibus disciplinis* (О семи свободных искусствах), *De litteris communibus* (О всеобщих буквах) и т. д. (Исидор 2006: 6).

В остальном же структура «Флориновой экономии» сильно упрощена по сравнению с «*Oeconomus prudens*». В немецком оригинале главы подразделяются на параграфы, и каждую главу предваряет ее содержание (Inhalt) по параграфам; главы же русского текста, за редким исключением, не членятся на более мелкие структурные единицы, и их список представлен единым оглавлением, помещенным перед началом первой книги. Также в русском издании не нашли отражения имеющиеся в «*Oeconomus prudens*» примечания к отдельным главам (порой весьма объемные), а из многочисленных рисунков, таблиц, формул и других элементов в русское издание были перенесены лишь отдельные рисунки в сопровождении очень кратких комментариев.

Таким образом, в структурно-композиционном плане можно отметить ограниченное влияние немецкого дискурса на построение текста «Флориновой экономии», выражающееся в сохранении общей системы глав и разделов первоисточника. В заголовках к этим структурным текстovým единицам прослеживается влияние классических образцов наименования частей произведения, причем эта тенденция в равной степени характерна как для немецкого оригинала, так и для русского перевода.

3.2. Интерференция на лексическом уровне

К числу сфер русского языка, в которых влияние иноязычных (в данном случае немецких) элементов в рассматриваемую эпоху было наиболее заметным, относится сфера лексики. Стремительные изменения в лексическом составе, вызванные к жизни притоком новых идей и появлением новых реалий, ярко описал С. М. Соловьев:

«Движение, переворот, перелом, который испытала Россия в конце XVII и начале XVIII века, был один из самых сильных, какие только знает история. <...> То, что другие народы принимали и переваривали, так сказать, постепенно, в продолжении многого времени, вся эта масса новых явлений и понятий нахлынула внезапно на русского человека и овладела его нравственным существом; <...> Влияние, произведенное на голову русского человека приливом массы новых понятий, разумеется, сейчас же обозначилось в языке, который неприятно задремезжал, как расстроенный инструмент, потерял прежний склад и лад, зазвучал множественством чужих звуков» (Соловьев 1989: 653).

Текст «Флориновой экономии» в данном случае не является исключением. Данное сочинение представляет собой перевод специального текста, содержанием которого, согласно формулировке А. С. Герда, «являются те или иные теории, факты, сведения, рекомендации отдельных наук и отраслей знания» (Герд 1996: 68), и в нем широко представлена специальная лексика, связанная с ведением сельского хозяйства и другими сторонами сельской жизни. При переводе специальных лексических элементов из немецкого оригинала Волчков во многих случаях подбирал эквиваленты, представляющие собой транслитерацию соответствующих слов и словосочетаний из немецкого текста. При этом некоторые из них явно сконструированы специально «для данного случая», о чем свидетельствуют пояснения самого русского переводчика.

Так, в *Oeconomus Prudens* широко представлено словообразовательное гнездо с корнем *-Wurtzel*, представляющее собой ряд наименований различных кореньев, применяемых в качестве лекарственных средств: *Alant-Wurtzel*, *Angeliken-Wurtzel*, *Bertram-Wurtzel*, *Nieß-Wurtzel* и др. Переводя на русский язык сочетание *Alant-Wurtzel* (совр. *Alantwurz* ‘корень девясила’) как *Алант Вурцель*, Волчков поясняет этимологию этого выражения, а также других, подобных ему: «Когда овцы от великаго жару весьма ослабеют, то взять Алант [везде где вурцель упомянется, то корень разумей] Вурцелю» (Флоринова Экономия 1738: 246). На других страницах «Флориновой экономии» можно найти такие образования, как *бетрам вурцель* (ср. нем. *Bertram-Wurtzel*, совр. *Deutscher Bertram* ‘анациклус лекарственный, немецкая ромашка’), *нис-вурцель* (ср. *Nieß-Wurtzel*, совр. *Nieswurz*, ‘морозник’), *мейстер-вурцель* (ср. *Meister-Wurtz*, совр. *Meisterwurz* ‘горичник настурциевый, царский корень’) и др.

Впрочем, указанный принцип не находит в русском переводе последовательного применения: наряду с *Алант Вурцель* Волчков использует также обозначения *аланд* и *алантов корень*, а *Angeliken-Wurtzel* (совр. *Engelwurz*, ‘дудник, ангелика’) переводит как *ангелика*. Подобную непоследовательность можно рассматривать не только как стилистическую особенность конкретного переводного текста, но и как отголоски «неприятного дребезжания» русского языка вследствие происходивших с ним перемен, описанных Соловьевым. Можно также заметить, что терминологи-

гическая непоследовательность свойственна не только данному переводу, но и другим специальным текстам XVIII в. В качестве иллюстрации этого тезиса можно обратиться к «Лифляндской экономии» Ломоносова — тексту, сходному с «Флориновой экономией» по тематике. В нем также присутствует немало примеров, когда одному и тому же немецкому слову или выражению в разных фрагментах текста соответствуют различные переводные эквиваленты (*Rusch-Äpfel* — *земляные яблоки* и *рушанфель*) (Ломоносов 1950–1983, т. 11: 79, 82).

Еще один пример использования заимствований при переводе специальной лексики — транслитерация немецкого *brauner Kohl* (совр. *Braunkohl* ‘кудрявая капуста, браунколь’), которая и в этом случае вводится при помощи соответствующего пояснения: «серую Немецкую капусту называемую браунъ-коль, розсаживать» (Флоринова Экономия 1738: 105). Данный пример, однако, отличается от рассмотренных выше в том отношении, что русский эквивалент *браунколь* фиксируется в позднейших словарях, энциклопедиях и справочниках (Капуста: 405; Попов 1911: 66; Taxon: *Brassica oleracea* L. var. *sabellica* L.) и может считаться вошедшим в систему современного русского языка.

Перечень заимствований среди элементов специальной лексики в тексте «Флориновой экономии» не ограничивается названиями растений. Свод правил, помещенный в конце книги о домоводстве (первой книги), Волчков вслед за автором немецкого оригинала называет «Генеральной **домовой регулой**» (Флоринова Экономия 1738: 35) (ср. нем. «Allgemeine **Haus-Reguln**» [Oeconopus Prudens 1702: 131]), но в дальнейшем тексте вновь не наблюдается последовательного применения этого обозначения: «Прежде окончания сея книги, объявим мы различные **домовые правила**, из которых есть первое добрый порядок в доме» (Флоринова Экономия 1738: 35). В книге 2, посвященной главным образом описанию различных построек на территории усадьбы, присутствует глава о строении *Меиэр-гофа* (ср. нем. *Meyer-Hof*), причем данное заимствованное название, как и многие из упомянутых выше, вводится при помощи пояснения — на этот раз с указанием синонимичного русского словосочетания: «Глава шестая надесять. О строении **загороднова двора**, или **Меиэргофа**» (Флоринова Экономия 1738: 62), что сразу же подчеркивает чужеродность немецкого сочетания и одновременно «встраивает»

его в русскую лексическую систему к удобству читателя.

Вышеприведенные примеры позволяют говорить о безусловном влиянии строя немецкого языка на выбор лексических средств в тексте «Флориновой экономии». Такое влияние обнаруживается при рассмотрении различных групп специальной лексики в тексте русского перевода. Некоторые слова и словосочетания, очевидно, были сконструированы Волчковым в процессе перевода; другие же относятся к узуальной лексике (вопрос о происхождении этих лексических единиц и о времени их вхождения в систему русского языка выходит за рамки данной статьи). Введение лексических единиц обеих этих категорий в русский текст во многих случаях сопровождается поясняющими замечаниями либо указанием синонимичных обозначений.

3.3. Интерференция на синтаксическом уровне

При выявлении синтаксических особенностей интерференции текстов немецкого первоисточника и русского перевода мы остановимся только на двух моментах, характеризующих синтаксис двух текстов, а именно на порядке слов в простом и сложном предложении и на рамочной конструкции немецкого предложения.

Б. А. Абрамов, давая сопоставительную характеристику структуры немецкого и русского предложений, обращает внимание на разницу в позиции финитного глагола:

«В немецком языке, как известно, за глаголом в личной форме в разных топологических позициях схемах предложений закреплены определенные места. У русского глагола, напротив, нет жесткой закреплённости в определенных позициях в предложении. <...> В схеме, используемой в повествовательном предложении финитум стоит на втором месте. В русском языке место глагола не закреплёно» (Абрамов 1999: 264).

То же касается придаточных предложений; ср.: «Типичным для немецкого языка в союзном придаточном предложении является порядок слов с финитумом на последнем месте. В русском языке место финитума не закреплёно» (Абрамов 1999: 264).

Сопоставление синтаксиса двух текстов обнаруживает регулярное следование немецкому порядку слов в русском переводе, несмотря на типологические расхождения в структуре немецкого и русского языков. Такой подход к переводу немецкого текста проявляется как в названиях разделов, так и в тексте.

Показательно в этом отношении самое начало двух текстов. Первая глава первой книги «Oeconomus prudens» называется «*Von dem allgemeinen Grunde, worauf die Haushaltung **gebauet sein soll, welches an statt eines Eingangs seyn kann***» (Oeconomus prudens 1702: 2). В соответствии с изначальным стремлением максимально сократить содержание перевода, Волчков убирает последнюю часть названия, одновременно при переводе следует за структурой немецкого предложения, располагая финитный глагол на последнем месте; ср.: «О домостроительстве, и на чем оно **основано быть имеет**» (Флоринова Экономия 1738: 1).

Затем это явление повторяется в тексте главы. Ср.:

«Wer einen beständigen Bau in die Höhe **zu führen gedenket**, der muß zuörderst einen beständigen Grund **legen**, worauf er nachmahls den Bau bis zum Gipfel glücklich **hinaufführen kan**. Denn so hie gesehet wird, so muß der ganze Bau nothwendig sehen, ob er auch schon im übrigen denen Bau-Regeln gemäß **ausgeföhret worden seynsolte**. Eine gleiche Bewandnis hat es mit einer Haushaltung, die mit gedeyleicher Aufnahm **geföhret werden solle**: Wo es darinn an dem wahren Grunde mangelt, so bleibt alles was darinn gehandelt und vorgenommen wird ohne ersprißlichen Seegen, obschon von aussen noch so einen **feinen Schein haben mögte** (Oeconomus prudens Et Legalis 1702: 2).

Желающий твердое созидать строение, должен к сему прежде крепкое основание **положить**, на котором бы мог оно здание **утвердить, строить, и щастливо совершить**; ибо ежели что в сем проронено, то и весь труд несовершен будет, как бы исправно по правилам архитектурским такое строение **ведено ни было**. Такое же поведение хранится и в разумном домостроительстве, которое не малым разумом и трудом **управляемо быть имеет**. Ежели в истинном основании онаго найдется какое погрешение, то и во всем поведении не будет желаемого успеха, хотя оной **по видимому и является**» (Флоринова Экономия 1738: 1-2).

Наряду с порядком слов в переводе Волčkова можно увидеть механическое следование рамочной конструкции немецкого предложения, когда в русском тексте воспроизводится структура рамки сказуемого с дистантным расположением компонентов. По мнению В. Г. Адмони, «структурная целостность [немецкого] предложения поддерживается, прежде всего, рамочной конструкцией предложения, которая как раз в XVIII в. достигает своего максимального развития» (Адмони 1963: 234). Построение русского предложения по модели немецкого оригинала

можно видеть в следующем примере:

«Sonst melden die Bauverständigen, daß die einmal gebrannte Ziegel / so man sie noch einmal Wasser in sich ziehen lässt und zu mandern mal brennet / doppelt so hart / als zuvor werden sollen. **Wolte** man dergleichen Steine grösser als sonst **gebrauchig machen**, so **soll** man sie an vielen Orten **durch bohren** / damit sie leichter trocknen / und backen...» (Oeconomus prudens Et Legalis 1702: 179).

«Искусные строители сказывают, что ежели жженные кирпичи намокнут, а после того вдругоредь обожжены, то в трое крепче простых будут. Кто **похочет** долее и больше мерою перед другими кирпичи **делать**, тому **надобно** их **провертывать**, и в форме тон **делать**, для того что они скорее прогорят / и легче других будут» (Флоринова Экономия 1738: 48).

Для большей наглядности можно сократить приведенный выше пример, сопоставив немецкий и русский фрагменты предложения и выделив сравниваемые компоненты полужирным шрифтом; ср.: ***Wolte man dergleichen Steine grösser als sonst **gebrauchig machen*****, — Кто **похочет** долее и больше мерою перед другими кирпичи **делать**; so **soll** man sie an vielen Orten **durch bohren** — тому **надобно** их **провертывать**, и в форме тон **делать**.

4. Заключение

История создания «Флориновой экономии» тесно связана с тенденциями развития России XVIII в., когда в страну хлынул поток специалистов из Европы для обучения россиян науке, технике, ремеслам и мастерству. Наряду с привлечением из-за границы необходимых материалов, инструментов, разнообразной иностранной литературы, важную роль играли переводы специальных текстов, что обеспечивало приток новых сведений по различным отраслям науки, техники, образования, и, в конечном итоге, способствовало эффективному функционированию российского государства.

Структура «Флориновой экономии» сильно упрощена по сравнению с «Oeconomus prudens». В немецком оригинале главы подразделяются на параграфы, и каждую главу предваряет ее содержание по параграфам; главы же русского текста в основном не членятся на подразделы, и их список представлен единым оглавлением. В немецком тексте присутствуют многочисленные, иногда весьма объемные примечания к отдельным главам; в русском тексте они полностью отсутствуют. Из боль-

шого числа разнообразных рисунков, таблиц, формул и других структурных элементов в русское издание были перенесены лишь отдельные рисунки, сопровождаемые краткими комментариями. В целом, в структурном плане можно отметить лишь ограниченное влияние немецкого дискурса на построение текста «Флориновой экономии», выражающееся в следовании классическим образцам наименования частей произведения.

При переводе элементов специальной лексики, связанной с ведением сельского хозяйства и другими сторонами сельской жизни, Волчков во многих случаях подбирал эквиваленты, представляющие собой транслитерацию соответствующих слов и словосочетаний из немецкого текста. Влияние строя немецкого языка обнаруживается в разных группах специальной лексики в тексте русского перевода. При этом некоторые из этих слов явно сконструированы специально «для данного случая», о чем свидетельствуют пояснения самого русского переводчика.

Сопоставление синтаксиса двух текстов обнаруживает регулярное следование немецкому порядку слов в русском переводе, несмотря на типологические расхождения в структуре немецкого и русского языков. Такой подход к переводу немецкого текста проявляется как в названиях разделов, так и в тексте. При этом наряду с порядком слов в переводе Волčkова можно увидеть механическое следование рамочной конструкции немецкого предложения, когда в русском тексте воспроизводится структура рамки сказуемого с дистантным расположением компонентов.

Перспективное направление дальнейшего исследования заключается в расширении эмпирического материала за счет анализа текстов аналогичной тематики, например, трактата С. Губерта «*Stratagema oeconomicum*» (1688) и текста «Лифляндской экономии», — перевода, выполненного М. В. Ломоносовым в 1747 г. Такое сопоставительное исследование позволит получить новые данные о переводческих стратегиях в период активных контактов Германии и России в эпоху Просвещения, а также о влиянии немецкого научно-утилитарного дискурса на язык российской науки и производства.

Список литературы / References

- Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: Учеб. для студ. вузов. М.: Просвещение, 1999. [Abramov, Boris A. (1999) *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Sopostavitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov* (German Theoretical Grammar. A Comparative Typology of the German and Russian Languages): Textbook. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. [Admoni, Vladimir G. (1963) *Istoricheskii sintaksis nemetskogo yazyka* (German Historical Syntax). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Всемирная история: Эпоха Просвещения / А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек и др. Минск: Харвест, 2003. [Badak, Aleksandr N.; Voinich, Igor' E.; Volchek, Natal'ya M., et. al. (eds) (2003) *Vsemirnaya istoriya: Ehpokha Prosveshcheniya* (World History: Age of Enlightenment). Minsk: Harvest. (In Russian)].
- Герд А. С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание: Учебник / Л. В. Бондарко, Л. А. Верbitsкая, Г. Я. Мартыненко и др.; Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. С. 68—90. [Gerd, Aleksandr S. (1996) *Spetsial'nyi tekst kak predmet prikladnogo yazykoznaniiya* (Specialized Text as a Subject of Applied Linguistics). In Bondarko, Liya V.; Verbitskaya, Lyudmila A.; Martynenko, Grigoriy Ya., & Gerd, Aleksandr S. (eds) *Prikladnoe yazykoznanie* (Applied Linguistics): Textbook. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 68—90. (In Russian)].
- Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В XX книгах: Семь свободных искусств / пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л. А. Харитоновна. СПб.: Евразия, 2006. [Isidor Sevil'skii (2006). *Ehtimologii, ili Nachala. V XX knigakh: Sem' svobodnykh iskusstv* (Etymologies, or Foundations. In 20 Books: The Seven Free Arts). Translated from Latin, article, comments and index by Leonid A. Kharitonov). Saint Petersburg: Eurasia. (In Russian)].
- Капуста // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 14. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. С. 402—406. [Kapusta (Cabbage) (1895). In Brockhaus, Friedrich A., Efron, I'ya A. (eds) *Ehntsiklopedicheskii slovar'* (Encyclopaedic dictionary). Vol. 14. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya I. A. Efrona, 402—406. (In Russian)].
- Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. / АН СССР. М. В. Ломоносов; Глав. ред.: С. И. Вавилов, Т. П. Кравец. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1983. [Lomonosov, Mikhail V. (1950—1983). *Polnoye sobraniye sochineniy* (A Complete Collection of Works): 11 vols.

Academy of Sciences of the Soviet Union. Mikhail V. Lomonosov. Chief eds: Sergei I. Vavilov, Torichan P. Kravets. Moscow and Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russian)].

Материалы для истории Императорской академии наук. Том второй: (1731–1735). СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1886. [Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk. Tom vtoroy: (1731–1735) (*Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences*. Vol. 2: (1731–1735)) (1886). Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. (In Russian)].

Материалы для истории Императорской академии наук. Том третий: (1736–1738). СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1886. [Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk. Tom tretyi: (1736–1738) (*Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences*. Vol. 2: (1736–1738)). (1886). Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. (In Russian)].

Материалы для истории Императорской академии наук. Том шестой: История Академии наук Г. Ф. Миллера: (1725–1743). СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1890. [Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk. Tom shestoy: Istoriya Akademii nauk G. F. Millera: (1725–1743) (*Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences*. Vol. 6: History of the Imperial Academy of Sciences by Gerhard F. Müller (1725–1743)). (1886). Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. (In Russian)].

Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора / изд. 2-е, испр. и доп. [Электронный ресурс]. URL: https://orfogrammka.ru/справочник/справочник_издателя_и_автора_мильчин_чельцова (дата обращения 11.03.2020). [Mil'chin, Arkadii E., & Chel'tsova, Lyudmila K. (2010, March 11) *Spravochnik izdatelya i avtora* (Publisher and Author Directory). 2nd edition, rev. and suppl. Retrieved from https://orfogrammka.ru/справочник/справочник_издателя_и_автора_мильчин_чельцова (In Russian)].

Попов М. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. [Popov, M. (1911) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotrebleniye v russkom yazyke* (Dictionary of Foreign Words That Are in Use in the Russian Language). М.: Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina. (In Russian)].

Сводный Каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. III: Р–Я. М.: Книга, 1966. [Svodnyi Katalog russkoy knigi grazhdanskoj pechati XVIII v. 1725–1800 (Consolidated Catalog of the Russian Civil Press Book of the 18th Century. 1725–1800) (1966). Vol. 3: R–Ya. Moscow: Kniga. (In Russian)].

Современный словарь иностранных слов / Крысин Л. П. М.: АСТ-Пресс Книга, 2014. [Krysin, Leonid P. (ed.) (2014). *Sovremennyi slovar' inostrannykh slov* (Modern Dictionary of Foreign Words). Moscow: AST-Press

- Kniga. (In Russian)].
- Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России / Сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева. М.: Правда, 1989. [Solovyev, Sergey M. (1989) *Chitaniya i rasskazy po istorii Rossii* (Readings and Stories on the History of Russia). Compilation and introduction by Sergei S. Dmitriyev. Moscow: Pravda. (In Russian)].
- Структура текста // Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник [Электронный ресурс]. URL: https://publishing_dictionary.academic.ru/2324/Структура_текста (дата обращения 11.03.2020). [Struktura teksta (Text structure). (2020, March 11) In Mil'chin, Arkadiy E. *Izdatel'skii slovar'-spravochnik* (Publishing Dictionary). Retrieved from https://publishing_dictionary.academic.ru/2324/Структура_текста. (In Russian)].
- Флоринова Экономия с немецкаго на российской язык сокращенно переведена и напечатана повелением ... имп. Анны Иоанновны... Перев. с нем. С. С. Волчкова. СПб.: Императорская Академия Наук, 1738. [*Florinova Ehkonomia s nemetskago na rossiiskoy yazyk sokrashchenno perevedena i napechatana poveleniyem ... imp. Anny Ioannovny* (Florinov's Economy Translated from German into Russian in Abridged Form and Printed by Order of Empress Anna Ioannovna) (1738). Translated from German by Sergei S. Volchkov. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russian)].
- Флоринова Экономия в девяти книгах состоящая; с немецкаго на российский язык сокращенно переведена Сергеем Волчковым. Издание второе. СПб.: Императорская Академия Наук, 1760. [*Florinova Ehkonomia s nemetskago na rossiiskoi yazyk sokrashchenno perevedena Sergeyem Volchkovym* (Florinov's Economy Translated from German into Russian in Abridged Form by Sergey S. Volchkov) (1760). 2nd ed. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russian)].
- Florin, Franz Philipp. (1702) *Oeconomus prudens Et Legalis. Oder Allgemeiner Klug- und Rechts-verständiger Haus-Vatter, bestehend In Neun Büchern*. Nürnberg, Frankfurt und Leipzig: Verlegung Christoph Riegels.
- Hoffmann, Peter. (2011) *Michail Vasil'evič Lomonosov (1711–1765). Ein Enzyklopädist im Zeitalter der Aufklärung*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Meyer, Torsten. (2009) Cultivating the Landscape: the Perception and Description of Work in Sixteen- to Eighteen German 'Household Literature' (*Hausväterliteratur*). In Ehmer, Joseph, & Lis, Catharina. (eds) *The Idea of Work in Europe from Antiquity to Modern Times*. London: Ashgate, 215—244.
- Taxon: *Brassica oleracea* L. var. *sabellica* L. (2020, March 11) *USDA, Agricultural Research Service, National Plant Germplasm System*. Retrieved from <https://npgsweb.ars-grin.gov/gringlobal/taxonomydetail.aspx?319629>.

Andrey K. Filippov, Konstantin A. Filippov
Saint-Petersburg State University

**On Interference of 18th Century German and Russian Scientific Discourses
(As exemplified by *Oeconomus prudens* and *Florinova ekonomia*)**

A comparative linguistic study of the German agricultural manual *Oeconomus Prudens et legalis* (1702) and its abridged translation into Russian (*Florinova Ekonomiya*, 1738) illustrates the interaction of German and Russian scientific discourses during the formation of science and education in Russia throughout the 18th century. Instances of German-Russian interference are found at the structural (compositional), lexical and syntactic levels of *Florinova Ekonomiya*. The Russian translator preserves the general system of chapters and sections of the source text, uses numerous language borrowings and constructs sentences according to the German language model.

Key words: Russian language; German language; 18th century; translation; specialized text

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Г. Г. Ишимбаева
Башкирский государственный университет

ЖАНРОВЫЙ СИНКРЕТИЗМ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ЖЕНЩИНА НА ЛЕСТНИЦЕ»

В настоящей статье, методологической основой которой является концепция семиотики культуры Ю. М. Лотмана, исследуется многосоставная семиологическая система романа Б. Шлинка «Женщина на лестнице». В его жанровой структуре трансформируются и сращиваются различные жанровые формы, что обуславливает многосоставность семиологической системы произведения. Проанализированный сквозь призму жанра роман предстает как парадигматическая структура, интегрирующая разные типы жанров в единую семиосферу. Ее ядерный компонент составляет экфрасис, ближнюю периферию — дискурсивное поле детективного, гендерного и любовного романов, дальнюю периферию — все прочие жанровые текстуальные стратегии.

Ключевые слова: Бернхард Шлинка; «Женщина на лестнице»; жанровый синкретизм; семиосфера

1. Введение

Западногерманский профессор права, Бернхард Шлинка с конца 80-х гг. прошлого столетия успешно совмещает занятия юриспруденцией и преподавательскую деятельность в Берлинском университете им. Гумбольдта с литературой.

В своем творчестве Шлинка искусно сочетает разнонаправленные жанровые векторы высокой и массовой литературы. Это становится отличительной чертой его писательского метода, который проявляется как в криминальных романах, прежде всего в трилогии о частном детективе Герхарде Зельбе («Правосудие Зельба», «Обман Зельба», «Прощание Зельба») (2010-2011), так и в мировом бестселлере «Чтец» (1995) и в других произведениях.

Этот аспект творчества Б. Шлинка пока не получил должного осмысления в литературоведении. Исследователи либо дают обзор его романов в целом (Ионкис 2012; Ионкис 2015), либо рассматривают тематику его отдельных произведений (Шарыпина 2011; Шарыпина 2012; Шарыпина 2017; Платицына 2015; Кудрявцева 2015; Николаева 2018; Чугунов, Гущина 2019).

Научная новизна статьи обусловлена ее целью — проанализировать многосоставную семиологическую систему романа Б. Шлинка «Женщина на лестнице» (2014), а также ее задачами —

рассмотреть разные типы жанров, которые интегрированы в этом романе в единую семиосферу.

Гипотеза исследования: роман Б. Шлинка «Женщина на лестнице» является образцом жанрового синкретизма, в его жанровой структуре сочетаются многие разнородные признаки, трансформируются и сращиваются различные жанровые формы.

2. Методы исследования

Методологической основой статьи является концепция семиотики культуры Ю. М. Лотмана (Лотман 2000).

3. Результаты исследования

Формула узнавания жанра зафиксирована в заголовке, который представляет собой название живописного полотна. Действие всего романа организовано вокруг портрета главной героини, который становится магистральным образом повествования (его прототипом послужила картина Герхарда Рихтера «Эма. Обнаженная на лестнице», 1966).

С картины, собственно, и начинается повествование: «Когда-нибудь вы увидите эту картину» (Шлинк 2018: 7). И затем, чуть ниже, дается ее подробное описание:

«По лестнице спускается женщина. Правая нога шагнула на нижнюю ступеньку, а левая нога еще касается верхней, но уже готова сделать новый шаг. Женщина обнажена, у нее бледное тело, светлые волосы на лобке и голове, прическа слегка поблескивает от солнечных лучей. Обнаженная, бледная, светловолосая, на расплывчатом зеленовато-сером фоне стены и лестничных ступеней, женщина с парящей легкостью идет прямо на зрителя. Но одновременно в ее длинных ногах, округлых бедрах, упругой груди ощущается чувственная невесомость» (Ibid.: 7-8).

Описание картины дано в восприятии нарратора, компаньона франкфуртской юридической фирмы, увидевшего ее в Художественной галерее Сиднея, куда прилетел по делам. Случайно замеченное рассказчиком живописное полотно по воле Шлинка стало катализатором воспоминаний героя и всех последующих событий романа. Автор-повествователь, увидевший картину, фиксирует:

«... женщина опять смутила меня. Не своей наготой и не тем, что напомнила мне о давней истории, а тем, что я увидел ее иной, не той, которая осталась в моей памяти» (Ibid.: 34-35).

Картина связала трех мужчин — безымянного рассказчика-юриста, художника Карла Швинда, промышленника Петера Гундлаха — и одну женщину — Ирену Гундлах-Адлер; картина обусловила взаимодействие разных пространственно-временных пластов повествования, выстроила причинно-следственные связи внутри текста. И, наверное, самое главное — позволила Шлинку обнажить жизнь сознания, подсознания и сферы бессознательного героев, раскрывающихся через их отношение к картине, которая становится разменной монетой в связавшем их неразрешимом конфликте.

Гундлах ненавидит картину, которую нарисовал Швинд, ненавидит жену, которая бросила его и ушла к художнику.

Швинд ненавидит Гундлаха, который уродует его картину и всеми правдами-неправдами, даже ценой отказа от Ирены, стремится вернуть ее себе, так как видит в ней символическую чашу Грааля, без которой невозможно его творчество. Картина имела для него программное значение. Как говорит Ирена, Швинд

«давал ответы на актуальные вопросы, которые вставляли перед живописью, — о возможностях предметного или абстрактного искусства, о связи живописи с фотографией, о взаимоотношениях красоты и правды» (Ibid.: 87).

Своим полотном он хотел опровергнуть кубистическую «Обнаженную, спускающуюся по лестнице» Марселя Дюшана.

Рассказчик восхищается картиной и испытывает к Ирене сложные чувства любви-ненависти. Он вспоминает, как в юности, впервые увидев картину, словно проснулся к новой жизни, влюбился в Ирену, которой не может простить того, что она обманула его.

Ирена принимает себя изображенной на картине как данность, но не может согласиться с тем, как ведут себя ее любовник и муж по отношению к ней и к ее портрету: «Один хочет продать меня, другой, похоже, готов меня насильно увезти» (Ibid.: 45), и использует влюбленного в нее юного адвоката, чтобы выкрасть картину — для героини это жест самоутверждения.

Именно поэтому, на наш взгляд, в романе неоднократно появляются уточнения к первому описанию картины, что позволяет определить основную жанровую характеристику романа, связанную с изобразительным искусством и с синтезом литературы и

живописи, и, кроме того, выделить дополнительные жанровые особенности этого романа-экфрасиса, обусловленные тайной похищения картины и тайной взаимоотношений трех мужчин и Ирены Гундлах-Адлер.

Среди многочисленных формально-содержательных характеристик картины, на наш взгляд, принципиально важны две. Первая имеет характер подробного психологического разъяснения ее содержания, вторая сухо фиксирует ее стоимость, что определяет специфику развития сюжета романа.

1. «Женщина спускается по лестнице не для того, чтобы играть на пианино или пить чай, не потому что ее с радостью ожидает любовник. Она идет, склонив голову и опустив глаза, будто кто-то принуждает ее, но она смирилась с принуждением. Будто она сопротивлялась, но прекратила сопротивление, ибо тот, кто ее принуждал, оказался слишком могущественным. Будто она надеется на пощадку, снисхождение, милосердие только ценой кротости, соблазнительности, готовности отдаться. Ей приходится считаться с тем, что ее могут просто взять силой. Или она сама этого хочет? Только не признается в своем желании ни другому, ни самой себе?» (Ibid.: 35).

В этом описании картины нарратором, включающем размышления о судьбе и характере героини, присутствует некий набросок будущего повествования в жанровом русле любовного и гендерного романа. Для него характерны определенная расстановка персонажей и их система отношений. В версии, озвученной Иреной и воспроизведенной рассказчиком, это выглядит как противоборство полов и потребительское отношение мужчины к женщине:

«Для Гундлаха я была молодой, красивой блондинкой — его трофеем, решающую роль играла моя внешность. Для Швинда я служила источником вдохновения, для чего моей внешности тоже оказалось вполне достаточно. Потом явился ты. Третья дурацкая женская роль: после самочки и музы — принцесса, которую от грозящей опасности спасает принц» (Ibid.: 88).

Так героиня озвучивает свое представление об архетипической проекции мужчин ее жизни на себя и, как следствие, на картину.

2. Гундлах, привыкший все измерять в категориях стоимости вещей и предметов, называет цену картины: «больше двадцати миллионов» (Ibid.: 113). И выясняется, что Ирена, некогда похитившая картину, которая не имела рыночной стоимости в

момент похищения, сознательно выставила ее, ставшую мировой сенсацией, в Художественном музее Сиднея, чтобы «заманить» (Ibid.) бывшего мужа и бывшего любовника к себе в Австралию. Первый ее увлек в свое время своей одержимостью богатством и властью, второй — одержимостью создания совершенного произведения искусства. Что же касается юриста, то его появление в Австралии оказывается просто случайным стечением обстоятельств (по праву он называет себя «случайным зрителем» [Ibid.: 151]), однако именно ему выпадает роль последнего возлюбленного Ирены Адлер, который распутывает историю, начавшуюся 40 лет тому назад.

Вся эта линия повествования выстроена в соответствии с канонам детективного жанра (преступлением и его раскрытием), поэтономическим ключом к которому является имя героини — Ирэна Адлер, отсылающее к рассказу А. Конан Дойла «Скандал в Богемии».

Таким образом, в романе дается специальный живописный дискурс и исследуется его общая динамика. Это позволяет выделить жанровые черты романа-экфрасиса в «Женщине на лестнице», где с темой картины связаны любовная, гендерная и детективная линии со своими наборами жанровых признаков. Иначе говоря, главные жанровые критерии романа обусловлены его основным содержанием, что проявляется в общей схеме сюжета и в его логических моделях.

Другие жанровые уровни романа Шлинка определяются структурными и проблемно-стилевыми доминантами повествования.

Первые, структурные доминанты, совершенно очевидно обуславливают жанровые черты приключенческого романа (действие), бытового романа (изображение обыденной жизни), психологического романа (раскрытие психологии героев), социально-психологического романа (воспроизведение детализированной картины повседневной жизни героев), философского романа (художественная рецепция господствующих идей эпохи и прежде всего экзистенциализма).

Проблемно-стилевые доминанты романа Шлинка уточняют наличие черт других жанровых форм. Выделю несколько, на мой взгляд, наиболее важных для постижения авторской концепции.

1. Прежде всего это рыцарский роман и одновременно пародия на него. С одной стороны, рассказчик, аттестуемый Ирэнной «храбрым рыцарем» (Ibid.: 83, 97, 100), пытается вести себя в соответствие с рыцарским культурным кодом поклонения и служения Прекрасной Даме. Неслучайность этой проблемностилевой доминанты подчеркнута введением в ткань повествования имени Парсифаля, которого вспоминают герои. Рассказчик с подачи Ирэнны начинает сравнивать свое поведение с поведением Парсифаля, с тем, правильно ли он задает вопросы и те ли это вопросы (Ibid.: 174, 175, 177). С другой стороны, рассказчик, конформист, добропорядочный и педантичный буржуа (что уже само по себе пародийно: в качестве рыцаря выступает человек, абсолютно не совпадающий по психотипу с рыцарем), не понимает печальной иллюзорности своего облика. Об этом ему прямо говорит любимая женщина:

«Мой дурачок, <...> ты идешь по жизни, вступаешь в схватки подобно тому, как раньше рыцари сражались на турнирах, но так же, как они, не понимаешь: это лишь поединок с собственным зеркальным отражением, время рыцарей прошло...» (Ibid.: 201).

2. С последним — «время рыцарей прошло» — связаны жанровые черты романа альтернативной истории, романа-сказки и мещанской идиллии в стиле бидермейер.

Смертельно больная Ирэна просит героя рассказать ей историю о том, что было бы, если бы они тогда, в юности, не расстались. Так в повествовании появляются жанровые признаки романа альтернативной частной истории — о совместной жизни героев и их путешествиях по США. Шлинк намеренно дробит этот рассказ, в который постоянно вторгается реальная современность, что жестко корректирует жанровые рамки романа альтернативной истории.

По тому же принципу используются формы романа-сказки: рассказчик, желая развлечь Ирэнну, сочиняет сказку про Рапунцель и принца. Сюжетная модель сказки братьев Гримм до известной степени претворяется в романе, в котором героиня сама называет себя «принцессой», а героя — «принцем», который спасает принцессу от грозящей ей опасности (Ibid.: 88). Ирэна, действительно, выступает в роли заколдованной красавицы, запертой в башне (башня — это и двухэтажный дом на горе, в кото-

ром она живет, и болезнь, которая подтачивает ее силы), герой-рассказчик уподоблен принцу, сумевшему попасть в покои любимой. В отличие от претекста, однако, финал романа-сказки трагичен: Ирэна кончает жизнь самоубийством.

Пересмотр содержания традиционного жанрового канона происходит и применительно к жанровой модели идиллии.

«Мещанская идиллия в духе бидермейера» (Ibid.: 130) — так рассказчик называет жизнь, которую героиня вела в ГДР с ее «остановившимся временем, покоем, отсутствием сенсаций», «праздником по поводу законченного строительства дачи», «поездкой всем трудовым коллективом в Берлинскую оперу», «отпуском с палаткой и байдаркой в Шпреевальде» и т. д. (Ibid.: 130). Но точно такую же жизнь вел и рассказчик в ФРГ с поправкой на географию и экономику, делая ставку на остановившееся время и комфортное существование по инерции, предполагающее «заработанные деньги, дорогие отели, возможность летать первым классом» (Ibid.: 101).

Десятилетия спустя оба героя понимают, что они просто прятались от жизни и от необходимости что-то решать, делать осознанный выбор. Когда выбор ими был сделан, обе идиллии рухнули: Ирэна вынуждена бежать из Германии, чтобы скрыться в Австралии; рассказчик терпит крах в семейной жизни и ведет призрачное существование, всецело отдавшись работе, посвященной юридическим разборам «слияния и поглощения» фирм и производств (Ibid.: 101), ощущая себя «колесиком» «отлаженного механизма» (Ibid.: 108). Идиллическая жанровая модель, таким образом, раскрывается в романе через ее развенчание, что обуславливает наличие пародийного дискурса.

3. Сопоставление восточно-немецкой и западно-немецкой идиллий привносит в повествование жанровые черты политического романа. Пунктирно воссозданная биография героини с ее интересом к левому движению и причастностью к терроризму, сам факт того, что в ФРГ она объявлена в розыск, привносит в роман дыхание большой политики. Ирэну волнуют проблемы гонимых властью людей, политических обвиняемых, обвинителей «государства, полиции, церкви» (Ibid.: 101). Она, как понимает рассказчик, мечтала о «справедливости для униженных и угнетенных», «сделала эту справедливость смыслом собственной жизни» (Ibid.: 103). Она говорит от имени целого поколения своих

единомышленников: «Мы думали, раз существует Запад и Восток, может существовать еще нечто третье, лучшее» (Ibid.: 145).

Политика по-разному, но присутствует и в жизни ее главных мужчин.

Процветающий промышленник Гундлах поет осанну современному политическому строю:

«... наш мир перестал изменяться. Ему больше ничего не угрожает – ни фашизм, ни коммунизм, которые хотели изменить мир. С окончанием холодной войны нашему миропорядку нет альтернативы...» (Ibid.: 141).

Гундлах утверждает, что сегодня все страны живут по законам капитализма — «даже китайский коммунизм превратился в капитализм», а «заветы пророка, ради которых убивают и погибают мусульмане, — это не альтернатива, а лишь проблема для полиции и спецслужб» (Ibid.: 141). В этот символ веры Гундлах вписывает и бедняков, о которых говорит презрительно:

«Пока работает телевизор и на столе стоит пиво, они не представляют собой угрозы, ибо на эти вещи денег всегда хватит» (Ibid.: 141).

Однако во всех фразах Гундлаха звучит попытка убедить не столько своих собеседников, сколько самого себя в стабильности этого мироздания, в котором он хочет ощущать себя хозяином положения. Но его неуверенность выдает вопрос, обращенный в пустоту:

«Сумеют ли быть такими мои дети и внуки? Генетический потенциал семейного бизнеса ограничен» (Ibid.: 141).

Модный и самый дорогой современный художник Швинд ностальгирует по нищей молодости и вспоминает «о надеждах, о подъеме, который ощущался в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов», о «красивых, умных женщинах, которые тогда примкнули к левым из-за своих политических убеждений и потому, что чувствовали себя идущими в авангарде, где пульсирует живая, интересная жизнь» (Ibid.: 144). Тогда он и сам был в авангарде, искал и находил новые пути в искусстве, теперь же приспособился к миру Гундлаха. Поэтому приговором ему как художнику звучит сравнение, данное ему коллегой: «калькулятор», который «расчетливо играет с публикой, арт-

рынком и ценами» (Ibid.: 122).

Бывшие муж и любовник героини, таким образом, объективно свидетельствуют против того мира, к созданию которого причастны. Но этому миру верой и правдой служил рассказчик, которого Гундлах недаром называет «лакеем», а Швинд с удовольствием добавляет: «камердинер» (Ibid.: 147). И хотя в романе нет подробностей о «грязной работе» для «солидных клиентов» (Ibid.: 147), которую адвокату приходилось делать, она подразумевается. Юридическая фирма, в которой служит герой, законопослушна и заботится в первую очередь об интересах промышленников и коммерсантов. Поэтому рассказчик на всю жизнь запомнил историю своего несостоявшегося участия в процессе по делу университетского приятеля, инициировавшего антиправительственную молодежную демонстрацию. И хотя герой пытается убедить себя: «Я никому ничего не должен» (Ibid.: 105), этот эпизод врезался ему в память и не отпускает, становясь предметом рефлексии.

4. Все герои романа приходят к финалу их совместной истории с осознанием конца целого этапа жизни. Это актуализирует еще одну очень важную проблемно-стилевую доминанту повествования, обуславливающую наличие черт онтологического романа с его мифологической архетипикой.

Шлинка описывает бытие как целое, рождающееся и умирающее. Эсхатологические мысли высказывает не только онкобольная Ирэна: «Теперь, когда двух миров больше нет...» (Ibid.: 145), «... все кончено и погибнете не только вы — вместе с вами погибнет весь мир» (Ibid.: 145). Об этом же говорит циничный жизнелюб Гундлах, когда в ответ на вопрос: «Что же избавит нас от гнетущего чувства?», отвечает: «Атомная война, падение метеорита, другая катастрофа, которая уничтожит мир, каким мы его знаем» (Ibid.: 143).

Мир Австралии, где локализовано основное действие романа, изображен эдемским садом, где пытается гармонизировать местную жизнь Ирэна и где, вопреки ее усилиям, назревают кардинальные перемены. Они и происходят, когда начинается пожар. Он в пространстве романа ситуационно подобен древнескандинавскому Рагнареку — пожар приобретает характер схватки хтонических чудовищ:

«... подул ветер. Подхватив огонь, он погнал его вперед, раздувая черный дым и превращая его в большое облако, живое, огромное чудовище, в котором все искрилось и горело. Иногда из чрева этого облака вырывалось огненное ядро; оно летело, словно из катапульты, по высокой траектории к подножью небольшой горы...» (Ibid.: 208).

Огонь уничтожил все на острове, что трактуется в романе как конец мироздания, сопряженный со смертью героини. Шлинковский апокалипсис завершается Судным днем для героя. Он, ощущавший себя Адамом в раю (говорящая деталь: вернувшись на остров после пожара, он находит и съедает не тронутое огнем яблоко), пересматривает всю свою жизнь и намечает контуры своего будущего.

4. Заключение

Таким образом, проанализированный сквозь призму жанра роман Б. Шлинка «Женщина на лестнице» предстает как парадигматическая структура, интегрирующая разные типы жанров в единую семиосферу. Ее ядерный компонент составляет экфрасис, ближнюю периферию — дискурсивное поле детективного, гендерного и любовного романов, дальнюю периферию — все прочие жанровые текстуальные стратегии.

Список литературы / References

- Ионкис Г. Новейшая литература Германии: Бернхард Шлинка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2012/8/238/5601/novejshaja-literatura-germanii-bernhard-shlink> (дата обращения: 24.06.20). [Ionkis, Greta. (2012) *Noveyshaya literatura Germanii: Bernhard Shlink (The Latest German Literature: Bernhard Schlink)*. Retrieved from <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2012/8/238/5601/novejshaja-literatura-germanii-bernhard-shlink> (In Russian)].
- Ионкис Г. Явление Бернхарда Шлинка [Электронный ресурс] // Литературный европеец. *Monatliche Zeitschrift des Verbandes russischer Schriftsteller in Deutschland*. URL: <https://le-online.org/2015-11-09-17-50-50/364-n49-mosty-ionkis> (дата обращения: 24.06.20). [Ionkis, Greta. (2015) *Yavlenie Bernharda Shlinka (The Phenomenon of Bernhard Schlink)*. *Literaturny Yevropeyets (Literary European)*. Retrieved from <https://le-online.org/2015-11-09-17-50-50/364-n49-mosty-ionkis> (In Russian)].
- Кудрявцева И. Н. Бернхард Шлинка: рассказывая истории // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 4 (35). Ч. 2. С. 89—93. [Kudryavtseva, Irina N. (2015) *Bernhard Shlink: rasskazyvaya istorii*

(Bernhard Schlink: Telling Stories). *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* ((International Research Journal), 4 (35), Part 2, 89—93. (In Russian)].

Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб.: Искусство, 2000. [Lotman, Yuriy M. (2000) *Semiosfera* (Semiosphere). Saint Petersburg: Iskusstvo. (In Russian)].

Николаева О. О. Концепт «прошлое» в художественно-языковой картине мира Бернхарда Шлинка (на материале романа «Три дня» («Das Wochenende»)) // Филология и культура. Philology and Culture. 2018. № 3 (53). С. 61—65. [Nikolaeva, Olga O. (2018) Kontsept «proshloye» v khudozhestvenno-yazykovoy kartine mira Bernharda Shlinka (na materiale romana «Tri dnya» («Das Wochenende»)) (The Concept of the «Past» in the Artistic and Linguistic Picture of the World of Bernhard Schlink (Based on the Novel «The Weekend» («Das Wochenende»))). *Filologiya i kul'tura* (Philology and Culture), 3 (53), 61—65. (In Russian)].

Платицына Н. И. Проблема «непреодоленного прошлого» в романе Б. Шлинка «Чтец» // Филологическая регионалистика. 2015. № 3-4 (15-16). С. 29—34. [Platitsyna, Natal'ya I. (2015) Problema «nepreodolennogo proshlogo» v romane B. Shlinka «Chhets» (The Problem of the «Uncovered Past» in B. Schlink's Novel «The Reader»). *Filologicheskaya regionalistika* (Philological Regional Science), 3-4 (15-16), 29—34. (In Russian)].

Чугунов Д. А., Гущина А. И. Мифология XX века в романе Бернхарда Шлинка «Ольга» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 295—297. [Chugunov, Dmitriy A., Gushchina Anna I. (2019) Mifologiya XX veka v romane Bernharda Shlinka «Ol'ga» (The Twentieth-Century Mythology in Bernhard Schlink's Novel «Olga»). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* (The World of Science, Culture and Education), 4 (77), 295—297. (In Russian)].

Шарыпина Т. А. «Возвращение» Бернхарда Шлинка в литературном контексте Германии новейшего времени // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 740—744. [Sharypina, Tat'yana A. (2011) «Vozvrashcheniye» Bernharda Shlinka v literaturnom kontekste Germanii noveyshego vremeni (The «Return» of Bernhard Schlink in the Literary Context of Germany in Modern Times). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6 (2), 740—744. (In Russian)].

Шарыпина Т. А. Немецкая «Одиссея» Бернхарда Шлинка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 267—271. [Sharypina, Tat'yana A. (2012) Nemetskaya «Odiseya» Bernharda Shlinka (German «Odyssey» of Bernhard Schlink). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 1 (2), 267—271. (In Russian)].

Шарыпина Т. А. Функции экфрасиса в романе Бернхарда Шлинка «Женщина на лестнице» // Известия высших учебных заведений. По-

вожский регион. Гуманитарные науки. Филология. 2017. № 1 (41). С. 73—80. [Sharypina, Tatyana A. (2017) Funktsii ekfrasisa v romane Bernharda Shlinka “Zhenshchina na lestnitse” (Functions of Ecphrasis in Bernhard Schlink’s Novel “The Woman on the Stairs”). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. Filologiya* (University Proceedings. Volga Region. Humanities. Philology), 1 (41), 73—80. (In Russian)].

Шлинк Б. Женщина на лестнице / пер. Б. Хлебникова. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. 224 с. [Schlink, Bernhard (2018) *Zhenshchina na lestnitse* (The Woman on the Stairs). Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus. (In Russian)].

Galina G. Ishimbayeva
Bashkir State University

Genre Syncretism of the Novel “Woman on the Stairs” by B. Schlink

The methodological basis of this article is the Yu. M. Lotman’s concept of the semiotics of culture. It explores the multi-component semiological system of B. Schlink’s novel “The Woman on the Stairs”. In its genre composition various genre forms are transformed and merged, which determines the multi-component structure of the novel’s semiological system. Analyzed through the prism of the novel genre, it appears as a paradigmatic structure that integrates different types of genres into a single semiosphere. Its nuclear component is ecphrasis, the near periphery is the discursive field of detective, gender and love stories, the far periphery is all other genre textual strategies.

Key words: Bernhard Schlink; “The Woman on the Stairs”; genre syncretism; semiosphere

НОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕВОД «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА¹

Статья посвящена характеристике нового немецкого перевода «Записок охотника» И. С. Тургенева. К исследованию привлекаются труды по проблемам теории перевода, в частности «непереводимого» в переводе. В качестве основного метода применяется сравнительно-сопоставительный анализ переводов «Записок охотника», выполненных П. Урбаном (2004) и В. Бишицки (2018). Последний перевод направлен на максимальное раскрытие сложных для немецкого читателя реалий, то есть в большей степени ориентирован на стратегию смысла. Урбан предпочел стратегию формы, стремясь быть максимально близким к «букве» оригинала. В целом появление двух переводов является проявлением феномена синхронической переводной множественности, выражающейся в соревновании талантливых переводчиков и обогащении немецкой культуры.

Ключевые слова: перевод; Бишицки; переводческая стратегия смысла; стратегия формы

1. Введение

Цель и задачи исследования состоят в характеристике нового немецкого перевода «Записок охотника» Тургенева и выяснении причин его появления через четырнадцать лет после выхода довольно удачного предыдущего перевода. К исследованию привлекаются труды по теории перевода, в частности по проблеме «непереводимого» в переводе (С. И. Влахова, С. П. Флорина, Б. Д. Добровольского), а также работа Е. С. Бабкиной и С. П. Стрелковой, посвященная выявлению способов передачи на немецком языке реалий текста Тургенева. Новизна исследования состоит в том, что перевод В. Бишицки впервые становится предметом специального анализа.

В 2018 г. вышел новый немецкий перевод «Записок охотника», приуроченный к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева: «Aufzeichnungen eines Jägers» (München: Karl Hanser Ver-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-013-00684 «Классика в диалоге с современностью: теоретические и методические аспекты изучения русской литературы».

lag.). Его автором является Вера Бишицки (Vera Bischitzky), немецкий славист, переводчик художественной литературы с русского языка, издатель и редактор, автор статей по истории культуры. В. Бишицки — лауреат нескольких престижных премий. Первой ее наградой стала Helmut-M.-Braem-Übersetzerpreis — премия, вручаемая Союзом немецких переводчиков, писателей и издателей раз в два года; В. Бишицки удостоилась данной высокой награды в 2010 г. за перевод и подготовку немецкого издания «Мертвых душ» Гоголя.

В 2014 г. Бишицки победила в номинации «Наследие И. А. Гончарова: исследования и просветительство» и получила Международную литературную премию имени И. А. Гончарова, которая была учреждена в 2006 г. Правительством Ульяновской области и Союзом писателей России.

В Германии известность и популярность «Записок охотника» среди немецких читателей утвердилась с середины 1850-х гг. после выхода в свет первых рассказов в Лейпцигской «Романгазете» (1852) в переводе Августа Видерта (Viedert). В 1854 г. Видерт издал десять рассказов отдельной книгой. Однако в 1855 г., к большому огорчению Тургенева, вышел второй том рассказов «Записок» в переложении уже другого переводчика, Августа Больца (Boltz). В 1875 г. «Записки...» появились в «Митавском издании» («Skizzen aus dem Tagebuche eines Jägers»).

И эта версия также очень огорчила Тургенева. Он пишет издателю Б. Э. Бере 3/15 июля 1874 г.: «Хочу попросить Вас доверить оба новых фрагмента *хорошему* переводчику» (Тургенев 2002: 312). Чуть позже, 16 ноября он обратился к Людвигу Пичу:

«Только что получил последние корректурные листы “Записок” ... О, сколько радости! Нет — более жалкого переводчика еще не было» (Ibid.: 338).

И снова вопль отчаяния обращен к издателю Бере 22 ноября:

«Господин переводчик имеет крайне поверхностное представление о русском языке; всякое не совсем обычное слово, всякое скольконибудь оригинальное выражение ставит его в тупик, и он отдается в опасную область “приблизительного”, отчего рождаются на свет самые причудливые и невероятные вещи!! Могу привести Вам один пример из сотен, когда смысл слова подлинника переверачивается буквально с ног на голову! [...] Дальше так продолжаться не может» (Ibid.: 339).

Не все переводчики «Записок охотника» на немецкий язык были профессионалами. По большей части это были прибалтийские или русские немцы, которые принимались за работу без специального образования. Всего за период с 1854 по 2004 гг. появилось 13 немецких «Записок...». Их названия несколько варьировались: «Federzeichnungen eines Jägers», «Memoiren eines Jägers», «Erzählungen eines Jägers» или «Jäger, Bauern und Barone. «Aufzeichnungen eines Jägers» (среди переводчиков кроме названных были Манфред фон дер Ропп, Алексис Марков, Ганс Мозер, Бенно барон Толль, Дора Берндл-Фридманн, Герберт Вотте, Элизабет и Владимир Вонзиатски). Можно назвать и крупных переводчиков, Александра Элиасберга (Eliasberg, 1978-1924) и Йоханнеса фон Гюнтера (Guenther (1886-1973), которые включили Тургенева в большой список своих переводов из русской литературы. Элиасберг выпустил «Aufzeichnungen eines Jägers» (1924), а Гюнтер подготовил том избранных произведений Тургенева («Iwan Turgenjew Klassiker», 1957), в который вошли «Записки охотника», романы «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети» и некоторые повести.

Последний значительный перевод «Записок», сделанный известным переводчиком Петером Урбаном (Peter Urban, 1941-2013), вышел в Цюрихе в 2004 г. под названием «Aufzeichnungen eines Jägers» с послесловием переводчика.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования являются два перевода на немецкий язык «Записок охотника» И. С. Тургенева, выполненные П. Урбаном (2004) и В. Бишицки (2018). При их анализе и интерпретации используется традиционная методология компаративистских исследований, в качестве основного метода применяется сравнительно-сопоставительный анализ переводов «Записок охотника». Выявляются переводческие принципы и приемы, направленные на воспроизведение художественной стилистики оригинала, трудной для восприятия иностранцев в связи с обилием специфических реалий.

2.1. Характеристика перевода Петера Урбана

Интересно вначале остановиться на анализе переводческих принципов и приемов Петера Урбана, который в 1990-2000 гг. имел репутацию лучшего переводчика русской классики на немецкий язык. Библиография переводов русской литературы

Урбана насчитывает более 90 имен. Он переводил Пушкина, Гоголя, Тургенева, Бунина, Бабеля, Хармса, Ерофеева. И хотя Чехов оставался самым любимым автором в наследии переводчика, он стал первым обладателем премии Тургенева, учрежденной в год 190-летия со дня рождения русского писателя (2008) с призовым фондом 20 тысяч евро; она присуждается за выдающиеся достижения в области художественного перевода русской литературы на немецкий язык.

«Записки охотника» трудны для перевода на иностранные языки вследствие содержащихся в них многочисленных реалий крестьянского быта и национально-исторического колорита. Приведем результаты интересного исследования, которое провели молодые российские ученые. На основе анализа нескольких рассказов («Хорь и Калиныч», «Малиновая вода», «Бурмистр», «Мой сосед Радилов») они выявили основные переводческие приемы, к которым прибегал Урбан: функциональный аналог, транскрипция, родовидовая замена, калькирование и описание (Бабкина, Стрелкова 2018: 40-49).

По частотности использования первенство принадлежит функциональному аналогу (48%), под которым понимается «элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у читателя» (Швейцер 1973: 354). Например, *Орловский мужик живет в дрянных осиновых избенках*. — *Der Orjolsche Bauer lebt in elenden Hütten*. В данном примере русская реалия *избенка*, обозначающая деревянный крестьянский дом, заменяется при переводе на немецкое слово *Hütte*, т. е. маленький дом, состоящий из одного помещения.

Вторым по частотности использования (25%), согласно результатам исследования, является способ передачи русскоязычных реалий с помощью транскрипции, т. е. перевода слова графическими средствами с максимально приближенным звуковым соответствием его оригинальной фонетической форме (Влахов 2009: 83). Например: *верста* — *eine Werst*; *десятина* — *Desjatine*, *пуд* — *das Pud*; *пятьдесят рублей* — *fünfzig Rubel*. Прием транскрипции применяется Урбаном также при переводе тех реалий, которые связаны только с традиционной русской культурой: *квас*, *балалайка*, *самовар*, *кафтан*, *казак*.

Реже П. Урбан использовал в переводах прием перевода реалий с помощью родовидовой замены (12%), применяя *гиперфо-*

нимы, которые выражают более общую сущность переводимого понятия (Влахов 2009: 87). Этот метод не позволяет сохранить национально-культурный колорит подлинника: *пуховый картуз* — *eine warme Mütze*. Картуз на Руси обозначал мужской головной убор с жестким козырьком (Ожегов, 1973: 247), а лексическая единица *Mütze* имеет значение «головной убор из мягкого материала, с козырьком или без него». Особенно утрачиваются различия при передаче национальной одежды: *сюртук*, *армяк* переводятся с помощью лексической единицы с широким значением — *der Rock*.

В 8% случаев исследователи отметили использование калькирования, под которым понимается заимствование иноязычной реалии путем буквального перевода, зачастую по частям, слова или словосочетания (Влахов 2009: 85). Обычно кальки представляют собой словосочетания, но ввиду типологических особенностей немецкого языка в проанализированном языковом материале они представлены сложносоставными существительными: *Это был вольноотпущенный человек графа...* — *Es war der Freigelassene der Grafen...*

Довольно редко Урбан использует замену реалии иностранного языка на реалию переводящего языка. На долю применения этого приема приходится только 6% проанализированных примеров. Данный способ приводит к замещению колорита первоисточника на колорит немецкоязычного текста (Влахов 2009: 86). Например: *Зеленое вино* — *Schnaps*. Реалия *зеленое вино* обозначало на Руси водку, настоянную на травах (Ожегов, 1973: 77), тогда как *Schnaps* представляет собой алкогольный напиток с высоким содержанием алкоголя.

Наконец, крайне редко Урбан прибегал к приему описания, только в тех случаях, когда нет другой возможности передать единицу оригинала, поскольку в переводящем языке это понятие или явление отсутствует (Влахов 2009: 88): *В Светлое Воскресенье с ним христосовались...* — *Am Ostersonntag tauschte man mit ihm zwar den Osterkuß...*

Глагол *христосоваться* в русской культуре означает «троекратно целоваться, поздравляя друг друга с праздником Пасхи» (Ожегов 1973: 798). В течение многих веков в русской православной церкви существовала традиция взаимного целования верующих при совершении пасхального Богослужения. По-

здравляя друг друга, христиане уподобляются ученикам Господа, которые после Воскресения утверждали, что «Господь истинно воскрес!» В немецкой культуре такая традиция отсутствует, что делает необходимым использование приема описания.

Проведенный Бабкиной и Светловой анализ переводов Урбана достоверно демонстрирует, что в абсолютном большинстве случаев переводчик использовал приемы, позволяющие сохранить реалии, воссоздающие атмосферу культурно-бытовой и крестьянской жизни России XIX века. Иными словами, переводчику во многом удалось воспроизвести специфику стилистики тургеневского текста, и тургеневская премия была ему присуждена заслуженно.

2.2. *Переводческие подходы, принципы и приемы Веры Бишицки*

Тем не менее, Вера Бишицки решает выпустить свой перевод спустя четырнадцать лет после знаменитого переводчика. Сама она объясняет мотивы своего обращения к новому переводу довольно подробно и обстоятельно: «Сегодня мы гораздо больше, чем в прежние времена, стремимся сочетать филологическую точность с попыткой воссоздать художественное звучание оригинала, сохранить все особенности и стиль автора и снабдить читателей в комментариях необходимым фоном — дополнительными сведениями из истории и культуры страны и из биографии автора» (Бишицки 2018: 15).

Приложение к «Запискам» составляет девяносто страниц — примерно одну шестую часть всего объема книги. Оно состоит из Послесловия (Nachwort), дополнительного послесловия к новому переводу (Zur Neuübersetzung), послесловия к настоящему изданию (Zu dieser Ausgabe), а также развернутых комментариев к тексту (Anmerkungen). Переводчица включает и «Письмо из Петербурга»; в нем рассказаны обстоятельства, в связи с которыми Тургенев был арестован и приговорен к двухлетней ссылке в Спасском. В обширных примечаниях-комментариях к тексту наряду с объяснениями реалий, особенностей русской действительности В. Бишицки приводит и многочисленные отрывки из писем или высказываний современников. Таким образом, переводчица ориентируется в большей мере на массового читателя, которого стремится ввести в широкий контекст создания произведения и творчества Тургенева в целом. Одной из главных за-

дач она считает возведение «мостов между странами и культурами» (Bischitzky 2018: 568). Вместе с тем она выражает надежду, что чтение нового перевода будет способствовать лучшему пониманию процессов, происходящих в современной России.

Появление своего перевода Вера Бишицки объясняет не только новыми потребностями читателя, но и расширившимися возможностями переводчика. В специальном послесловии² она заявляет: «Каждый переводчик приближается к иностранному тексту по-своему, со своим словарным запасом, своим опытом. Разумеется, каждый старается, насколько возможно лучше воспроизвести точный смысл, стиль, тональность, ритм оригинала» (Bischitzky 2018: 569). Современный переводчик, в отличие от своих предшественников, имеет возможность пользоваться многочисленными дополнительными научными источниками в библиотеках, архивах, университетах и академиях всего мира.

О «внешнем» поводе для осуществления нового перевода — юбилее Тургенева — уже говорилось. Немаловажной причиной его появления стало и развитие «переводящего» языка. Язык подвержен постоянным изменениям, сдвигаются оттенки значений, даже лексемы и фразеологизмы, которые кажутся хорошо знакомыми, приобретают дополнительные значения. То, что было понятно современникам Тургенева, вызывает сложность в понимании читателя, тем более иностранного, в настоящее время.

Вера Бишицки приводит один «курьезный» случай: Олонец Овсянников в одноименном рассказе говорит охотнику об одном соседе:

«Пьяный был человек и любил угощать, и как подопьет да скажет по-французски “се бон” да облизнется — хоть святых вон неси!»

В переводе В. Бишицки:

«Er war ein Trunkenbold und hat gern auch andere freigehalten, und wenn er was getrunken hatte und auf Französisch “c'est bon” gesagt und sich die Lippen geleckt hat, hätte man am liebsten alle Heiligenbilder rausgetragen!» (Bischitzky 2018: 89).

Чтобы понять выражение «хоть святых вон неси!» Вера Бишицки предпринимает сложное исследование, в результате которого находит книгу XVII века, принадлежащую голландцу

² Перевод «Послесловия» мой — О. К.

Яну Янзону Страусу (Struys), совершившему путешествие по России и описавшему обычаи «московитов» (Bischitzky 2018: 598). В этом случае переводчица проявила упорство, стремясь найти истоки вопроса, а не отыскивать ответ на него во фразеологических русских словарях.

В Большом академическом словаре применение фразеологизма *хоть святых вон* неси (*выноси, уноси*) и т. п. характеризуется слишком широко: речь идет «о чем-либо непристойном, безобразном» (БАСРЯ 2009: 469). Синтаксические контексты употребления этого фразеологизма в общем однотипны, они встречаются в произведениях разных писателей. О поговорке *хоть святых вон уноси* как выражении почтения к иконам писал С. В. Максимов:

«...во многих местах завешиваются иконы во время пиршеств, пляски и других развлечений; нельзя сидеть в шапке, свистать: все это большой грех» (Максимов 1899: 443-444).

Суть этой поговорки состоит в древнем культовом убеждении, что почтение к иконе должно оберегать ее от созерцания всего непристойного, греховного или присутствия при неприличных событиях.

Для понимания той бытовой древнерусской основы, на которой сложилась древнерусская поговорка *«хоть святых вон выноси»* характерны замечания голландского дворянина (на которого и ссылается В. Бишицки), приезжавшего в 1675 г. в Москву в свите посольства К. фон-Кленка:

«Хотя русские и в брачной своей жизни и вне брака весьма нецеломудренны, они, тем не менее, очень суеверны. Совершая известный акт, они снимают крест, носимый ими на шее, и удаляют или завешивают на время иконы» (Русская старина 1893: 537).

Бишицки считает очень важным инструментарием переводчика немецкоязычные энциклопедии, относящиеся ко времени создания «Записок охотника», например «Ökonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats- Stadt- Haus- und Landwirtschaft» И. Г. Крюница (Krünitz), насчитывающую 242 тома. Она использует также немецкий словарь Якоба и Вильгельма Гримм, особенно при поиске правильного слова. Полезными для Веры Бишицки были 86 томов Словаря Брокгауза и Ефрона, из которых она черпала информацию о словоупотреблении исчезнувших русских реалий и понятий.

Как и П. Урбан, большую пользу для себя В. Бишицки извлекла также из чтения произведений Теодора Фонтане (Fontane), немецкого современника Тургенева, отыскивая в его текстах исчезнувшие понятия, слова и выражения. Например, в рассказах «Малиновая вода» и «Два помещика» к наказанию кнутом приговорены молодые крестьяне. Аналогичную ситуацию переводчица нашла в позднем романе Фонтане «Stechlin». Сопоставление сходных ситуаций способствует, по ее мнению, развитию чутья языка того времени (Bischitzky 2018: 573).

При передаче описаний природы Бишицки, по ее признанию, помог Курт Тухольский (Tucholsky, 1890-1935), немецкий сатирик, фельетонист и поэт. В своих пояснениях к переводу она особо останавливается на его поэтическом эссе «Mir fehlt ein Wort», в котором он признавался, что не может описать, что происходит с листьями березы, когда их колышет ветер. Тухольский перебирает несколько глаголов, в поисках передачи «их нервного движения» (Bischitzky 2018: 573-574).

Неисчерпаемым источником дополнительной информации для переводчицы стали письма Тургенева, в которых она находила иногда объяснение той или иной реалии. Так, в письме к Людвигу Пичу Тургенев рассказал, что следует понимать под словом-понятием «клин». Наконец, Вера выразила искреннюю благодарность российским литературоведам и тургеневодам за разъяснение некоторых проблем.

Эти признания Веры Бишицки проясняют ее метод работы и конкретные переводческие принципы. Однако хотелось бы выяснить, как в новом немецком переводе воспроизводятся реалии, которые составляют художественное своеобразие тургеневского текста. Переводчица справедливо обращает внимание на орфографию имен в русском языке, разнообразную и видоизменяющуюся в зависимости от ситуации. Для Бишицки существенны такие нюансы в написании имени, как *Михайло* или *Михайла*, *Федор* или *Федя*, полное или усеченное отчество: *Иван Матвеевич* или *Иван Матвееч*, *Захар Трофимович* или *Захар Трофимыч*, поскольку та или иная форма помогает выразить фамильярность, доверительность или, наоборот, официальное отношение к персонажу. С помощью транскрипции Бишицки передала некоторые русские понятия, например, обращения *Batjuschka* (кстати, Петер Урбан употребил менее удачное выраже-

ние *Väterchen*, прибегая к замене реалии иностранного языка на реалию переводящего языка), *Matuschka*, *Barin*, *Domowoi*. Вместе с тем переводчица дополнительно объяснила эти понятия в своих примечаниях (Bischitzky 2018: 576).

В. Бишицки приводит пример воспроизведения многозначной реалии из рассказа «Мой сосед Радиллов». Там говорится, что в Радилове нельзя было заметить никакой страсти, «ни к еде, ни к вину, ни к охоте, ни к курским соловьям, ни к голубям, страдающим падучей болезнью, ни к русской литературе, ни к иноходцам, ни к венгеркам, ни к карточной и бильярдной игре ...» и т. д. (Тургенев 1979: 54). Слово «венгерка» задает загадку, оно может обозначать как бальный танец (чардаш), так и женщину венгерской национальности, а также куртку — часть гусарской военной формы. Переводчица решила, что здесь имеется в виду куртка с нашитыми на груди поперечными шнурами, в немецком варианте «Husarenjascke». А в комментарии она упомянула остальные возможные значения (Bischitzky 2018: 595).

Иногда, натолкнувшись на какую-то характеристику, встречающуюся довольно редко, Бишицки ищет ответ в других рассказах охотника. Например, упоминание «улыбающейся собаки» в «Хоре и Калиныче» прояснилось благодаря замечанию автора в «Ермолае и мельничихе»: «Известно, что собаки имеют способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться» (Тургенев 1979: 20).

Размышляя о трудностях перевода, переводчица приводит еще один пример из рассказа «Бурмистр»:

«В так называемой холодной избе [...] уже возились [...] бабы; они выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одеревенелые тулупы, масляные горшки, люльку с кучей тряпок и пестрым ребенком, подметали банными вениками сор» (Тургенев 1979: 129).

В. Бишицки перевела приведенное выражение *пестрый ребенок* как *ребенок*, *завернутый в пестрые тряпки/лохмотья* — *in bunte Lappen gewickelt* (Bischitzky 2018: 192). Дословный перевод — *пестрый ребенок* (*buntes Kind*) оказался бы по-немецки довольно двусмысленным выражением. Вероятно, мог бы подойти и вариант *Flickendecke*, т. е. лоскутное одеяло.

В докладе «О новых переводах “Записок охотника” (2018) и “Первой любви” (2018) на немецкий язык» (пока неопубликовано)

ванном), с которым Бишицки выступила на международной конференции «И. С. Тургенев и русский мир» в Пушкинском Доме (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018), она рассказала, что «процесс проникновения в описанные ситуации», требует чего-то большего, чем «языковое понимание»:

«Нужно отдать месяцы, иногда годы жизни, чтобы погрузиться в мир автора и ознакомиться с историческими культурными и биографическими фактами. Практически это означает чтение бесчисленных первоисточников, писем или записей автора и его современников, походы в музей и в картинные галереи за жанровыми картинками, дающими представление о быте XIX века».

По признанию Веры Бишицки, иногда она с помощью живописи расшифровывает ту или иную реалию или жизненную ситуацию и погружается «в исчезнувшие обычаи, предметы или обстановки».

Переводчица привела еще несколько примеров: в рассказе «Хорь и Калиныч» говорится о *пасеке* Калиныча. Там же идет речь и о *поневах*. Так как в немецком языке такой одежды нет, «надо сначала понять, что такое понева, потом найти немецкий эквивалент (Trachtenröcke), который хотя бы приблизительно вызывает подобную ассоциацию в читателе, а потом уж объяснить в комментарии, что это такое». Петер Урбан употребил в этом случае транскрипцию *fanjova*. Бишицки и в докладе, и в развернутом комментарии к своему переводу пояснила, что «речь идет о непереводимом понятии». Имеется в виду пестрая юбка, одеваемая поверх обычной одежды замужними женщинами.

«К этой юбке относились также особенный головной убор и наплечный платок. В зависимости от местности (округа, уезда, деревни), достатка, количества детей и возраста обладательницы понёвы эти юбки имели различные узоры и цвета» (Bischitzky 2018: 584).

В. Бишицки назвала и конкретные живописные полотна, с помощью которых она «мысленно перемещалась в описываемый мир» Тургенева. Это в особенности «Крестьянские дети» К. Е. Маковского и «Рыбаки» Г. В. Сороки. «Мельник» И. Н. Крамского стал виртуальной иллюстрацией для рассказа «Ермолай и мельничиха», а «Полесовщик», полотно этого художника, прояснило для нее атмосферу рассказа «Бирюк».

3. Результаты исследования и их обсуждение

Что можно сказать о двух последних немецких переводах «Записок охотника»? Какие выводы можно сделать? Очевидно, что оба перевода отличаются добротностью и высоким филологическим уровнем; оба переводчика являются знатоками русской культуры. Тем не менее, интересно сравнить передачу сложных реалий тургеневского текста у Петера Урбана и Веры Бишицки на материале рассказа Тургенева «Хорь и Калиныч».

Многие реалии русского традиционного быта передаются в обоих случаях одинаково, через транскрипцию: *квас, самовар, кафтан, рубль, верста, десятина, барин*. Точно так же одинаково воспроизводится реалия *лапоть* через кальку *Bastschuhe* (Urban 2004: 11; Bischitzky 2018: 12), состоящую из двух частей — *лыко* и *обувь*. Однако Урбан, стремясь к воссозданию национального колорита чаще, чем В. Бишицки, прибегает к приемам транскрипции и функционального аналога. Например: *Die Hütten* (Urban 2004: 6) — *Häuser* (Bischitzky 2018: 6) для обозначения *избы*; *Telega* (Urban 2004: 8) — *Fuhrwerk* (Bischitzky 2018: 8); *Wagen* (Bischitzky 2018: 89); *die Lampadka* (Urban 2004: 8) — *das ewige Licht* (Bischitzky 2018: 10); *unsere Zakuska* (Urban 2004: 8) — *Imbiss* (Bischitzky 2018: 10).

Во всех этих случаях Урбан объяснял слова в примечаниях. Точно так же поступал и сам Тургенев, когда вместе с Л. Виардо переводил повести Гоголя на французский язык. Ему важно было сохранить исторический и бытовой колорит оригинала (Кафанова 2012: 214-230). Подобную же цель преследует и Урбан. В некоторых случаях вариант Веры Бишицки проигрывает, нивелируя колоритную стилистику подлинника; в ее переводе часто применяются гиперонимы: *Haus* (*дом*) вместо *избы* или *лачуги*; *Wagen* (*повозка*) вместо *телеги*; не очень уместная метафора *das ewige Licht* (*негасимый свет*) вместо *лампады*. С другой стороны, Урбан, наверное, напрасно прибегнул к транскрипции слова *закуска*, которое не выражает какую-то специфическую реалию и только затрудняет восприятие немецкоязычного читателя.

Встречаются и более сложные ситуации. Федя, сын Хоря, возмущается намерением родителя его женить: «На что мне жена? Лаяться с ней, что ли?» (Тургенев 1979: 13). Урбан образует неологизм, возвратный глагол *sich anbellen* от слова *anbellen* (лаять), который позволяет почти дословно воспроизвести коло-

ритную речь крестьянского парня: «Was soll ich mit einer Frau? *Mich mit ihr anbellern, ja?*» (Urban 2004: 16). В. Бишицки выбирает более приемлемый для немецкого языка фразеологизм: «Was soll ich mit einer Frau? *Damit wir uns in die Haare kriegen?*» (Bischitzky 2018: 17).

Урбан, пожалуй, более удачно передает на немецкий язык просторечное устаревшее наречие *одначе* (образованное от *однако*), которое любил употреблять Полутыкин; он «вместо *однако* говорил *одначе*» (Тургенев 1979: 8). По аналогии Урбан превратил наречие *jedoch* в *jendoch*, Ср.: «... pflegte statt *jedoch* zu sagen *jendoch*» (Urban 2004: 7). В. Бишицки выбрала наречие *freilich* (которое в первую очередь переводится как *конечно*, и лишь затем как *однако*: «... statt *freilich* sagte er *freili*» (Bischitzky 2018: 8).

Можно найти и еще примеры, в которых Урбан демонстрирует бóльшую точность по отношению к тургеневскому тексту. По-видимому, уместно будет воспользоваться терминологией Б. Д. Добровольского, который, анализируя другой перевод П. Урбана, назвал его переводческую стратегию «стратегией формы», которая выражается в стремлении быть максимально близким к «букве» оригинала и сопровождать сложные места детальным филологическим комментарием (Добровольский 2009). Нельзя сказать, что В. Бишицки не заботится о формальной точности, но вместе с тем в ее переводе гораздо более ощутима «стратегия смысла»; она стремится к максимально полному раскрытию «сложных мест» для немецкого читателя. По-видимому, ее перевод становится более легким для чтения и доступным немецким читателям еще и благодаря богатому культурологическому комментарию.

В анализируемом рассказе «Хорь и Калиныч» переводчица использует диалог рассказчика с Хорем о необходимости расширения грамотности среди крестьян, чтобы подробнее остановиться на этом вопросе в комментарии. Приводим фрагмент из текста Тургенева:

«Его познания были довольно, по-своему, обширны, но читать он не умел; Калиныч — умел. “Этому шалопаю грамота далась, — заметил Хорь [...]. — “А детей ты своих выучил грамоте?” Хорь помолчал. “Федя знает”. — “А другие?” — “Другие не знают”» (Тургенев 1979: 17).

Поясняя феномен «безграмотности» и отношение к нему русского писателя, переводчица в комментарии дополнительно процитировала письмо Тургенева от 4 сентября 1882 г. «Крестьянам села Спасского-Лутовинова»:

«Дошли до меня слухи, что с некоторых пор у вас гораздо меньше пьют вина; очень этому радуюсь и надеюсь, что вы и впредь будете от него воздерживаться: для крестьянина пьянство — первое разорение. Но жалею, что, тоже по слухам, ваши дети мало посещают школу. Помните, что в наше время безграмотный человек то же, что слепой или безрукий» (Тургенев 1968: 31; Bischitzky 2018: 585).

Еще один случай, давший переводчице повод для существенного расширения контекста «Записок охотника» в комментарии, мы находим в комментарии к рассказу «Мой сосед Радилов». В нем изображается интересный персонаж, Федор Михеич, имеющий довольно жалкий вид и занимающий в доме двусмысленное положение. По просьбе Радилова он ради развлечения гостя взял «дряньненькую скрипку» и «пустился в пляс», а затем ему накрыли обед отдельно на маленьком столике в углу, и он «начал есть, как акула» (Тургенев 1979: 54-55). Этот неопрятный старик, как выяснилось, в прошлом преуспевающий помещик, после своего разорения нашел кров и пищу в доме Радилова. Он не был назван *нахлебником*, но В. Бишицки сочла необходимым в обширном комментарии рассказать немецким читателям, что подразумевается под этим понятием (*Gnadenbrotempfänger*). «За помощью» она обратилась к произведению современника Тургенева, И. А. Гончарова. Во «Фрегате Паллада» он в своих «Заметках об англичанах и англичанках», сравнивая англичан с русскими, дает исчерпывающую характеристику «нахлебников»:

«А как удивится гость, приехавший на целый день к нашему барину, когда, просидев утро в гостиной и не увидев никого, кроме хозяина и хозяйки, вдруг видит за обедом целую ватагу каких-то старичков и старушек, которые нахлынут из задних комнат и занимают “привычные места”! Они смотрят робко, говорят мало, но кушают много. И Боже сохрани попрекнуть их “куском”! Они почтительны и к хозяевам и к гостям. Барин хватился своей табакерки в кармане, ищет глазами вокруг: один старичок побежал за ней, отыскал и принес. У барыни шаль спустилась с плеча; одна из старушек надела ее опять на плечо и тут же кстати поправила бантик на чепце. Спросишь, кто это такие? Про старушку скажут, что это одна “вдова”, пожалуй, назовут Настасьей Тихоновной, фамилию

она почти забыла, а другие и подавно: она не нужна ей больше. Прибавят только, что она бедная дворянка, что муж у ней был игрок или спился с кругу и ничего не оставил. Про старичка, какого-нибудь Кузьму Петровича, скажут, что у него было душ двадцать, что холера избавила его от большей части из них, что землю он отдает внаем за двести рублей, которые посылает сыну, а сам “живет в людях”» (Гончаров 1997: 65-66; Bischitzky 2018: 594-595).

Подобные разъяснения, которыми В. Бишицки сопровождает тургеневский текст, превращают ее перевод в источник самых разнообразных сведений о русской культуре.

4. Заключение

По-видимому, не стоит сводить предпринятый анализ к однозначной оценке, лучше или нет новый немецкий перевод «Записок охотника» по сравнению с предыдущим. В любом случае труд В. Бишицки востребован в сегодняшней Германии. Переводчица имеет очень высокое представление о миссии посредника между культурами, к которой сама стремится:

«Переводчик русского классического шедевра должен быть *polyhistor*, то есть энциклопедистом: одновременно и русистом, и германистом, и литературоведом, и этнологом, и лингвистом, и культурологом, и историком, и биологом, порою и медиком, конечно и психологом, даже актером или, по крайней мере, чтецом – если учесть представление готовой книги на творческих вечерах... Конечно, надо быть и литератором и поэтом. И — немаловажное качество — борцом, энтузиастом и идеалистом» (Бишицки 2018: 15).

Вряд ли перечисленные качества способен воплотить один человек, даже и очень талантливый. В этом смысле два немецких перевода «Записок охотника», появившиеся в течение пятнадцати лет, дополняют друг друга. Налицо проявление феномена синхронической переводной множественности, выражающейся в соревновании талантливых переводчиков и в конечном итоге — в обогащении немецкой культуры.

Список литературы / References

Бабкина Е. С., Стрелкова С. П. Особенности передачи русскоязычных реалий на немецкий язык (на материале рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника» и их переводов на немецкий язык) // Время науки. 2018. № 2. С. 40—49. [Babkina, Ekaterina S., & Strelkova, Svetlana P. (2018) Osobennosti peredachi russkojazychnykh realiy na ne-

- metskiy yazyk (na materiale rasskazov I. S. Turgeneva «Zapiski okhotnika» i ih perevodov na nemetskiy yazyk) (Features of the Transfer of Russian-language Realities into German (Based on the I. S. Turgenev's Stories "A Sportsman's Sketches" and their Translations into German). *Vremya nauki*, 2, 40—49. (In Russian)].
- БАСРЯ — *Большой академический словарь русского языка*. Т. 13. СПб.: Наука, 2009. [*Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* (A Large Academic Dictionary of the Russian Language). (2009) Vol. 13. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Бишицки В. «Считаю великим счастьем своей жизни, что я несколько приблизил свое отечество к восприятию европейской публикой». По поводу новых переводов «Записок охотника» (2018) и «Первой любви» (2018) на немецкий язык // И. С. Тургенев и русский мир. Материалы международной конференции к 200-летию писателя, 29-31 октября 2018 г. М.: У Никитских ворот, 2018. С. 15. [Bishicki, Vera. (2018) «Stchitayu velikim schast'yem svoey zhizni, chto ja neskol'ko priblizil svoyo otechestvo k vosprijatiyu evropeyskoy publikoy». Po povodu novykh perevodov «Zapisok okhotnika» (2018) i «Pervoy lyubvi» (2018) na nemetskiy yazyk. ("I consider it a great happiness of my life that I have somewhat brought my Fatherland closer to the perception of the European public". About new translations of "A Sportsman's Sketches" (2018) and "First love" (2018) into German. *I. S. Turgenev and the Russian world*. Proceedings of the International Conference for the 200th Anniversary of the Writer, October 29-31, 2018. Moscow: At the Nikitsky gate, 15. (In Russian)].
- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Изд. 4-е. М.: Р. Валент, 2009. [Vlahov, Sergej I., & Florin, Sider P. (2009) *Neperеводimoye v perevode*. (Untranslatable in Translation). 4th ed. Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Наука, 1997. [Goncharov, Ivan A. (1997) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t.* (The Complete Works and Letters in 20 vols.). Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Добровольский Б. Д. Лексические трудности перевода в лингвокультурном аспекте (на материале романа Кристи Вольф «Медея» и поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. М.: Московский гос. ун-т, 2009. [Dobrovolskiy, Boris D. (2009) *Leksicheskiye trudnosti perevoda v lingvokul'turnom aspekte (na materiale romana Kristy Volf «Medeya» i poemu Venedikta Erofeyeva «Moskva-Petushki»* (Lexical Difficulties of Translation in the Linguistic and Cultural Aspect (based on Krista Wolf's Novel "Medea" and Venedik Yerofeyev's poem "Moscow-Petushki"). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Кафанова О. Б. Тургенев — интерпретатор и переводчик Гоголя // И. С.

- Тургенев. Новые исследования и материалы. III. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 214—230. [Kafanova, Olga B. (2012) Turgenev — interpreter i perevodchik Gogolya (Turgenev — Gogol's Interpreter and Translator). In I. S. Turgenev. *Novye issledovaniya i materialy* (I. S. Turgenev. New research and materials). III. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Archeo, 214—230. (In Russian)].
- Максимов С. В. Крылатые слова. СПб: Изд. А. С. Суворина, 1899. [Maksimov, Sergej V. (1899) *Krylatye slova* (Winged Words). Saint Petersburg: A. S. Suvorin Publ. (In Russian)].
- Ожегов С. И. Словарь Русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд. 10-е, стереотип. М.: «Сов. Энциклопедия», 1973. [Ozhegov, Sergej I. (1973) *Slovar' Russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian Language). 10th ed. Moscow: Soviet encyclopedia. (In Russian)].
- Русская старина, 1893. Декабрь. [*Russkaya Starina*, 1893. *Dekabr'* (Russian antiquity, 1893. December). (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Сочинения в 15 т. Письма в 13 т. 1961-1968. Письма. Т. 13. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1968. [Turgenev, Ivan S. (1968) *Polnoye sobraniye sochineniy v 28 t. Sochineniya v 15 t. Pis'ma v 13 t.* (The Complete Works and Letters in 28 vols. Works in 15 vols. Letters in 13 vols.). *Pis'ma* (Letters). Vol. 13. Moscow: AN SSSR. (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Письма в 18 т. Сочинения. Т. 3. 1979. М.: Наука. [Turgenev, Ivan S. (1979) *Polnoe sobraniye sochineniy v 30 t. Sochineniya v 12 t. Pis'ma v 18 t.* (The Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 12 vols. Letters in 18 vols.). *Sochineniya* (Works). Vol. 3. Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Письма в 18 т. Сочинения. Т. 3. 2002. М.: Наука. [Turgenev, Ivan S. (2002) *Polnoe sobraniye sochineniy v 30 t. Sochineniya v 12 t. Pis'ma v 18 t.* (The Complete Works and Letters in 30 vols. Works in 12 vols. Letters in 18 vols.). *Pis'ma* (Letters). Vol. 13. Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. [Shveytser, Alexandr D. (1973) *Perevod i lingvistika* (Translation and Linguistics). Moscow, Voenizdat. (In Russian)].
- Bischitzky — Tourguéniev, Ivan. (2018) *Aufzeichnungen eines Jägers*. Neu übersetzt von Vera Bischitzky. München: Karl Hanser Verlag.
- Urban — Tourguéniev, Ivan. (2004) *Aufzeichnungen eines Jägers von Peter Urban*. Mit einem Nachwort von Peter Urban. Zürich: Manesse Verlag.

**A New German Translation
of *A Sportsman's Sketches* by I. S. Turgenev**

The article focuses on a new German translation of I. S. Turgenev's *A Sportsman's Sketches*. The research draws on the works on the theory of translation, particularly the problem of the untranslatable. The comparative analysis of translations performed by P. Urban (2004) and V. Bishitsky (2018) has shown that the latter aims at conveying the original meaning through translating and explaining complex realia to the German reader; while Urban chooses the form-focused strategy of translation, striving to be as close as possible to the "letter" of the original. In general, the two translations serve as a manifestation of the synchronous translation plurality, which enriched German culture through the competition of talented translators.

Key words: Translation; Bishitsky; meaning translation strategy; a form-focused strategy

Ю. С. Серягина
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

Немецкая литература на страницах региональной периодической печати Сибири и Юго-Западного края Российской империи на рубеже XIX-XX вв. занимает значимое место в общей картине переводческого восприятия инокультурной словесности. Исследование выполнено на основе выявленных в газетах Томска, Тобольска, Одессы и Киева переводов с немецкого языка, рецензий на постановки пьес немецких и австрийских авторов, критических и библиографических очерков. По результатам двух составленных библиографий переводов зарубежной литературы в газетах Томской, Херсонской и Киевской губерний установлено, что переводы с немецкого языка занимают второе место по количеству опубликованных произведений зарубежных авторов, что говорит о популярности немецкоязычной литературы и востребованности сюжетов.

Ключевые слова: переводная литература; региональная публицистика; Томская губерния; Киевская губерния; Херсонская губерния

1. Введение

Рубеж XIX-XX вв. для провинциальной прессы являлся периодом наиболее активного развития. Некоторые газеты придерживались направления столичных изданий, но при этом сохраняли локальный колорит и ориентацию на местного читателя. Исследователи отмечают, что в диалоге центральной и региональной прессы последняя сохраняла приверженность традициям и своеобразный культурный потенциал (Фирсова 2001: 56). Губернские издания выступали главным транслятором программы культурного развития регионов Российской империи. Этот процесс не был стихийным: «правительство ставило цель превращения субсидированных им газет в печатные органы целого края, ставя перед ними главную задачу увязывания инте-

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX-XX вв.: на материале периодики регионов Российской Империи».

ресов региона с кругом интересов центральной власти, ради достижения этой цели оно шло не только на значительные расходы, но и даже допускало частную инициативу», что сделало региональные издания «на определенном этапе, едва ли не интереснее своих конкурентов в столицах» (Блохин 2010: 10).

2. Характеристика материала и методов исследования

Исследование выполнено на основе публикаций, выявленных методом сплошной выборки, из крупнейших газет дореволюционного периода Томска, Тобольска, Одессы и Киева, а именно переводов с немецкого языка, рецензий на постановки пьес немецких и австрийских авторов, критических и библиографических очерков. Около 1000 публикаций рассмотрены комплексно, с применением библиографического, имагологического, историко-литературного, сравнительного и лингвокультурологического подходов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

К сегодняшнему дню проведена обширная работа по сбору и анализу материала, защищены несколько диссертаций по рецепции английских (Горенинцева 2006), французских (Родченко 2014) и немецких (Серягина 2018) литературных произведений, опубликованных в переводе на русский язык на страницах сибирских газет, и готовится к выходу научно-справочное издание, которое будет включать рубрицированный перечень переводных публикаций из других региональных периодических изданий. В Сибири самыми крупными и значимыми газетами, в которых находилось место для переводов из зарубежной литературы, являлись газеты Томска и Тобольска, которые сейчас легко доступны и удобны для исследования благодаря фондам оцифрованной периодики Научной библиотеки Томского государственного университета. По итогам просмотра более 15000 номеров крупнейших газет («Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирская газета», «Сибирский Листок» и др.) была составлена библиография, включающая около 1000 переводов с различных языков, среди которых 236 переводов с немецкого прозаических произведений и 30 переводов поэзии немецких и австрийских авторов.

Как отмечают некоторые исследователи периодики в отношении изданий Сибири, «самостоятельность мышления многих сибирских журналистов, особый подход к разработке тем <...>

позволяют считать газеты и журналы базой для развития литературного и литературно-критического процессов в Сибири», «областничество, действительно, являлось стержнем всей прессы Томска и Томской губернии» (Жилякова, Шевцов, Евдокимова 2015: 7). Главные идеологи сибирского областничества придерживались мнения, что диалог культур является неотъемлемым аспектом формирования региональной культурной идентичности и ведущую роль при этом играет локальная словесная культура, которая для обоснования Своего нуждается в обращении к Иному (Никонова 2019).

При комплексном рассмотрении сибирская рецепция немецкоязычной литературы в переводах, критических статьях и театральных обзорах обнаруживает ряд характерных черт. Очевиден интерес сибиряков к философским идеям современности, к женскому и еврейскому вопросу, к острым социальным и политическим темам, что обусловлено просветительскими, воспитательными целями областничества для формирования собственного оригинального культурного пространства. Особой популярностью пользовались произведения Ф. Ницше (Friedrich Nietzsche, 1844-1900), Т. Герцля (Theodor Herzl, 1860-1904) и М. Нордау (Max Nordau, 1849-1923), О. Блюменталя (Oscar Blumenthal, 1852-1917), Б. фон Зутнер (Bertha von Suttner, 1843-1914), М. фон Эбнер-Эшенбах (Marie Ebner von Eschenbach, 1830-1916).

В театральной рецепции немецкой литературы, помимо крупнейших немецких драматургов (Ф. Шиллера (Friedrich Schiller, 1759-1805), Г. Зудермана (Hermann Sudermann, 1857-1928), Г. Гауптмана (Gerhart Johann Robert Hauptmann, 1862-1946)), оригинальную критическую оценку получают местные и центральные постановки современных пьес М. Дрейера (Max Dreyer, 1862-1946), Л. Фульды (Ludwig Fulda, 1862-1938), О. Эрнста (Otto Ernst, 1862-1926), Р. Фосса (Richard Voß, 1851-1918), А. Шницлера (Arthur Schnitzler, 1862-1931), Г. Бара (Hermann Bahr, 1863-1934). Тематика постановок этой плеяды современных драматургов характеризуется общими мотивами университетской и школьной жизни, воспитания, отображением разных профессий, женского вопроса и т. д. Таким образом творчество немецких драматургов сыграло важную роль в истории сибирского театра, а также в реализации социокультурной программы по формированию нравственных и эстетических

идеалов активно развивающегося региона.

Среди переводов поэтических произведений лидером являлся немецкий романтик Генрих Гейне (Heinrich Heine, 1797-1856): из 60 переводов — 20 посвящены его произведениям. Примечательно, что среди этих публикаций обнаруживаются 3 подражания творчеству немецкого автора, которые представляют собой собственные стихотворения сибирских авторов с характерными мотивами из Гейне, и 3 псевдоперевода, то есть стихотворения с заголовком «Из Генриха Гейне», которые в действительности являются самостоятельными произведениями сибирских авторов. Ретроспективное обращение к романтизму подтверждается также рядом переводов из Николауса Ленау (Nickolaus Lenau, 1802-1850) и Новалиса (Novalis, 1772-1801), выполненных сибирскими авторами.

Переводная литература на страницах местных газет выступает хорошим моделирующим инструментом. Для сибирской литературной рецепции характерно целенаправленное неприятие тенденций модернизма и декадентства. В Сибири модернизм не игнорировался, но переиначивался в соответствии с просветительскими задачами, ориентацией на высокие образцы русской литературы, с формированием собственного художественного метода и представления о литературе и философии современности. Так, например, Ницше представлен в сибирских газетах как бедный философ, Гейне — страдающий романтик. Интересны также опубликованные в «Сибирской жизни» обратные переводы местного поэта И. Северного стихотворений М. Ю. Лермонтова «Hinaus» и «Kleine Betrachtungen», которые входят в полное собрание сочинений только в немецком варианте Ф. Боденштедта.

В Москве и Петербурге в это время происходит подъем переводной литературы, которая использовалась в том числе для оттачивания собственного метода и не имела имагологической функции, а являлась маркером активно развивающейся литературной культуры. Переводы создавались для формирования художественного метода, а не для воображаемого читателя, важнее был сам переводчик и его манера перевода.

В качестве материала для исследования периодики Юго-Западного края были выбраны четыре крупных газеты: «Одесские новости» (1884-1920), «Южное обозрение» (1896-1906), «Киевская мысль» (1906-1918) и «Киевлянин» (1898-1919). В общей

сложности было просмотрено около 17500 номеров данных газет и обнаружено 1880 переводов зарубежной литературы, 563 из которых — с немецкого. По количеству переводов немецкий язык находится на втором месте после французского языка.

Из местных переводчиков немецкой прозы выделяется К. Воинов, опубликовавший в «Южном обозрении» с 1900 по 1902 г. Какую-либо биографическую информацию о нем найти не удалось. Под его авторством в одесской газете публикуются 87 переводов с немецкого, большинство из которых представляют собой переводческие циклы: 42 перевода из «Phantasie- und Lebensbilder» Давида Гека (1854-?), 10 — из «Nachdenkliche Geschichten» О. Блюменталю и др. К. Воинов публикует также 13 переводов с французского языка, 11 с польского, 2 с английского и 1 с венгерского. Следует отметить, что в газете также обнаруживается множество его собственных произведений из циклов «Миниатюры», «Иррациональные рассказы», «Недосказанные рассказы», «Сказки жизни», «Нравоучительные рассказы», «Прелюдии», «Вещи и люди», что говорит о его активной и плодотворной литературной деятельности. Очевидно, что К. Воинова более всего привлекает философская, назидательная тематика. Его произведения, как переводные, так и собственные, чаще всего представляют собой короткие рассказы-притчи и публикуются в рубрике «Маленький фельетон». Подобный формат произведений выбирает и переводчик с подписью «Эм». В «Южном обозрении» публикуются 39 переводов, в том числе переводческие циклы из М. фон Эбнер-Эшенбах и Мультиатули (Multatuli, Eduard Douwes Dekker, 1820-1887).

Другой переводчик, подписывающийся криптонимом «Э», напротив, переводил объемные романы, публикуемые частями, на протяжении нескольких выпусков газеты. С немецкого языка он перевел для «Южного обозрения» 22 произведения, в том числе, например, «Наследственность» М. фон Эбнер-Эшенбах («Южное обозрение» 1903: № 2330, 2331, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2347), «Мертвые молчат» А. Шницлера («Южное обозрение» 1902: № 1880, 1881, 1884), «Индусская быль» («Южное обозрение» 1902: № 1770, 1771, 1772, 1773, 1775, 1777, 1778, 1781, 1782) и «Панна» («Южное обозрение» 1903: № 2205, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2213, 2214, 2215, 2216, 2218) М. Нордау.

Однако больше всего произведений переведены им с фран-

цузского языка (58) и с английского (57, что составляет половину всех найденных переводов с английского языка), а также 22 перевода с итальянского, шведского, испанского, румынского и финского языков.

Людвиг Стефан Яр также переводит с немецкого объемные прозаические произведения (42 перевода, в том числе из Г. Товоте (Heinz Tovote, 1864-1946), М. Нордау), однако авторство большинства его переводов не указано.

Как переводчик поэзии на общем фоне выделяется Андрей Владимиров. На страницах «Одесский новостей» с 1885 по 1894 год обнаруживаются 17 его переводов, 12 из которых с заглавием «Из Гейне», а также 5 переводов с французского языка, из Альфреда Мюссе (Alfred de Musset, 1810-1857), Армана Сильвестра (Armand Silvestre, 1837-1901) и Шарля Бодлера (Charles Pierre Baudelaire, 1821-1867). Особый интерес вызывает выбор А. Владимировым стихотворений Г. Гейне для перевода:

«6 стихотворений посвящены теме смерти, 5 — несчастной любви и одно ироническое стихотворение <...>. Практически все стихотворения взяты из сборника «Книга песен», куда вошли ранние стихотворения Гейне, написанные в 1817-1826 гг. Переводчика привлекают романтические мотивы страдания лирического героя, поиска утешения в природе» (Серягина 2019: 99).

Оригиналы двух стихотворений не удалось обнаружить в собраниях сочинений Г. Гейне. Можно предположить, что они написаны самим Владимировым под влиянием творчества немецкого романтика. Первое стихотворение обладает характерной для Гейне иронической составляющей:

В обществе

— Modemoiselle' — поэт больной,
Прошу я милости единой —
Прилечь усталой головой
на вашей груди лебединой!
— Monsieur, я дерзости такой
Не ожидала здесь, в гостиной!
(«Одесские новости» 1892, № 2163)

Второе стихотворение раскрывает излюбленную Владимировым тему смерти возлюбленной:

Из Гейне

Только потухло очей твоих милых сиянье —

Мрак мою душу окутал густой.
Бездна скользит под ногами...
Погасла звезда упования...
Ночь беспросветная! я поглощаюсь тобой...
(«Одесские новости» 1892, № 2229)

Вероятно, данное стихотворение написано под влиянием двух выполненных им ранее переводов из Гейне. Ср.:

Altes Lied

Du bist gestorben und weißt es nicht,
Erlöschen ist dein Augenlicht,
Erblichen ist dein rothes Mündchen,
Und du bist todt, mein todtes Kindchen.

In einer schaurigen Sommernacht
Hab' ich dich selber zu Grabe gebracht;
Klaglieder die Nachtigallen sangen,
Die Sterne sind mit zur Leiche gegangen.

Der Zug, der zog den Wald vorbei,
Dort wiederhallt die Litaney;
Die Tannen, in Trauermänteln ver-
mummet,
Sie haben Todtengebete gebrummet.

Am Weidensee vorüber ging's,
Die Elfen tanzten inmitten des Ring's;
Sie blieben plötzlich stehn und schienen
Uns anzuschauen mit Beileidsmienen.

Und als wir kamen zu deinem Grab,
Da stieg der Mond vom Himmel herab.
Er hielt eine Rede. Ein Schluchzen und
Stöhnen,
Und in der Ferne die Glocken tönen
(Heine 1972: 82)

Ich hab' im Traum' geweinet,
Mir träumte du lägest im Grab'.
Ich wachte auf und die Thräne
Floß noch von der Wange herab.

Из Гейне

Старая песня

Ты умерла, сама того не зная;
Где блеск очей твоих и красота?
Ты умерла, малютка дорогая,
И побледнели алые уста.

И ночью я понес тебя к могиле;
И соловьи рыдали над тобой,
И звезды на тебя лучи сводили,
За гробом пляли тесною толпой.

И в лес вступил кортеж твой по-
гребальный,
И панихида прозвучала там,
И даже сосны в мантиях печаль-
ных
Молились за малютку небесам.

И на кладбище около могилы
Блеснули слезы из моих очей.
С разбитым сердцем начал я уныло
Речь говорить над крошкой мой-
ей...

(«Одесские новости» 1892,
№ 2169)

Из Гейне

Я плакал во сне неутешно:
В гробу мне малютка приснилась.
Проснулся — по бледным лани-
там

Ich hab' im Traum' geweinet,
Mir träumt' du verliebest mich.
Ich wachte auf, und ich weinte
Noch lange bitterlich.

Слеза за слезою катилась.
Я плакал во сне неутешно:
Тобою покинут я — снилось.
Проснулся — и долго, и долго
Слеза за слезою катилась.

Ich hab' im Traum' geweinet,
Mir träumte du wärest mir noch gut.
Ich wachte auf, und noch immer
Strömt meine Thränenfluth.
(Heine 1972: 46)

Я плакал во сне неутешно:
Ты вновь меня любишь —
приснилось.
Проснулся — и вновь по ланитам
Слеза за слезою катилась.
(«Одесские новости» 1892,
№ 2222)

В газете «Одесские новости» к творчеству Г. Гейне обращались также переводчики «Зингер», С. Плаксин, Влад. Чацкий, «Сириус», «Евгений Онегин». Прозаические переводы из немецкоязычных писателей в данной газете по большей части подписаны криптонимами, что затрудняет атрибуцию авторов.

В «Киевлянине» прозаические переводы с немецкого публикуются совсем без указания переводчика. Среди немецкой поэзии обнаруживаются переводы из Г. Гейне, подписанные «П. П.» и «Paul Viola», из Э. Гейбеля (Franz Emanuel August Geibel, 1815-1884) в переводе Н. Глокке и «Северянина», и из Ф. Вебера (Friedrich Wilhelm Weber, 1813-1894) и Ю. Розенберга, также авторства Н. Глокке.

В газете «Киевская мысль» печатается один перевод из Гейне Саши Черного, один перевод Екатерины Бунге, которая переводит для газеты также с итальянского и французского, а также 6 переводов с подписью «А. Р.» и 2 перевода под криптонимом «Б. Н.».

Рецепция Генриха Гейне на страницах крупных газет Киева и Одессы не ограничивается переводами его стихотворений. Творчество Гейне переосмысливается и предстает в виде самостоятельных произведений местных авторов, являясь источником вдохновения, помещается в качестве эпиграфов и отмечается в литературных статьях как эталон поэтического мастерства.

Интересным примером творческого усвоения наследия Г. Гейне также является произведение автора с псевдонимом «Евгений Онегин», которое публикуется в № 4059 «Одесских новостей» за 1897 г. под названием «Кюальницкие мотивы (как буд-

то из Гейне)». Со свойственной творчеству Гейне сатирой автор высмеивает городскую управу, которая не справляется со своей работой. Произведение состоит из трех частей, первая, скорее всего, апеллирует к лирическому стихотворению «Im wunderschönen Monat Mai» (Buch der Lieder, Lyrisches Intermezzo), но повествует не о влюбившемся юноше, а о необходимости открытия павильона для оркестра в мае, о чем управа донесла думе только в августе. Вторая часть первыми тремя четверостишиями подражает известному стихотворению Гейне «Und wüßten's die Blumen, die kleinen» (“Buch der Lieder, Lyrisches Intermezzo“), что очевидно по первым строкам. Третья часть, вероятно, создана на мотив стихотворения «Warum sind denn die Rosen so blaß», каждое четверостишие которого также начинается с вопросительного слова *Warum*. Примечательно, что данное стихотворение также относится к циклу «Лирическое интермеццо» и в сборнике следует сразу за стихотворением «Und wüßten's die Blumen, die kleinen». Художественный метод Гейне местный автор использует для собственных целей. Сатирический тон произведения и политические мотивы обуславливают использование автором псевдонима (Серягина 2019: 101).

Таким образом, среди поэтических произведений, привлекавших внимание региональных авторов и переводчиков, абсолютным лидером является Генрих Гейне. Из 141 перевода зарубежной поэзии 50 переводов выполнены с немецкого языка, 30 из которых из Гейне, 4 из Н. Ленау, 4 из Э. Гейбеля, 3 из Г. Э. Лессинга (Gotthold Ephraim Lessing; 1729-1781), 2 из Р. М. Рильке (Rainer Maria Rilke, 1875-1926), и по 1 переводу из И. В. Гете (Johann Wolfgang von Goethe, 1749-1832), Л. Уланда (Ludwig Uhland, 1787-1862) и др.

Современная немецкая и австрийская проза в несколько раз чаще представлена на страницах одесских и киевских газет. Из немецких авторов наибольшей популярностью в обзорах, критических статьях и переводах пользуются О. Блюменталь, Э. фон Вильденбрух (Ernst von Wildenbruch, 1845-1909), Г. Товоте, Г. Зудерман, Ф. Ницше, М. Нордау, П. Гейзе (Paul von Heyse, 1830-1914). Австрийские писатели и драматурги А. Шницлер и Г. Бар активно ставятся на сцене и обсуждаются, в газетах печатаются переводы их рассказов, рецензии и библиографические статьи. Театральные постановки по произведениям немецких авторов

также очень популярны: активно ставятся и обзореваются острые, злободневные пьесы Т. Герцля и М. Нордау, наряду, конечно, с Ф. Шиллером, Г. Зудерманом, Г. Гауптманом. По количеству постановок немецкоязычные произведения конкурируют только с итальянской оперой.

Примечателен также живой интерес в киевской и одесской периодике к женской прозе и женскому вопросу в целом. В газетах активно публикуются произведения современных немецких писательниц Г. Ройтер (Gabriele Reuter, 1859-1941), К. Фибих (Clara Viebig, 1860-1952), И. Фрапан (Ilse Frapan, 1849-1908), а также австрийских: М. фон Эбнер-Эшенбах и Б. фон Зутнер. Такой интерес связан с актуальностью женского вопроса в тот период и развитием феминизма и женской прозы в общем. В Сибири были менее склонны к приятию такого образа, трансформируя его в сторону традиционного для русской литературы образа страдающей, сильной женщины, духовно и морально возвышенного образца. В изданиях Юго-Западного края все же больше произведений авторов-женщин, итальянских веристов и итальянской женской поэзии и прозы, которая радикально ставит вопросы о положении женщины в современном меняющемся социуме.

Лидером по количеству переводов из немецкой литературы является газета «Киевлянин». В просмотренных 6863 номерах было обнаружено 2148 публикаций с переводами 524 произведений зарубежной литературы, 183 из которых принадлежат немецким и австрийским автором. Для опубликованных произведений менее характерны лирические и любовные мотивы и тема преступности, которые были популярны в Сибири, вместе с идеями Ч. Ломброзо, что обусловлено, вероятно, спецификой сибирского региона (Никонова 2018б). В газетах Юго-Западного края более очевиден активный диалог культур. Близость к Европе значительно облегчает доступ к новинкам современной литературы, в газетах печатаются интервью от собственных корреспондентов с популярнейшими драматургами и писателями современности (Симон 1899а, 1899б; Суконников 1897а, 1897б, 1897в).

4. Заключение

Таким образом, мы обнаруживаем некоторые отличия в рецепции зарубежной литературы в дореволюционных региональных газетах. В Сибири прослеживается общая университет-

ская идея, просветительский и гуманистический колониализм областников. В Киеве публикации обусловлены во многом языковой политикой и антирусскими настроениями, там переводят и ставят на сцене скорее то, что популярно и актуально. Переводная литература иногда служит способом избежать прямого авторства. Эти тенденции важны для понимания различных и общих начал для развития переводной литературы в моменты подъема национальной литературы. И немецкая литература является, несомненно, важной частью этого важного процесса.

Примечательно, что при обращении к газетам других регионов не было обнаружено такого большого количества публикаций о зарубежной литературе. Лидерами по публикациям являются все же газеты Юго-Западного края, в остальных газетах мы часто обнаруживаем ориентацию не на центральные издания, а перепечатки из одесских газет. В газетах Дальнего Востока переводная литература практически не представлена, что обусловлено другими имагологическими целями и задачами региона, близостью границ с Японией и Китаем.

Следует отметить также низкий процент перепечаток переводов с немецкого языка в газетах Юго-Западного региона Российской империи. Так в «Южном обозрении» перепечатки переводов немецкоязычной литературы из других газет составляют только 6% (17 публикаций из 264), в сравнении, например, с французской — 11%, и польской литературой — 32%. В изданиях Херсонской и Киевской губерний, так же как и в Сибири, немецкая литература на втором месте по популярности, после французской. На третьем месте польская литература (Никонова 2018а).

Среди поэзии переводы с немецкого занимают первое место, во много благодаря популярности Г. Гейне. В одесском театре постановки немецких и австрийских драматургов уступают только крайне популярной итальянской опере, а по количеству упоминаний в критических, литературных и библиографических статьях немецкоязычные авторы занимают второе место после французов. Переводы с немецкого языка составляют почти треть от общего количества переводов, местные авторы охотно обращаются к творчеству немецких и австрийских писателей и поэтов, используют их произведения для формирования собственного художественного метода.

Список литературы / References

- Блохин В. Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX — начало XX в. Автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2011. [Blohin, Valeriy F. (2011) *Stanovleniye i razvitiye gubernskoy periodicheskoy pechati v Rossii: vtoraya tret' XIX — nachalo XX v.* (The Formation and Development of the Provincial Periodical Press in Russia: the Second Third of the 19th — Beginning of 20th Century). Extended abstract of advanced PhD thesis in Philology. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Горенинцева В. Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX — начала XX вв. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск: Томский гос. ун-т, 2009. [Gorenintseva, Valentina N. (2009) *Receptsiya angliyskoy i amerikanskoy literatury v tomskoy periodike kontsa XIX — nachala XX vv.* (The Reception of English and American Literature in the Tomsk Periodicals of the late 19th — early 20th Century). PhD thesis in Philology. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Жилякова Н. В., Шевцов В. В., Евдокимова Е. В. Периодическая печать Томской губернии (1857-1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск: Томский гос. ун-т, 2015. [Zhilyakova, Natalia V.; Shevtsov, Vyacheslav V., & Yevdokimova, Yelena V. (2015) *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857-1916): stanovleniye zhurnalistiki i formirovaniye regional'nogo samosoznaniya* (The Periodical Press of the Tomsk Province (1857-1916): the Origin of Journalism and the Formation of Regional Identity) Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Из Генриха Гейне // Одесские новости. 1892. № 2163. С. 2. [Iz Genrikha Gejne (From Heinrich Heine). (1892). *Odesskiye novosti* (Odessa News), 2163, 2. (In Russian)].
- Из Гейне. Старая песня // Одесские новости. 1892. № 2169. С. 2. [Iz Gejne (From Heine). (1892) *Staraya pesnya* (The Old Song). *Odesskiye novosti* (Odessa News), 2169, 2. (In Russian)].
- Из Гейне // Одесские новости. 1892. № 2222. С. 2. [Iz Gejne (From Heine). (1892) *Odesskiye novosti* (Odessa News), 2222, 2. (In Russian)].
- Из Гейне // Одесские новости. 1892. № 2229. С. 2. [Iz Gejne (From Heine). (1892) *Odesskiye novosti* (Odessa News), 2229, 2. (In Russian)].
- Нордау М. Индусская быль // Южное обозрение. 1902. № 1770, 1771, 1772, 1773, 1775, 1777, 1778, 1781, 1782. [Nordau, Max (1902) *Indusskaya byl'* (Hindu Story). *Yuzhnoye obozreniye* (The Southern Review), 1770, 1771, 1772, 1773, 1775, 1777, 1778, 1781, 1782. (In Russian)].
- Никонова Н. Е. Польская литература на страницах периодики Сибири

- 1880-1910-х годов // Сибирский филологический журнал. 2018а. № 1. С. 119—133. [Nikonova, Nataliya Ye. (2018a) *Pol'skaya literatura na stranitsakh periodiki Sibiri 1880-1910-h godov* (Polish Literature on the Pages of Siberian Periodicals of the 1880-1910s). *The Siberian Journal of Philology*, 1, 119—133. (In Russian)].
- Никонова Н. Е., Вишнякова Е. А., Баракина Е. А., Чертоква В. В. Переводы итальянской литературы в периодике Сибири. Томск: Томский гос. ун-т, 2018б. [Nikonova, Nataliya E.; Vishnyakova, Yekaterina A.; Barakina, Yelena A., & Chertokva, Viktoria V. (2018b) *Perevody ital'yanskoy literatury v periodike Sibiri* (Translations of the Italian Literature in the Periodicals of Siberia). Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Никонова Н. Е. Переводная литература в региональной дореволюционной периодике Российской империи как имагологический инструмент: на материале изданий Томской и Киевской губерний // Немецкий язык в современном мире: исследования статуса и корпуса и вопросы методики преподавания: материалы II Международного научного форума (18-19 сентября 2019 г.). Томск: Томский гос. ун-т, 2019. С. 69—80. [Nikonova, Nataliya Ye. (2019) *Perevodnaya literatura v regional'noy dorevolutsionnoy periodike Rossiyskoy imperii kak imagologicheskii instrument: na materiale izdaniy Tomskoy i Kiyevskoy guberniy* (Translation Literature in the Regional Pre-Revolutionary Periodicals of the Russian Empire as an Imagological Tool: Based on the Materials of Tomsk and Kiev Provinces). In *Nemetskiy yazyk v sovremennom mire: issledovaniya statusa i korpusa i voprosy metodiki prepodavaniya: materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* (German in the Modern World: Studies of the Status and Corpus, and Issues of Teaching Methods: Materials of the 2nd International Scientific Forum). Tomsk: Tomsk State University, 69—80. (In Russian)].
- Нордау М. Панна (рассказ с немецкого) // Южное обозрение. 1903. № 2205, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2213, 2214, 2215, 2216, 2218. [Nordau, Max. (1903) *Panna* (rasskaz s nemetskogo) (Panna (a Story from German)). *Yuzhnoye obozreniye* (The Southern Review), 2205, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2213, 2214, 2215, 2216, 2218. (In Russian)].
- Родченко Ю. И. Французская литература в томской периодике конца XIX — начала XX в. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск: Томский гос. ун-т, 2014. [Rodchenko, Yulia I. (2014) *Frantsuzskaya literatura v tomskoy periodike kontsa XIX — nachala XX v.* (French literature in the Tomsk periodicals of the late 19th — early 20th century). PhD thesis in Philology. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].
- Серягина Ю. С. Немецкая литература в сибирской периодике рубежа XIX — XX вв.: критика, переводы, театральные рецензии. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск: Томский гос. ун-т, 2018. [Seryagina, Yulia S. (2018) *Nemetskaya literatura v sibirskoy periodike rubezha XIX — XX vv.: kritika, perevody, teatral'nye retsenzii* (German Literature in the Siberian Pe-

riodicals of the Turn of the 19th — 20th Century: Criticism, Translations, Theater Reviews). PhD thesis in Philology. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian)].

- Серягина Ю. С.* Г. Гейне в региональной периодике Российской империи рубежа XIX — XX вв. // Немецкий язык в современном мире: исследования статуса и корпуса и вопросы методики преподавания. Материалы II Международного научного форума (18-19 сентября 2019 г.). Томск: Томский гос. ун-т, 2019. С. 97—106. [Seryagina, Yulia S. (2019) G. Geyne v regional'noy periodike Rossiyskoy imperii rubezha XIX-XX vv. (Heine in the regional periodicals of the Russian Empire at the turn of the XIX — XX centuries.). In *Nemetskiy yazyk v sovremennom mire: issledovaniya statusa i korpusa i voprosy metodiki prepodavaniya: materialy II Mezhduнародного научного форума* (German in the Modern World: Studies of the Status and Corpus, and Issues of Teaching Methods: Materials of the 2nd International Scientific Forum). Tomsk: Tomsk State University, 97—106. (In Russian)].
- Симон В.* У Марка Твена (от нашего венского корреспондента) // Одесские новости. 1899а. № 4561. С. 2. [Simon, V. (1899a) U Marka Twena (ot nashogo venskogo korrespondenta) (Visiting Mark Twain (From our Vienna Correspondent)). *Odesskiye novosti* (Odessa News), 4561, 2. (In Russian)].
- Симон В.* У Теодора Герцля (по поводу сионизма) // Одесские новости. 1899б. № 4736. С. 1. [Simon, V. (1899b) U Teodora Gercl'ya (po povodu sionizma) (Visiting Theodor Herzl (Regarding Zionism)). *Odesskiye novosti* (Odessa News), 4736, 1. (In Russian)].
- Суконников М.* Мои интервью. 1. У Германа Зудермана // Южное обозрение. 1897а. № 313. С. 2. [Sukonnikov, M. (1897a) Moi interv'yū. 1. U Germana Zudermana (My Interviews. 1. Visiting Hermann Suderman). *Yuzhnoye obozreniye* (The Southern Review), 313, 2. (In Russian)].
- Суконников М.* Мои интервью. 2. У Герхардта Гауптмана // Южное обозрение. 1897б. № 324. С. 2. [Sukonnikov, M. (1897b) Moi interv'yū. 2. U Gerhardta Gaupmana (My Interviews. 2. Visiting Gerhardt Hauptmann). *Yuzhnoye obozreniye* (The Southern Review), 324, 2. (In Russian)].
- Суконников М.* Мои интервью. 3. У Эрнста фон Вильденбруха // Южное обозрение. 1897в. № 363. С. 2. [Sukonnikov, M. (1897c) Moi interv'yū. 3. U Ernsta fon Vil'denbrukha (My Interviews. 3. Visiting Ernst von Wildenbruch). *Yuzhnoye obozreniye* (The Southern Review), 363, 2. (In Russian)].
- Фирсова Е. Б.* Серебряный век и российская провинция: культурная жизнь Пензенской губернии начала XX века // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 51—59. [Firsova, Yelena B. (2001) Serebryany vek i rossiyskaya provintsiya: kul'turnaya zhizn' Penzenskoy gubernii nachala XX veka (The Silver Age and the Russian Province: the

Cultural Life of the Penza Province at the Beginning of the 20th Century). *The New Historical Bulletin*, 3 (5), 51—59. (In Russian)].

Шницлер А. Мертвые молчат (с немецкого) // Южное обозрение. 1902. № 1880, 1881, 1884. [Schnitzler, Arthur. (1902) *Mertvye molchat* (s nemetskogo) (Dead are silent (from German)). *Yuzhnoye obozreniye* (The Southern Review), 1880, 1881, 1884. (In Russian)].

Эбнер-Эшенбах М. Наследственность (с немецкого) // Южное обозрение. 1903. № 2330, 2331, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2347. [Ebner-Eschenbach, Maria von. (1903) *Nasledstvennost'* (s nemetskogo) (Heredity (from German)). *Yuzhnoye obozreniye* (The Southern Review), 2330, 2331, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2347. (In Russian)].

Heine, Heinrich. (1972) *Werke in fünf Bänden. Erster Band. Gedichte*. Weimar: Aufbau-Verlag Berlin und Weimar.

Yulia S. Seriagina
National Research Tomsk State University

German Literature in the Local Periodicals of the Russian Empire before 1917

German literature on the pages of the regional periodical press of Siberia and the South-Western Territory of the Russian Empire at the turn of the 19th — 20th century occupies a significant place in the overall picture of the translation perception of foreign literature. The study was based on translations from the German language found in the newspapers of Tomsk, Tobolsk, Odessa and Kiev, reviews of plays written by German and Austrian authors, and critical and bibliographical essays. According to the results of two compiled bibliographies of translations of foreign literature in the newspapers of the Tomsk, Kherson and Kiev provinces, German translations occupy the second place in the number of published works, which indicates the popularity of German-language literature.

Key words: Translated literature; regional periodicals; Tomsk province; Kiev province; Kherson province

Г. П. Смирнова

Нижегородский государственный лингвистический университет

«МЕЖА ЯЗЫКОВ»: МНОГОЯЗЫЧИЕ В ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Многоязычие как отличительный феномен полилингвальных литератур изучается в германистике на примере транскультурной немецкоязычной литературы (современной литературы немецкоязычных мигрантов) и определяется ее главным, конститутивным признаком. Многоязычие проявляется на различных уровнях литературного текста (фонетическом, морфологическом, лексическом, повествовательном и т. д.) и способствует эстетизации межкультурной словесности. В основу исследований положены теоретические представления С. Холла о гибридности культур в эпоху глобализации, о продуктивности «третьего пространства» Х. Баба, возникающего на границе контактирующих культур, о литературном поле П. Бурдьё. Задолго до современных теоретиков мультикультурализма положительный потенциал диалога культур фиксирует М. Бахтин. В теоретических работах 1930-1940-х гг. о теории и истории романного жанра М. Бахтин впервые вводит в исследовательский контекст металингвистическую категорию многоязычия («межа языков») и определяет ее главным фактором в развитии романного (прозаического) слова. Эвристически значимые, категориально связанные с многоязычием понятия, открытые М. Бахтиным («разноязычие» («гетероглоссия» в современной «нарратологической» интерпретации); «гибридные конструкции»; «стилистический гибрид»; другие), интегрированы в современные исследования транскультурных литературных практик. Цель исследования ориентирована на изучение возможных репрезентативных форм многоязычия в транскультурной немецкоязычной литературе. Эмпирическое исследование проведено на материале романа «Die Brücke vom Goldenen Horn» (1998) немецкой писательницы турецкого происхождения Э. С. Эздамар. Особое внимание уделяется интеграции многоязычных цитат, представленных в романе без перевода. В указанном ракурсе творчество Э. С. Эздамар анализируется впервые. Делается вывод о продуктивном стилистическом и имагологическом потенциале литературного многоязычия.

Ключевые слова: многоязычие; разноязычие (гетероглоссия); транскультурная немецкоязычная литература; Михаил Бахтин; Эмине Севги Эздамар; «Die Brücke vom Goldenen Horn»

1. Введение

Современная транскультурная немецкоязычная литература (нем.: *die transkulturelle deutschsprachige Literatur*) (Esselborn, 1997;

Esselborn, 2009) (в традиционном определении — *немецкоязычная литература мигрантов*) представляет собой новый художественно-литературный жанр (*субжанр* в различных интерпретациях) и объединяет писателей-мигрантов, избравших языком социализации и литературного творчества немецкий язык, не являющийся для авторов родным. Предметные исследования изначально «псевдолитературного» направления в западной германистике начались в 1990-е гг. благодаря возникшему в международном дискурсе интересу к миграции, мультикультурности и постколониальной литературе. В условиях современного «глобального этнопространства» (*global ethnoscape*) (Appadurai 1990) межкультурная словесность немецкоязычных мигрантов изучается наряду с произведениями мировой мультикультурной (транскультурной) литературы (постколониальные культуры и литературы США, Великобритании, Канады, Франции).

Многоязычие определяется сущностным, конститутивным признаком немецкоязычной транскультурной литературы, который проявляется на различных уровнях литературного произведения (фонетическом, морфологическом, лексическом, жанровом, сюжетном, повествовательном и т. д.) в сочетании (гибридном смешении) элементов нескольких естественных языков (часто первого (родного) языка литераторов–мигрантов) и культур с литературным (немецким) языком этих авторов, что создает особый «креативный» потенциал современной немецкоязычной поликультурной словесности (Bürger-Koftis, Schweiger, & Vlasta 2010: 14, 18). Многоязычие и гибридность, как следует из вышесказанного, трактуются как синонимичные, однако не тождественные понятия; в современных исследованиях термины используются как взаимодополняющие.

2. Характеристика материала и методов исследования

Система теоретических опор в изучении литературной транслингвальности многопланова и учитывает концепцию П. Бурдьё об автономном и гетерономном литературном поле и литераторах-мигрантах как его непосредственных актантах; теоретические представления С. Холла о гибридных культурах и особых человеческих идентичностях, «продуктах» взаимосвязанных и взаимопроникающих друг в друга историй и культур и их дифференциальных признаков, возникающих в условиях глобализации (Hall 1994: 218); культурологические гипотезы Х. Баба

о продуктивном «третьем пространстве», территории формирования «Я» и его (гибридной) идентичности со свойственными ей многогранными процессами развития и преобразования, генерирующими дальнейшие изменения (Bhabha 2000: 2).

Положительный потенциал «диалога смыслов» «своей» и «чужой» культур, преодолевающих в процессе межкультурного взаимодействия «замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» (Бахтин 1996, VI: 457), задолго до современных исследователей фиксирует М. Бахтин. В теоретических работах 1930-1940-х гг. о теории и истории романного жанра М. Бахтин впервые вводит в контекст своих научных размышлений металингвистическую категорию «многоязычия» («межа языков») и определяет ее (исследуя наряду с типологией смехового образа) в качестве важнейшей предпосылки в становлении романного (прозаического) слова (Бахтин 1996, V: 534).

Продуктивность «активного многоязычия» в прозаическом тексте романа М. Бахтин характеризует следующим образом:

«Для многоязычного сознания язык вообще приобретает новое качество, становится чем-то другим, чем он был для глухого одноязычного сознания» (Бахтин 1996, V: 157).

«Активное многоязычие и способность глядеть на свой язык ...глазами других языков», по мысли философа, обеспечивают сознанию исключительную свободу «по отношению к языку», а «язык делают чрезвычайно пластичным даже в его формально-грамматической структуре» (Бахтин 1996, IV (1): 494).

В литературном (прозаическом) произведении многоязычие проявляется через комбинацию различных стилевых «регистров» внутри одного национального языка, когда утрачиваются «разделения высокого и низкого, запретного и дозволенного, священного и профанного в языке» (Ibid.). Многоязычие «в строгом смысле» предполагает наличие структур, выходящих «за пределы национального языка», что, с точки зрения философа, происходит в романе крайне редко и является исключением. Оба вида «подлинного активного многоязычия» обуславливают становление романного (прозаического) слова, являются его «необходимой предпосылкой» (Бахтин 1996, V: 157).

«Межа языков» определяется М. Бахтиным как некий «рубеж», точка «напряженной взаимоориентации и борьбы» язы-

ков, когда в языках (остро) «ощущаются грани времен, культур и социальных групп», например, в историческую эпоху смены языков, а также в смешанных культурах, где языки, культуры и народы непосредственно соприкасаются и смешиваются (греческая, осская, латинская культуры и языки античных «южных италийцев») (Бахтин 1996, IV (1): 494-495). Указанное привносит (момент) глубокого критицизма в жизнь языка, позволяет «творящему» «литературно-языковому» сознанию «выйти» за пределы своего глубинного («упорного и скрытого») языкового (одноязычного) догматизма (Ibid.: 495-496), создает на «меже языков» литературно-художественные образы «поистине божественной дерзости и бесстыдства» (Ibid.: 496), свойственные атмосфере античного смехового искусства, или средневековой эпохе (XVI в.) Франсуа Рабле с исключительно вольным и беспощадно веселым радикализмом его творчества, обеспеченным многоязычным языковым сознанием, не возможным в системе «одного единого и единственного языка» (Ibid.: 495).

Эвристически значимые открытия научной прозы М. Бахтина и относящаяся к ним терминология (наряду с многоязычием он открывает категориально связанные с многоязычием понятия: «разноязычие» [Бахтин 1996, IV (2): 613] (термин-предтеча, один из аспектов многоязычия, определяемый М. Бахтиным как «чужая речь на чужом языке» [Бахтин 1996, V: 534], «гетероглоссия» в современной «нарратологической» дефиниции), «гибридные конструкции» [Бахтин 1996, V: 138]; «стилистический гибрид» [Бахтин 1996, V: 157]) интегрированы в современные теоретические контексты, используются в исследованиях транслингвальности (Virus 2013).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Продуктивность культурного и языкового «контакта», отмеченная М. Бахтиным и современными исследователями, находит продолжение в творческих биографиях литераторов-мигрантов, обладающих знаниями и представлениями о нескольких лингвокультурных традициях. «Многофакторная» идентичность («mehrfache Identität» [Vertlib 2007]) авторов-мигрантов формируется сочетанием (взаимоналожением) нескольких естественных языков в языковом сознании писателей-мигрантов. «Происходит скрещение двух языковых мировоззрений» (Бахтин 1996, IV (2): 624), которое проявляется в мно-

гоязычных «сегментах» их литературного творчества.

Вопрос литературоведческого (теоретического) анализа форм и функций литературного многоязычия остается во многом открытым. Известные западные классификации, учитывающие способы интеграции иноязычных сегментов в немецкоязычное литературное произведение (Skiba 2010) или рассматривающие разную интенсивность использования иноязычных цитат с точки зрения их эвидентных и латентных конфронтаций (И. Амодео) (Smirnova & Zhiganova 2020), могут быть дополнены дальнейшими эмпирическими исследованиями межкультурной (немецкоязычной) словесности, обеспечивающими надежный и интересный фактографический материал.

Так, интеграция метаартефактных лингвистических соединений формата *Denglish* и *Dinglish* (грамматически более «упорядоченного», чем *Denglish*), упоминаемая в типологической системе Д. Скиба, актуализируется вариантами аналогичного использования вводимых без перевода, однако (контекстуально) доступных для понимания иноязычных вкраплений на французском, турецком, испанском, греческом, других языках, представленных в отдельных литературных произведениях совокупно.

Таковы многокомпонентные многоязычные структуры, приводимые в автобиографическом романе «Die Brücke vom Goldenen Horn» (1998) немецкой писательницы турецкого происхождения Э. С. Эздамар (Emine Sevgi Özdamar; p. 1946).

В основу сюжета романа положена история семнадцатилетней турчанки, приехавшей из Стамбула в Германию, Западный Берлин, с первыми потоками трудовых мигрантов в 1960-е гг. и начавшей трудовую деятельность в качестве сборщицы радиоламп на известном немецком концерне Telefunken (образ — возможный двойник Э. Эздамар, прошедшей в Германии путь от трудовой мигрантки (также сборщицы радиоламп) 1960-х до европейски известной писательницы, актрисы, режиссера, автора премиальных текстов).

В главе «Der plötzliche Regen kam wie Tausende von leuchtenden Nadeln herunter» героиня отправляется в Париж, чтобы по совету подруги-гречанки поступить в театральную школу и исполнить таким образом свою давнюю детскую мечту.

Среди новых знакомых девушки в Париже — испанский студент Джорди (Jordi), сын известного профессора математики.

Вместе герои едут в Версаль и оказываются в роскошном зале перед множеством зеркал (Зеркальная галерея?), в которые каждый день смотрелась последняя Королева Франции Мария-Антуанетта.

Зеркало — частый объект и молчаливый «субъект-собеседник» задействованных персонажей литературных произведений Э. Эздамар («Der Hof im Spiegel» (2001), трилогия «Sonne auf halbem Weg» (2006) и др.) — трактуется в исследованиях метафорой «третьего пространства» Х. Баба, символом «преодоленного шпагата» (Spagat) между культурами и мирами, местом зарождающейся позитивной межкультурной саморефлексии персонажей (Baumann 2010: 245-246).

Объединяющее межкультурное начало свойственно диалогу турчанки и испанца перед зеркалами Версаля; фраза представлена посредством многоязычного (франко-англо-турецкого) языкового гибрида:

- (1) *Sie sah dort (im Spiegel — T. C.) ein ganzes Mädchen und einen halben Mann, der vor ihr kniete. Der halbe Mann sagte im Spiegel: „Mon amour.“ Dann sagte er: „What is mon amour in Türkisch?“ Sie sagte zum Spiegel: „Sevgilim“. „Sevgilim, Sevgilim, Sevgilim“, sagte der halbe Mann.¹*

Несложная иноязычная лексика диалога, акустически освоенная большинством современных лингвокультур («Mon amour»), не нарушает повествовательную архитектуру текста; уточняющий вопрос на английском «What is mon amour in Türkisch» предвяряет понимание иноязычного (турецкого) сегмента («Sevgilim»).

Принцип использования (чаще англоязычных) дополнительных фраз-сигналов, анонсирующих переключение языкового кода и ввод иноязычных цитат — распространенный художественный прием литераторов-мигрантов при встраивании иноязычных реплик. В романе Э. Эздамар он реализуется и средствами немецкого языка при вводе иноязычного (испанского) сегмента в последующем фрагменте текста:

- (2) *Der Junge legte wieder eine Platte auf, spanische Männer sangen Liebeslieder als Chor. Draußen regnete es, und der Regen schlug an die Fenster, aber drinnen*

¹ Özdamar, Emine Sevgi. (2006) Die Brücke vom Goldenen Horn. In *Sonne auf halbem Weg: Die Istanbul — Berlin — Trilogie*. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 578.

*sangen Männer, und das Mädchen hörte ihnen mehr zu als dem Regen. Der Junge ging in die Knie, und während alle die Männer nach Liebe riefen, sang er mit: „Que bella rosa“ und umarmte die Beine des Mädchens.*²

Очевидно, что фраза, обобщающие содержание песни о любви («während alle die Männer nach Liebe riefen») и общая лингвокультурная освоенность нескольких иноязычных компонентов приводимого фрагмента («bella», «rosa»), достаточны для пояснения смысла испанского выражения («Que bella rosa»), остающегося без перевода.

Вместе с тем, английский по-прежнему воспринимается важным языковым скрепом, обеспечивающим многоязычную коммуникацию современных плюрилингвальных сообществ. Так, по-английски оформлен зачин большинства диалогов главы:

(3) *Der Junge sagte: „I am from Spain“. Das Mädchen sagte: „I am türkisch“.*³

*Ich fragte: „Have you brother?“ — „Yes, five brother, and my father ist great Mathematikprofessor in Spain“.*⁴

Очевидная аграмматичность приводимых многоязычных (англо-немецких) высказываний, смешение во фразах английских и немецких слов отражает сразу несколько тенденций в эволюционных трансформациях нормативного (литературного) английского в современной парадигме World Englishes. С одной стороны, безусловна гегемония глобального английского в иерархии современных языков (крайние формы преобладания английского в глобализованном мире характеризуются языковедами термином «языковой геноцид» («linguicide») (Phillipson) (Кирилина 2015: 78); вместе с тем, несомненны признаки распада «правильного» английского на вариативные металингвистические феномены, проявляющиеся, к примеру, в Denglish и Dinglish, или многочисленных вариациях Foreigner Talk, обслуживающих, по мнению ряда ученых, новую глобальную идентичность (Кирилина 2011: 40).

В романе имманентное присутствие (глобального) английского в жизни героини как отражение его глобальных свойств проявляется во внезапно, «ниоткуда» возникающих в ее подсо-

² Ibid.: 573.

³ Ibid.: 568.

⁴ Ibid.: 569.

знании словах на английском, которые «доносятся» подобно застоялым запахам старого комода:

- (4) ...aber ich fand in meinem Kopf ein englisches Wort, das ich schon lange vergessen hatte, das Wort kam plötzlich wie ein Geruch aus einer Truhe, die zu lange geschlossen war: „Wait“.⁵

И все-таки английский — не единственно возможный «агент» современного транскультурного диалога. Иные механизмы задействованы в случае использования вербальных или невербальных фактур, понимание которых обусловлено их прецедентностью.

Подобным языком в романе Э. Эздмар виртуозно владеет испанец Джорди. Отсутствующий навык англо-испано-французского говорения главной героини (турчанка приезжает в Париж с единственным заученным французским «паролем», адресом знакомого подруги-гречанки: «Métro die Haltestelle Cité Universitaire» [Özdamar 2006: 561]; знает несколько обиходных фраз по-французски («pardon Madame, pardon Monsieur» [Ibid.: 562], плохо («little bit») [Ibid.: 577] говорит по-английски и не понимает испанского) студент «нивелирует» экспрессией и информативностью прецедентных текстов (ПТ), природная диалогичность которых во многом обеспечивает успех коммуникации.

Джорди декламирует на французском стихотворение турецкого поэта Назыма Хикмета («Der Junge ... las ein Gedicht in Französisch. Er sagte: Nazim Hikmet, great Socialist Poet Türk» [Ibid.: 568]) — героине известно лишь имя знаменитого соотечественника, не его творчество («Ich hatte nur den Namen gehört») (Ibid.) — и предлагает послушать музыкальное переложение поэмы Хикмета (на французском) в исполнении Ива Монтана («Yves Montand sings a poem of Nazim Hikmet») (Ibid.). Далее следует запись «Болеро» Равеля («Ravels „Bolero“») (Ibid.: 569), испанские ритмы которого завораживают турчанку, она воспринимает музыку «оптически», слушает, «всматриваясь» в мелодию «глазами» (бессловесная, алогичная фактура музыки — безусловная «соучастница» транскультурного диалога героев; в главе «задействовано» несколько музыкальных «композиций») («Sie hörte sich die Musik an, aber nicht mit ihren Ohren, sondern mit ihren Augen») (Ibid.: 569). Наконец, студент рассказывает тур-

⁵ Ibid.: 570.

чанке о соотечественнике-поэте Гарсиа Лорке («...dann erzählte er von einem spanischen Dichter, Lorca») (Ibid.: 571), убитого военными совсем молодым, но успевшим написать много стихотворений, и декламирует на испанском стихотворение поэта («Hei Luna, Luna, Lunada» [Ibid.]).

Словесный иноязычный компонент приведенных фрагментов минимален. Так, в тексте называются нехарактерные для немецкого языка турецкие, французские, испанские имена — Nazim Hikmet, Yves Montand, Lorca, музыкальное произведение («Bolego»), приводится фрагмент песни на французском Ива Монтана «Tue s comme un Scorpion frère», при этом Джорди переводит турчанке понравившееся ей слово «frère»: «Frère like brother» (Ibid.: 568) и строку из декламируемого Джорди по-испански стихотворения Лорки («Hei Luna, Luna, Lunada») с последующим кратким пояснением героине: «Luna heißt Mond. Zigeuner nahmen den Mond, zerschnitten ihn und machten daraus Ohrringe» (Ibid.: 571). С позиций прецедентности речь идет о наименее метафоричных ПТ, представленных в тексте через «заглавие или цитату, или имя персонажа, или имя автора» (Караулов 1987: 225). С точки зрения многоязычия в этом случае принято говорить о «латентном (фоновом) присутствии любого другого языка в немецкоязычном тексте», вступающего в диалог с его (текстовым) доминантным (немецким) языком, например, при использовании автором не свойственных немецкой лингвокультуре иностранных имен, топографических обозначений и т. д. (Amodeo 1996: 121; Cornejo 2010: 351; Smirnova & Zhiganova 2020). Потенциал латентного многоязычия значим для художественных стратегий многих литераторов-мигрантов и часто используется в немецкоязычной транскультурной литературе вопреки недостаточной репрезентативности «формата» (интересные примеры можно обнаружить в творчестве Й. Тавада) (Smirnova & Zhiganova 2020).

Контрастом к латентной «звучит» эвидентная многоязычная часть главы, представленная лирическим монологом — признанием вдохновенного испанца (к слову, женатого; вопрошающий взгляд юной супруги Джорди, находящейся в Англии, устремлен с фотографии на турчанку), переданным французским оригиналом знаменитого стихотворения Ш. Бодлера «Приглашение к путешествию» («L'Invitation au Voyage»), ожидаемого во

французских «декорациях» сюжета.

- (5) *Mon enfant, ma soeu,
Songe à la douceur
D'aller là-bas vivre ensemble!* [...].⁶

Поэтический текст Бодлера приводится без сокращений и перевода (очевидный авторский знак сокровенной неприкосновенности оригинала), стихотворение выделено графически (курсивом), авторство Бодлера указывается в затекстовых сносках романа. Все это — элементы интертекстуальности с точки зрения современной нарратологии.

Ряд последующих семантически сопоставимых невербальных ПТ, наделенных разной степенью метафоричности — Эйфелева башня, сверкающими огнями отражающаяся в окнах машины, на которой пара совершает прогулку по ночному Парижу («am Autofenster blinzelte der Eiffelturm») [Özdamar 2006: 571], Елисейские поля («Champs Élysées») [Ibid.: 564], живописный Монмартр («Montmartre») [Ibid.: 566], багеты («ihre langen Brote; die Baguettes») [Ibid.: 571-572], Версаль («Versailles») [Ibid.: 577] — парадная «витрина» Парижа, а также бордели и кафе, единственно сохраняющие признаки жизни в величественном городе-музее («Die ganze Stadt war ein großes Museum, nur die Cafés waren lebendig wie Bordelle») (Ibid.: 579), дополняют непреходящее эстетическое воздействие Парижа на героев и читателей их истории.

Несложно заметить, что многие из названных иноязычных (французских) компонентов (а также других в главе) приведены в аутентичном написании, их фрагментарная ассимиляция к немецкому реализуется, например, через артиклевые формы («die Guillotine», «die Baguettes»). Подобное сохранение автором-мигрантом аутентичных (национальных) элементов в немецкоязычном литературном произведении воспринимается не как экзотическая декорация, способствующая эстетизации жанра; это явление становится приметой современного «межкультурного модерна» («Interkulturelle Moderne») (Skiba 2010: 329), обусловливая и одновременно питая его.

4. Выводы

Межкультурная многоязычная словесность писателей-мигрантов объединяет различные этнические и культурные ис-

⁶ Ibid.: 580.

токи, образуя естественный многоязычный, многонациональный субстрат современных транслингвальных культур.

Сочетания многоязычных элементов *нескольких* языков и культур в литературных произведениях современных авторов-мигрантов разнообразны и не являются исключительными (единственными в своем роде). Каждый автор выбирает собственную «многоязычную» эстетику, максимально соответствующую ее (его) индивидуальным художественным представлениям и принципам. Вместе с тем, многоязычие (и его вариативные гибридные «проявления») — частый признак сочинений авторов-мигрантов, «усиливающий» творческий потенциал литературного произведения, — ориентирован на реализацию, в том числе, посреднической «миссии» писателей-мигрантов в процессах транснационализации.

Способы интеграции иноязычных элементов в немецкоязычной транскультурной литературе различны; иноязычные «вставки» могут использоваться в тексте в неизменном, неадаптированном к немецкому языку виде (без перевода, с сохранением аутентичного написания).

В романе «Die Brücke vom goldenen Horn» Э. Эздамар очевидный интерес представляют *многокомпонентные многоязычные сочетания-гибриды, вводимые автором без перевода*. Их понимание обеспечивается рядом индивидуальных авторских художественных стратегий Э. Эздамар: использованием (акустически) освоенной в большинстве современных лингвокультур несложной иноязычной лексики; включением предваряющих переключение языковых переходов фраз-«сигналов» (не только на английском, но также немецком, доминантном языке литературного произведения); вводом английских языковых фраз-скреп, обеспечивающих многоязычную коммуникацию; вовлечением потенциала вербальных и невербальных прецедентных фактур, обеспечивающих смысловую коммуникацию.

Имагологический потенциал используемых иноязычных компонентов не вызывает сомнений; «философия» использования литераторами-мигрантами многоаспектного потенциала многоязычия определяет успешность диалога культур, поддерживает тезис о «коммуницируемости» литературы.

Список литературы / References

- Бахтин М. М.* «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.); Материалы к книге о Рабле (1930-1950-е гг.); комментарии и приложения // Собрание сочинений в 7 т. Т. 4/1. М.: Русское слово, 1996. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) "Fransua Rable v istorii realizma" (1940 g.); Materialy k knige o Rable (1930-1950-e gg.); Kommentarii i prilozheniya ("François Rabelais in the History of Realism" (1940s); Working Notes on the Book about Rabelais (1930-1950s); Commentary and Appendices). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 4/1 (Collected Works in 7 vols. Vol. 4/1). Moscow: Russkoye slovo, 1996. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965 г.); Рабле и Гоголь (искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970 гг.); комментарии и приложение // Собрание сочинений в 7 т. Т. 4/2. М.: Русское слово, 1996. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennsansa* (1965 g.); *Rable i Gogol (iskusstvo slova i narodnaya smekhovaya kul'tura)* (1940, 1970 gg.); komentarii i prilozheniya (Works of Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and Renaissance (1965); *Rabelais and Gogol (Art of Speech and Folk Laughter Culture)* (1940, 1970); Commentary and Appendix). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 4/2 (Collected Works in 7 vols. Vol. 4/2). Moscow: Russkoye slovo, 1996. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* К стилистике романа // Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русское слово, 1996. С. 138—140. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) *K stilistike romana* [On the Stylistics of the Novel]. In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 5. *Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* (Collected Works in 7 vols. Vol. 5. Works of 1940s — early 1960s). Moscow: Russkoye slovo, 138—140. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Многоязычие как предпосылка развития романного слова // Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русское слово, 1996. С. 157—158. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) *Mnogoyazychiye kak predposylka razvitiya romannogo slova* (Multilingualism as a Prerequisite for the Development of the Novel Word). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 5. *Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* [Collected Works in 7 vols. Vol. 5. Works of 1940s — early 1960s]. Moscow: Russkoye slovo, 157—158. (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского». М.: Русское слово, 1996. С. 451—457. [Bakhtin, Mikhail M. (1996) *Otvet na vopros redaktsii "Novogo mira"* (Response to the Question from the *Novy Mir* Editorial Staff). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 6 "Problemy poetiki Dostoevskogo" (Collected Works in 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's Poetics). Moscow: Russkoye slovo, 1996, 451—457. (In Russian)].

- Карaulов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yury N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: Nauka, 1987. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Контакт языков в немецком языковом пространстве // Вестник Московского института лингвистики. 2011. № 2. С. 36—45. [Kirilina, Alla V. (2011) Kontakt yazykov v nemetskom yazykovom prostranstve (Language Contacts in the German Language Space). *Bulletin of Moscow Institute of Linguistics*, 2, 36—45. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 77—89. Kirilina, Alla V. (2015) Skhodstva v razvitii kommunikativno moshchnykh evropeyskikh yazykov v epokhu globalzatsii (Similarities in the Development of Communicatively Powerful European Languages in the Age of Globalization). *Journal of Psycholinguistics*, 2 (24), 77—89. (In Russian)].
- Amodeo, Immacolata. (1996) *„Die Heimat heißt Babylon“*. Zur Literatur ausländischer Autoren in der Bundesrepublik Deutschland. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Appadurai, Aijun. (1990) Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Public Culture*, 2 (2), 1—24.
- Baumann, Beate. (2010) „Ich drehte meine Zunge ins Deutsche, und plötzlich war ich glücklich“. Sprachbewusstheit und Neuinszenierungen des Themas Sprache in den Texten Emine Sevgi Özdamars. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 225—250.
- Bhabha, Homi K. (2000) *Die Verortung der Kultur*. Tübingen: Stauffenburg.
- Birus, Hendrik. Jenseits von Identität vs. Alterität: Goethes «West-östlicher Divan» als hybride Poesie // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. X. Гетерогенность и гибридность как предмет изучения в германистике. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 24—33. [Birus, Hendrik. (2013) Jenseits von Identität vs. Alterität: Goethes «West-östlicher Divan» als hybride Poesie. In Bakshi, Natal'ya A., Babenko, Nataliya S. (eds) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov*. Т. 10. Geterogennost' i gibridnost' kak predmet izucheniya v germanistike (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 10. Heterogeneity and Hybridity as a Subject of Study in Germanic Philology). Moscow: LRC Publishing House, 24—33. (In German)].
- Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra (2010). Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 11—20).
- Cornejo, Renata. 2010. Dialogizität und kreativer Umgang mit der

- (Fremd)Sprache im lyrischen Schaffen von Jiří Gruša. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 349—366.
- Esselborn, Karl. (1997) Eine deutsche Literatur — AutorInnen nicht-deutscher Muttersprache. *Deutsch als Fremdsprache*, 46, 326—340.
- Esselborn, Karl. (2009) Neue Zugänge zur inter/transkulturellen deutschsprachigen Literatur. In Schmitz, Heinz-Günter. (ed.) *Von der nationalen zur internationalen Literatur. Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration*. Amsterdamer Beiträge zur Neueren Germanistik, vol. 69. Amsterdam; New York: Rodopi, 43—58.
doi: https://doi.org/10.1163/9789042028777_004
- Hall, Stuart. (1994) *Rassismus und kulturelle Identität*. Hamburg: Argument Verlag.
- Skiba, Dirk. (2010) Formen literarischer Mehrsprachigkeit in der Migrationsliteratur. In Bürger-Koftis, Michaela; Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 323—334.
- Smirnova, Tatyana P. & Zhiganova, A.V. (2020) Multilingualism in Contemporary Translingual German-Language Literature: Forms And Functions. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (being published).
- Vertlib, Vladimir. (2007) *Spiegel im fremden Wort*. Dresden: Tehlem Verlag.

Tatyana P. Smirnova
Nizhny Novgorod State Linguistics University

Linguistic Borders: Multilingualism in Transcultural German-language Literature

Multilingualism as a distinctive phenomenon of polylingual literatures is explored in Germanic studies being exemplified by transcultural German-language literature (the contemporary literature of German-language migrants) and is considered its major constituent feature. Multilingualism reveals itself at the different levels of a literary text (phonetic, morphological, lexical, narrative, etc.) and contributes to the aestheticization of cross-cultural literature.

The basis of research on literary multilingualism is formed by S. Hall's theoretical ideas about the hybrid cultures of the era of globalization, H. Bhabha's theory of the productivity of "the third space" that appears on the border of contacting cultures, and P. Bourdieu's concept of an autonomous and heterogeneous literary field.

Long before the contemporary theorists of multiculturalism, the positive potential of the dialogue of cultures was pointed out by M. Bakhtin. In the theo-

retical works of 1930-1940s on the theory and history of the novel as a genre, M. Bakhtin for the first time introduced the metalinguistic category of multilingualism into the research context (linguistic borders/boundaries) and considered it the main factor in the development of the novel (prose) word. Heuristically significant concepts, categorically connected with multilingualism and discovered by M. Bakhtin (“varied-speechedness” (heteroglossia), “hybrid constructions”, “a stylistic hybrid”, etc.), are integrated into the contemporary studies of transcultural lingual literary practices.

This study is aimed at examining the possible representative forms of multilingualism in transcultural German-language literature. The empirical analysis is based on the material of the novel *Die Brücke vom Goldenen Horn* (1998) by German writer of Turkish descent E. S. Özdamar. Special attention is paid to the integration of multilingual quotations that are given in the novel without translation. The creative activity of this writer is analyzed from such a perspective for the first time. The research findings point to the productive stylistic and imagological potential of literary multilingualism.

Key words: multilingualism, “varied-speechedness” (heteroglossia), transcultural German-language literature; Mikhail Bakhtin; Emine Sevgi Özdamar; “The Bridge of the Golden Horn”

В ОТРАЖЕНИЯХ ДВУХ ДИСКУРСОВ: СМИ И «ВЫСОКАЯ ЛИТЕРАТУРА» О ПЕТЕРЕ ХАНДКЕ

В статье исследуется реакция СМИ на присуждение Нобелевской премии по литературе в 2019 г. австрийскому писателю Петеру Хандке (р. 1942). На примерах выявляются некоторые практики, к которым прибегают авторы и редакторы публикаций, конструируя «образ писателя» (через выбор ракурсов и контекстов, отбор материала, способы цитирования) и обнаруживая при этом стремление воздействовать на читателя прежде всего эмоционально, склонить к «справедливому» (о)суждению. Впрочем, после того как описанная стратегия мгновенно вышла на максимумы эмоционального накала из-за «благодарственной речи» Саши Станишича на Франкфуртский книжной ярмарке, в публикациях авторитетных немецких изданий заметен интонационный сдвиг в сторону аналитичности, большей эмоциональной отстраненности. Действительно «противоположные» подходы к восприятию и репрезентации личности и творчества Петера Хандке представлены на материале эссеистики немецкоязычного писателя и литературоведа В. Г. Зебальда (1944-2001). Еще в 1980-е гг. он написал три текста — о «Страхе вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970) (Sebald 1994b), «Медленном возвращении домой» (1979) (Sebald 1994a) и о «Повторении» (1986) (Sebald 1995b). В центре «литературной вселенной» Хандке В. Г. Зебальд тогда уже увидел «нарушенную коммуникацию» (Sebald 1994b: 117), которая, оставаясь одной из главных тем писателя на протяжении всего творчества, во многом определяет его писательский стиль; и, как явствует из первой части статьи, воздействует также на его реальность.

Ключевые слова: современная немецкоязычная литература; современная литература Австрии; нарушенная коммуникация; языковой скептицизм; Нобелевская премия по литературе; Петер Хандке; В. Г. Зебальд

1. Введение

10 декабря 2019 г. в Стокгольме присужденную ему Нобелевскую премию по литературе принял из рук короля Швеции Карла XVI Густава австрийский писатель Петер Хандке (р. 1942) — «несмотря на протест Албании, Косово и Турции», как передало тогда же информационное агентство Regnum. Иными словами, событие сопровождалось скандалом международного масштаба. Впрочем, в последние годы почти каждое объявление

лауреата Нобелевской премии в области литературы связано со скандалом. Так что, особенностью ситуации, связанной с присуждением Нобелевской премии Петеру Хандке, нам представляется не скандал как таковой, и даже не международный его масштаб (что вообще-то бывает нечасто), а скорее, тот комплекс проблем, которые были вынесены им на поверхность из глубин «коллективного бессознательного», и тем самым предложены к осознанию.

2. Характеристика материала и методов исследования

В центре проблем — «полное взаимонепонимание». Иными словами, та самая «нарушенная коммуникация» («verhinderte Kommunikation» [Sebald 1994b: 117]), которую В. Г. Зебальд обнаруживает в центре творчества Хандке, начиная со знаменитого «Страха вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970) (Хандке 1980: 21-97), на самых разных уровнях. Недостаточность и неточность словесного выражения, ошибки и искажения интерпретации происходящего или сказанного, которые принимаются за новые точки отсчета в последующих актах коммуникации, тем самым в геометрической прогрессии умножая непонимание и лавинообразно наращивая число коммуникативных цепочек, транслирующих глупость или ложь.

Изъяны коммуникации неизбежны, убеждается неизменно сам Хандке в процессе «становления писателем»: и между людьми («Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» [Хандке 1980: 21-97]), и между человеком и социумом («Нет желаний — нет счастья» [Хандке 1980: 229-279]), человеком и природой («Медленное возвращение домой» [Handke 1979]). Но действительно всеобъемлющих масштабов непонимание достигает тогда, когда за ретрансляцию «фактов» и «мнений» принимаются СМИ, проявляя поспешность, некомпетентность, тенденциозность. Так, по его мнению, было при освещении войны на Балканах в 1990-е гг., при интерпретации многих событий и эпизодов его собственной жизни как знаменитого писателя, его высказываний. Противостоять этому едва ли возможно, но, если вдруг и удастся, то под силу подобное только писателю — при условии личного знакомства с фактами и обстоятельствами («Зимнее путешествие...» [Handke 1996a]), через сосредоточенную кропотливую работу по выбору верных и точных слов («Повторение» [Handke 1986]).

3. СМИ vs «Высокая литература»

В неизбежном информационном хаосе (по Хандке, едва ли не повсеместном) два обсуждаемых дискурса — СМИ (с их ориентацией на оперативность и «горячие» темы) и «высокая литературы» (в идеале нацеленная на неспешную, тонкую, работу со смыслом и словом) — действуют по-разному. И их реакция на писателя и человека Петера Хандке, его литературный труд, мировоззренческую позицию и соответствующие поступки также различна. «Образ действий» СМИ далее представляет реакция авторитетных немецких изданий («Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Spiegel», «Der Freitag») на присуждение Хандке Нобелевской премии в октябре 2019 г., а от имени «высокой литературы» высказывается немецкий писатель и литературовед В. Г. Зебальд (1944-2001). В 1980-х и 1990 г. он посвятил Петеру Хандке несколько эссе (Sebald 1994c; 1994в; 1995b), в которых проанализировал тонкие нюансы отношений писателя со словом, отметил «поразительную осмотрительность и точность» (Sebald 1995b: 178) в выборе слов и причислил некоторые пассажи к «самым прекрасным текстам немецкоязычной литературы последних десятилетий» (Sebald 1995b: 171).

Присуждение Нобелевской премии Петеру Хандке предсказуемым образом вышлеснуло на страницы актуальной немецкой прессы все прошлые претензии к нему, которые всегда были многочисленны. На протяжении почти четверти века ядро их составляли обвинения в выборе «неприемлемой» позиции в югославском конфликте второй половины 1990-х гг.: в чрезмерных симпатиях к Сербии, поддержке диктатора (Слободана Милошевича), контактах с сербскими боевиками. В середине 1990-х гг. Петер Хандке лично посетил Балканы, чтобы составить независимое мнение о ситуации в распадавшейся Югославии (картина, представленная политическими обозревателями в газетах Европы и США, казалась ему однобокой [Gladić 2019]). Свои наблюдения он собрал в нашумевшем тексте «Зимнее путешествие к рекам Дунай, Сава, Морава и Дрина, или Справедливость к Сербии», впервые опубликованном как репортаж с продолжением в двух последовательных выпусках газеты «Süddeutsche Zeitung», а затем изданном отдельной книгой (Handke 1996a). Этот текст вместе с последовавшим разъяснением («Летнее дополнение к зимнему путешествию» [Handke 1996b]) продолжал вызывать

неизменно острую реакцию европейской культурной общественности, всплывая вновь по каждому информационному поводу — чаще всего в связи с присуждением Петеру Хандке очередных литературных премий. Очередная буря в прессе разразилась после того, как Хандке посетил похороны Слободана Милошевича в 2006 г. и выступил на них с речью.

Типичную реакцию прессы на присуждение Хандке Нобелевской премии отражает публикация Й. Клаубе на первой полосе «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (Клаубе 2019) с незатейливым заголовком «Хандке», довольно точно передающим пренебрежительное отношение немецкой культурной общественности к новому нобелевскому лауреату.

Порассуждав о том, что сегодня за Нобелевской премией по литературе сохранилась, по сути, единственная функция — способствовать всемирной славе лауреата, а значит, быстрому распространению его текстов по всему миру, — автор выражает тревогу в связи с тем, что теперь повсюду распространяться будут тексты Петера Хандке, содержащие совершенно неприемлемые политические воззрения (Клаубе 2019). Далее, взяв себя в руки и пытаясь успокоить читателей, Клаубе приводит длинный перечень «опасных» нобелеатов прошлого: от убежденного сторонника колониализма Редьярда Киплинга (1907), сооснователя в прошлом «Общества расовой гигиены» Герхарда Гауптмана (1912), известного своей приверженностью евгенике Джорджа Бернарда Шоу (1925) до Томаса Манна (1929) и Анри Бергсона (1927), с энтузиазмом встретивших начало Первой мировой войны; Т. С. Элиота (1948), одобрявшего действия фашистов во Франции, сторонника Сталина Михаила Шолохова (1965) и Габриэля Гарсиа Маркеса (1982), симпатизировавшего Кастро. Поскольку ни «Пигмалион» и «Будденброки», ни «Пустая земля», ни даже «Сто лет одиночества» особенного ущерба как будто не нанесли, Й. Клаубе, успокоившись, изумляется даже: «Как нам приходит в голову, что писатель обязан быть приятным человеком, его жизнь — образцовой, а взгляды не вызывающими возражений?» (Клаубе 2019). Казалось бы, теперь следует ожидать, что и Петеру Хандке будет позволено высказываться иногда полемически и вести себя вызывающе. Но не тут-то было — слишком уж «страшной силой» представляется Й. Клаубе искусство. А поскольку «к автору повести “Нет желаний — нет счастья”, пере-

водчику “Прометей прикованного”, автору сценария фильма “Небо над Берлином” непременно прислушаются», за «ненадлежащим образом использованное пространство», созданное, надо заметить, им же самим, писателя ждет неминуемая расплата: «каждое сказанное глупое слово, вернется к нему!» (Klaube 2019).

Риторика в СМИ несколько изменилась после 17 октября 2019 г., когда в рамках Франкфуртской книжной ярмарки объявили лауреата другой престижной в Германии литературной премии — «Немецкой книжной премии», ежегодно присуждаемой немецкоязычным писателям. В 2019 г. им стал писатель сербско-боснийского происхождения Саша Станишич (р. 1978). Станишич (в четырнадцатилетнем возрасте переживший бегство из боснийского Вишеграда от преследований просербских властей), выйдя к микрофону для традиционной благодарственной речи, сразу бросился в атаку: “Я потрясен, что за такое дают Премию!”, — воскликнул он, подразумевая тексты Хандке. Вся его речь звучала как обвинение в адрес последнего» (цит. по: [Mann gegen Mann 2019]). Редакторы отдела культуры «Spiegel» были шокированы («Как возможно, чтобы один лауреат напал на другого лауреата, да еще в таком тоне?» [Mann gegen Mann 2019: 114]) и потому посчитали необходимым в ситуации разобратся. Действительно, их статья обнаруживает другой уровень владения литературным и фактическим материалом по сравнению с публикациями «первой волны», хотя по-прежнему исходит из «вины Хандке».

Поскольку скандальная речь Станишича прозвучала на Франкфуртской книжной ярмарке (главном литературном событии года в Германии), «культурная индустрия» и СМИ отреагировали мгновенно. Все заметные фигуры были незамедлительно опрошены журналистами по горячей теме: о конфликте двух лауреатов. Лишь некоторые предпочли осторожно высказаться в том смысле, что лично они категорически против присуждения (или не присуждения) премий по политическим мотивам (О. Руге, Н. Боссон), многие с готовностью заявили, что в мире есть куда более достойные кандидаты на Нобелевку, чем нынешний лауреат (С. Странгер). Среди единиц, не рукоплескавших Станишичу, оказался издатель Йохен Юнг, который подчеркнул, что «нам вообще свойственно думать, будто мы все знаем, и судить, исходя из этого», «в то время как именно Петер Хандке

учит смотреть на действительность всегда новым, незамутненным, взглядом и находить для нее все новые и новые слова» (цит. по: [Mann gegen Mann 2019: 114]).

На приеме, устроенном в рамках Книжной ярмарки издательством «Зуркамп» по случаю присуждения их автору Нобелевской премии, сам Петер Хандке отсутствовал, а звездой номер один стал пришедший несколько позднее Станишич. И хотя сам он к тому моменту опомнился и от дальнейших высказываний о Петере Хандке отказался, поднятый им информационный вихрь было уже не остановить: ажиотаж в прессе вышел на новый виток, причем обсуждались по-прежнему не литературные качества текстов Хандке, а его чрезмерная «справедливость к Сербии», речь на похоронах Милошевича, встречи с Радованом Караджичем и прочие социально не одобряемые высказывания и поступки.

Была, например, растиражирована приписываемая Хандке «цитата» буквально следующего содержания: «А ваши трупы можете засунуть себе в ...» («Sie können sich Ihre Leichen in den Arsch stecken» [Hammelehle, Markwaldt 2019: 116]). Первым на этот раз ее «вспомнил» американский журналист боснийского происхождения Александр Химон, затем немецкоязычная писательница Ягода Маринич охарактеризовала его нового нобелеата в своем твиттере. Шокирующая фраза вновь побудила журналистов «Spiegel» расследовать ее происхождение и подлинность как цитаты Хандке (Hammelehle, Markwaldt 2019). Самый ранний след авторы статьи обнаружили в газете «Irish times» в апреле 1999 г. Ирландская газета цитировала Хандке по-английски, но, поскольку никакие англоязычные источники не были упомянуты, авторы обоснованно предположили, что речь идет о переводе с немецкого. В поисках «немецкого оригинала» вышли на опубликованную незадолго до того статью в газете «Welt am Sonntag» за март 1999 г., где пересказывалась полемика Хандке с австрийским журналистом Г. Неннингом по поводу «необходимости» поездки в Сербию («Зимнее путешествие...» [Handke 1996a]). Названная «цитата» приведена по-немецки, и звучит именно так: «Sie können sich Ihre Leichen in den Arsch stecken». Вскоре фраза всплыла в тогдашней публикации «Spiegel». Автор ее тем временем вышел на пенсию. С ним связались и выяснили, что он лично не слышал названной фразы из уст писателя, а нашел где-то в ар-

хивных материалах.

Дальнейшее почти детективное расследование привело авторов статьи в Академический театр г. Вены, где в 1996 г. состоялся авторский вечер писателя, представлявшего свое «Зимнее путешествие...» (Handke 1996a), где выражена, в целом, просербская позиция, которую Хандке и отстаивал тогда перед публикой. В архиве удалось обнаружить газетное сообщение о том вечере. Приведенная там фраза обращена к оппоненту из публики, но звучит совсем по-другому:

«Писатель посоветовал оппоненту, засунуть себе в ... “должную озабоченность” положением дел в Боснии, якобы не обнаруженную им в “Зимнем путешествии...”» (цит. по: [Hammelehle, Markwaldt 2019: 116]).

Авторы публикации даже разыскали запись телетрансляции того вечера в венском театре. Слов Хандке не разобрать, но им удалось вычислить человека, к которому обращается Хандке, и с ним связаться. Журналист Карл Вендль в телефонном разговоре почти сразу вспомнил и охарактеризовал тот эпизод как «типичный для поведения Хандке момент», в котором соединились, с одной стороны, агрессия, с другой, — абсурд, почти шутовство. В ответ на упрек Вендля (в отсутствии «должной озабоченности») Хандке спросил его, действительно ли он верит, что «озабоченность» — подходящее слово для обозначения чувств, лежащих в основе его югославского репортажа? И тут же посоветовал отправиться «со своей озабоченностью» домой и засунуть ее себе в ... «Я на тысячу процентов уверен, — сказал в разговоре К. Вендль, — что ни о каких “трупях” речи вообще не было» (Hammelehle, Markwaldt 2019: 116). Но фраза «уже разошлась по всему миру в миллионах ссылок, и продолжает тиражироваться, чтобы никто не сомневался: новый Нобелевский лауреат — изверг, а не человек. И премии не заслуживает (Hammelehle, Markwaldt 2019: 116), — резюмируют авторы статьи.

Обращая внимание на очевидно «чересчур острую» реакцию СМИ на темы, связанные с войной на Балканах, авторы высказывают предположение, что так, возможно, проявляет себя попадание в одну из «чувствительных точек самосознания» нынешнего Запада. Именно в связи с югославским конфликтом оформлялась и закреплялась та «морально-политическая ли-

ния», которая и сегодня продолжает определять внешнюю политику Запада, хотя с некоторых пор она оказалась «под подозрением» — после Сирии, после Трампа. А под «плетением слов» вокруг Хандке скрывается существующая в обществе потребность обсуждать «возможности отступления» (Mann gegen Mann 2019: 117).

В «Зимнем путешествии...» (Handke 1996a) и в последовавшем за ним «Летнем дополнении...» (Handke 1996b) Хандке, в первую очередь, полемизирует именно со СМИ (Gladić 2019), стремясь показать, что те, кого они называют «хорошими», тоже не «хороши». Ответной реакцией многих интеллектуалов тогда (и теперь) стало стремление сделать «плохим» его самого, что, по мнению авторов (Mann gegen Mann, 2019), несложно. Гораздо проще, во всяком случае, чем прочесть более 600 страниц, написанных Хандке о войне в Югославии, и составить собственное мнение. Однако, переходя по ссылке и присоединяясь к (о)суждению большинства, упускаешь из виду, что

«Хандке — автор сомневающийся и стремящийся к точности, который обстоятельно на многих страницах анализирует собственные сомнения, а одним из его любимых стилистических приемов остается вопрос» (Ibid.: 117).

И наконец, в самом конце октября М. Гладич впервые в немецких СМИ дал обзор всех «югославских текстов» писателя (их всего 6), отыскав большинство прозвучавших публично цитат (и «цитат») и показав, что сомневающийся рассказчик «Зимнего путешествия...» отправился в путь, прежде всего, потому, что осознал одностороннюю направленность и фальшь в сообщениях западноевропейской и американской прессы о балканских событиях (Gladić 2019). И этим действием писатель, по Гладичу, ставит под сомнение журналистский подход как таковой, параллельно в собственном тексте исследуя возможности подхода «противоположного» — писать «из состояния сомнения», «постоянно сомневаясь во всем» (Gladić 2019).

Интересно, что подход Петера Хандке к письму «из состояния сомнения», к писательству как особому способу существования в мире «искаженной коммуникации» еще за 35-40 лет до описанной нобелевской драмы исследовал В. Г. Зебальд (1944-2001), причисляемый ныне к наиболее значимым фигурам европейской

словесности 1990-х гг. (Catling, Hibbitt 2011). В. Г. Зебальд писал о Хандке несколько раз (Sebald 1994a; 1994b; 1995b), сосредоточивая внимание прежде всего на художественном стиле австрийского писателя как выражении его отношения к коммуникативным возможностям языка, к целям и задачам писательства. В «нарушенной коммуникации» («verhinderte Kommunikation» [Sebald 1994b: 117]) Зебальд видел центр художественного мира Хандке, из которого произрастает его необычная, странно многословная, увязающая в подробностях писательская манера. Ни в чем не уверенные, его рассказчики словно все время с трудом подбирают слова и одновременно внимательно следят за тем, как именно они это делают; терпят неудачи, взрываются, совершая необъяснимые поступки; пробуют снова.

Но не состояние непреходящего сомнения, транслируемое рассказчиками Хандке, больше всего удивляет В. Г. Зебальда. Мучительные часто безуспешные поиски точного слова хорошо знакомы ему самому, как и многим писателям. Тем сильнее его изумляют и восхищают необъяснимые удачи Петера Хандке на минном поле словесного самовыражения. В эссе о «Повторении» («Wiederholung») (Handke 1986) по-академически сдержанный обычно в оценках В. Г. Зебальд недвусмысленно восхищается его удачами: например, «прекраснее, чем где бы то ни было» выраженной словами связи «между тяжестью принудительного труда и легкостью волшебства», столь характерной для художественной литературы (Sebald 1995b: 177). Ведь именно «легкость», по Зебальду, как ни парадоксально, наилучшим образом описывает стиль Хандке, на первый взгляд, увязающий в многословии, тяжеловесный, однако, претерпевающий превращение за счет «поразительной точности и осмотрительности» в выборе слов (Sebald 1995b: 178).

При этом «мало кто из писателей в последние десятилетия демонстрирует принципиальный разлад между культурой как сферой жизни и культурой как индустрией убедительнее, чем Петер Хандке» (Sebald 1995b: 162), — констатировал В. Г. Зебальд еще в 1990 г., и ситуация с тех пор изменилась мало. Сложности «взаимонепонимания» между Петером Хандке и «культурной индустрией» он связывает опять-таки со стилем писателя и с тем, как Хандке понимает писательскую миссию. Но такая ситуация, считает Зебальд, сложилась не сразу: в 1970-е гг.

критика принимала произведения Хандке с энтузиазмом, способствуя быстрому включению их в «канон» немецкоязычной литературы, причем именно потому, что «тот специфический способ повествования, который он разработал, подкупал совершенно новой точностью образа и языка» (Sebald 1995c: 162). Критики и литературоведы¹ «были готовы и оказались в состоянии понять», о чем он пишет, а «быстрого знакомства с его текстами было достаточно, чтобы формулировать и высказывать о них прогрессивные и выигрышные суждения, ощущая себя на гребне волны» (Sebald 1995c: 162) на рубеже в 1960-х — 1970-х гг.

Проблемы с рецепцией Хандке критикой В. Г. Зебальд склонен отсчитывать от «Короткого письма к долгому прощанию» (1971) (Handke 1980d), замысел которого «...гораздо сложнее и с трудом облекается в слова», «оставляет гораздо меньше выигрышных ракурсов для критики и литературоведения» (Sebald 1995b: 163), чем его более ранние вещи. Озадачивает к тому же «новый, можно сказать, программный проект — исключительно силой слова сделать зримым некий другой, более прекрасный, мир» (Sebald, 1995b: 163). Намеренно или нет, утверждает Зебальд, Хандке заплатил высокую цену за такую «самонадеянность», а значит, писательство в его личной иерархии ценностей занимает особое место и, далеко выходя за рамки профессии, сливается с образом жизни.

«Повторение» («Wiederholung») (Handke 1986) — не просто травелог о путешествии через границу, в другую страну, но и в значительной мере роман о становлении писателя как о пересечении некой границы — через «порог», разделяющий немоту и речь, пустоту и «написанное пером». Этот текст, обладающий отчетливыми чертами автобиографии, иногда включают в так называемую «трилогию порога» (“trilogy of thresholds”) (Mitchellmore 2011), объединяя с более ранним «Китайцем боли» («Der Chinese des Schmerzes», 1983) и последовавшим вскоре «Вечером писателя» («Nachmittag des Schriftstellers», 1987). Сама структура повествования в «Повторении» наводит на мысль, что речь для рассказчика идет вовсе не о том, чтобы «повторить»

¹ В примечаниях к тексту Зебальд сообщает, что список научной литературы о творчестве Петера Хандке уже к 1982 г. включал более 200 наименований (Sebald, 1995c: 192).

(wiederholen) путь пропавшего брата или свой собственный путь четвертьвековой давности (sich wiederholen). Точное повторение невозможно (что постоянно демонстрируют словесная ткань и сюжетная канва текста Хандке: все повторяется, однако не в точности, а с определенными различиями [Iyer 2006]). Речь (даже семантически) идет скорее о новом начале: wieder — holen (вновь — получить), о том, чтобы начать себя заново (sich wieder holen), считает Л. Айер.

Сорокапятилетний рассказчик вспоминает поездку, которую совершил в 19 лет. С тех пор прошло четверть века, но, кажется, будто это было вчера.

Несмотря на словенское происхождение Филип Кобаль еще ни разу не покидал Австрию, но тогда, вместо того чтобы ехать в Грецию с одноклассниками, решил отправиться в Югославию на поиски пропавшего много лет назад старшего брата. У него собой два письменных источника: тетрадь с заметками, которые брат делал во время учебы в словенском сельскохозяйственном институте, и словенско-немецкий словарь, где им были подчеркнуты многие слова. Приехав в новую страну, рассказчик часто сверяется с заметками брата. Примечательно его восприятие почерка (стиля) брата. Он кажется ему «соответствующим этой стране» почерком «человека, готового начать путешествие» (цит. по: [Iyer 2006]). Да и все его предки славились красивыми почерками, за исключением самого рассказчика: вот у него самого в отличие брата собственного почерка (стиля) нет, и нынешний лишь «копирует брата». Несмотря на то, что он уже начинающий литератор и даже опубликовал один рассказ (наборщику пришлось сперва научить его «нормально писать»). Таким образом, почерк (стиль) и его обретение — один из центральных мотивов названного текста Хандке.

Заметки были написаны братом, когда тот, как и Филип в начале своего путешествия, находился на пороге двадцатилетия. Есть в его тетради и авторское руководство по выращиванию яблонь в собственной оранжерее, обобщающее его собственный опыт, причем наблюдения о прививании и пересаживании молодых деревьев прочитываются Филипом как «роман воспитания» (Iyer 2006). После исчезновения брата никто за оранжерею не ухаживал: сам Филип, стремившийся к писательству, «отвыкал от всякого физического труда», мать болела, отец работал,

и только сестра иногда туда заходила.

Писать по-словенски брат начал только во время учебы. Прежде у него как бы не было языка (мотив «нарушенной коммуникации»): разговаривал он, как почти все вокруг, на смеси словенского и немецкого, и в чужой стране, наконец, обрел «самое необходимое»: язык предков, словенский. Он хотел, чтобы семья последовала за ним. Его письма оттуда, написанные на словенском, показывают, что он был религиозен, как минимум, стихийно: питал глубокое уважение к самым разным вещам, с которыми ему приходилось сталкиваться, может быть даже, поясняет рассказчик, был близок к состоянию, которое принято называть праведностью.

В отличие от брата у рассказчика язык был — он с детства говорил по-немецки. Но писать так, чтобы результаты удовлетворяли его самого, ему по какой-то причине не удавалось. То есть, его собственный коммуникативный предел, — «граница языка» (по Л. Витгенштейну, граница человека есть граница его языка), — хоть и располагалась дальше, чем у брата, тем не менее, несомненно, существовала. Именно к этой «границе языка» (в буквальном и в переносном смысле), рассказчик отправился на пороге двадцатилетия, чтобы в своих поисках, становящихся все менее понятными по мере развертывания повествования, перемещаться по местам, в которых побывал или мог побывать брат. Но более глубокой целью его пути представляется, конечно, нащупывание и преодоление «границы», которая мешала ему писать.

В своем путешествии он старается уже в собственных заметках свидетельствовать обо всех проявлениях действительности, с которыми сталкивается. «Расслоенный во времени» текст «Повторения» представляет, в том числе, эти наблюдения, терзания и находки становящегося писателя. В трех слоях времени (старший брат, 19-летний рассказчик, 45-летний рассказчик) многое вроде бы повторяется, но ничто не повторяется в точности — ни в событийной ткани повествования, ни в языковом выражении. Формируя свою художественную манеру, Зебальд, несомненно, многое перенявший у Хандке (Schmucker 2011), принял такие «неточные» повторения как один из структурных принципов организации собственных художественных текстов.

Но не только. С поисками брата у Хандке В. Г. Зебальд ассоциирует мотив мессианства: подобно тому, как прочитывает его у

Кафки в продвижениях К. к недостижимому Замку (Sebald 1995a). В «Повторении» речь идет в том числе и о поисках славянских — словенских — корней. Словенский народ (в отличие от немцев) представлен не имеющим власти — «без аристократии, без армии, без поместий» (Handke 1986: 201) — и потому неиспорченным.

«Единственным королем они — почти как евреи, — признают героя сказаний, который бродит повсюду передетым: появится где-нибудь вдруг и исчезнет вновь» (Sebald 1995b: 174).

В мессианской традиции не подразумевается, что «разделенные» встретятся вновь. Напряжение должно сохраняться, «младший идет по следам старшего, ученик следует за учителем, а благочестивое стремление к спасению и высказанная Грегором в одном из фронтовых писем надежда на грядущую совместную поездку в украшенной пасхальной коляске в Девятую землю, переводится в “земное исполнение: Писание”» (Handke 1986: 317). И письменное слово в этой традиции имеет особый статус, писательство выводится за рамки обыденных дел — это ни в коей мере не профанное занятие. «Рассказчик с самого начала отдает себе отчет в сложности стоящей перед ним задачи» (Sebald 1995b: 175), но ему необходим стимул, чтобы преодолеть свою «границу» — «невозможность писать». В тексте Хандке таким стимулом служит болезнь матери, боязнь не успеть, а одной из важных задач писательства в описанном контексте представляется утешение, успокоение, «утоление печали».

Другой чрезвычайно важной для Хандке особенностью писательского труда Зебальд называет «добровольность». На пути к совершенству рассказчик работает по собственной воле, его труд опирается на видение окружающего мира таким как есть, — в противоположность другим видам искусства, предполагающим взгляд на него сквозь некую раму. Получается, бытие Внешнего для пишущего у Хандке важнее, чем Внутреннего, — из чего, по Зебальду, произрастает «беспрецедентная открытость» (Sebald 1995b: 177) его текста.

Место писателя у него — в «центре мира». В «Повторении» оно непосредственно соотнесено с образом убежища из детства Филипа: это отцовская землянка на поле, куда Филип нередко шел сразу после школы и писал там, делая уроки. Для него

именно там «был и остается “центр мира, где в колодезно-узкой ложбине с незапамятных времен сидит рассказчик и откуда идет свой рассказ” (Handke 1986: 50)» (Sebald 1995b: 178).

В. Г. Зебальд неоднократно отмечает у Хандке «необычайно высокое качество повествования, тайный идеал которого», как ему кажется, «диктуется легкостью» (Sebald 1995b: 176). И не потому, что рассказчик ничем не обременен, просто вместо того, чтобы говорить о гнетущих его вещах, он старается перенаправить внимание на приносящее утешение — ему самому и, возможно, читателю, который тоже в этом нуждается, чтобы «противостоять соблазнам уныния» (Sebald 1995b: 177).

Идеал, на который ориентируется рассказчик Хандке, — это «обходчик путей». Община вменяет ему в обязанность «техническое обслуживание» (Sebald 1995b: 177) имеющихся в ее распоряжении дорог, и (подобно писателю) «он теснится в однокомнатной избе — своего рода сторожке у въезда в замок, которого, в принципе, не существует» (Handke 1986: 49). «Обходчик путей» день за днем, подобно секретарю (вновь аллюзия на Кафку), совершает свою утомительную работу, по необходимости превращаясь в «художника по вывескам», который стоял «на верхней ступеньке лестницы над входом в гостиницу посреди деревни. И когда Филип Кобаль, смотрел на него, наблюдая, как по готовым буквам он медленными, на первый взгляд, мазками кисти накладывает теневые штрихи, несколькими тончайшими линиями придавая объем толстым буквам и проявляя, словно из воздуха, следующий знак — будто тот уже был там давно» (Sebald 1995b: 177), в возникавшей на глазах надписи высвечивались «символы какого-то тайного, не выразимого словами и оттого особенно прекрасного, а главное, не знающего границ мирового царства» (Handke 1986: 50).

4. Выводы

В этом образе, считает Зебальд, «необходимая связь» между «тяжестью принудительного труда и легкостью волшебства», характерная для «высокой литературы», «получила самое прекрасное в немецкоязычной словесности выражение» (Sebald 1995b: 177), и благодарить за это следует Петера Хандке, показавшего некоторым современным читателям «какой может быть современная литература» (Mitchelmore, 2011).

Список литературы / References

- Хандке П. Повести. М.: Прогресс, 1980. [Handke, Peter. (1980) *Povesti* (The Novels). Moscow: Progress. (In Russian)]
- Catling, Jo, & Hibbitt, Richard. (eds) (2011) *Saturn's Moon: W. G. Sebald — A Handbook*. Leeds: Legenda.
- Gladić, Mladen. (2019) Handke reiste mit Luhmann im Gepäck. *Der Freitag*, 44, 16. Retrieved from <https://www.freitag.de/autoren/mladen-gladic/im-offenen>
- Iyer, Lars. (2006) *The Ninth Country: Peter Handke's Repetition*. Retrieved from http://www.readysteadybook.com/Article_page_exphandke.html
- Hammelehle, Sebastian, & Markwaldt, Nadine. (2019, October 19) Wie ein falsches Handke-Zitat um die Welt ging. *Spiegel*, 43, 116.
- Handke, Peter. (1986) *Die Wiederholung*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Handke, Peter. (1996a) *Eine Reise zu den Flüssen Donau, Save, Morawe und Drina oder Gerechtigkeit zu Serbien*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Handke, Peter. (1996b) *Sommerlicher Nachtrag zu einer winterlichen Reise*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Klaube, J. (2019) *Handke*. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 243, 1.
- Mann gegen Mann. (2019, October 19) *Spiegel*, 43, 114–115; 117–118.
- Mitchelmore, Stephen. (2011, May 25) *Three steps not beyond: Peter Handke's trilogy of thresholds*. Retrieved from http://this-space.blogspot.com/2011/05/three-steps-not-beyond-peter-handkes_25.html
- Schmucker, Peter. (2011) *Grenzübertretungen. Intertextualität im Werk von W. G. Sebald*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. Bochum: Ruhr-Universität.
- Sebald, Winfried Georg. (1994a) Helle Bilder und dunkle — Zur Dialektik der Eschatologie bei Stifter und Handke. In Sebald, Winfried Georg. *Die Beschreibung des Unglücks: Zur österreichischen Literatur. Von Stifter bis Handke*. Frankfurt a. M.: Fischer, 165—186.
- Sebald, Winfried Georg. (1994b) Unterm Spiegel des Wassers — Peter Handkes Erzählung von der Angst der Tormann. In Sebald, Winfried Georg. *Die Beschreibung des Unglücks: Zur österreichischen Literatur. Von Stifter bis Handke*. Frankfurt a. M.: Fischer, 115—130.
- Sebald, Winfried Georg. (1995a) Das Gesetz der Schande — Macht, Messianismus und Exil in Kafkas Schloss. In Sebald, Winfried Georg. *Unheimliche Heimat: Essays zur österreichischen Literatur*. Frankfurt a. M.: Fischer, 87—103.
- Sebald, Winfried Georg. (1995b) Jenseits der Grenze — Peter Handkes Erzählung Die Wiederholung. In Sebald, Winfried Georg. *Unheimliche Heimat: Essays zur österreichischen Literatur*. Frankfurt a. M.: Fischer, 162—178.

Yelizaveta V. Sokolova
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

**Reflected by Two Different Discourses:
Mass Media and “High Literature” about Peter Handke**

This article investigates the main ways of reacting in German mass media at awarding of Austrian writer Peter Handke (b. 1942) with the Nobel Prize in Literature (in October 2019). It recognizes, how some journalists and critics construct the “image of the Writer” (without even realizing it) in their publications basing on conventional contexts, well-known material and widespread citations, forcing thereby their readership share the “righteous anger”. After the described strategy had instantly got to emotional peak, because of Sascha Stanischich’s “gratifying” speech during the Book fair in Frankfurt the leading trend in publications of trustworthy German editions has notably changed, showing since then more analytical, competent and estranged approaches. The essays of German writer and academic researcher in Germanic philology W. G. Sebald (1994-2001) demonstrate really the “opposite” approach of perception and representation of Peter Handke’s figure and work. The three main Sebald’s texts on Handke study are “The Goalie’s Anxiety at the Penalty Kick” (1970) (Sebald 1994b), “Slow Homecoming” (1979) (Sebald 1994a) and “Repetition” (1986) (Sebald 1995b). In the center of Handke’s “Literary Universe” Sebald sees the phenomenon of “invalid communication” (“verhinderte Kommunikation” [Sebald 1994b: 117]), which, being one of Handke’s most important topic, determines his writing style as well and (as the first part of this article shows) affects his reality.

Key words: Modern German literature; modern Austrian literature; “invalid communication”; linguistic skepticism; the Nobel Prize in Literature; Peter Handke; W. G. Sebald

Е. Б. Яковенко

Институт языкознания Российской академии наук

БИБЛЕЙСКИЕ ПАРОДИИ КАК ОСОБАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ТЕКСТОВ

Библейские пародии, находящиеся на периферии библейского дискурса, представляют собой особую разновидность текстов, формально соотносимых с текстом Библии, но вместе с тем демонстрирующих определенную содержательную самостоятельность. Обращаясь к библейской пародии, данное исследование затрагивает такие проблемы, как жанровая принадлежность пародии, ее признаки, механизм создания комического в библейской пародии, специфика немецкоязычных библейских пародий. На фоне широкого круга произведений на разных языках, восходящих к тексту Библии и демонстрирующих признаки пародийности или же пародичности, рассматриваются современные немецкие библейские пародии Ф. Денгера «Der große Boss» (1994, [1982]) и М. Корта «Der Junior-Chef» (1995), характеризующиеся десакрализацией содержания, избыточной коллоквиальностью, сознательным нарушением логики изложения, трансформацией художественного пространства и времени библейского текста, смешением фактов разных культурных эпох.

Ключевые слова: библейский дискурс; Библия; пародия; пародийность; пародичность; десакрализация текста

1. Введение

Библейский дискурс, давно вышедший за пределы Священного Писания, включает не только совокупность библейских текстов-первоисточников, неканонические произведения, библейские переводы, но и тексты, содержательно соотносимые с Библией. Корпус последних обширен и крайне разнороден, он включает как собственно религиозную литературу, восходящую к библейскому тексту, — труды отцов церкви, или патристику, работы церковных писателей различных периодов, проповеди на библейские темы (гомилии), пересказы Библии или ее отдельных книг, молитвословы, гимны, агиографические сочинения, комментарии, справочники и т. д. — так и художественные произведения, в основе которых лежит библейский сюжет. К маргинальным явлениям библейского дискурса могут быть, в частности, отнесены: 1) библейские переводы перифрастического характера, написанные обиходно-разговорным языком с элементами сленга и допускающие значительные отклонения от

канонического текста; 2) художественные тексты пародийного характера, содержащие отсылку к библейскому тексту, но являющиеся по сути самостоятельными произведениями; 3) сатирические произведения антибиблейской направленности, содержащие критику христианского вероучения (Яковенко 2016: 309). Между этими типами текстов нет четких границ: вольное переложение, пародия и сатира не исключают друг друга даже в рамках одного произведения.

Особое место в ряду подобных явлений занимают библейские пародии, соотношение которых с исходным библейским текстом (роль которого в данном случае выполняет широко известный перевод Библии на какой-либо современный язык) оказывается, как будет показано ниже, довольно сложным.

Настоящее исследование, преследующее цель изучить механизм создания комического в современной библейской пародии, затрагивает такие проблемы, как жанровая принадлежность пародии, ее признаки и корреляция с пародируемым произведением, специфика библейской пародии. В работе охватывается широкий круг произведений на разных языках, восходящих к тексту Библии и демонстрирующих признаки пародийности или же пародичности (о различении этих понятий см. далее). Содержательные и языковые особенности современных немецких библейских пародий исследуются на материале книг Ф. Денгера «Der grosse Boss» (1994, [1982]) и М. Корта «Der Junior-Chef» (1995).

2. Пародия как литературное явление

2.1. Дискуссия о свойствах пародии и ее жанровом своеобразии

Пародия, будучи широко распространенным явлением, известным еще в эпоху античности, получила неоднозначную интерпретацию в различных литературоведческих школах. Еще в начале 20-х гг. XX в. Ю. Н. Тынянов указывал на существование особой связи, соединяющей пародирующее и пародируемое произведение: сходные структурно, они могут быть содержательно противоположными, «пародия может быть направлена не только на произведение, но и против него» (Тынянов 1977б: 290). Призывая различать пародичность (использование лишь формы исходного произведения для создания нового) и пародийность (создание нового произведения в целях осмеяния или осуждения исходного, то есть направленность на другое произведение) и

резко возражая против понимания пародии как исключительно комического произведения, Тынянов считал, что при пародировании происходит перевод исходного текста в новую систему:

«Пародия существует постольку, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, пародируемый; чем уже, определеннее, ограниченнее этот второй план, чем более все детали произведения носят двойной оттенок, воспринимаются под двойным углом, тем сильнее пародийность» (Тынянов 1977а: 212).

На двуплановость, или, говоря словами исследователя, «двуголовость» пародии, указывал позже и Бахтин, относя к последней различные формы литературного воспроизведения и стилизации (Бахтин 1986: 305).

В современном отечественном литературоведении наблюдается весь спектр подходов к пародии: от исключительно широкого ее определения как «типа трансформационного творчества» (Путилов 1994: 220) до понимания ее как «комического образа художественного произведения» (Новиков 1979: 8), «комического подражания художественному произведению или группе произведений», которое «обычно строится на нарочитом несоответствии стилистических и тематических планов художественной формы» (Гаспаров 2001: 721). Иногда пародия понимается как «жанр сатирической речи» или же «прием такой речи» (Москвин 2004: 52). В исследованиях пародии, как правило, на первое место выходит ее двуплановость, одновременное тяготение к исходному тексту и обособление от него в качестве самостоятельного произведения. Нельзя не согласиться с мнением Л. А. Трахтенберга, отмечающего, что

«своеобразие пародии определяется, во-первых, тем, что в ее тексте могут быть выделены компоненты, восходящие к оригиналу и не восходящие к нему, и, во-вторых, тем, что оригинал одновременно воспроизводится, то есть частично, в некоторых особенностях сохраняется, и «искажается», то есть подвергается видоизменению. Строго говоря, эти две оппозиции следует различать, поскольку те особенности пародии, которые представляют собой результат трансформации оригинала, реализуют одновременно функции связи с оригиналом и отталкивания от него, сочетая в себе черты, присущие оригиналу, с признаками, для него нехарактерными» (Трахтенберг 2015: 31).

В немецком литературоведении пародии также уделяется большое внимание. Пародия может пониматься как подражание

уже существующему произведению, осмеивающее или преувеличивающее какие-то черты; при этом форма исходного произведения наполняется новым, несовместимым с ней содержанием:

[Parodie ist] “die verspottende, verzerrende oder übertreibende Nachahmung e[ines] schon vorhandenen ernstgemeinten Werkes oder einzelner Teile daraus unter Beibehaltung der äußeren Form, doch mit anderem, nicht dazu passendem Inhalt“ (Wilpert 1961: 431).

Исследователи пародии подчеркивают ее интертекстуальный характер, сохранение в ней конститутивных признаков пародируемого текста, группы текстов или жанра в целом:

[Parodie ist] “ein in unterschiedlichen Medien vorkommendes Verfahren distanzierender Imitation von Merkmalen eines Einzelwerkes, einer Werkgruppe oder ihres Stils. Im literarischen Bereich bildet das Parodieren eine intertextuell ausgerichtete Schreibweise, bei der konstitutive Merkmale der Ausdrucksebene eines Einzeltextes, mehrerer Texte oder charakteristische Merkmale eines Stils übernommen werden, um die jeweils gewählte(n) Vorlage(n) durch Komisierung-Strategien wie Untererfüllung und/oder Übererfüllung herabzusetzen“ (Verweyen, Witting 2003: 23-24).

В силу своей интертекстуальности пародия сохраняет тесную связь с пародируемым текстом (Prätex) и декодируется в процессе восприятия как таковая:

“In besonderem Maße ist die Parodie ein rezeptions- ebenso wie produktionsverhaftetes Phänomen. Sie kann nur “funktionieren”, wenn Prätex und Phänotex im intellektuellen Akt verknüpft werden, wenn der allgemeine Rahmen (u. a., was Julia Kristeva den Genotex nennt) bekannt ist. Nicht zuletzt ist von Bedeutung, dass die parodistische Absicht der intertextuellen Relation erkennbar ist und als solche decodiert wird“ (Plotke, Seeber 2016: 7).

Рецепция пародии зависит, таким образом, как от литературного, так и, шире, культурного контекста, в котором находится ее читатель: “...die Grundvoraussetzung für die angemessene Rezeption einer Parodie ist die Kenntnis des Prätex bzw. der Tradition, mit der die Parodie spielt“ (Ibid.: 97).

Вышеизложенная дискуссия оставляет открытым вопрос о том, имеет ли пародия статус самостоятельного произведения. Этот вопрос актуален как для литературоведов, так и для юристов, рассматривающих пародию с точки зрения авторского права. В исследовании жанровой принадлежности пародии мы

следуем точке зрения О. А. Сысоевой:

«Литературная пародия — один из видов вторичных текстов, мета-жанр, в котором доминирующей является авторская установка на определенный тип общения с адресатом (латентная адресация); объектом изображения (вторым планом) пародии является другое произведение, художественные приемы какого-либо писателя, тематика, идейное содержание, жанр, целое литературное направление и тому подобное, целью — эстетическая критика указанного объекта, осуществляемая средствами иронической стилизации» (Сысоева 2013: 335).

Понимание пародии как метажанра, разумеется, не лишает самостоятельности отдельные произведения пародийного жанра. Пародия может быть связана с пародируемым текстом лишь некоторыми формальными и содержательными признаками. Однако само наличие этих признаков, вместе с выраженным (часто, но не обязательно критическим) отношением автора к тексту-источнику, позволяет видеть в произведении пародию.

2.2. Краткий обзор библейских пародий на разных языках

Хотя в европейской культуре авторитет Священного Писания оставался незыблемым в течение столетий, это не исключало появления его пародийных интерпретаций. Более того, пародийное восприятие Библии было в целом присуще народной культуре Средневековья и Ренессанса. Оставляя за рамками данного исследования это чрезвычайно интересное явление, ограничимся цитированием Бахтина:

«Характер священного (авторитарного) слова; особенности его поведения в контексте речевого общения, а также в контексте фольклорных (устных) и литературных жанров (его инертность, изытость из диалога, его крайне ограниченная сочетаемость вообще, и особенно с профанными (не-священными) словами и пр.), разумеется, вовсе не являются его лингвистическими определениями. Они металингвистичны. К области металингвистики относятся и различные виды и степени чужести чужого слова и различные формы отношения к нему (стилизация, пародия, полемика и т. п.), различные способы выталкивания его из речевой жизни. Но все эти явления и процессы, в частности и многовековой процесс выталкивания чужого священного слова, находят свои отражения (отложения) и в лингвистическом аспекте языка, в частности в синтаксическом и лексико-семантическом строе новых языков» (Бахтин 2002: 389-390).

Последнее, а именно «вытalkingивание чужого священного слова», более характерно для библейского перевода; в библейской пародии, на наш взгляд, имеет место попытка не столько вытеснить, сколько осовременить священное слово, наполнить форму знака новым содержанием.

В современной литературе метажанр библейской пародии относительно молод, насчитывая немногим более ста лет. Он ведет свое начало с «Забавной Библии» (Таксиль 1964) («La Bible amusante», 1882) и «Забавного Евангелия» (Таксиль 1965) («La Vie de Jésus», 1900) французского писателя Лео Таксиля (Léo Taxil, настоящее имя — Marie Joseph Gabriel Antoine Jogand-Pagès, 1854-1907). Эти произведения, отличающиеся резкой антиклерикальной направленностью, дают истолкование библейских событий с точки зрения современной морали, изобилуют вымышленными диалогами между библейскими персонажами, выдержанными в фамильярном стиле.

«Библия для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского (М. И. Губельмана), председателя «Союза воинствующих безбожников» и Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б)/ЦК ВКП(б), выходила с 1922 г. в виде отдельных брошюр, а начиная с 1938 г. — полной книгой (Ярославский 1959). Строго говоря, это не пародия, а сатира, пропитанная ненавистью ко всякой религии. Подвергая осмеянию библейские события, Емельян Ярославский излагает их с вульгарно-атеистической позиции, перемежая свое рассуждение коммунистическими лозунгами. Неудивительно, что его «Библия», как, впрочем, и книги Лео Таксиля, издавалась в СССР массовыми тиражами.

В основе сюжета пьесы Владимира Маяковского «Мистерия-Буфф» (Маяковский 1988), первая редакция которой увидела свет в 1918 г., лежит библейское сказание о всемирном потопе. В числе персонажей пьесы выступают «семь пар чистых», «семь пар нечистых», черти, ангелы, святые, Господь Саваоф, одушевленные орудия труда и человек будущего — не то подобие, не то антипод Иисуса, призывающий к революционным преобразованиям и созданию коммуны. Действие разворачивается в ковчеге, аду, раю, разрухе и, наконец, земле обетованной, дойти до которой удастся немногим. Сам автор в подзаголовке пьесы характеризовал свое произведение как «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи».

В отличие от этих текстов с выраженной антибиблейской направленностью, образующие «библейский» цикл новеллы Марка Твена («Отрывки из дневника Адама» («Extracts from Adam's Diary»), «Дневник Евы» («Eve's Diary»), «Говорит Ева» («Eve speaks»), «Тот день в Эдеме» («That Day in Eden»), «Рассуждение Адама» («Adam's Soliloquy»), «Автобиография Евы» («Autobiography of Eve»)) наполнены теплом и мягким юмором, в них скользят возвышенные ноты. Новеллы были написаны в тот период, когда писатель остро переживал утрату жены, и вошли, наряду с другими произведениями, в изданную уже в наши дни «Библию от Марка Твена» (The Bible according to Mark Twain 1996). Для Марка Твена история сотворения мира и изгнания первого человека из рая — лишь отправная точка для создания самостоятельных, пародичных, по терминологии Тынянова, произведений, иллюстрирующих вечную проблему отношений между полами.

Пародичной по своему характеру является и пользовавшаяся в свое время большой популярностью «Божественная комедия» советского драматурга Исидора Штока (Шток 2020), написанная еще в 1961 г. и много лет с огромным успехом шедшая на сцене Государственного академического Центрального театра кукол имени С. В. Образцова. Комедия представляет собой не столько комическое изложение сотворения мира, сколько сатиру на советскую действительность, героями которой выступают Господь Бог — стареющий руководитель, бранящийся со своими подчиненными, Ангел Д — карьерист и проходимец, умеющий найти нужный товар в эпоху тотального дефицита, Адам и Ева, осваивающиеся в раю и за его пределами.

Следует также упомянуть широко распространенные тексты-переложения первых стихов Книги Бытия, написанные с использованием терминологии какой-л. отрасли (например, «Библия для физиков», «Библия для программистов», «Компьютерная Библия»), воспроизводящие структуру и, частично, язык библейского перевода. Подобные тексты, по всей видимости, должны быть отнесены к собственно пародиям, поскольку их направленность на исходный текст и зависимость от него очевидны.

3. Библейские пародии в современной немецкой литературе

В этом широком и, по всей вероятности, далеко не полном ряду библейских пародий выделяются книги Ф. Денгера «Der grosse Boss» (Denger 1994) (первое издание вышло в 1982 г.) и М. Корты «Der Junior-Chef» (Korth 1995), пародирующие Ветхий и Новый Завет. Впервые после «Забавной Библии» и «Забавного Евангелия» Л. Таксиля объектом пародии становится полный текст Библии, а не отдельные ее книги или сюжеты. Книги Ф. Денгера и М. Корты, задумывавшиеся как единое целое, весьма любопытны в плане языка и содержания. Представляется целесообразным привести сначала образцы лингвостилистического анализа фрагментов обоих произведений, цитируемых с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации, и дать затем их совместное описание в рамках литературоведческого анализа.

3.1. Особенности языка и стиля книги Ф. Денгера «Der grosse Boss»

Книга Ф. Денгера “Der grosse Boss”, цитируемая нами по изданию 1994 г., состоит из 219 небольших глав, охватывающих практически весь Ветхий Завет и посвященных наиболее известным событиям библейской истории. О стилистических достоинствах книги можно судить, в частности, по приводимым ниже отрывкам.

Так, глава 1 “Weltrekord in sechs Tagen”, восходящая к главам 1 и 3 Книги Бытия, повествует о сотворении мира следующим образом:

*“Der GROSSE BOSS schlägt zu! Ein tolles, ein einmaliges Ding will er drehen, das Ding mit der Welt. Das hat vor ihm noch keiner gewagt. Kunststück, die Welt ist momentan nämlich nichts als ein trostloses **Tohuwabohu** aus lauter Wasser. Aber der GROSSE BOSS hat eine Idee. [...] Sie geistert über den rabenschwarzen Fluten. Die Düsternis missfällt dem GROSSEN BOSS. **Man sieht ja nicht die Hand vor Augen!**, räsoniert er. Licht! Aber ein bisschen **dalli!** Prompt wird es hell. Das behagt dem GROSSEN BOSS. **Prima**, wie das funktioniert. **Hell wie der lichte Tag**. Damit hat die Helligkeit ihren Namen weg. Um sie von der Dunkelheit zu unterscheiden, nennt er die Finsternis Nacht. Er rahmt sie mit zwei Dämmerungen ein, am Abend und am Morgen. So entsteht der erste Tag. Übrigens an einem Montag.*

*Am nächsten Morgen überprüft der GROSSE BOSS seine Installation und schüttelt den Kopf. Man kann ja gar nichts unterscheiden! Himmel, **ist das ne Nässe!** Hat er eben Himmel gesagt? Rasch wuchtet er ein Zirkuszelt quer durchs Wasser,*

so dass ein Teil darunter und einer darüber ist. Das Chapiteau nennt er Himmel. Über all der Wasserverdrängung wird es wieder Abend. Der zweite Tag ist rum. Der Dienstag. [...]

*Der sechste Tag geht zuende, ein Samstag, und der GROSSE BOSS hat Kreuzschmerzen von seiner Superschaffe. Doch das vergißt beim Anblick seiner Mammutbaustelle. **Hab** ich das nicht **Klasse** hingekriegt?*

*Als der Grosse Boss am siebten Tag frühmorgens in die Sonne blinzelt, ist zufällig Sonntag. Da bleibt er gleich liegen. **Heut wird geschwänzt!** frohlockt er. In sechs Tagen Himmel und Erde auf die Beine zu stellen, — das soll mir erst mal einer nachmachen! Er dreht sich auf die andere Seite und murmelt in Einschlafen: Das wollen wir auch in Zukunft so halten — **sechs Tage wird gearbeitet, am siebten wird gefeiert.***

So entstanden Himmel und Erde: Die Schöpfung. Eine Rekordleistung. Und alles Handarbeit”¹.

Господь Бог приобретает в тексте множество черт обычного человека: он рассуждает, затем приступает к активным действиям, качает с досады головой, проверяя свою «инсталляцию», трудится не покладая рук, страдает от болей в пояснице после напряженной работы и нежится воскресным утром в постели, не желая вставать. Отрывок содержит вкрапления разговорных слов и выражений, в том числе с оценочной семантикой (*Tohuwabohu, Klasse, Prima, dalli*), отражает разговорное произношение отдельных форм (*hab < habe, ne < eine, heut < heute*). Комизм текста усиливается благодаря фразеологическим оборотам, которые, появляясь в нетипичном для них контексте, допускают одновременно со своим актуальным значением и буквальное истолкование (т. н. двойная актуализация): *man sieht ja nicht die Hand vor Augen!; hell wie der lichte Tag; [Himmel und Erde] auf die Beine stellen; sechs Tage wird gearbeitet, am siebten wird gefeiert.*

Комизм другого пассажа, взятого из главы 8 “Alpines Ende einer Schifffreise”, в которой описывается всемирный потоп, достигается иным способом:

*“Eine Woche danach — die Archivare fangen schon an zu maulen und wollen keinen Schiffzwieback und nichts Eingemachtes mehr — wiederholt Noah seinen Taubentest. Und wieder kommt sein Täubchen zurück, doch diesmal ist es mehr als Anhänglichkeit: **die Taube hat einen Ölzweig im Schnabel und sieht aus, wie von Picasso stilisiert.***

***Meine kleine Friedenstaube!** ruft Noah überglücklich aus und hat damit ein*

¹ Denger, Fred. (1994) *Der grosse Boss. Das Alte Testament unverschämt fromm neu erzählt von Fred Denger.* Frankfurt am Main: Eichborn, 17—20.

*Symbol erfunden, das in den kommenden Jahrtausenden kräftig mißbraucht wird. Als Noah die Taube zum drittenmal aussendet, liegt sie geradewege auf den Markusplatz in Venedig. Denn gibt es zwar noch nicht, aber er ist schön trocken”.*²

Автор нарушает логику изложения, смешивая культурные факты разных эпох: голубь, возвращающийся на ковчег с оливковой ветвью в клюве, выглядит точно так, как на рисунке Пикассо, а, отправленный Ноем в третий раз в поисках земли, он приземляется на площадь святого Марка в Венеции. Возглас Ноя: “Meine kleine Friedenstaube!” является аллюзией на созданную вскоре после Второй мировой войны детскую песню “Kleine weiße Friedenstaube”, которая разучивалась в школах и детских садах ГДР и была также хорошо известна в Советском Союзе.

Иначе построена глава “In letzter Sekunde”, посвященная жертвоприношению Авраама (Быт. 22):

“Nach all diesen Geschichten denkt der GROSSE BOSS wieder einmal an Abraham. Muß doch mal gucken, ob der Alte mir wirklich so treu ergeben ist, wie er immer tut. Ich werde einen Test mit ihm machen, daß ihm die Haare zu Berg stehen. Er geht gleich an die Ausführung.

He, Abraham! ruft er eines denkwürdigen Tages vor der Tür des Alten. Bist du da? Jawohlja, antwortet Abraham erschrocken. Du hättest dich räuspern sollen; ich bin nicht mehr der Jüngste. Wo brennt’s denn?

Noch nicht, sagt der GROSSE BOSS. Erst in drei Tagen, weil du mir da deinen Jungen als Brandopfer darbringen wirst.

Abraham starrt den anderen entsetzt an. Was werde ich?

Sattle deinen Esel und reite mit Isaak immer geradeaus, bis du zu einem Berg kommst. Auf dem sollst du deinen Sohn schlachten und mir opfern.

Ich soll Isaak —, stottert der Greis fassungslos. Schmecken dir meine gebratenen Täubchen nicht mehr?

Doch darum geht es dem Grossen Boss nicht; er will nur Abrahams Gehorsam prüfen. Tust du’s oder tust du’s nicht? fragt er nicht ohne Schärfe.

Weil ich an dich glaube, werde ich es tun, sagt Abraham gebrochen. Aber wenn das kein Kannibalismus ist... Am nächsten Morgen belädt er einen Esel mit Brennholz und Reiseproviand, wählt zwei verlässliche Diener und reitet mit Isaak an der Spitze der Truppe zum Schlachtfest. [...]

Schnaufend steigen sie in die Nordwand. Auf halber Höhe fragt Isaak seinen Erzeuger mit messerscharfer Logik: Wozu hast du eigentlich Fackel und Dolch mitgenommen, Pa? Du hast doch gar kein Schaf zum Brandopfer!

Kommt Zeit, kommt Schaf, Junge, sagt sein Vater außer Puste”.

² Ibid.: 40.

Действие дополнено вымышленными диалогами между Богом и Авраамом и между Авраамом и Исааком. Для достижения комического эффекта автор использует семантически соотносимую с обрядом жертвоприношения, но ситуативно неуместную лексику (*Kannibalismus*, *Schlachtfest*) и прибегает к своему излюбленному приему двойной актуализации фразеологизмов: у Авраама во время испытания волосы должны встать на голове (букв. «горой») от ужаса (...*daß ihm die Haare zu Berg stehen*), при том, что Аврааму действительно придется подняться на гору; безобидный вопрос: “*Wo brennt’s?*” («Что случилось?», букв. «Где горит?») приобретает зловещее звучание в преддверии разведения жертвенного костра; выражение *messerscharfe Logik* «убийственная логика» (букв. «острая, как нож, логика») приобретает в данной обстановке буквальный смысл; наконец, в реплике Авраама “*Kommt Zeit, kommt Schaf*” легко угадывается пословица *Kommt Zeit, kommt Rat*. Аналогичным образом строятся и другие главы.

3.2. Особенности языка и стиля книги М. Корпа «*Der Junior-Chef*»

Книга Корпа «*Der Junior-Chef*», вышедшая в 1995 г., является продолжением книги Ф. Денгера. Это пародийное изложение в 96 главах евангельских событий, начинающееся с благой вести, принесенной архангелом Гавриилом деве Марии, и завершающееся воскресением Иисуса. Повествование, опирающееся на синоптические Евангелия и охватывающее основные события земной жизни Иисуса, выполнено в иной манере. С первых страниц книги ощущается фамильярно-ироничное отношение автора к своему герою, обозначаемому как *der Junior-Chef*, «шеф-младший», или, чаще, как *Jessy*. Иоанн Креститель предстает в книге как *Johnny*, святой апостол и евангелист Иоанн — как *Hannu*, остальные персонажи появляются под своими обычными именами. Названия глав, каждая из которых посвящена отдельному событию жизни Христа, говорят сами за себя: «*Lauter runde Wunder*» (о рождении Иисуса), «*Die Sterne lügen nicht*» (поклонение волхвов), «*Ein Wunderknabe geht verloren oder Intelligenztest im Tempel*» (отрок Иисус в Иерусалимском храме), «*Der Bademeister am Jordan*» (крещение Иисуса) и т. д. Весь текст, как диалоги героев, так и авторская речь, выдержан в фамильярно-разговорном стиле, применение которого по отношению к библейскому тексту является, в сущности, одним из немногих приемов автора.

Рассмотрим текстообразующие приемы автора на примере двух отрывков. Так, в главе 8 «Halluzinationen in der Wüste», входящей к главе 4 Евангелия от Матфея и повествующей об искушении Иисуса лукавым, противоборство Иисуса и дьявола представлено как диалог двух молодых людей, один из которых склоняет другого к сомнительным поступкам. Подначивая Иисуса, дьявол смеется над его физическими страданиями: голодом, усталостью, — и его нежеланием доказывать свою божественную сущность:

*“Hallo, Jessy. Ich komme **grad** zufällig auf ‘nem Spaziergang vorbei. Schöne Gegend hier, **wa**? **Machste** Urlaub? **Haste** gar **kein Hunger**? Wenn **de** wirklich der JUNIORCHEF bist, **brauchste** doch bloß aus diesen Kieselbrocken kleine Brötchen zu backen. Komm, [...] ich will **ma** sehn, **waste** kannst. [...] **Finsde** nicht, wir sollten die Diskussion bei einem Glas Wein fortsetzen? Da redet sich flüssiger. Ich **geb** ein aus. Komm, wir **jetten** kurz nach Jerusalem. [...] Komm, spring über deinen Schatten und die Mauer runter. Irgendwer hat doch geschrieben: Er kann den Engeln befehlen. Sie werden dich **ruckizucki** auf Händen tragen, daß dein zarten **Füßken** nich an so’n hartes **Steinken** knallt. [...] Komm, sei kein Frosch. Hüpf schon. [...]”*³

Речь дьявола изобилует отсутствующими в оригинальном тексте деталями, разговорной лексикой (*jetten* (заимств. англ.) «быстро слетать, смотаться», *toll* «отличный, разг. классный»), иронически употребляемыми диалектными диминутивами *Füßken*, *Steinken* (*Füßchen*, *Steinchen*) и особенно просторечными формами, использование которых акцентируется графически (*grad* < *gerade*, *wa* < *was*, *ma* < *mal*, *haste* < *hast du*, *finsde* < *findest du*, *ruckizucki* < *ruck, zuck* (вариант — *ruckzuck*) и т. п.). Речь Иисуса-Джесси, вынужденного апеллировать к цитатам из Библии, более выдержана, но и в ней проскакивают коллоквиализмы:

*“Nein danke. Keine Zeit für **Hocuspokus**. Der Mensch lebt nicht von Brot allein. [...] Ich lebe gerade von Wörtern, die durch den Mund des GROSSEN BOSESSES gehen”*⁴

Экспрессия героя может усиливаться собственными аргументами, выглядящими как аргументы современного человека, многократным повтором и игрой слов, основанной на близости зна-

³ Korth, Michael. (1995) *Der Junior-Chef. Das Neue Testament lammfromm neu erzählt von Michael Korth*. Frankfurt am Main: Eichborn, 51—52.

⁴ Ibid.: 50.

чений глагола *versuchen* «искушать» (библ.) и «пытаться»:

*“Ja, ja. Natürlich kann ich da runterturnen. Aber wozu? Ich bin doch kein Drachenflieger wie du. Sport gehört nicht zu meinen Hobbies. Ich wills auch gar nicht erst versuchen. Du weißt ja, was da alles so passieren kann. In dem Buch, aus dem du zitierst, steht außerdem: Du sollst BOSS, deinen Herrn, nicht **versuchen**. Wenn ichs nicht **versuchen** will, und man nicht **versuchen** soll, warum **versuchst** du dann dauernd, mich zu **versuchen**?”*⁵

Другой отрывок, восходящий к новозаветным эпизодам усмирения бури и спасения Петра (Матф. 14), строится почти исключительно на иронии. Тонущий Петр кажется неуклюжим и жалким, вслед за его неспособностью ходить по воде обнаруживается неумение плавать (что маловероятно для рыбака):

*“Petrus setzt vorsichtig einen Fuß aufs Wasser, dann trippelt er schwankend wie ein Schlittschuheleve auf seinen gespenstischen Meister zu. [...] **Mit einem Plumps saust ihm sein angstschweres Herz in die Unterhose**. Er sinkt langsam ein und blubbert wie Wassermann: Jessy, Hilfe, Hilfe, ich saufe ab. Ich kann nicht schwimmen”*⁶

Джесси-Иисус, приходя на помощь Петру, разрушает своими репликами веру учеников в его божественность:

*“Keine Zauberei, **altes Haus**. Komm her. Man lernt alles **step by step** [...] **Ruhig, ruhig**. Du mußt deine Angst überwinden. [...] Morgen üben wir das bei Tageslicht”*⁷

Комизм создается самой ситуацией при минимальном использовании выразительных средств (стоит, однако, отметить трансформацию фразеологизма *j-m fällt das Herz in die Hose* — *mit einem Plumps saust ihm sein angstschweres Herz in die Unterhose*, фамильярное обращение Иисуса к своему ученику *altes Haus* и варваризм *step by step* — один из многих английских варваризмов, используемых Кортон). Изложенный подобным образом эпизод спасения Петра завершается поклонением Иисусу учеников, мгновенно уверовавших в его божественную сущность. Легкость, с какой ученики это делают, приводит в задумчивость Джесси-Иисуса, восклицаящего: *“Meine Güte, [...] wenn die mich so verehren, wie soll es mir je gelingen, sie zu aufrechten Demokraten zu machen?”* (Ibid.: 201) (еще ранее, в Нагорной пропове-

⁵ Ibid.: 51-52.

⁶ Ibid.: 200.

⁷ Ibid.

ди, описанной Кортм в главе «Prinzip Glasnost & Perestroika», «шеф-младший» провозгласил необходимость демократических перемен). В этом эпизоде, как и во многих других, смешиваются языковые и культурные факты разных эпох.

3.3. Литературные особенности книг Ф. Денгера и М. Корты

Следуя схеме литературоведческого анализа текста, приводимой в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило (Жеребило 2010: 389-390), необходимо отметить тематические, композиционные, идейно-образные особенности рассматриваемых книг Ф. Денгера и М. Корты.

Оба произведения сохраняют библейскую тематику, набор персонажей и основные ветхозаветные и новозаветные сюжетные линии. Композиционная структура обеих книг воспроизводит не столько структуру самой Библии, сколько симфонию на Ветхий и Новый Завет; деление библейского текста на книги, главы и стихи не соблюдается. Эмоциональная тональность обеих книг существенно снижена: возвышенно-назидательное изложение заменяется у Ф. Денгера юмористическим, у М. Корты — ироническим, иногда саркастическим, что сближает произведение последнего с книгами Л. Таксиля. Образы Всевышнего и библейских персонажей приобретают новую трактовку: это, в сущности, современники Денгера и Корты, обычные люди с их слабостями, склонностями, интересами и установками, помещенные в библейские ситуации, но воспринимающие их с позиций человека конца XX в. Десакрализация языка и содержания этих произведений не стирает грань между божественным и профанным: первое отступает в библейской пародии на задний план, тогда как второе, приобретая новую оболочку, лишь утверждается в ней.

Таким образом, Ф. Денгер и М. Корт, используя различные механизмы пародирования, создают на основе библейских текстов смешное и несколько карикатурное изображение современной действительности, вставленное в библейскую форму. Это наблюдение позволяет не согласиться с высказыванием В. М. Пивоева:

«Пародия добивается снятия устоявшихся форм и художественных систем... [Она] направлена против формы и выражает эмоционально-ценностное отношение (чаще всего ироническое), благодаря чему дискредитируется содержание, утратившее ценность, с позиций нового содержания, новых идей, требующих новой формы. Худо-

жественные ценности перестают удовлетворять потребностям общества и оно их переоценивает» (Пивоев 1983: 128-130).

Думается, что содержание библейского текста не утрачивает своей ценности и не требует новой формы. Читатель библейской пародии смеется не над текстом Библии — он смеется над тем, как окружающая его действительность оказывается помещенной в необычную, стилистически неуместную форму.

4. Заключение

Вышеизложенная дискуссия и анализ отдельных отрывков позволяют подвести итоги исследования следующим образом.

Литературная пародия представляет собой метажанр, для которого характерны двуплановость, проявляющаяся в одновременной обращенности к пародируемому тексту и к читателю-современнику пародиста, и экспрессивно-критическое переосмысление исходного произведения. В библейских пародиях подвергается осмеянию не исходный текст, а отдельные черты современной действительности, изображенные в стилизованной форме; комизм пародии состоит в несоответствии между новым содержанием текста и формой, заимствованной из прецедентного текста.

Библейские пародии, при всем их разнообразии, обладают рядом общих черт. Это, в первую очередь, десакрализация содержания — юмористическое, ироническое или сатирическое его изложение, сочетание обиходно-разговорного языка (просторечия, сленга) и библейских формул, сознательное нарушение логики изложения, трансформация художественного пространства и времени библейского текста, смешение фактов разных культурных эпох.

Список литературы / References

- Бахтин М. М.* Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297—325. [Bakhtin, Mikhail M. (1986). *Opyt filosofskogo analiza (Attempt of Philosophical Analysis)*. In Vocharov, S. G. (ed.) *Estetika slovesnogo tvorchestva (Esthetics of Literary Creativity)*. Moscow: Iskuststvo, 297—325 (In Russian)].
- Бахтин М. М.* Рабочие записи 60-х — начала 70-х гг. Тетрадь 2 // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 385—410. [Bakhtin, Mikhail M. (2002). *Rabochiye zapisi 60-kh — kontsa 70-kh gg. Tetrad' 2 (Notes of the 60-ies — ear-*

- ly 70-ies. Copybook 2). In Bakhtin, Mikhail M. *Works in 7 vols.* Vol. 6. Moscow: Russkiye slovari; Yazyki slavyanskoj kultury, 385—410. (In Russian).
- Гаспаров М. Л. Пародия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. [Gasparov, Mikhail L. (2001). Parodiya (Parody). In Nikol'yukin, Aleksandr N. (ed.) *Literaturnaya entsyklopediya terminov i ponyatij* (Encyclopedia of Literary Terms and Notions). Moscow: Intelvak. (In Russian)].
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. [Zherebilo, Tatiana V. (2010). *Slovar lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Nazran: Piligrim (In Russian)].
- Компьютерная Библия (2020, April 30). [Kompyuternaya Bibliya (The Computer Bible)]. Retrieved from: <http://www.anafor.ru/other/compbible.htm>
- Маяковский В. В. Мистерия-буфф (второй вариант) // Маяковский В. В. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. С. 452—547. [Mayakovskiy, Vladimir V. (1988) *Misteriya-buff* (Mystery-Buff, variant 2). In *Mayakovskiy V. V. Works in 2 vols.* Vol. 2. Moscow: Pravda, 452—547. (In Russian)].
- Москвин В. П. Лингвистическая стилизация и пародия // Русская речь. 2004. № 2. С. 45—57. [Moskvin, Vasiliy P. (2004). *Lingvisticheskaya stilizatsiya i parodiya* (Linguistic Stylization and Parody). *Russkaya Rech*, 2, 45—57. (In Russian)].
- Новиков В. И. Литературная пародия и ее жанровые разновидности. Дис. ... канд. филол. наук. 10.01.08. М.: Московский гос. ун-т, 1979. [Novikov, Vladimir I. (1979) *Literaturnaya parodiya i ee zhanrovye raznovidnosti* (Literary Parody and Its Varieties). PhD in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Пивовев В. М. Пародия и комическое (К вопросу о жанровой специфике пародии) // Жанр и композиция литературного произведения / Под ред. М. М. Гина. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1983. С. 121—130. [Pivojev, Vasiliy M. (1983) *Parodiya i komicheskoye* (K voprosu o zhanrovoj spetsifike parodii) (Parody and Comism (On the Genre Specific of Parody)). In Gin, Moisey M. (ed.) *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* (Genre and Composition of a Literary Work). Petrozavodsk: University Press, 121—130. (In Russian)].
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. [Putilov, Boris N. (1994) *Folklor i narodnaya kultura* (Folklore and Folk Culture). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Сысоева О. А. Литературная пародия: проблема жанра // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 330—335. [Sysoyeva, Olga A. (2013) *Literaturnaya parodiya: problema zhanra* (Literary parody: the Genre Problem. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 5 (1), 330—335. (In Russian)].
- Таксилъ А. Забавная Библия. М.: Политиздат, 1964. [Taxil, Léo. (1964) *Zabavnaya Bibliya* (The Amusing Bible). Moscow: Politizdat. (In Russian)].

- Таксиль А. Забавное Евангелие. М.: Политиздат, 1965. [Taxil, Léo. (1965) *Zabavnoye Evngeliye* (The Amusing Gospel, or The Life of Jesus). Moscow: Politizdat. (In Russian)].
- Трахтенберг Л. А. Русская рукописная пародия XVII–XVIII веков в контексте теории смеховой культуры. М.: МАКС Пресс, 2015. [Trakhtenberg, Lev A. (2015) *Russkaya rukopisnaya parodiya XVII–XVIII vekov v kontekste teorii smekhovoy kultury* (Russian Parody in Manuscripts of the 17th — 18th c. in the Context of the Theory of Popular Laughter Culture. Moscow: MAKS Press. (In Russian)].
- Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977а. С. 198—226. [Tynyanov, Yuri N. (1977a) Dostoevsky i Gogol' (k teorii parodii) (Dostoevsky and Gogol (On the Theory of Parody)). In *Poetika. Istoriya literatury. Kino* (Poetry. History of Literature. Cinema). Moscow: Nauka, 198—226. (In Russian)].
- Тынянов Ю. Н. О пародии // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977б. С. 284—309. [Tynyanov, Yuri N. (1977b) O parodii (On Parody). In *Poetika. Istoriya literatury. Kino* (Poetry. History of Literature. Cinema). Moscow: Nauka, 284—309. (In Russian)].
- Шток И. В. Божественная комедия. Подробная история сотворения мира, создания природы и человека, первого грехопадения, изгнания из рая и того, что из этого вышло [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/shtok_isidor/bogestvennaya_komediya.html (дата обращения: 30.04.2020). [Shtok, Isidor V. (2020, April 30) *Bozhestvennaya komediya. Podrobnaya istoriya sotvoreniya mira, sozdaniya prirody i cheloveka, pervogo grekhopadeniya, izgnaniya iz raya i togo, chto iz etogo vyshlo* (The Divine Comedy. The story of the Creation of the World and the Man, the First Sin, Expulsion from the Paradise and What Was Out of It). Retrieved from https://royallib.com/book/shtok_isidor/bogestvennaya_komediya.html
- Яковенко Е. Б. Тексты псевдобиблейской и антибиблейской направленности: манипуляции с материалом и читателем // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Ленанд, 2016. С. 310—321. [Yakovenko, Yekaterina B. (2016) *Teksty psevdobibleyskoj i antibibleyskoj napravlenosti: manipulatsii s materialom i chitatelem* (Pseudobiblical and Antibiblical Texts: Manipulating the Content and the Reader). In Arutyunova, Nina D. (ed.) *Logicheskij analiz yazyka. Informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epokh* (Logical Analysis of Language. Informational Structure of Texts of Various Genres and Periods). Moscow: Lenand, 2016, 310—321.
- Ярославский Е. Библия для верующих и неверующих. М.: Политиздат, 1958. [Yaroslavskiy, Emelyan. (1959) *Bibliya dlya veruyush'ikh i ne-veruyush'ikh* (The Bible for Belivers and Unbelievers). Moscow: Politizdat. (In Russian)].

- Baetzhold, Howard G., & McCullough, Joseph B. (eds) (1996) *The Bible according to Mark Twain: Irreverent Writings on Eden, Heaven, and the Flood by America's Master Satirist*. New York: Touchstone.
- Plotke, Seraina, & Seeber, Stefan. (2016) Parodie und Verkehrung. Versuch einer Annäherung. In Plotke, Seraina, & Seeber, Stefan. (eds) *Parodie und Verkehrung: Formen und Funktionen spielerischer Verfremdung und spöttischer Verzerrung in Texten des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 7—18.
- Seeber, Stefan. (2016) Grüße nach Eilenburg. Johannes Zschorns Vorrede zu seiner 'Aithopika'-Übersetzung (1559). In Plotke, Seraina, & Seeber, Stefan. (eds) *Parodie und Verkehrung: Formen und Funktionen spielerischer Verfremdung und spöttischer Verzerrung in Texten des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 89—110.
- Verweyen, Theodor, & Witting, Gunther. (2003) Parodie. In Müller, Jan-Dirk. (ed.) *Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft*. Bd. 3. Berlin; New York: De Gruyter, 23—24.
- Wilpert, Gero. (1961) *Sachwörterbuch der Literatur*. Stuttgart: Kröner.

Yekaterina B. Yakovenko
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Biblical Parodies as a Particular Variety of Texts

Biblical parodies belonging to the periphery of biblical discourse are a particular group of texts formally correlated with the text of the Bible but displaying at the same time certain autonomy as for their content. The present study aimed at studying the mechanism of creating comism in a biblical parody, touches upon such problems as the essence of parody as genre (meta-genre), differentiation of marginal phenomena of biblical discourse, the specific of biblical parodies in general and those appearing in modern German literature, in particular. The work covers a wide range of fiction texts in different languages, based on the text of the Bible and manifesting features of parody. Contentual and linguistic features of modern German biblical parodies are investigated on the basis of the books of F. Denger "Der große Boss" and M. Korth "Der Junior-Chef".

Key words: Biblical discourse; the Bible; parody; parody-like character of the text; desacralization of the text

МОЛОДЕЖНАЯ ПЛОЩАДКА

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕМЕЦКО- ЯЗЫЧНОГО ЧЕРНОГО ЮМОРА

(на примере речевых жанров повседневного дискурса)

Черный юмор как один из ключевых носителей культурной информации рассматривается в статье в лингвокультурологическом аспекте. Выявляются лингвокультурные особенности немецкого и австрийского дискурсов черного юмора, которые находят отражение в его жанровом своеобразии. Выделяются жанры, характерные для черного юмора, а также их отличительные черты, позволяющие отнести жанр некролога и жанр надгробной эпитафии в юмористическом дискурсе к жанрам черного юмора. Определяются критерии, согласно которым жанры повседневного юмористического дискурса становятся жанрами черного юмора.

Ключевые слова: немецкий язык; черный юмор; повседневный дискурс; речевой жанр; бытовая шутка; некролог; надгробная эпитафия

1. Введение

Юмор с давних времен играет огромную роль в жизни человека. На сегодняшний момент его можно рассматривать как одну из ключевых социокультурных реалий, так как он в полной мере отражает национально-культурную специфику народа.

Юмор (наряду с иронией, сарказмом и сатирой) является одним из основных проявлений комического. В. Д. Девкин определяет комическое как эстетическую категорию, которая обусловлена особой формой мысли, специфическим восприятием действительности (Девкин 1998: 5). Согласно Ю. Б. Бореву, в юморе заложена определенная нравственная позиция, моральные качества и серьезное отношение к объекту смеха (Борев 1970: 78).

Особой разновидностью юмора является черный юмор. В настоящий момент не существует точного определения понятия «черный юмор», поскольку он представляет собой один из сложнейших и уникальных социокультурных феноменов. В общем смысле черный юмор можно определить как «юмор, который находит смешное в жестоком и ужасном» (Флеонова 2003: 10).

Черный юмор ранее становился предметом лингвистического исследования. Так, изучением американского черного юмора занимались А. И. Лаврентьев, О. В. Кузнецова, англий-

ского — О. Л. Флеонова, О. В. Эпштейн, Е. Е. Жук, И. И. Коси-
нец, французского — С. Б. Дубин, Л. В. Бородина, русского —
М. А. Евстафьева.

Однако немецкоязычный черный юмор, несмотря на свою популярность, на сегодняшний день мало изучен. Поскольку черный юмор в полной мере отражает национально-культурную специфику народа, это позволяет рассматривать данное явление не только в лингвистическом, но и в лингвокультурологическом аспекте.

Цель нашей работы заключается в выявлении лингвокультурных особенностей, присущих только немецкоязычному черному юмору.

Эмпирической базой исследования послужили шутки и анекдоты, стихи и рассказы, загадки, некрологи и эпитафии, взятые из немецкоязычных печатных и интернет-источников, объединенные ключевой в поле черного юмора темой — темой смерти.

Юмор транслирует сведения о быте и истории, обычаях и традициях, менталитете того или иного народа. Данная социокультурная информация заключена, в первую очередь, в темах, которые его представители находят смешными. Тематическая классификация юмора чаще всего является предметом изучения (М. А. Кулинич, В. П. Белянин, И. А. Бутенко, М. А. Евстафьева). Темы немецкоязычного черного юмора можно разделить на две большие группы: универсальные темы, которые в большей или меньшей степени находят отражение во всех культурах, и культурно-специфические темы, в которых представлены социокультурные особенности того или иного народа (Kuzovnikova 2019: 313). Культурно-специфические темы черного юмора являются наиболее информативным материалом для лингвокультурологических исследований.

Не только в тематике, но и в особенностях построения дискурса прослеживается национальная специфика. Говоря о структуре дискурса, мы, в первую очередь, имеем в виду специфику дискурсивной структуры текстов в разных речевых жанрах, как будет показано далее.

М. М. Бахтин определяет речевой жанр как относительно устойчивый тип высказывания, выработанный определенной сферой использования языка (Бахтин 1996: 159). М. Ю. Федосюк предлагает рассматривать речевые жанры как «устойчивые те-

матические, композиционные и стилистические типы текстов, а не высказываний» (Федосюк 1997: 104). Мы полагаем, что наиболее полным и отражающим суть является определение А. М. Морозовой, которая понимает под речевым жанром

«вербальное оформление типичной ситуации взаимодействия людей, совокупность текстовых произведений, имеющих сходные композиционные формы, объединенных единой целью и до определенной степени одинаковой или близкой тематикой, реализующиеся в типичной коммуникативной ситуации» (Морозова 2013: 217).

Разграничения жанров осуществляется на основании релевантных для данной процедуры критериев. Т. В. Шмелева называет их «жанрообразующими» и выделяет 7 конститутивных признаков: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное (событийное) содержание, языковое воплощение (Шмелева 1997).

Все речевые жанры, согласно М. М. Бахтину, подразделяются на первичные (простые), которые складываются в условиях непосредственного общения, и вторичные (сложные), возникающие в условиях более сложного культурного взаимодействия: художественного, общественно-политического, научного и т. д. (Бахтин 1996: 159). Т. В. Шмелева выделяет 4 типа речевых жанров, руководствуясь главным жанрообразующим признаком — коммуникативной целью: информативные, императивные, оценочные и этикетные (Шмелева 1997). А. М. Морозова, в свою очередь, предлагает классифицировать жанры по их функциональной направленности и выделяет репрезентативные, декларативные, оценочные, коммуникативные, карикатурные, фатические, референтные, аккумулятивные и конативные жанры (Морозова 2013: 220-221). Кроме того, выделяются конвенциональные и неконвенциональные, риторические и нериторические речевые жанры.

Говоря о речевых жанрах в аспекте черного юмора, мы придерживаемся классификации Ю. В. Щуриной, которая рассматривает жанр бытовой шутки как первичный речевой жанр в сфере комического. Все остальные жанры (шутливый афоризм, влеризм, фразка, диалогическая миниатюра, эпиграмма и др.), по ее мнению, являются вторичными (Щурина 1999: 147).

2. Результаты исследования и их обсуждение

При рассмотрении речевых жанров повседневного немецкоязычного дискурса, содержащего черный юмор, представляется целесообразным выделить в качестве исходного жанр бытовой шутки.

Немецкая шутка (*der Witz*) имеет четкую структуру. Как правило, она включает экспозицию, в которой содержатся сведения о ситуации и героях, и кульминацию, в которой раскрывается двойное значение, позволяющее реципиенту интерпретировать прочитанное или услышанное. При этом самыми распространенными формами построения текстов являются монолог, диалог и вопросно-ответная форма.

Например, следующая шутка представляет собой диалог врача и пациента:

- (1) *Patient: „Doktor, wie lange habe ich noch zu leben?“*
Doktor: „Zehn.“
Patient: „Wie zehn? Zehn Monate, Wochen, Tage?“
Doktor: „Neun...“¹

Из вступления (экспозиции) мы узнаем, что действие происходит в больнице. Пациент, один из главных героев, пытается узнать у врача, второго героя, сколько ему осталось жить, на что получает неоднозначный ответ: «Десять». Не понимая, о чем идет речь, он начинает перебирать варианты: «Десять месяцев? Недель? Дней?». Ответ врача является кульминацией и создает неожиданный комический эффект: он считает от 10 до 1. При этом истинный смысл высказывания скрыт от пациента, то есть он должен самостоятельно при помощи логических умозаключений догадаться о своей скорой смерти.

Жанр бытовой шутки представлен и в более сложных формах — стихотворениях, включая короткие рифмовки, особо популярные среди детей, и прозе, точнее в ее малых формах — рассказах. Так, историю «Ein Wort gibt das andere» Иоганна Петера Гебеля об одном джентльмене из Швабии, отправившего сына в Париж учить французский язык, знает каждый немец: слуга, приехавший навестить хозяина во Францию, рассказывает ему о новостях, произошедших дома в период его отсутствия. Причем новости описывают беды и несчастья, навалившиеся на семью

¹ <https://www.aberwitzig.com>

шваба как снежный ком. В конце кульминация достигает своего пика, когда слуга добавляет, что не так уж и много нового:

- (2) *Nicht viel Neues, Herr Wilhelm, als daß vor 10 Tagen Euer schöner Rabe krepirt ist, den Euch vor einem Jahr der Waidgesell geschenkt hat. <...> Drum hat er zu viel Luder gefressen, als unsere schönen Pferde fielen, eins nach dem andern. <...> Drum sind sie zu sehr angestrengt worden mit Wasserführen, als uns Haus und Hof verbrannte, und hat doch nichts geholfen. <...> Drum hat man nicht aufs Feuer acht gegeben an Ihres Herrn Vaters seliger Leiche, und ist bey Nacht begraben worden mit Fackeln. So ein Füncklein ist bald verzettelt. <...> Drum eben hat sich Ihr Herr Vater seliger zu todt gegrämt, als Ihre Jungfer Schwester ein Kindlein gebar, und hatte keinen Vater dazu. Es ist ein Büblein. Sonst gibt's just nicht viel Neues.*²

Для создания комического эффекта автор использует стилистический прием градации, описывая неприятности в семье господина Вильгельма по возрастающей значимости: начиная смертью его ворона и заканчивая гибелью его отца, что позволяет удерживать внимание читателя до самой развязки.

Говоря о жанре бытовой шутки в форме стихотворения в немецкоязычном черном юморе, следует особо отметить короткие рифмовки как разновидность жанровой формы, так называемые «Alle-Kinder-Witze». Смеховую реакцию реципиента вызывает, как правило, вторая ее часть, которая предлагает ему догадаться о трагическом исходе событий:

- (3) *Alle Kinder schneiden den Apfel mit dem Messer außer Hagen, der hat's im Magen.*³
- (4) *Alle Kinder verbrennen die Möbel; außer Frank, der sitzt im Schrank.*⁴

Согласно классификации жанрообразующих признаков Т. В. Шмелевой, жанр немецкоязычной бытовой шутки можно отнести к группе оценочных речевых жанров. Главная коммуникативная цель шутки заключается в достижении комического эффекта, который в случае успеха коммуникации вызывает у реципиента смех. Образы автора и адресата выражены, как правило, имплицитно. Они являются значимыми факторами, так как от реакции адресата, связанной, в первую очередь, с нали-

² https://de.wikisource.org/wiki/Ein_Wort_giebt_das_andere (в цитате сохранена графика оригинала).

³ <https://www.aberwitzig.com>

⁴ Ibid.

чием чувства юмора и принятия или непринятия черного юмора как такового, зависит успех всей коммуникации. Важным признаком бытовой шутки как жанра в контексте черного юмора выступает также диктумное (событийное) содержание. Тема смерти и всего, что может быть с ней связано, объединяет все шутки с черным юмором.

К речевым жанрам повседневного немецкоязычного дискурса относятся также шуточные загадки (*das Rätsel*). Характерной особенностью загадки как речевого жанра является направленность на реципиента (отгадывающего), которая определяет и ее содержание (например, загадки для детей или взрослых). Все загадки, как правило, строятся по одному принципу и состоят из двух частей: самой загадки — вопроса и отгадки — ответа на нее. В контексте черного юмора загадки интересны тем, что ответы могут быть максимально необычными и неожиданными, тем самым вызывая смеховую реакцию реципиентов. Наиболее популярными среди таких загадок являются так называемые „*Letzte Worte-Witze*“, в которых описываются ситуации, приводящие главного героя к нелепой смерти. Так, в следующем примере последними словами техника-взрывника стали: «Да, это красный провод».

- (5) *Berühmte letzte Worte des Sprengmeisters?*
„*Ja, es ist der rote Draht*“⁵

Шуточные загадки такого рода существуют во многих культурах. На этом фоне специфичными именно для австрийского и немецкого дискурсов черного юмора представляются такие речевые жанры, как некролог и надгробные эпитафии, не свойственные другим культурам.

Некрологи, или «траурные изречения» (*Trauersprüche*) существуют в австрийской лингвокультуре как в устной, так и в письменной формах. Их главная коммуникативная цель — выражение соболезнований и сострадания родственникам умерших людей. Жанр некролога относится к группе этикетных речевых жанров, поскольку с его помощью осуществляется некий акт в социальной сфере, предусмотренный этикетом определенного социума (у немцев и австрийцев принято выражать соболезнова-

⁵ <https://www.aberwitzig.com>

ния родственникам и друзьям покойного в письменной и устной формах). Приведем несколько цитат из траурных речей:

- (6) „*Man stirbt nur einmal — und für so lange!*“ (Molière)⁶
- (7) „*Ein Mensch sieht ein, dass wer, der stirbt, den andern nur den Tag verdirbt.*“ (Eugen Roth)⁷
- (8) „*Manche Männer sind dafür geschaffen, eines Tages glückliche Witwen zu hinterlassen.*“ (Robert Lembke)⁸

Образ адресата является значимым фактором при определении некролога как речевого жанра и влияет на диктумное содержание, языковое воплощение и образ автора. В качестве потенциального адресата в данном случае выступают скорбящие родственники. Автор траурного изречения как инициатор высказывания не только делится мнением о личности погибшего, но и выражает свое отношение к жизни и смерти, что проявляется, в первую очередь, в содержательном наполнении. Тема смерти является неотъемлемой частью любого некролога (траурного изречения).

Говоря о языковом воплощении, стоит отметить, что при создании некрологов очень часто прибегают к цитатам и афоризмам известных людей. Афоризм можно также квалифицировать как отдельный речевой жанр, который обладает тематической и логико-прагматической завершенностью и лаконичностью формы выражения мысли, а также носит познавательный, поучительный или воспитательный характер. Вместе с тем некролог можно рассматривать как отдельный вторичный речевой жанр.

Надгробные эпитафии (Grabsteinsprüche) или «шутливые» эпитафии, как их называет М. М. Бахтин (Бахтин 1996: 192), наиболее распространены в Австрии, которая ассоциируется у представителей других культур не только с вальсами и цветами: хорошо известно особое отношение австрийцев к погребальной культуре. Тема смерти и всего, что с ней так или иначе может быть связано, часто встречается в юмористическом творчестве австрийцев, которые склонны иронизировать над неизбежным событием в жизни каждого человека. Надгробные плиты не

⁶ <http://www.beileid.de/zehn-humorvolle-trauersprueche/>

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

стали исключением:

- (9) *Ging im Wald das Fällan,
liebe Arbeit, die ich hat getan.
Da trifft mich auch ein schneller Tod
Ein stürzender Baum schlug mich gleich Tod.*⁹

Надгробную (или шутивную) эпитафию можно считать разновидностью бытовой шутки и отнести также к оценочным речевым жанрам, так как она имеет целью показать свое отношение к смерти как к экзистенциальной проблеме и вызвать смеховую реакцию у реципиента. При этом очень важен образ автора и образ адресата, которые, хотя и выражены имплицитно, заключены в содержании. Автор, обладающий хорошим чувством юмора, видит в потенциальном адресате себе подобного — человека, как минимум, понимающего юмор. В противном случае коммуникативная цель не будет достигнута.

Что касается диктумного содержания, то австрийские надгробные эпитафии описывают, как правило, либо то, какими качествами обладал умерший человек при жизни, либо то, как он умер. Зачастую обыгрываются и профессии покойных людей. При этом эпитафии могут иметь стихотворную форму и включать элементы народного творчества, в частности, пословицы и поговорки. Так, следующий пример взят с надгробной плиты могильщика, на которой написана всем известная поговорка «*Wer andern eine Grube gräbt, fällt endlich selbst hinein*» — «Не рой другому яму, сам в нее попадешь». Комический эффект достигается, когда реципиент сопоставляет поговорку с профессией умершего человека.

- (10) *Grab eines Totengräbers:
„Wer kaum hat 90 Jahr gelebt
und scharfte manchen ein.
Wer andern eine Grube gräbt
Fällt endlich selbst hinein“*¹⁰

Говоря о языковом воплощении как о критерии, позволяющем рассматривать надгробную эпитафию как разновидность

⁹ <https://www.myheimat.de/kirchhain/kultur/ein-ungewoehnlich-lustiger-friedhof-m1285-489,860942.html>

¹⁰ <https://www.myheimat.de/kirchhain/kultur/ein-ungewoehnlich-lustiger-friedhof-m1285-489,860942.html>

жанра бытовой шутки, стоит отметить, что эпитафии на австрийских кладбищах отличаются большой образностью. Часто встречается обыгрывание на лексическом уровне. Так, в следующем примере обыгрывается многозначность глагола *rechnen*:

(11) *Grab eines Mathematikers*: „*Damit hat er nicht gerechnet*“.¹¹

Основное значение глагола — *1b. zählen, indem man von etwas ausgeht, etwas als Einheit, Ausgangspunkt usw. benutzt* — вычислять, считать, что напрямую связано с деятельностью математиков. Но имеется в виду другое значение, а именно — *5b. Als möglich und wahrscheinlich annehmen, erwarten* — предполагать, что что-то возможно (Duden-Online).

В другой эпитафии смех реципиента вызывает обыгрывание омонимии слов „*wieder*“ — *снова*, „*kehren*“ — *подметать* и глагола „*wiederkehren*“ — *возвращаться*. «Она никогда не будет снова подметать», — зафиксировано на плите уборщицы, но подразумевается, что она никогда не вернется:

(12) *Grab einer Putzfrau*: „*Sie wird nie wieder kehren*“.¹²

Типичным для такого рода надгробных текстов является использование фразеологизмов, связанных со смертью, которые широко представлены в немецком языке. Так, в следующем примере обыгрывается фразеологизм „*den Löffel abgeben*“ (досл. «сдать ложку») в значении ‘умереть’ (разг. ‘отдать коньки’, ‘откинуть концы’). Таким образом, становится понятным, что покойный был по профессии поваром: «он сдал ложку».

(13) *Grab eines Kochs*: „*Er hat den Löffel abgegeben*“.¹³

Тот факт, что подобного рода тексты на могильных плитах австрийских кладбищ не редкость, позволяет нам выделить ключевые особенности австрийского, в частности, венского черного юмора, так называемого *Wiener Schmah*, которые отличают его от других: несмотря на то, что в большинстве своем он мрачный и жестокий, он изящен и полон самоиронии.

Если считать, что немецкий менталитет отличается классическим подходом ко всему, что касается юмора, то широкое рас-

¹¹ <https://schlechtewitze.com/>

¹² <https://schlechtewitze.com/>

¹³ Ibid.

пространение шуток, описывающих те или иные события в форме монолога, диалога или вопроса-ответа, являются в Германии предпочтительным речевым жанром. В Австрии наблюдается более креативный подход: именно в австрийской культуре получили распространение шуточные эпитафии и некрологи. Следует отметить, что австрийский (венский) черный юмор выделяется наличием образности в «мрачных» текстах.

3. Выводы

Наблюдения над немецким и австрийским дискурсами черного юмора позволяют сделать следующие обобщения. Все приведенные примеры (кроме бытовой шутки) относятся к вторичным (сложным) речевым жанрам, так как обусловлены определенными культурными маркерами и содержат элементы первичных (например, жанра бытовой шутки) речевых жанров.

По функциональной направленности некрологи, в которых часто используются афоризмы или цитаты известных персон, можно отнести к группе декларативных юмористических жанров; «шуточные» надгробные эпитафии в зависимости от функции — к репрезентативным или оценочным жанрам. Если речь идет об объективном представлении чего-либо, в частности о жизни и судьбе умершего человека, то к первой группе; если мы говорим об отношении, оценке автора юмористического текста к покойному, то ко второй группе.

Приведенный материал также позволяет утверждать, что немецкоязычный черный юмор обладает рядом лингвокультурных особенностей, присущих исключительно немецкой и австрийской культурам, которые проявляются не только в тематическом наполнении, но и в дискурсивной структуре текстов.

Список литературы / References

- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Собр. Соч. в 7 т. Т. 5: Работы 1940-1960 гг. М.: Русские словари, 1996. С. 159—206. [Bahtin, Mikhail M. (1996) Problema rechevykh zhanrov (The problem of Speech Genres). In Bahtin, Mikhail M. *Sobraniye sochineniy* (Collected Works). In 7 vols. Vol. 5. Moscow: Russkiye slovari, 159—206. (In Russian)].
- Белянин В. П., Бутенко И. А.* Антология черного юмора / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. М.: ПАИМС, 1996. [Belyanin, Valeriy P., Butenko, Irina A. (1996) *Antologiya chernogo yumora* (An Anthology of Black Humor). Moscow: PAIMS. (In Russian)].

- Борев Ю. Б. Комическое. М.: Искусство, 1970. [Borev, Yuriy B. (1970) *Komicheskoe* (The Humorous). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Бородина Л. В. Лингвопортрет автора в дискурсе черного юмора (на материале русского и французского анекдота) // Вестник Московского государственного областного университета; сер. Лингвистика. 2011. № 3. С. 159—163. [Borodina, Lali V. (2011) *Lingvoportret avtora v diskurse chernogo yumora* (na materiale russkogo i frantsuzskogo anekdota) (Linguistic portrait of the Author in the Black Humor Discourse (based on Russian and French Jokes)). *Bulletin of the Moscow Region State University*. Series: Linguistics, 3, 159—163. (In Russian)].
- Девкин В. Д. Занимательная лексикология. М.: ВЛАДОС, 1998. [Devkin, Valentin D. (1998) *Zanimatel'naya leksikologiya* (The Entertaining Lexicology). Moscow: VLADOS. (In Russian)].
- Дубин С. Б. Сюрреалистический черный юмор и его романтические истоки. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. М.: Московский гос. ун-т, 1998. [Dubin, Sergei B. (1998) *Surrealisticheskiy cherny yumor i ego romanticheskiye istoki* (Surreal Black Humor and Its Romantic Origins). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Евстафьева М. А. Тематическое поле черного юмора // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта; сер.: Филология, педагогика, психология. 2017. № 4. С. 24—31. [Evstafeva, Marina A. (2017) *Tematicheskoye pole chernogo yumora* (The Thematic Field of Black Humor). *IKBFU's Vestnik*, 4, 24—31. (In Russian)].
- Жук Е. Е. Лингвокультурные особенности британского и американского юмора (на материале произведений П. Г. Вудхауса и О. Генри) // Вестник МГОУ. Лингвистика. 2013. № 4. С. 22—27. [Zhuk, Ekaterina E. (2013) *Lingvokul'turnye osobennosti britanskogo i amerikanskogo yumora* (na materiale proizvedeniy P. G. Vudkhausa i O. Genri) (Linguocultural features of British and American humor (based on the works of P. G. Woodhouse and O. Henry)). *Bulletin of the Moscow Region State University*, 4, 22—27. (In Russian)].
- Карасик А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2001. [Karasik, Andrey V. (2001) *Lingvokul'turnye kharakteristiki angliyskogo yumora* (Linguocultural characteristics of English humor). PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University. (In Russian)].
- Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. Межвуз. сб. науч. тр. 1997. Вып. 3. С. 144—153. [Karasik, Vladimir I. (1997) *Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya* (Anecdote as a Subject of Linguistic Study). In Demytyev, Vadim V. (ed.) *Zhanny rechi*, 3. Saratov: Saratov State University, 144—153. (In Russian)].
- Косинец И. И. Черный юмор сквозь призму теории В. Раскина и С. Аттардо (на материале русских и английских анекдотов) // Филоло-

- гические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №11/1. С. 111—115. [Kosinets, Inna I. (2014) Cherny yumor skvoz' prizmu teorii V. Raskina i S. Attardo (na materiale russkikh i angliiskikh anekdotov) (Black Humor in the Light of Theory of V. Raskin and S. Attardo (Exemplified by the Russian and English Jokes)). *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11/1, 111—115. (In Russian)].
- Кузнецова О. В. Особенности американского «черного юмора» на материале рассказов Д. Тэрбера // Язык и культура. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2013. № 9. С. 200—207. [Kuznetsova, Ol'ga V. (2013) Osobennosti amerikanskogo «chernogo yumora» (na materiale rasskazov D. Terbera) (Features of the American “Black Humor” (Based on D. Terber’s Short Stories)). *Language and culture*, 9, 200—207. (In Russian)].
- Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора на материале английского языка. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. [Kulinich, Marina A. (1999) *Lingvokul'turologiya yumora na materiale angliiskogo yazyka* (Cultural Linguistics of Humor based on the English Language). Samara: Samara State Pedagogical University. (In Russian)].
- Лаврентьев А. И. «Черный юмор» и американский характер. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2009. [Lavrentyev, Aleksandr I. (2009) «*Cherny yumor*» i amerikanskiy kharakter (“Black Humor” and the American Character). Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].
- Морозова А. М. Жанровая специфика юмористического дискурса // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2013. № 1. Т. 1. С. 216—222. [Morozova, Anastasiya M. (2013) Zhanrovaya spetsifika yumoristicheskogo diskursa (Genre Specifics of Humorous Discourse). *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 1, vol. 1, 216—222. (In Russian)].
- Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102—121. [Fedosyuk, Mikhail Ju. (1997) Nereshennye voprosy rechevykh zhanrov (Unsolved Problems of Speech Genres). *Topics in the Study of Language*, 5, 102—121. (In Russian)].
- Флеонова О. Л. Лингвостилистические и семиотические особенности американской литературы черного юмора. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Московский гос. ун-т, 2003. [Fleonova, Ol'ga L. (2003) *Lingvostilisticheskiye i semioticheskiye osobennosti amerikanskoy literatury chernogo yumora* (Linguostylistic and Semiotic Features of American Literature of Black Humor). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Шмелева Т. В. Модель речевого акта // Жанры речи. Межвуз. сб. науч. тр. 1997. Вып. 1. С. 68—79. [Shmeleva, Tat'yana V. (1997) Model' rechevogo akta (A Speech Act Model). In Demytyev, Vadim V. (ed.) *Zhany rechi*, 1. Saratov: Saratov State University, 68—79. (In Russian)].
- Щурина Ю. В. Шутка как речевой жанр. Автореф. дис. ... канд. филол.

- наук: 10.02.10. Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 1997. [Shchurina, Yuliya V. (1997) *Shutka kak rechevoy zhanr* (A Joke as a Speech Genre). Extended abstract of PhD thesis in Philology. Novgorod: Novgorod State University. (In Russian)].
- Эпштейн О. В. Лингвокультурный феномен черного юмора. Оренбург: Оренбургский гос. ун-т, 2014. С. 122—126. [Epshtein, Ol'ga V. (2014) *Lingvokul'turny fenomen chernogo yumora* (Linguocultural Phenomenon of Black Humor). Orenburg: Orenburg State University, 122—126. (In Russian)].
- Duden-Online. (2019, January 25). Retrieved from <http://www.duden.de>.
- Kuzovnikova, Ye. G. (2019) Ist der schwarze Humor heute ‚Pop‘? In Bartoszewicz, Iwona; Szczęk, Joanna , & Tworek, Artur. (eds) *Linguistische Treffen in Wroclaw*, 15 (I), 311—318. doi: 10.23817/lingtreff.15-26.

Yekaterina G. Kuzovnikova
Moscow Pedagogical State University

**Linguocultural Characteristics of the German Black Humour
(By the Example of Speech Genres of Everyday Discourse)**

Black humour as one of the key carriers of cultural information is considered in the article in its linguocultural aspect. The article reveals the linguocultural features of the German and Austrian black humour discourse, which are reflected in its genre originality. Genres are highlighted that are typical of the black humour discourse, and the distinctive features defined used to classify the genre of the obituary and hic jacet to the black humour genre. The criteria are explained according to which genres of everyday humorous discourse become black humour speech genres.

Key words: German language; black humour; everyday discourse; speech genre; obituary; tombstone epitaph

В. В. Утриков

Московский педагогический государственный университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ ORDNUNG В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

В современную эпоху демократических институтов и независимых СМИ политический дискурс играет значительную роль в развитии общества. Целью данной статьи является раскрытие идеологического потенциала национального концепта *Ordnung* в немецкоязычных общественно-политических текстах и описание руководящих принципов этого раскрытия. Исследование построено на компонентном анализе лексического значения слова *Ordnung*, концептуальном анализе одноименного концепта, контент-анализе и методе формализации Г. Фреге. В статье рассмотрен ряд теоретических положений о взаимосвязи текста, дискурса и концепта; доказана симбиотическая природа концепта *Ordnung*; подробно описана реализация его идеологического потенциала в общественно-политических текстах. Результаты исследования актуальны для изучения специфики других лингвокультурных концептов как в границах немецкоязычного ментального поля, так и за его пределами.

Ключевые слова: общественно-политический текст; политический дискурс; лингвокультурный концепт; концепт *Ordnung*; культурная специфика; идеологическое воздействие

1. Введение

С 90-х гг. XX в. в отечественной филологии наблюдается рост интереса к различным аспектам когнитивной лингвистики. Заметное место в повестке дня этого научного направления языкознания занимает исследование интертекстуальных связей, взаимодействия конкретных текстов и сложных переплетений человеческих мыслей, чувств, ассоциаций. На основе принципов формальной логики Г. Фреге, теории знака Ф. де Соссюра и путем переосмысления теории трансформационной грамматики Н. Хомского были сформулированы когнитивные категории концепта и понятия, выявлены их сходства и различия, подробно описана связь языка и мышления, дискурса и текста.

Настоящее исследование посвящено вопросам репрезентации одного из доминирующих лингвокультурных концептов немецкого языкового сознания — концепта *Ordnung* (рус. порядок) — в текстах общественно-политической тематики. Актуаль-

ность исследования обуславливается как ощущаемым недостатком научных работ по данной теме, так и растущей вовлеченностью широких масс населения в современную общественно-политическую риторику.

В качестве объекта исследования выступили актуализируемые в политическом дискурсе значения лексемы *Ordnung*, апеллирующие к одноименному концепту. Предметом исследования являются принципы репрезентации содержания концепта *Ordnung* посредством реализации значений лексемы *Ordnung* в политическом дискурсе.

Цель исследования представляет собой определение и систематизацию руководящих принципов перехода отдельных словарных значений лексемы *Ordnung* в категорию детерминантов содержания концепта *Ordnung*.

В задачи предлагаемого исследования входит: определить коммуникативно-функциональную базу общественно-политических текстов; сформулировать ключевые характеристики лингвокультурного концепта *Ordnung*, релевантные в политическом дискурсе; установить закономерности использования семантического потенциала лексемы *Ordnung* в целях актуализации детерминантов одноименного концепта.

Гипотеза: Предполагается, что коммуниканты в политическом дискурсе апеллируют к концепту *Ordnung* в целях трансляции идеологического посыла. Ожидается положительная коннотация компонентов содержания данного концепта, актуализируемая посредством лексемы *Ordnung*.

Контргипотеза: Ментальная связь между концептом *Ordnung* и идеологически маркированной лексикой в политическом дискурсе отсутствует. Концепт *Ordnung* в политическом дискурсе существует автономно, не имеет положительной коннотации, а лексема *Ordnung* не используется с целью идеологического воздействия.

Результаты исследования дают обширное представление о процессах контекстуальной трансформации нейтральных понятий в коннотированные концепты, а также иллюстрируют на примере концепта *Ordnung* использование данной трансформации в целях идеологического воздействия.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Теоретическая база исследования включает научные работы крупнейших отечественных ученых в области лингвокультурологии и общего языкознания Ю. С. Степанова, Е. И. Шейгал, Н. К. Гарбовского, А. В. Федорова. Кроме того, для более глубокого понимания сути объекта исследования были привлечены монографии и статьи ученых-лингвокультурологов Н. Ф. Алефиренко, С. В. Ивановой, В. О. Радищевой, Т. С. Медведевой и др.

Материалом для данной статьи послужили тексты выступлений немецкоязычных политиков как на международной арене, в формате форумов и конференций, так и в рамках диалога с населением: интервью, пресс-конференции и приемы. Всего было проанализировано 25 выступлений с речью крупных немецких политиков: канцлера ФРГ А. Меркель, федерального президента Германии Ф.-В. Штайнмайера, бывшего министра иностранных дел Германии З. Габриэля, премьер-министра Баварии М. Зедера и первого бургомистра Гамбурга П. Ченчера. Все материалы исследования находятся в открытом доступе на официальных сайтах федерального правительства Германии (<https://www.bundesregierung.de/breg-de>) и федерального канцлера Германии (<https://www.bundestkanzlerin.de/bkin-de>).

Методологическую основу работы составляют: компонентный анализ понятия Ordnung на основе словарных значений лексемы Ordnung, концептуальный анализ одноименного концепта, контент-анализ общественно-политических текстов и метод формализации Г. Фреге.

3. Теоретические основы исследования: текст, дискурс, концепт

3.1. Стилистическая характеристика общественно-политических медиатекстов как основа их коммуникативно-функциональной реализации

К общественно-политическим текстам (ОПТ) относятся выступления государственных и общественных деятелей, публикации международных, правительственных и общественных организаций, статьи на актуальные общественно-политические темы (Гришина 2002). Тексты политической направленности иллюстрируют внутривнутриполитическую ситуацию в стране адресата, позиции сторон по отношению к событиям на внешнеполитической арене, настроения и предпочтения электората. Выбор темы зача-

стью предполагает субъективный характер изложения, при котором автор ставит и решает актуальные проблемы общественной жизни, из-за чего для реципиента чрезвычайно важно отношение автора к разбираемому вопросу. Яркий пример ОПТ — политические дебаты. В них отчетливо выражается пропагандистская либо агитационная установка, в прямой форме ведется борьба за утверждение своих взглядов и за разоблачение взглядов и действий противников (Федоров 2002). В связи с этим Е. И. Шейгал, подчеркивая тесную связь языка и политики, отмечает что «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» (Шейгал 2005: 17).

Таким образом, в парадигме функциональной стилистики ОПТ принадлежат к текстам публицистического стиля. Понятие текста иерархически связано с понятием дискурса: текст как связанное, целостное речевое произведение является конкретной реализацией, т. е. формой существования дискурса (Иванова 2008). В фокусе настоящего исследования находятся медиатексты немецкоязычных изданий, относящиеся к политическому дискурсу.

3.2. Природа, свойства и задачи лингвокультурных концептов в политической коммуникации

Помимо агитационности, субъективности и доступности изложения актуальных мировых проблем, неотъемлемой характеристикой ОПТ, в числе прочего служащей цели широкого охвата аудитории, является их культурная специфика. Именно специфика концептуализации мира в политическом дискурсе выступает катализатором речевых форм воздействия в рамках политической коммуникации (Радищева 2016). С. Н. Колесникова, опираясь на труды исследователя-когнитивиста Р. Лэнкера, определяет понятие дискурса как «вербализацию определенной ментальности, способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого (...) конструируется особая реальность, создается (...) присущий определенному социуму способ упорядочения действительности» (Колесникова 2011: 68).

Когнитивным ядром любого дискурса является культурный концепт, вокруг которого порождается дискурс (Алефиренко: 2010). В обиход современных лингвистических дискуссий термин «концепт» ввел Ю. С. Степанов. По мнению ученого, лингвокультурный концепт — это «сгусток культуры в сознании человека», совокупность его представлений, знаний, ассоциаций и пережи-

ваний, связанных с тем или иным понятием культуры» (Степанов 2004: 43). Важнейшей отличительной чертой концепта является его когнитивно-эмотивная природа, т. е. связь с понятием как формой логического мышления, с одной стороны, и способность вызывать эмоции, чувства, переживания — с другой.

Н. К. Гарбовский, различая термины «понятие» и «концепт», указывает, что концепт представляет собой индивидуализацию константной категории понятия. Коммуниканты, оба с детства хорошо знакомые с концептом, не воспринимают его ни как универсальное словарное определение, составляющее объем понятия, ни как набор признаков, составляющих его содержание. В сознании каждого человека, в зависимости от его знаний, жизненного опыта, образа мыслей и настроения, денотат и сигнификат понятия, т. е. его объем и содержание, индивидуализируются. Такие индивидуализированные понятия Н. К. Гарбовский называет концептами (Гарбовский 2007).

Соглашаясь с положением о том, что «ключевые концепты национальной культуры имеют языковое выражение» (Медведева 2011: 10), ряд исследователей-лингвокультурологов относит к таковым *Ordnung* (рус. порядок), *Gerechtigkeit* (рус. справедливость), *Sicherheit* (рус. безопасность), *Gesetz* (рус. закон), *Vorsicht* (рус. осторожность) и *Organisation* (рус. организация) (Радищева 2016). Данные концепты отражены в ценностях немецкого народа, к которым обращаются политики и журналисты для привлечения внимания и завоевания доверия целевой аудитории.

3.3. Формирование концепта Ordnung

Слово современного немецкого языка *Ordnung* (рус. порядок) восходит к древневерхненемецкой форме начала XI в. *ordīnunga**, образованной от лексемы *ordina** (рус. ряд, последовательность) (Köbler 1993). В средневерхненемецкий период лексема *ordina** приняла форму *orden* со значениями 'правило, устав, предписание', т. е. некий коллективный договор, обязывающий членов сообщества придерживаться его правил. В конце XI в., с началом крестовых походов, слово *orden* стало обозначать рыцарский, а затем и монашеский орден, т. е. объединение христиан, живущих по строгим правилам (Köbler 2014).

Решающее влияние на формирование немецкого менталитета и его лингвокультурных концептов оказали труды немецких христианских философов и педагогов XV-XVIII вв. Критикуя по-

роки современного им немецкого общества, такие, как убийства, воровство и пьянство, они считали порядок одной из его добродетелей, необходимых для эффективного ведения домашнего хозяйства и христианского образа жизни. Американский историк Г. Крейг приводит слова М. Лютера о необходимости насаждения порядка даже путем силы: „Es war eine notwendige Gewalt, da ohne eine auferlegte Ordnung das Chaos herrschen und die Verbreitung des Christentums unmöglich würde“ (Craig 1982).

С XVI в. порядок начинает играть важную роль в процессе воспитания немецких детей. Педагог В. Ратке разрабатывает учение о порядке (нем. Ordnungslehre), филолог и воспитатель И. Г. Кампе называет порядок (Ordnung в немецком языке имеет женский род) «матерью и защитницей большинства других добродетелей» (нем. Mutter und Pfleger in der meisten anderen Tugenden) (Münch 1984).

Таким образом, к концу XVIII в. концепт Ordnung прочно закрепился в немецкой концептосфере как необходимая составляющая социальной, экономической и правовой жизни государства в интересах граждан.

4. Концепт Ordnung в немецкоязычных общественно-политических текстах: структура, репрезентация, содержание

4.1. Эмотивно-понятийная структура концепта Ordnung

Для выявления понятийных детерминантов концепта Ordnung мы обратились к актуальным немецкоязычным лексикографическим источникам: словарям Duden online, DWDS и PONS. PONS ориентирован на изучающих иностранные языки, и значения слов в нем даются в упрощенных формулировках и в соответствии с их употреблением в устной речи, тогда как в DWDS приведены формулировки словаря WDG 1974 г., не являющиеся актуальными. Все это послужило причиной того, что в основу настоящего исследования легли толкования наиболее авторитетного и современного словаря Duden online:

- (1) das Geordnetsein (рус. упорядоченное состояние); das Ordnen (рус. упорядочивание); geordnete Lebensweise (рус. упорядоченный образ жизни); Einhaltung der Disziplin, bestimmter Regeln im Rahmen einer Gemeinschaft (рус. соблюдение правил в сообществе); auf bestimmten Normen beruhende Regelung des öffentlichen Lebens (рус. регулирование общественной жизни в соответствии с определенными нормами); Gesellschaftsordnung (рус. общественный уклад, строй); Gesetz,

feste Regel, Richtschnur (рус. закон, твердое правило, руководящий принцип); Art und Weise, wie etwas geordnet, geregelt ist (рус. способ расположения, распределения); bestimmte Stufe einer nach qualitativen Gesichtspunkten gegliederten Reihenfolge (рус. ступень в классификации по качественному признаку) (<https://www.duden.de/recht-schreibung/Ordnung>).

Особый лингвокультурологический интерес представляют семемы, зафиксированные в онлайн-словаре PONS и отсутствующие в других словарях. Они обнаруживают большую эмоциональную окраску и ярко выраженную позитивную коннотацию, имеющую существенное значение для выявления эмотивной структуры концепта Ordnung в немецкоязычной ментальности:

- (2) der Zustand, in dem eine Sache funktioniert oder jd wieder gesund ist (рус. состояние, при котором что-л. функционирует или кто-л. здоров); der Zustand, in dem jd einverstanden oder mit etwas zufrieden ist (рус. состояние согласия или одобрения) (<https://de.pons.com/%C3%BCbersetzung/deutsche-rechtschreibung/Ordnung>).

Проведенный лексикографический анализ позволяет констатировать содержание обобщенного понятия Ordnung: упорядочивание; правила, нормы, закон; регулирование; общественная польза; общественный уклад; распределение, классификация; довольство, одобрение; рабочее, работоспособное состояние. В свою очередь, объем обобщенного понятия Ordnung может быть сформулирован как «упорядоченное в соответствии с общественными нормами и правилами состояние, необходимое для общественной пользы, работоспособности членов общества и его механизмов, вызывающее всеобщее одобрение и довольство».

4.2. Репрезентация концепта Ordnung в немецкоязычном политическом дискурсе

Как уже отмечалось, в целях реализации прагматики той или иной социальной, экономической или политической повестки политики и журналисты обращаются к ценностям целевой аудитории своих выступлений или статей, заложенным в национальных лингвокультурных концептах. С целью проследить ключевые особенности репрезентации концепта Ordnung в немецкоязычном политическом медиадискурсе мы обратились к текстам выступлений федерального канцлера Германии А. Меркель и президента Германии Ф.-В. Штайнмайера, а также проанализировали пресс-конференции и интервью с данными поли-

тиками и некоторыми главами германских земель и городов.

В ходе проведенного исследования были проанализированы различные контексты политического дискурса: Всемирный форум памяти Холокоста, выпускной вечер в Гарвардском университете, Мюнхенская конференция по безопасности, Всемирный экономический форум в Давосе, а также приемы, пресс-конференции, интервью. Слово *Ordnung* (в т. ч. в составе сложных слов и атрибутивных словосочетаний) в разных значениях встретилось в семи текстах из 25, отобранных по принципу сплошной выборки, при этом наиболее высокая частотность употребления зафиксирована в речи Ф.-В. Штайнмайера на Мюнхенской конференции по безопасности: президент ФРГ произнес его 12 раз. В подавляющем большинстве случаев *Ordnung* употребляется в значениях *Gesellschaftsordnung* (рус. общественный строй) и *Regelung des öffentlichen Lebens* (рус. регулирование общественной жизни).

Для актуализации идеологического потенциала вышеназванных значений в примерах, релевантных для определения ментального поля концепта *Ordnung*, к лексеме *Ordnung* присоединяются в виде компонентов композитов или атрибутивных словосочетаний идеологизированные лексемы общественно-политического дискурса: *Frieden* (рус. мир, согласие), *Recht* (рус. право), *Welt* (рус. мир, человечество); *global* (рус. глобальный), *international* (рус. интернациональный), *übernational* (рус. наднациональный). К важнейшим семантическим группам, образующим микроконтекстуальное окружение лексемы *Ordnung*, относятся глаголы с семантикой получения: *errichten* (рус. учреждать), *erbauen* (рус. сооружать), *sich bemühen* (рус. прикладывать усилия), *geratigen* (рус. восстанавливать); существительные, выражающие потенциальность действия: *Schaffung* (рус. создание), *Entwicklung* (рус. развитие), *Erhalt* (рус. приобретение), *Beschädigungen* (рус. ущерб).

4.3. Содержание концепта *Ordnung*

С целью выявления компонентов содержания концепта *Ordnung*, актуализируемых в политическом дискурсе, осуществлен микроконтекстуальный анализ одноименной лексемы. Для лучшего понимания макроконтекста употребления данной лексемы предлагается авторский перевод примеров на русский язык.

4.3.1. *Репрезентация концепта Ordnung посредством лексемы Friedensordnung*

В речи на выпускном вечере Гарвардского университета 30 мая 2019 г. А. Меркель, обращаясь к выпускникам, говорит о проблеме выбора жизненного пути, необходимости демократии для поддержания мира на Земле:

- (3) «<...> Wie wahrscheinlich wäre es gewesen, dass sich Sieger und Besiegte für lange Zeit unversöhnlich gegenüberstehen würden? Aber stattdessen überwand Europa jahrhundertelange Konflikte. Es entstand eine *Friedensordnung*, die auf Gemeinsamkeit baut statt auf scheinbare nationale Stärke. <...> (<https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-bei-der-368-graduations-feier-der-harvard-university-am-30-mai-2019-in-cambridge-usa-1633384>)».¹

Лексема *Friedensordnung* встретилась нам в речи Ф.-В. Штайнмайера на 5-м Всемирном форуме памяти Холокоста в Иерусалиме 23 января 2020 г.:

- (4) «<...> Im Erschrecken vor Auschwitz hat die Welt schon einmal Lehren gezogen und eine *Friedensordnung* errichtet, erbaut auf Menschenrechten und Völkerrecht. Wir Deutsche stehen zu dieser *Ordnung* und wir wollen sie, mit Ihnen allen, verteidigen. <...> (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundespraesident-dr-frank-waltersteinmeier-1716302>)».²

Таким образом, в представлении немецкой общественности концепт *Ordnung* является гарантом мира (нем. *Friedensordnung* — рус. мирное сосуществование), общности (нем. *Gemeinsamkeit*) и равноправия народов (нем. *Völkerrecht* — рус. международное право), соблюдения прав человека (нем. *Menschenrechte*).

¹ <...> Можно было предположить, что победители и побежденные продолжат нескончаемое и непримиримое противостояние; однако Европа сумела преодолеть столетние противоречия. Возникла *система мирного сосуществования*, построенная на общности народов, а не на гегемонии отдельных наций. <...>

² <...> Ужасы Освенцима показали, насколько остро человечество нуждалось в *системе мирного сосуществования*, основанной на соблюдении прав человека и норм международного права. Мы, немцы, поддерживаем эту *систему* и намерены защищать ее вместе с вами. <...>

4.3.2. Репрезентация концепта *Ordnung* посредством лексики *Ordnungsrecht*

В речи на 50-м Международном экономическом форуме в Давосе 23 января 2020 г. А. Меркель признает экономические успехи германской промышленности и объясняет их причины:

- (5) «<...> Wir setzen so weit wie möglich auf marktwirtschaftliche Mechanismen, aber natürlich auch auf *Ordnungsrecht*, wenn notwendig. <...> (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-beim-50-jahrestreffen-des-weltwirtschaftsforums-am-23-januar-2020-in-davos-1715534>)».³

На пресс-конференции, прошедшей 16 марта 2020 г. и посвященной инициативам Федерального правительства Германии по защите населения от коронавируса COVID-19, А. Меркель говорит о проблеме реализации некоторых постановлений:

- (6) «<...> Die Umsetzung obliegt natürlich den Ländern und Kommunen. Ich glaube schon, dass man das auch umsetzen kann. Natürlich wird es Kontrollen geben, und es wird neben den Kontrollen vor allen Dingen immer wieder appelliert werden. Das muss sein. Das ist dann *Ordnungsrecht*. <...> (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-zu-massnahmen-der-bundesregierung-im-zusammenhang-mit-dem-coronavirus-1731022>)».⁴

На основании приведенных примеров можно утверждать, что концепт *Ordnung* в сознании немцев является важной составляющей немецкого публичного права (нем. *Ordnungsrecht* — рус. регулятивное право), необходимой для установления конструктивного диалога между властью и бизнесом (нем. *auf Ordnungsrecht setzen* — рус. делать ставку на регулятивные нормы права), федеральным центром и регионами (нем. *Es wird ... appelliert werden* — рус. Мы будем ... опираться на обратную связь от местных властей).

³ <...> Там, где это возможно, мы делаем ставку на рыночные механизмы управления экономикой, но если это необходимо, также и на *регулятивные нормы права*. <...>

⁴ <...> За реализацию принятых постановлений несут ответственность региональные власти. Я считаю, что это можно реализовать. Конечно, за этим будут следить специальные надзорные органы, но, прежде всего, мы будем опираться на обратную связь от местных властей. Это необходимо для создания *регулятивных правоотношений*. <...>

4.3.3. Репрезентация концепта *Ordnung* в словосочетаниях *globale Ordnung, internationale Ordnung, überationale Rechtsordnung* и посредством композита *Weltordnung*

14 февраля 2020 г. Ф.-В. Штайнмайер выступает с речью на открытии 56-й Мюнхенской конференции по безопасности. Президент ФРГ говорит о важности укрепления системы коллективной безопасности в целях нового, глобального мирового порядка:

- (7) «<...> Die Idee einer *globalen Ordnung* allein – und nur die — bietet die Chance, auf die Herausforderungen des Anthropozän überzeugende Antworten zu formulieren. Deshalb müssen wir uns weiter um die Schaffung, um die Fortentwicklung einer *überationalen Rechtsordnung* bemühen. <...> (<http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2020/02/200214-MueSiKo.html>)».⁵

В той же речи президент ФРГ еще раз подчеркивает важность совместных и согласованных действий на внешнеполитической арене для утверждения интернационального мирового порядка:

- (8) «<...> Erst aus einer handlungsfähigen europäischen Außen- und Sicherheitspolitik erwächst unser glaubwürdiger Beitrag zum Erhalt der *internationalen Ordnung*. <...>».⁶

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что в немецкоязычной ментальности концепт *Ordnung* сопряжен с представлениями о международной безопасности, глобализации и международном мировом порядке (нем. *globale, internationale Ordnung*), прогрессивном международном праве (нем. *überationale Rechtsordnung* — рус. наднациональный правопорядок).

4.3.4. Информативно-коммуникативное употребление лексики *Ordnung* за пределами ментального поля одноименного концепта

Необходимо отметить, что помимо ораторских спекуляций на когнитивном опыте целевой аудитории, отсылающих адресата

⁵ <...> Лишь идея *глобального мирового порядка* — и только она — дает нам возможность уверенно отвечать на вызовы современной эпохи антропоцена. Поэтому мы должны и дальше всеми силами развивать и укреплять *наднациональный правопорядок*. <...>

⁶ <...> Только реальными действиями в области внешней политики и политики безопасности мы осуществим достойный вклад в утверждение *международного мирового порядка*. <...>

к позитивно коннотированному концепту *Ordnung*, в проанализированных публицистических текстах встречались примеры и чисто информативно-коммуникативного употребления лексемы *Ordnung* (главным образом в составе сложных слов), в том числе и в значении *Gesellschaftsordnung*, без какой-либо агитационной установки, т. е. без апелляций к категории культурных концептов. Как правило, это те композиты, в которых словарные значения компонента *-ordnung* затемнены, скрыты за семантикой других компонентов, вышедшей на передний план (нем. *Tagesordnung* — рус. повестка, нем. *Größenordnung* — рус. величина).

На пресс-конференции 12 марта 2020 г. канцлер ФРГ А. Меркель, премьер-министр Баварии М. Зедер и Первый бургомистр Гамбурга П. Ченчер обсуждают эффективность взаимодействия федерального центра и регионов, в том числе по вопросам дальнейшего нераспространения коронавируса COVID-19:

- (9) «<...> Wir haben zum Beispiel die *Größenordnung*, ab der wir Veranstaltungen nicht mehr durchführen wollen, noch einmal neu bewertet und gesagt: Im Grunde muss jeder persönliche Kontakt in den nächsten Wochen so weit wie möglich vermieden werden,.. <...> (<https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-ministerpraesident-soeder-und-dem-ersten-buergermeister-tschentscher-1730300>)».⁷

В речи на приеме в честь Германского совета женщин 6 марта 2020 г. Ф.-В. Штайнмайер оценивает работу Совета:

- (10) «<...> Ihr Verband hat nicht nur die politische *Tagesordnung* bereichert, sondern er hat gesellschaftliches Bewusstsein geschaffen für Benachteiligung und Diskriminierung, die es nach wie vor gibt. <...> (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/bulletin/rede-von-bundespraesident-dr-frank-walter-steinmeier-1729744>)».⁸

⁷ <...> Например, мы повторно пересмотрели *разрешенный порог численности участников* массовых мероприятий и сообщили о том, что в ближайшие недели следует по возможности избегать любых личных контактов... <...>

⁸ <...> Ваша ассоциация не только расширила существующую политическую *повестку*, но и внесла большой вклад в осознание обществом проблем притеснения и дискриминации женщин, существующих и по сей день. <...>

5. Результаты исследования и их обсуждение

5.1. Общие теоретические положения

Результаты изучения материалов из области стилистики общественно-политических текстов, теории дискурса и лингвокультурологии, а также исследования исторических детерминантов лингвокультурного концепта Ordnung в немецкоязычной ментальности сформулированы в следующих теоретических положениях.

1. Прагматика общественно-политического медиатекста определяется завоевательной речевой тактикой оратора. Идеологическая установка и субъективность изложения относятся к доминирующим стилистическим характеристикам ОПТ.

2. В общественно-политический текст как форму существования политического дискурса фрагментарно, в неодинаковой степени заложен когнитивный опыт не только оратора и адресата, но и всех членов языкового сообщества в целом, что открывает широкие перспективы для агрессивной риторики идеологического воздействия.

3. Дискурс как вербальный продукт членения мира находится в орбитальном пространстве культурных концептов, представляющих собой сгустки общих ассоциаций, суждений, переживаний индивидов языкового сообщества.

4. Суть культурных концептов в их непрерывном развитии. Индивиды, принимая во внимание уже сформированные концепты, продолжают развивать их, наполняя новым когнитивным опытом.

5.2. Результаты, релевантные для концепта Ordnung в политическом дискурсе

Важнейший результат настоящего исследования заключается в доказательстве симбиотической природы концепта Ordnung и реализации его значительного идеологического потенциала в общественно-политических текстах. Более детально итоги проведенной опытно-практической работы представлены ниже.

1. Несмотря на то, что в объем обобщенного понятия Ordnung входит множество детерминантов, не ограниченных специальной сферой применения, в подавляющем большинстве случаев в политическом дискурсе реализуются только значения из социальной и правовой сферы.

2. Определяющим параметром эмотивной структуры кон-

цепта *Ordnung* является позитивная коннотация лексемы *Ordnung* в политическом дискурсе. Согласно актуальным словарям, реализуемые в политическом дискурсе семантические единицы коннотированы нейтрально. Позитивная коннотация лексемы актуализируется непосредственно в микроконтекстуальном окружении.

3. В подавляющем большинстве случаев в политическом дискурсе лексема *Ordnung* употребляется в составе сложных грамматических конструкций. Вероятно, это связано с неопределенной семантикой ее значений из социальной и правовой сферы. В политических текстах *Ordnung* дополняется идеологизированными компонентами композитов и атрибутивных словосочетаний, раскрывающих свойства понятийной структуры одноименного концепта.

4. Симбиотическая природа концепта *Ordnung* допускает употребление лексемы *Ordnung*, в том числе и в значениях, релевантных для его реализации, за пределами идеологического поля концепта. Однако в политическом дискурсе, где ораторы стремятся завоевать симпатии и чувства аудитории, частотность такого употребления невелика (около 10% всех примеров).

6. Заключение

Политический дискурс в современном мире имеет важное значение для развития языка. В эпоху демократизации социальных институтов и утверждения нового, глобального мирового порядка все большее количество людей использует общественную трибуну для высказывания и обсуждения мнений, оценок, политических взглядов. Лингвистика очень чутко реагирует на дискурсивное поведение социума, чем обусловлен живой научный интерес к вопросам политической коммуникации в парадигме когнитивной лингвистики. Поэтому актуальной является необходимость определения роли и места лингвокультурных концептов в современном политическом дискурсе, в частности — концепта *Ordnung* в немецкоязычных текстах общественно-политической тематики.

Мы проследили, каким образом нейтрально коннотированные словарные значения лексемы *Ordnung*, оказавшись в политическом контекстуальном окружении, приобретают позитивную коннотацию и в сознании немецкоязычных коммуникантов связываются с глобальным, общеязыковым концептом *Ordnung*.

Для этого мы установили, чем характеризуются и в каких целях порождаются общественно-политические тексты, описали, что представляет собой лингвокультурный концепт *Ordnung* и как он влияет на немецкую языковую ментальность. Наконец, наиболее значительным шагом в достижении намеченной цели стало определение отношения лексемы *Ordnung* к одноименному концепту и микроконтекстуальному окружению в общественно-политических текстах.

Одним из важнейших результатов настоящего исследования стало выявление симбиотической природы концепта *Ordnung*. Ее манифестация в политическом дискурсе осуществляется посредством лексемы *Ordnung* в составе сложных слов и атрибутивных словосочетаний, при этом для актуализации семантических единиц содержания концепта требуется соответствующее микроконтекстуальное окружение. Основу такого микроконтекста составляют идеологизированные понятия общественно-политической сферы: *Recht* (рус. право), *Mensch* (рус. человек), *Volk* (рус. народ), *Frieden* (рус. мир, согласие), *Welt* (рус. мир, человечество), *Gemeinsamkeit* (рус. общность).

Итогом проделанной опытно-практической работы также стало определение эмотивно-понятийных детерминантов содержания концепта *Ordnung* в немецком языковом сознании. К релевантным в политическом дискурсе ассоциациям с концептом *Ordnung* и представлениям о нем у современной германской общности относятся: демократия и согласие; соблюдение прав человека и норм международного права; глобализация и международная безопасность; обеспечение законности и правопорядка.

Полученные результаты могут быть применены на практике в рамках дальнейших исследований в области лингвокультурологии и теории дискурса, а также при переводе общественно-политических текстов.

Опираясь на результаты проведенного исследования и рассматривая человеческий язык как средство мышления, мы глубоко убеждены в существовании процесса материального порождения концептуальных связей. Данные связи определяются нейронной сетью человеческого мозга и являются результатом языкового отражения действительности. Можно утверждать, что влияние внеязыковых факторов на формирование концептуаль-

ных связей так же материально обоснованно. Однако установить нейробиологическими методами меру и степень реализации концепта в различных внешних условиях невозможно. Приблизительные оценки могут быть получены только путем сбора и анализа обратной связи информантов.

Результаты настоящего исследования не исчерпывают научный потенциал темы немецкоязычных лингвокультурных концептов. В частности, итоги проделанной работы могут стать значительным подспорьем для изучения специфики других лингвокультурных концептов как в границах немецкоязычного ментального поля, так и за его пределами. Особый научный интерес представляет сопоставительный анализ культурных концептов, доминирующих в немецко- и русскоязычном политическом дискурсе.

Список литературы / References

- Алефиренко Н. Ф.* Дискурс в системе лингвокультурологии // Живодействующая связь языка и культуры: в 2 т. Т. 2: Дискурс. Текст. Культура. М.; Тула: Тульский гос. пед. ун-т, 2010. С. 5—10. [Alefirenko, Nikolai F. (2010) Diskurs v sisteme lingvokul'turologii (Discourse in the System of Linguoculurology). In Kovshova, Mariya L. (ed.) *Zhivodeystvuyushchaya svyaz' yazyka i kul'tury* (The Vital Link between Language and Culture): in 2 vols. Vol. 2. Diskurs, Tekst. Kul'tura (Discourse. Text. Culture). Moscow; Tula: Tula State Pedagogical University, 5—10. (In Russian)].
- Гарбовский Н. К.* Теория перевода. М.: Московский гос. ун-т, 2007. [Garbovskiy, Nikolai K. (2007) *Teoriya perevoda* (Translation Theory). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Гришина М. С.* Характеристика текстов общественно-политического содержания // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях. Саранск: Мордовский гос. ун-т, 2002. С. 15—17. [Grishina, Mariya S. (2002) *Kharakteristika tekstov obshchestvenno-politicheskogo soderzhaniya* (Characteristics of Socio-political Texts). In Trofimova, Yu. M. (ed.) *Traditsii i novatorstvo v gumanitarnykh issledovaniyakh* (Traditions and Innovations in Humanitarian Research). Saransk: Mordovia State University, 15—17. (In Russian)].
- Иванова С. В.* Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 1. С. 29—33. [Ivanova, Svetlana V. (2008) *Politicheskiy mediadiskurs v fokuse lingvokul'turologii* (Political Media Discourse in the Focus of Linguoculurology). *Political Linguistics Journal*, 1, 29—33. (In Russian)].

- Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 67—69. [Kolesnikova, Svetlana N. (2011) Osobennosti politicheskogo diskursa i ego interpretatsiya (Features of Political Discourse and its Interpretation). *CSU Bulletin*, 33, 67—69. (In Russian)].
- Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры: Монография. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2011. [Medvedeva, Tat'yana S.; Oparin, Mikhail V., & Medvedeva, Diana I. (2011) *Klyuchevye kontsepty nemetskoj lingvokul'tury* (Key Concepts of German Linguistic Culture). Izhevsk: Udmurt State University. (In Russian)].
- Радищева В. О., Синеокая Н. А. Лингвокультурологическая маркированность немецкого политического дискурса (на материале публичных политических выступлений Ангелы Меркель) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 159—164. [Radishcheva, Viktoriya O., & Sineokaya, Natal'ya A. (2016) Lingvokul'turologicheskaya markirovannost' nemetskogo politicheskogo diskursa (Linguoculturological Marking of German Political Discourse). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 11, vol. 3, 159—164. (In Russian)].
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проспект, 2004. [Stepanov, Yuriy S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* (Constants: Dictionary of Russian Culture). Moscow: Akademicheskiy prospekt. (In Russian)].
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т; М.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. [Fedorov, Andrey V. (2002) *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskiye problemy)* (Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems)). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; Moscow: Filologiya Tri Ltd. (In Russian)].
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01; 10.02.19. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2005. [Sheygal, Yelena I. (2005) *Semiotika politicheskogo diskursa* (Semiotics of Political Discourse). Advanced PhD thesis in Philology. Volgograd: Volgograd: State Pedagogical University. (In Russian)].
- Craig, Gordon A. (1982) *Über die Deutschen*. München: Verlag C. H. Beck.
- Duden. Die deutsche Rechtschreibung. (2020, March 11) Ordnung. In *Duden Online dictionary*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Ordnung>.
- Köbler, Gerhard. (1993) *Wörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes*. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh.
- Köbler, Gerhard. (2014) *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Retrieved from <https://www.koeblergerhard.de/mhdwbhin.html>. [3rd ed.]

Münch, Paul. (ed.) (1984) *Ordnung, Fleiß und Sparsamkeit. Texte und Dokumente zur Entstehung der „bürgerlichen Tugenden“*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.

PONS. (2020, March 11) Ordnung. In *PONS Online dictionary*. Retrieved from <https://de.pons.com/%C3%BCbersetzung/deutsche-rechtschreibung/Ordnung>.

Viktor V. Utrikov
Moscow Pedagogical State University

“Ordnung” as a Linguo-cultural Concept in German-language Socio-political Texts

In the modern era of democratic institutions and independent media, political discourse plays a significant role in the development of society. The purpose of this article is to show the ideological potential of the concept “Ordnung” in German-language socio-political texts and to demonstrate the guiding principles of its disclosure. The study is based on a component analysis of the lexical meaning of the word “Ordnung”, a conceptual analysis of the concept, content analysis and G. Frege’s formalization method. The article discusses theoretical views on the relationships of text, discourse and concept; the symbiotic nature of the concept of Ordnung has been proven; the implementation of its significant ideological potential in socio-political texts is described in detail. The results of the study are relevant for studying the specifics of other linguistic-cultural concepts both within the boundaries of the German-speaking mental field and beyond.

Key words: Socio-political text; political discourse; linguo-cultural concept; concept of Ordnung; cultural specifics; ideological influence

О. С. Макаренко
Воронежский государственный университет

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ АКТИВИЗАЦИИ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ КРОССВОРДЕ

В фокусе анализа — кроссворды разных разновидностей, а именно классические кроссворды, сканворды, фигурные кроссворды, достаточно часто встречающиеся в русскоязычном и немецкоязычном культурном пространстве. Кроссворд анализируется как элемент смеховой культуры, порождаемый *Homo ludens*, а также как тип текста с присущей ему содержательной, формальной, функциональной организацией. Макроструктурный анализ кроссвордов на русском и немецком языке позволяет выявить тематические сферы, знания из которых оказываются наиболее востребованными в кроссвордах той или иной разновидности в юридической коммуникации в двух разных культурных пространствах, а также предпочтения носителей культуры в выборе способов активизации соответствующих сведений о мире. Раскрывается диалектика универсального и культурно-специфического в текстовой организации кроссворда. Выявляются корреляции между разновидностью кроссворда и характером активируемых разнородными средствами сведений. Причины, обуславливающие выявленные особенности организации кроссворда как типа текста, усматриваются в культурной специфике, в особенностях смеховой культуры, инструментом и результатом которой являются кроссворды, а также функциональный потенциал юридических текстов вообще и кроссвордов в частности.

Ключевые слова: тип текста; механизмы вербализации; способ реализации сведений; когезия, когерентность; смеховая культура; людифильные тексты

1. Введение

Данная статья посвящена изучению принципов организации наиболее частотных и востребованных в юридической коммуникации типов текстов «кроссворд». Кроссворд трактуется как тип текста, обладающий общими для текста характеристиками, а также специфическими признаками, свойственными этому продукту интеллектуального творческого мышления человека и его игры, а также в целом игровой стихии, по-разному проявляющейся в разных дискурсивных условиях.

Специфика кроссворда как людического¹ текста усматривается, прежде всего, в том, какими средствами и способами активизируются разнородные сведения в типе текста «кроссворд». Но при всем тематическом разнообразии эти сведения с полным правом можно отнести к знаниям, разделяемым всеми носителями языка и культуры. Правомерность этой трактовки вытекает из того, что задания в кроссворде и способ их формулирования должны быть, очевидно, такими, чтобы реципиент либо без труда мог найти ответ, либо чтобы уже в самом задании присутствовала бы отсылка к источникам знания. В противном случае кроссворд вряд ли получил бы столь быстрое и широкое распространение и не пользовался бы такой популярностью среди широких слоев носителей языка и культуры.

Это обуславливает необходимость описания вероятных корреляций между тематикой, активизируемой по-разному в кроссвордах, с одной стороны, и способами активизации соответствующего знания, — с другой. Важно также выявить корреляции между разновидностями кроссвордов и доминирующими в них языковыми средствами. Сказанное можно определить как **цель** предпринимаемого анализа. Предлагаемый ракурс анализа обусловлен не столько необходимостью детального описания текста названного типа, вызванного невысокой степенью изу-

¹ Причисление кроссворда к людическим текстам основывается на точке зрения Х. Изенберга, который предложил матрицу для описания текстов разных классов и типов (Isenberg 1984: 267-268). В эту матрицу он включил шесть классов текстов: гносогенные (gnosogene), межличностные (kopersonale), эрготропные (ergotrope), эстетические (kalogene), религотропные (religiotrope), лудофильные (ludophile). Эти классы описываются по параметрам, образующим матрицу: общая характеристика (globales Bewertungskriterium), основная цель интеракции (fundamentales Interaktionsziel), частные коммуникативные задачи (partikulare Interaktionsziele). Для всех лудофильных текстов, к которым Х. Изенберг причисляет разного рода загадки (Ratespiel, Konversationsspiel, Rätselraten, Orakelspiel, Sprechspiel и др.), в качестве цели определяется развлечение здесь и сейчас (momentane Lusthaftigkeit), цели интеракции — совместное веселье (Erzielung eines gemeinschaftlichen Lustgewinns). Частные коммуникативные задачи — презентация информации, анализ информации, переструктурирование сведений, пополнение сведений.

ченности последнего (Волкова 2011²; Денисова 2008³), сколько потребностью осмыслить, каким образом проявляется текстуальность как сущностное свойство каждого текста в столь семантически и синтаксически сложном и нетривиальном текстограмматическом образовании, как кроссворд.

Эмпирическим материалом для макротекстового анализа являются 20 кроссвордов разных разновидностей: кроссворды, сканворды, фигурные кроссворды на русском и немецком языках. Из этих семиотически гетерогенных текстов выписаны более 500 понятий, знания о которых активируются разными способами. Выбор кроссвордов перечисленных разновидностей обусловлен довольно высоким уровнем их популярности в анализируемых языковых культурах. Кроссворды, в которых в качестве ответа ожидаются цифры и/или изображения, в выборку сознательно не включаются (см. Табл. 1).

Таблица 1. Изучаемый эмпирический материал

Русские кроссворды		Немецкие кроссворды	
Разновидность и количество	Число дефиниций	Разновидность и количество	Число дефиниций
2 классических кроссворда	99	классический кроссворд	52
2 сканворда	113	3 сканворда	214
фигурный кроссворд	20	фигурный кроссворд	20

2. Кроссворд как тип текста

Чтобы решить поставленные задачи, необходимо описать кроссворд как тип текста, т. е. выявить, какими характеристиками, присущими тексту как феномену, обладает кроссворд. Для

² Волкова ставит своей целью многоуровневый анализ кроссворда-гипертекста, акцентируя внимание на выявлении способов кодирования объекта действительности, а также феномене прецедентности, опираясь на труды И. В. Захаренко, В. В. Красных, И. В. Абрамец и др.

³ В отличие от названных авторов в данной работе изучается функционирование кроссворда в двух культурных пространствах согласно когнитивно-дискурсивному подходу. В фокусе — макротекстовые закономерности с учетом влияния внешних и внутренних по отношению к тексту факторов.

описания кроссворда как одного из многочисленных людофильных текстов необходимо доказать, что это текст, с одной стороны (см. подробнее об анализе текста в [Валгина 2003; Гришаева 2011; Grischaewa 2016; Анисимова 2019 и др.]), и текст определенного типа, — с другой. Это обусловлено явной нетривиальностью семантической и синтаксической организации анализируемого явления как на микро-, так и на макроуровне.

Многоаспектный анализ кроссворда позволяет описывать кроссворд как одно из многочисленных проявлений людической культуры, как продукт и инструмент креативной интеллектуальной деятельности *Homo ludens* (ср. загадку, викторину, ребус, анекдот, бытовой анекдот, каламбур, быличку, шванк и др.). Для носителей языка и культуры кроссворд выступает средством реализации разнообразных людических стратегий, через кроссворд проявляется игровое начало носителей языка и культуры. Анализируемое образование представляет собой также семиотически осложненный текст, порождаемый в людической деятельности и бытующий в специфических условиях людической коммуникации.

Будучи семиотически осложненным текстом, кроссворд обладает основными характеристиками, а именно и прежде всего, интенциональностью, цельностью, связностью, (поли)тематичностью, интертекстуальностью (Dressler, Beaugrande 1981). Однако способы проявления названных свойств являются специфическими для классов людических текстов⁴ и уникальными для данного типа текста.

Основная особенность кроссворда как текстового образования заключается в способе порождения текстуальности. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от других типов текста в кроссворде абсолютно доминируют структурные связи, причем последние реализуются в кроссворде главным образом с помощью лексических единиц, тематическая и логическая связь между которыми также проявляется образом, не типичным для

⁴ Интерес в связи с этим представляет анализ немецкой смеховой культуры на примере типа текста «шванк» в диссертации Т. А. Рохлиной (2017). Т. А. Рохлина выявляет текстограмматические особенности шванка, доказывая, что средства грамматики текста участвуют в репрезентации категории комического, характерной для жанра шванка.

«обычного» текста, хотя характеристики, имманентные каждому тексту, можно доказательно проследить и через анализ тексто-семантической и текстосинтаксической организации.

Нетривиальным является и способ реализации структурных связей: коннекторами выступают, например, не определенные грамматические формы, а общие буквы, позволяющие установить взаимодействие между различными лексемами по вертикали и горизонтали. Характерно, что лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические особенности соответствующих лексических единиц оказываются несущественными для установления внутритекстовых связей. И, напротив, более значительный вклад в текстовую организацию по сравнению с «нормальными» текстами осуществляют формально-структурные механизмы, в частности орфографические. Использование же цифр как ориентиров между заданиями и потенциальными узлами связи в текстовом пространстве позволяет установить взаимосвязи не только внутри поля самого кроссворда (т. е. на макротекстовом уровне), но и между образующими единую сетку лексемами и следующим внизу списком вопросов.

Другими словами, сетку кроссворда и список вопросов/заданий, правомерно трактовать как две относительно автономные, но причинно и тесно связанные между собой интенционально, коммуникативно, структурно и семантически, а также синтаксически и интеракционально (своего рода интеракциональная секвенция «вопрос — ответ»), части текста. Любопытно, что каждая из этих частей имеет свою специфическую макроорганизацию, и этим кроссворд напоминает также организацию текста, в котором микротекст (или же сверхфразовое единство) и/или макрокомпонент организованы не тождественно, обнаруживая, например, свою тема-рематическую прогрессию, активируя сведения из разных понятийных сфер, проявляя тем самым политематичность текста (ср. описание текста с этих позиций в [Grischaewa 2016]). Охарактеризованные особенности способствуют, таким образом, достижению общей целостности кроссворда как текста, его единству. Следует заметить, что для этой же цели в отдельных разновидностях кроссворда могут быть использованы и средства другого типа, например, графические, такие как стрелки, а задания могут быть поданы в форме фотографий, нарисованных картинок и т. п.

Выражаясь иначе, кроссворды в этом отношении аналогичны креолизованным текстам (см. подробнее характеристики разных типов и классов креолизованных текстов, например, в [Анисимова 2019]). Однако и с этой точки зрения обнаруживается, что в кроссворде в меньшей степени выражена так называемая локальная связность, подразумевающая последовательное (консеквентное) сочленение компонентов, хотя данный признак все же присутствует в тексте кроссвордов. Речь идет, например, о линейной связи между вопросом кроссворда и данным на него ответом. Глобальная связность, как ее понимает, например, Н. С. Валгина (Валгина 2003), проявляется в структурированности, четком расположении элементов и их взаимосвязи с помощью общих букв, стоящих на пересечении слов.

В обозначенном контексте важно отметить, что в большинстве случаев при попытке опущения каких-либо элементов кроссворда вся его сетка рушится, так как вывод из сетки любого слова приводит к недостатку букв у всех с ним связанных слов. Таким образом, проводя параллель с глобальной и локальной связностью в тексте, правомерно иметь в виду когерентность текста, выражающейся в его иерархической связности по вертикали и горизонтали, и наличии в нем средств и способов реализации когезии (см. подробнее рассуждения о связности в [Halliday, Hasan 1976]).

Очевидно, что для достижения единства любого кроссворда доминируют непривычные при организации «обычного» текста средства когезии, а именно сцепление при помощи пересечения слов, в отличие от «обычных» текстов, в которых той же цели служат главным образом и в первую очередь логические, грамматические, лексические и др. средства, сцепляющие между собой предложения-текстемы и способствующие созданию более крупных единиц, например, сверхфразовых единств. В кроссворде такого не обнаруживается, т. е. в отличие от так называемых «традиционных» текстов нельзя назвать полноценным единство плана содержания.

Еще одной значимой текстотипологической характеристикой называют единство тематики. В кроссворде и данная характеристика проявляется специфическим образом. Задаваемые в кроссворде вопросы могут быть привязанными к одному кругу проблем, но это скорее исключение из правила, обусловленное

наличием определенной авторской интенции. Например, существуют кроссворды, где все вопросы касаются темы спорта или кулинарии, ботаники и т. д. Однако чаще всего задания относятся к различным сферам общественной жизни, и кроссворд становится точкой соприкосновения разных тематических сфер. Таким образом, как тип текста кроссворд политематичен в силу своей природы.

Одним из важнейших свойств кроссворда следует назвать его диалогичность (см. об этом признаке текста подробнее в [Якубинский 1986; Бахтин 2002; Баранова 2012; Колокольцева 2015]). Причиной диалогичности кроссворда является то, что он представляет собой результат игровой, людической, деятельности носителей языка и культуры. Уже формально кроссворд задает формат коммуникации, поскольку реципиент кроссворда вступает в открытую квази-беседу (викторину) с автором, отвечая на ряд поставленных автором текста вопросов и заполняя своими ответами в заготовленные автором ячейки.

Таким образом, правомерно говорить о том, что при разгадывании головоломки, т. е. кроссворда, происходит последовательное воссоздание исходного текста, причем в большинстве случаев порядок предпринимаемых читателем шагов не имеет значения. Последний может существенно отличаться от последовательности действий автора текста, порождающего его в иных условиях, нежели те, в которых действует реципиент текста. Это кардинально отличает процесс рецепции кроссворда от рецепции других типов текста. Существуют лишь редкие примеры, когда авторы советуют разгадывать кроссворд в заданной вопросами последовательности (например, чайнворд, где соблюдение определенной последовательности способствует более удобному, простому и надежному решению загадки, поскольку слова изначально связаны в единую цепь).

Важно отметить еще одну черту кроссворда. Он интертекстуален, т. е. активно апеллирует к прецедентным феноменам.⁵

⁵ Термин «прецедентный текст» был впервые введен Ю. Н. Карауловым; при этом имеются ввиду явления, знакомые целой группе, носителям культуры, причем в дискурсе к ним возвращаются много раз, в связи с чем представители лингвокультуры не нуждаются ни в каких объяснениях относительно обозначенных явлений (Караулов 1987).

Составители кроссвордов наиболее часто возвращаются к именам известных личностей, используют цитаты из ставших классикой произведений, причем речь идет не только о книгах, но и о фильмах, ссылаются на пословицы, поговорки, «прецедентные ситуации», рекламу, мультипликацию, плакаты и др. тексты, значимые и популярные в конкретной культуре не только в актуальный для конкретного коммуниканта период бытования культуры, но и в другие эпохи.

Целесообразно прокомментировать еще одну важную характеристику кроссворда. Интенциональность проявляется в стремлении автора кроссворда развлечь и, возможно, бросить интеллектуальный вызов предполагаемому реципиенту. Однако не исключено, что адресант может стремиться к повышению уровня образованности адресата или привлечению его интереса к определенной области знания, например к моде; в таком случае в кроссворде большинство вопросов будут подчинены одной конкретной тематике.

Обращение авторов кроссворда при построении кроссворда к необычным типам связи как средствам реализации важнейших текстовых категорий позволяют некоторым исследователям сделать вывод о том, что кроссворд представляет собой особую форму существования гипертекста. Данной позиции придерживается Л. М. Волкова, указывающая, что важнейшими для данного типа текста свойствами являются «интенциональность, нелинейность, политематичность, фрагментарность, наличие обратной связи (адресованность), прецедентность» (Волкова 2011).

Соглашаясь в целом с процитированной позицией, следует подчеркнуть, что кроссворд — это гипертекст особый — статичный, так как он не меняется в процессе ознакомления с ним читателя, в нем не появляются дополнительных ссылок, он не преобразуется содержательно и формально. В связи с этим необходимо помнить, что гипертекст подразумевает отсутствие конкретного автора возникающего в процессе рецепции текста, он является результатом сотворчества, по крайней мере, двух коммуникантов, в то время как кроссворд может быть создан одним конкретным человеком (например, общеизвестно, что первый русский кроссворд создал В. В. Набоков).

3. Разновидности кроссвордов

В связи с популярностью кроссвордов придумано огромное множество их разновидностей, что существенно затрудняет выявление тех или иных закономерностей. Кроме того, не существует строгих правил составления кроссвордов, поэтому их авторы, выбрав определенную разновидность и изменив ее в связи с личными представлениями, могут придумывать свои собственные разновидности имеющихся в культуре прототипов. Название каждой разновидности кроссвордов более или менее устоялось и фигурирует в различных источниках, хотя это не исключает и наличие некоторых вариаций; например, к основному названию кроссворда прикрепляют еще одно, которое может и не быть связано с тематикой кроссворда (*дуаль Искра, чайнворд Полоз*). Есть смысл назвать те из них, которые, судя по их встречаемости в различных медиаресурсах, являются наиболее популярными у носителей языка и культуры (Слободян 2017; Шевели мозговой извилиной):

1) довольно часто носители языка и культуры имеют дело с классическим кроссвордом, где присутствует список пронумерованных вопросов, ответы на которые нужно расположить по вертикали или горизонтали на предложенной сетке;

2) от классического кроссворда в незначительной степени отличается шведский сканворд, он же скандинавский, где все вопросы вставлены непосредственно в клетки внутри поля. В качестве заданий могут присутствовать не только краткие определения и описания, но и различного рода изображения (изображения животных, фотографии знаменитостей, изображения предметов, названия которых нужно угадать, и т. д.);

3) встречаются (кросс)чайнворды, в которых все слова заранее внесены, а задача состоит в том, чтобы соединить их все воедино из-за того, что завершающая буква предыдущего слова является начальной для последующего. Внизу своего рода матрицы также приведен пронумерованный список развернутых вопросов;

4) филворды представляют собой кроссворды, в которых нужно найти определенное количество слов, спрятанных в сетке, заполненной буквами; иногда присутствует список вопросов;

5) фигурные кроссворды могут быть стилизованы под разные предметы окружающего мира. Здесь нужно отметить, что в зависимости от внешнего облика будет меняться способ запол-

нения, например, в сотах ответы нужно вписывать вокруг центра каждой из них;

6) дуаль представляет с собой сетку, где в каждой клетке стоит по 2 буквы; задача состоит в том, чтобы выяснить, какая буква должна остаться, чтобы по вертикали и по горизонтали образовалось слово;

7) кейворд (другое название — ключворд) изначально заполнен не буквами, а цифрами, каждой из которых соответствует буква алфавита;

8) крисс-кросс, в котором нужно заполнить поле приведенными ниже словами, одно из них иногда уже стоит на своем месте;

9) эстонский кроссворд, в котором присутствует список вопросов, а сетка представляет собой прямоугольник. От классического кроссворда его отличает полное отсутствие черных клеток, между словами в некоторых местах стоят только перегородки;

10) итальянский кроссворд требует от адресата не только определенного уровня теоретических и практических знаний, но и умения анализировать приведенные вопросы, которые написаны сбоку от поля, так как требуется только один из трех написанных вопросов, чтобы дать требуемый ответ, остальные два присутствуют только для отвлечения внимания.

Анализ предложенных разновидностей кроссвордов вынуждает обратить внимание на то, что они структурно отличаются между собой по определенным критериям, среди которых необходимо назвать следующие:

1) наличие или отсутствие вопросов;
2) наличие или отсутствие в сетке слов-ответов;
3) форма построения поля кроссворда;
4) требования по внесению ответов (целые слова, части слов, отдельные буквы);

5) наличие или отсутствие пустых, не заполняемых адресатом, клеток;

6) размер сетки кроссворда;

7) тематическое единство или сочетание вопросов из различных сфер жизни (второе встречается значительно чаще).

Перечисленные критерии довольно серьезно влияют на способы организации содержания текста изучаемого типа на макроуровне.

Необходимость учета при анализе формата кроссворда как головоломки связана с тем, что он (формат) накладывает определенные ограничения, например, на длину задаваемых вопросов. Следовательно, в некоторых разновидностях кроссворда невозможно употребление, например, развернутых афоризмов или использование громоздких дефиниций в качестве формулировки задания.

4. Тематическое деление и доминирующие средства активизации сведений о мире

Анализ выбранных разновидностей кроссвордов позволил выявить наиболее распространенные понятийные сферы, сведения из которых востребованы в различных разновидностях кроссворда в русской и немецкой среде, а также установить основополагающие различия между русскими и немецкими кроссвордами.

Изучение немецких сканвордов позволило установить 7 типичных тематических сфер (см. Табл. 2):

1) слова, связанные со спецификой иных культур, активизирующие сведения о культурных феноменах, особенностях иностранных языков, прецедентных феноменах и т. д. Названная группа пересекается со второй группой, поскольку названия городов и стран также правомерно относить к данной тематике. Однако эта группа включает более широкий круг явлений, объединенных одним общим признаком — связью с чужой, инокультурной, реальностью. Примеры заданий: *franz. weiblicher Artikel* (La), *englisch eins* (one), *engl. Adelstitel Herzog* (duke);

2) географические названия и иные единицы из этой сферы. Необходимость выделения такой отдельной группы связана с тем, что первая группа не учитывает географические реалии конкретных стран и общие термины, относящиеся к географии, но вопросы, касающиеся названных тем, в кроссвордах довольно часто присутствуют. Чаще всего требуется назвать реки: *Fluss in Russland* (Neva), *Sibirischer Strom* (Ob); города и государства: *trockenes Land in Küstennähe* (Geest), *westafrikanischer Staat* (Nigeria);

3) названия животных и растений, причем соотношение вопросов о флоре и фауне практически равное. Чаще всего речь идет о птицах или подводных обитателях: *Karpfenfisch* (Batbe), *Zehnfußkrebs* (Garnele), *Singpflingstvogel* (Pirol);

4) религиозная сфера. Интересно, что вопросы такого рода посвящены в основном не самой распространенной в Германии религии — христианству, а вероисповедованию других народов: *griechischer Liebesgott* (Eros), *ägyptische Göttin* (Isis), *Karankapitel* (Sure);

5) вопросы, связанные с литературой, которые иногда представляют собой апелляцию к прецедентным феноменам (чаще всего очень известным произведениям), а иногда затрагивают литературные направления, стили, средства выразительности речи: *Roman von Herman Merville* (Mobydick);

6) имена популярных личностей, которые относятся к разным сферам общественной деятельности, например, культуре, литературе, политике и т. д.: *amerikanischer Schriftsteller* (John) — (Irving);

7) особая смысловая группа слов, не относящаяся на первый взгляд ни к одной из указанных выше тем. Наличие ярко выраженного общего признака и особенно высокая доля в тексте кроссворда не позволяют проигнорировать при анализе данное обстоятельство. Эту группу правомерно назвать «задания на синонимы», поскольку речь здесь идет — формально и/или содержательно — о вопросах исключительно лексического плана, часто не требующих дополнительных знаний об истории или культуре, а в качестве задания стоит одно слово, к которому необходимо подобрать синоним. Около четверти заданий в немецком сканворде выглядит именно так: *unglaublich*, *unempört* (unerhört), *herbeischaffen* (holen), *Nadelloch* (Öhr). (См. Табл. 2).

Таблица 2. Распределение заданий по понятийным сферам в немецких кроссвордах

Тематическая сфера	Количество
Слова, связанные со спецификой иных культур	15 %
Географические названия и единицы	10 %
Животные и растения	9 %
Религия	5 %
Литература	4 %
Имена известных личностей	4 %
Задания на синонимы	25 %

Анализ русских кроссвордов позволил прийти к выводу, что их авторы чаще всего апеллируют к восьми основным тематическим сферам (см. Табл. 3):

1) вопросы, посвященные тематике «флора и фауна». В таких случаях требуется назвать растения и животных, относящихся к определенным классам и группам, например, *сельскохозяйственное растение* (свекла), *пушной зверь* (песец), или угадать их по некоторым значимым характеристикам: *возродившаяся трава* (отава), *рыба с односторонним взглядом на жизнь* (камбала). Но иногда проверяется знание обозначений различных частей тела: *шкура овцы* (руно);

2) следующими распространенными темами стали явления искусства и культуры, а также предметы быта. В первую подгруппу входят слова, принадлежащие к театру, музыке: *музыкально-инструментальная пьеса* (соната), *изобразительному искусству: период работы художника* (сеанс). Возможно, в связи с большой распространенностью и актуальностью вопросы об известных фильмах или мультфильмах наиболее частотны, проверяется знание их названий: *американский телесериал* (Санта-Барбара), или даже целых цитат из художественных произведений и/или конвенциональных реплик в бытовой коммуникации: *«Уже мусор вынесла? ..., дочка!»* (умница). Имена персонажей тоже присутствуют: *имя жены Добрыни Никитича* (Настасья). Предметы быта — наиболее разнородная группа, куда относятся различные вещи, относящиеся к человеческой повседневности, например, *металлический декор сундука* (оковка), *металлический прут для жарения мяса над огнем* (вертел);

3) следующие 4 группы включают приблизительно одинаковое количество заданий. Как и в немецких кроссвордах, внимание уделяется географическим названиям: *река на Ближнем Востоке* (Иордан) и терминам: *низменность в устьевой части реки, образованная речными наносами* (дельта). С одной стороны, составители просят по описанию или определению угадать слова, относящиеся к окружающему миру: *озерная круговерть* (омут). С другой стороны, проверяются знания названий городов, находящихся в какой-либо области или обладающих некоторой спецификой: *провинция Бельгии с Маасом* (Льеж);

4) примечательно, что с той же частотой встречаются вопросы, так или иначе касающиеся бизнеса. Некоторые из них являются названиями профессий: *рабочий, специалист по разделению на части, вскрытию* (резчик), другие — организаций: *гроза речных браконьеров* (Роскомнадзор), а также процессов: *проверка*

деятельности учреждения (ревизия);

5) кроссворды в русской языковой культуре перекликаются также и с литературными текстами. Причем эти кроссворды проверяют не только знание названий литературных произведений, цитат, различных средств выразительности речи, но и структурных элементов произведений, например, *романтическая концовка* (эпилог), *единица действия художественного произведения* (эпизод), литературных жанров: *повествование про белого бычка* (сказка) и т. д. Очень близки к этой теме оказываются задания, связанные с лингвистикой, которые в изученных кроссвордах тоже присутствуют, но являются скорее единичными случаями. Возможно, это связано с узкой специализацией и повышенной сложностью таких заданий для людей, далеких от данной сферы: *новое слово в лингвистике* (неологизм), хотя чаще всего авторы пытаются сделать такие вопросы максимально простыми, опирающимися на школьные знания: *морфема, следующая за корнем* (суффикс);

6) интересными для составителей кроссвордов стали также объекты и явления, имеющие место в других странах; они тесно перекликаются с вопросами из области истории, так как часто речь идет не о настоящем времени, а об определенных периодах в истории: *земледелец Древней Спарты* (илот). Однако, думается, корректнее эти две группы разделить из-за наличия в них вопросов, касающихся исключительно исторических событий (4%): *дело рук монголо-татар* (иго), или проверяющих только знания о других странах: *деньги иранца* (риал), *гимнастика индуса* (йога);

7) ряд вопросов апеллируют к именам реально существующих известных личностей. Примечательно, что принадлежат эти люди к различным сферам общественной деятельности, чаще всего к телевидению: *Валдис среди телеведущих* (Пельш), или кинематографу: *Бертон или Роббинс* (Тим), *актер Марат* (Башаров), причем, как можно заметить, речь идет о разных странах. Присутствуют также имена знаменитых певцов: *имя певца Синатры* (Франк), *имя певца Магомаева* (Муслим), иногда даже знаменитых ученых: *британский физик* (Гук), *имя историка и телеведущего* (Эдвард);

8) небольшое количество вопросов посвящено военной тематике: *боевое столкновение войск* (сражение), *меткий* (стрелок), *рейтинг армейской долговязости* (ранжир), *единица измерения плоского угла на флоте* (румб). Иногда речь идет и о военной технике: за-

пасака, висящая на корпусе танка (трак).

Таблица 3. Распределение заданий по понятийным сферам в русских кроссвордах

Тематическая сфера	Количество
Растительно-животная тематика	13 %
Явления искусства и культуры	8 %
Предметы быта	8 %
Географические названия и термины	6 %
Бизнес	6 %
Литература и лингвистика	6 %

Помимо перечисленных тем было обнаружено множество других, которые не так распространены, как названные, хотя некоторые заслуживают особого упоминания по причине их присутствия в количестве, достаточном для возможности их отграничения в отдельную группу. Например, задания, связанные с транспортом: *задняя часть судна, лодки и некоторых других транспортных средств* (корма), спортом: *скачки трехлеток* (дерби), религией: *имя бога в исламе* (Аллах), мифами и легендами: *злое сказочное существо* (орк), чувствами и эмоциями: *учитель мудрых* (горе), едой: *пирожное из взбитых яичных белков и сахара* (безе), естественными науками: *оптический прибор, применяемый для получения увеличенного изображения на экране* (проектор).

Очевидно, что между изученными немецкими и русскими кроссвордами существуют тематические различия (ср. данные в Табл. 2 и 3). Например, в русских кроссвордах отсутствует ярко выраженная группа, обозначенная выше как «задания на синонимы». Вопросы, где не нужно обладать никакими дополнительными знаниями, кроме большого словарного запаса, довольно редки, поэтому и заданий, состоящих всего из одного слова или списка из нескольких слов, тоже значительно меньше, они принадлежат в основном к другим группам, например, той, где речь идет о бизнесе: *запас, накопление, капитал* (фонд).

Отметим также, что в русских кроссвордах не было обнаружено ни одного вопроса, проверяющего знание каких-либо иностранных слов. В немецких кроссвордах эти задания присутствовали в первой группе, где активизировались знания об иностранных культурах. Авторы просили, например, написать, как по-немецки будет *один* и т. д. Данное различие можно объяснить

тем, что в России пишут на кириллице, и если на немецком языке передать английские, иногда французские и другие иностранные слова возможно из-за однотипного алфавита (латиницы), то русский читатель, не являющийся лингвистом и не знающий правила транскрипции и транслитерации, был бы вынужден коверкать иностранные слова. Поэтому отказаться от подобных вопросов представляется вполне разумным решением.

5. Способы активизации сведений о мире

Изучение различных разновидностей кроссвордов позволяет сделать вывод о том, что одним из наиболее значимых способов активизации сведений в немецких кроссвордах является синонимия, на которой строится большая часть заданий в немецких кроссвордах. Такие вопросы явно выделяются из общего списка, так как они практически исключительно лексического плана, часто не требуют дополнительных знаний об истории или культуре. Около четверти заданий в немецком сканворде выглядит именно так: *zart, sanft* (mild), *Käufer* (Kunde), *kreisen, wenden* (drehen).

Важно отметить, что авторы не ограничиваются лексической синонимией, присутствуют также примеры поморфемной, например, когда в качестве задания фигурирует только приставка: *gegen — anti*. В таких случаях цель задания — подобрать другую приставку, обладающую схожим значением; в указанном примере обе приставки означают «против». Примечательно, однако, что в проанализированных русских кроссвордах такие вопросы не зафиксированы.

В русских кроссвордах полноценные вопросы-синонимы встречаются значительно реже. Например, *ватник* (фуфайка); *сильное возбуждение, задор* (азарт); *забота, попечение* (опека); *фильм* (кинолента) и т. д.

Со структурной точки зрения большинство заданий русских кроссвордов представляют собой развернутые дефиниции или описания, содержащие сведения о сути обозначаемого явления, сфере употребления предметов, их внешнем виде, местоположении, устройстве: *вместилище в теле животного, в растении* (мешок); *белый, круглый хлебец, употребляемый в православном богослужении* (просвира).

В немецких и в русских кроссвордах обнаружены вопросы с указанием имен классов однородных объектов. В таком случае подробное объяснение отсутствует, формулировка представляет

собой номинативную конструкцию (чаще две лексемы), *драгоценный камень* (аквамарин), а при выборе правильного ответа существует некая вариативность. Это значит, что к указанному классу может в равной степени относиться несколько слов. Можно предположить, что такой тип заданий существует для усложнения кроссворда, поскольку в некоторых случаях на эти вопросы нельзя ответить, не проследив связь между понятиями по вертикали или горизонтали. Примеры: *боевой корабль* (авианосец), *порода служебных собак* (ротвейлер), *вид общественного транспорта* (трамвай); *Riesenschlange* (Boa), *Sternbild* (Orion), *russ. Gebirge* (Ural), *griechische Göttin* (Athene).

Особого упоминания заслуживает обращение авторов к прецедентным феноменам. Важно отметить, что в немецких кроссвордах встречаются чаще, чем в русских, например, *Staat in Afrika* (Ruanda).

В изученных кроссвордах было обнаружено крайне мало фразеологических оборотов, пословиц, поговорок — менее 1%. В таких случаях обычно требуется восстановить пропущенное слово во фразе: *Одна... весны не делает* (ласточка), (см. Табл. 4).

Таблица 4. Способы активизации сведений о мире в русских и немецких кроссвордах

Способы активизации сведений	Русские кроссворды (количество)	Немецкие кроссворды (количество)
Дефиниции	40 %	13 %
Синонимия	5 %	23 %
Перифраз	34 %	23 %
Запрос информации	10 %	20 %
Класс объектов	10 %	8 %
Аббревиатуры		5 %
Перевод лексем		5 %

6. Разновидность кроссворда как фактор выбора тематики в заданиях и средств активизации сведений в кроссворде

Попытка проследить вероятную зависимость между способами активизации сведений и разновидностями кроссвордов не позволяет сформулировать явные закономерности, поскольку имеет место существенное разнообразие.

Среди русских кроссвордов два были классическими. В этой

разновидности кроссвордов замечена частотность развернутых дефиниций и подробных описаний различных явлений. Объяснением отмеченному явлению служит тот факт, что в классическом кроссворде отсутствуют пространственные ограничения, что позволяет составлять вопросы любой длины: «*Низменность в устьево́й части реки, образованная речными наносами*», «*дворовые слуги помещика в крепостном праве*». В этой разновидности кроссворда обращает на себя внимание обилие причастных оборотов, а также номинативность конструкций: «*Владелец денежных средств, хранящихся в банке*». В связи с этим может повышаться и уровень сложности задаваемых кроссвордов. Реже всего в указанной разновидности встречается синонимия как форма представления заданий, что также в некоторой степени может быть обусловлено форматом кроссворда. Отсылка к классам однородных объектов также присутствует в обоих изученных кроссвордах. Можно также отметить, что в изученных русских сканвордах в высокой степени распространен перифраз: *нимфа деревьев* (дриада), *подводная «колючка»* (ерш), *звук ночной саванны* (рык).

Однако немецкие кроссворды характеризуются иными особенностями. Например, в классическом немецком кроссворде, как и в других видах кроссворда, встречаются различные средства реализации в приблизительно равном соотношении, преобладания развернутых дефиниций не наблюдается. Синонимия как средство реализации сведений о мире, на первый взгляд представляющаяся типичной для требующего компактности сканворда (8 из 10 примеров), преобладает и в фигурном, и в классическом кроссворде.

7. Выводы

Обобщая результаты изучения, можно сделать вывод о том, что кроссворд, будучи элементом класса людических текстов, является отдельным типом текста и обладает всеми основными текстообразующими признаками. Вместе с тем ясно, что все фундаментальные признаки, свойственные тексту как явлению, в кроссворде реализуются иначе, чем в «традиционном» или креолизованном тексте.

Основная особенность семантической и синтаксической организации кроссворда как текста заключается в том, что вклад структурных, семантических, коммуникативных средств в достижение целостности текста не равновелик и даже не сопоста-

вим: абсолютно доминируют структурные средства. Две части, из которых состоит кроссворд как текст: сетка и список заданий, организованы принципиально по-разному. При этом вторая часть более близка по своей организации к «обычному» тексту. Отмеченные особенности не зависят от разновидности кроссворда и от степени его креолизации и/или характера последней.

Семантическая организация кроссворда как текста проявляется в том, что в тексте имеет место распределение функциональной нагрузки между обеими частями: в одной части активизируются и со-активируются разными (вербальными и/или невербальными) способами, известными носителям языка и культуры, сведения из определенной понятийной сферы, в другой эти понятия называются одним из многочисленных изофункциональных языковых средств. Это становится основой для установления целостности текста, создания текстуальности, а также когнитивным стержнем для диалогичности текста и фундаментом для успеха людической коммуникации носителей языка и культуры с помощью этого текста.

Ограниченный массив проанализированных текстов не позволяет выявить существенные корреляции между разновидностью/форматом кроссворда, способами активизации сведений о мире, особенностями семиотической системы, участвующей в оформлении текста кроссворда, и влиянием типа культуры на функционирование кроссворда как людического текста.

Особого упоминания среди средств и способов активизации сведений о мире в кроссворде заслуживают синонимия, перифразирование, апелляция к прецедентным феноменам, обращение к дефинициям понятий и явлений.

Анализ соотношения универсального и культурно-специфического позволяет говорить о том, что основные тематические сферы и способы реализации скорее универсальны, культурно-специфичным остается лишь степень их проявления. Например, только в одной языковой культуре — немецкой — присутствует поморфемная синонимия как способ формулировки задания.

Список литературы / References

- Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2019. [Anisimova, Yelena Ye. (2019) *Religiozny diskurs: funktsional'ny i antropologicheskiy aspekty* (Religious Discourse: Functional and Anthropological Aspects). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Баранова И. И. Категория диалогичности и способы ее выражения в научно-популярном тексте // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политех. ун-та. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 3. С. 119—125. [Baranova, Irina I. (2012) *Kategoriya dialogichnosti i sposoby eyo vyrazheniya v nauchno-populyarnom tekste* (The Category of Dialogueness and Ways of Its Realization in a Popular Science Text). *Saint Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 3, 119—125. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. [Bahtin, Mihail M. (2002) *Problemy poetiki Dostoevskogo* (Problems of Dostoevsky's Poetics). In *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Т. 6. (Collected Works in 7 vols. Vol. 6). Moscow: LRC Publishing House. (In Russian)].
- Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос. 2003. [Valgina, Nina S. (2003) *Teoriya teksta* (Text Theory). Moscow: Logos. (In Russian)].
- Волкова М. В. Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Смоленск: Смоленский гос. ун-т. 2011. [Volkova, Marina V. (2011) *Zagadka i krossvord kak tipy teksta: semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty (na materiale nemetskogo yazyka)* (Riddle and Crossword as Types of Text: Semantic and Pragmatic Aspects (On the Material of the German Language). PhD thesis in Philology. Smolensk: Smolensk State University. (In Russian)].
- Гришайева А. И. Есть ли тема-рематическая прогрессия в креолизованном тексте? // Русская германистика. Ежегодник российского Союза германистов. Т. 8. Культурные коды в языке, литературе и науке. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 272—281. [Grishayeva, Lyudmila I. (2011) *Yest' li tema-rematicheskaya progressiya v kreo-lizovannom tekste?* (Is there a Theme and Rheme Progression in Creolized Texts?). In Babenko, Nataliya S., & Bakshi, Natal'ya A. (eds) *Russkaya germanistika. Yezhegodnik rossiyskogo Sojuza germanistov.* Т. 8. Kul'turnyye kody v yazyke, literature i nauke (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 8. Cultural Codes in Language, Literature, and Science). Moscow: LRC Publishing House, 272—281. (In Russian)].
- Денисова Е. А. Структура и функции энigmatического текста (на материале русских загадок и кроссвордов). Дис. ... канд. филол. наук:

- 10.02.01. М.: Московский гос. ун-т, 2008. [Denisova, Yekaterina A. (2008) *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na material russkikh zagadok i krossvordov)* (Structure and Functions of the Enigmatic Text (On the Material of Russian Puzzles and Crosswords)). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Капулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Колокольцева Т. Н. Диалогичность и интертекстуальность в поэтическом тексте (на материале «Молитвы перед поэмой» Е. А. Евтушенко) [Электронный ресурс] // Грани познания: электрон. научн. журн. ВГСПУ. 2015. № 5 (39). URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 01.03.2020). [Kolokol'tseva, Tatyana N. (2015) Dialogichnost' i intertekstual'nost' v poeticheskom tekste (na materiale E. A. Evtushenko's "Molityu pered poemoy"). *Edges of cognition*, 5 (39). Retrieved from www.grani.vspu.ru (In Russian)].
- Рохлина Т. А. Языковая репрезентация комического в жанрах немецкой смеховой культуры (на примере немецкого прозаического шванка). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2017. [Rokhlina, Tatyana A. (2017) *Yazykovaya reprezentatsiya komicheskogo v zhanrakh nemetskoj smekhovoy kul'tury (na primere nemetskogo prozaicheskogo shvanka)* (Linguistic Representation of a Humorous Genre in German Prosaic Culture (On the Example of the German Prosaic Schwank)). PhD thesis in Philology. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Слободян Е. Какие бывают разновидности кроссвордов? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2017. URL: https://aif.ru/dontknows/eternal/kakie_byvayut_raznovidnosti_krossvordov (дата обращения: 06.03.2020). [Slobodyan, Yelena. (2017, February 1) *Kakiye byvayut raznovidnosti krossvordov?* (Which Varieties of Crosswords do exist?). *Arguments and Facts*. Retrieved from https://aif.ru/dontknows/eternal/kakie_byvayut_raznovidnosti_krossvordov (In Russian)].
- Шевели мозговой извилиной [Электронный ресурс]. URL: <http://crossword-best.ru/Obrazcy.htm> (дата обращения: 06.03.2020). [Sheveli mozgovoy izvilinoy. Retrieved from <http://crossword-best.ru/Obrazcy.htm> (In Russian)].
- Якубинский А. П. О диалогической речи // Язык и его функционирование. Избранные работы. М.: Наука, 1986. С. 17—58. [Jakubinskiy, Lev P. (1986) O dialogicheskoy rechi (About a Dialogical Speech). In Leontyev, Alexey A. (ed.) *Yazyk i ego funktsionirovaniye. Izbrannyye raboty* (Language and its Functioning. Selected Works). Moscow: Nauka, 17—58. (In Russian)].
- Dressler, Wolfgang U., & Beaugrande, Robert-Alain. (1981) *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen: Max Niemeyer.
- Grischaewa, Ljudmila I. (2016) Makro-Textsortenanalyse: Universelles und

- Kulturspezifisches. In Freudenberg-Findeisen, Renate. (ed.) *Auf dem Weg zu einer Textsortendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)-didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht*. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 69—81. (In German).
- Halliday, Michael Alexander Kirkwood, & Hasan, Ruqaiya. (1976) *Cohesion in English*. London: Longman Group Ltd.
- Isenberg, Horst. (1984) Texttypen als Interaktionstypen. Eine Texttypologie. In: *Zeitschrift für Germanistik*, 3, 261—270.

Olesya S. Makarenko
Voronezh State University

Ways and Means of Activating the Knowledge about the World in German and Russian Crosswords

The object of the analysis is different varieties of crossword puzzles and specifically the classical crossword, the Scandinavian crossword and a crossword, which can have a shape of different objects, because these three variations are common in Russian and German cultures. Crossword is a part of a risorial culture, it is created by *Homo ludens*, and it is a text type with its own content-related, formal and functional structure. It is analyzed with the consideration of these features. Different varieties of crosswords in ludophile communication in two cultures reveal the variety of thematic fields, which can be identified through a macrostructural analysis. This way of analyzing gives a chance to specify, which ways to activate the knowledge about the world are more often used by members of a culture. The dialectic of Universal and culture-specific dialectics in the textual structure of the crosswords is characterized. Different correlations are shown between the varieties of the crosswords and the character of knowledge which was activated by different means. The reasons, why the crossword as a text type has all of the found features, can be seen in a cultural specifics or qualities of the risorial culture because every crossword is a result and an instrument of this type of culture. It is also possible that the reason is a functional potential of the ludophile texts or the crosswords themselves.

Key words: Text type; verbalization mechanisms; ways to activate the knowledge; cohesion; coherence; risorial culture; ludophile texts

РЕЦЕНЗИИ

П. В. Абрамов
Высшая школа сценических искусств

ОСМЫСЛЕННОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Беляков Д. А. «Волшебная гора» Томаса Манна: от романа испытания к роману становления. Монография. М.: Флинта, 2019. 224 с.

Художественное наследие Т. Манна получило в первое десятилетие XXI в. необычайно яркую актуализацию в свете новых исследований в области сравнительного и прикладного литературоведения. Многолетний интерес писателя к психоанализу, мифологическим структурам бессознательного в контексте меняющегося времени и пространства требует от современного исследователя широкой научной оснащённости. В связи с этим исследование Д. А. Белякова — удачное соединение разных литературоведческих и лингвистических подходов, благодаря которым впервые в России поэтика «Волшебной горы» рассматривается в широком спектре жанровой природы романа сквозь призму открытий в сфере глубинной психологии.

Роман «Волшебная гора» был, как известно, этапным произведением для писателя — здесь и расставание с идеей бюргерского благополучия, и трансформация героя в контексте меняющегося/неизменного времени; тревожные предощущения надвигающегося кризиса цивилизации. Д. А. Беляковым удачно рассмотрена эволюция образа Г. Касторпа в русле его душевно-духовной жизни, физических трансформаций (болезнь / выздоровление) в привязке к изменению всей жанровой формы романа как подвижной семиотической структуры. Взаимодействуя друг с другом, эти изменяющиеся жанровые формы в романе не только генерируют развитие сюжета, но и участвуют в «сотворении» главного героя.

Детально проанализирован концепт «Bildung», смыслопорождающий в романе. Начиная от идей эпохи Просвещения, где в этом понятии видели процесс становления-созидания-образования, эстетически гармонизируя внешнее и внутренне начало в человеке (И. Г. Гаман, И. Г. Гердер, И. И. Винкельман), до его последующей трансформации «Entbildungsroman» — «роман антивоспитания» и перевоспитания («Umbildung») концепт

«Bildung» показан в русле раскрытия Самости главного героя.

В тесной взаимосвязи выявлены такие точки соприкосновения этого понятия с категорией «Bürgertum» — столь важной для понимания творческой эволюции Манна. Феномен бюргерства соединяется для писателя, с одной стороны, «с рядом бесспорных добродетелей: ответственностью, долгом, честностью, трудолюбием, верностью традиции. С другой — все творчество писателя изображает историческую обреченность «бидермайера», его нежизнеспособный консерватизм» — пишет Д. А. Беляков.

Покидая равнину (Flachland), Касторп порывает и с бюргерской психологией, здесь исследователь видит негативную коннотацию «flach» — «плоский, пошлый, поверхностный». Подобные лингвистические замечания в работе не редкость; так, весьма глубоко проанализирована этимология фамилий Лео Нафта (не только одно из названий нефти, но и ветхозаветное слово на иврите «Naphthali» — «бороться, спорить»), Пепперкорн и других.

Для Т. Манна интерес к глубинной психологии был на протяжении всей жизни связан и с понятием мифа, как принципа познания сакральной природы человеческого бытия. Именно этим были продиктованы его обращение к истории Иосифа Аримафейского, активная переписка с Карлом Кереньи, где нередко велись споры о понимании мифа в современном мире, наконец, элементы включения собственного автомифа в «Моей автобиографии», в романе «Лотта в Веймаре». По этой причине весьма естественно выглядит обращение и идеям и терминам К. Г. Юнга в процессе анализа эволюции сознания главного героя — энтропии бюргерства и переходу к символически-художественному познанию Вселенной (пока в масштабе Волшебной горы).

Следует отметить, что удачным и оригинальным исследовательским сюжетом работы Д. А. Белякова является рассмотрение образа автора в романе, где не только оцениваются приемы авторской техники (замена претерита презенсом, временные и пространственные уплотнения), но и его отношение к герою и шире — как нам представляется — смена авторской маски, с иронично-отстраненной на очень схожую с самим Гансом Касторпом. Автор если и не «вживается» в него (по словам Д. А. Белякова) то, несомненно, сближается с его мировоззрением, сопереживая ему, как бы растворяясь в нем. Здесь совершенно верно подмеченное фабульное и сюжетное завершение романа не ставит, однако, точки

в судьбе Ганса Касторпа. Он спускается с горы в ту пору, когда на Земле бушует война. Какова его дальнейшая судьба? Человек, получивший практически сакральное, герметическое знание, оказывается вновь перед лицом хаоса и катастроф, герой, по словам самого автора, стоит на рубеже и перед поворотом.

Писатель, практически одновременно с Юнгом, обращается на страницах своего романа к анализу *реальности* коллективного бессознательного, включается в ролевую игру, сам постоянно обнаруживая себя на страницах произведения. В связи с этим весьма любопытно упомянуть парадокс, на который указывает Д. А. Беляков: писатель ищет встречи с Юнгом, вступает в переписку, получает от швейцарского психоаналитика ряд работ, а спустя много лет, в 1954 г. неожиданно заявляет: «Я никогда не читал Юнга». Что это как не аберрация памяти, остроумно названная Патриком Зюскиндом как «*amnesia in litteris*» (полная потеря литературной памяти)?

Анализируя основные образы романа, Д. А. Беляков неизбежно обращается к теории архетипов. Насколько это оправданно? Не называя этот термин, Манн в своих статьях часто говорил о сакрально-типическом, вечно-повторяемом, имеющим глобальные обобщения в коллективном сознании человечества. Юнгианский подход при оценке романа, таким образом, чрезвычайно продуктивен, в его русле исследуется мотив перерождения, возникший из категории «*Entbildung*», становление нового психологического типа. Ярко и интересно воссоздана роль «перевоспитателей» главного героя — Эдвига Кроковского, доктора Беренса и голландца Пепперкорна. Весьма точно атрибутируемый прием Т. Манна — нарративный эллипсис — создает действительно богатую палитру недомолвок, дополнительных смыслов и созвучий. И если мадам Шоша как олицетворение «Вечно Женственного» ведет Ганса в глубины бессознательного, то Кроковский и Беренс — своего рода *аналитическое* оправдание его психологических блужданий в бессознательном. Убедительно показано расширение, «диалогизация» сознания Г. Касторпа (в эпизодах с Пепперкорном).

Вершиной духовной трансформации героя и проявления процесса его индивидуации становятся не только прослушивание граммофона, но и знаменитый эпизод «Снег», который анализируется в пятой главе «От романа перевоспитания к роману ста-

новления», когда «запланированная в оздоровительных целях лыжная прогулка оборачивается духовным перерождением героя». Личность Касторпа выкристаллизовывает в процессе индивидуации свою Самость — повествование романа «переходит в иной регистр». Обоснована и глубоко проработана у Д. А. Белякова идея распределения архетипов по героям повествования: архетип Персона — Сеттембрини, архетип Тени — Нафта, Анима — Клавдия Шоша, Пепперкорн — Мудрый Старец. Эти конструкции, укореняясь в сознании/подсознании главного героя, также пробуждают его Самость.

Облик героя, по словам самого Манна, существует «в пространстве большого исторического времени». В подобном же контексте понимается и весь роман «Волшебная гора» в указанной монографии, которая может служить и наглядным пособием при анализе психологических и лингвистических аспектов творчества писателя, давая понять парадоксальную мысль, которая ярко мерцает в тексте Томаса Манна: наше читательское восхождение на Волшебную гору есть путь погружения в глубины собственного сознания.

С. И. Дубинин
Самарский государственный университет

Лукин О. В. Немецкие грамматисты XIX века: известные и забытые имена. Монография. Ярославль: Канцлер, 2019. 160 с.

Представленная монография посвящена немецким грамматистам XIX столетия — их роли в развитии традиций и новаций немецкой лингвистики и лингводидактики в их тесной взаимосвязи. На примере известных и практически незнакомых для российских германистов авторов делается попытка воссоздания не только палитры лингвистической и лингводидактической мысли XIX в. в Германии, но и исторической, научной и лингвокультурной парадигмы этого плодотворного для становления германистики как науки времени.

Автор публикации — Олег Владимирович Лукин, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского. Его научные интересы сосредоточены в сферах лингво-историографии, теории частей речи, лингвофилософии и лингвистической типологии. Многолетняя подготовительная работа над монографией велась автором в рамках исследовательского проекта (см.: <https://y-spu.academia.edu/OlegLukin>; грант РФФИ № 17-04-00200-ОГН).¹

¹ Отметим в обширной серии статей О. В. Лукина, в частности: *Лукин О. В.* Семья Гейзе: два поколения в немецкой педагогике и филологии // Ярославский педагогический вестник. Сер. Психолого-педагогические науки. 2013. № 3. Ярославль: Ярославский гос. ун-т. С. 74—78; *Лукин О. В.* И. Г. Кампе в культурной, педагогической и лингвистической парадигме Германии конца XVIII — начала XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т. С. 282—286; *Лукин О. В.* Грамматика И. Х. В. Линдемманна в Америке: лингвистическая интерпретация или самоидентификация? // Языковая политика и лингвистическая безопасность. Материалы конференции. 2018. Нижний Новгород: Нижегородский гос. лингвистический ун-т. С. 91—97; *Лукин О. В.* Т. Гейнзиус от языкознания и лингводидактики XVIII века к новой лингвистической парадигме // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2 (17). Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т. С. 166—171; *Лукин О. В.* Две немецкие грамматик В. Вильманса // Верхневолжский

В предисловии О. В. Лукин отмечает, что его замысел состоял в представлении полноты лингвистической парадигмы в Германии XIX столетия, в метафорической модели как «айсберга немецкого языкознания» в ее подводной части — языковедов-практиков, специалистов по лингводидактике немецкого языка, транслировавших, расширявших предметное поле и таким образом совершенствовавших научный аппарат германистики (С. 5-6). Эвристическая парадигматика немецкого языкознания эпохи убедительно очерчена автором в своей динамике как существование, перманентная смена, интерференция различных языковедческих дискурсов и научно-педагогических практик.

Монография, по мнению ее автора, представляет собой своего рода «калейдоскоп имен» из сравнительно небольших по объему глав, каждая из которых посвящена одному более или менее известному (или неизвестному) немецкому филологу XIX в. Форматы компактных очерков-персоналий (это 11 глав монографии) позволяют раскрывать как доминантные для становления научной лингвистической мысли факторы, так и наметить индивидуальные формы и достижения исследователей и практиков преподавания немецкого языка через призму личностно-биографических описаний.

Работа О. В. Лукина относится к редкому в современной отечественной германистике жанру лингвистической историографии, представляя панораму идей и концепций в философии языка, в лингводидактике, грамματοграфии и компаративистике плодотворного для гуманитаристики в целом XIX в. Особый интерес автора связан с лингводидактическими исследованиями в Германии, поскольку большинство анализируемых им концепций и личностей имели отношение к педагогике и методике, интегрировавшись в кардинальную реформу системы образования, которую связывают с именем Вильгельма фон Гумбольдта.

В стилистике нарративной лингвоисториографии О. В. Лукин сочетает биографические и концептуальные детали, воссоздавая картину теоретизирования и рисуя яркие портреты высокообразованных и разносторонних немецких языковедов XIX в., многие из которых транслировали научные традиции

эпохи Просвещения.

Тематическая перспекция монографии О. В. Лукина акцентирует генезис лингвистической германистики из филологических штудий XIX в., пронизана идеей о том, что история германистики нуждается в постоянном осмыслении каждым новым поколением исследователей, формирующихся школ и направлений.

Изложение начинается с критического обзора состояния граммотографии, лингвофилософии и лингводидактики начала XIX в. (глава 1) и с оценки влияния трудов и идей И. К. Аделунга как крупнейшего на итоговом рубеже науки Просвещения теоретика грамматики на формирование уникальной творческой атмосферы в лингвистике и в практике преподавания родного языка в Германии эпохи начала национально-государственного объединения (глава 2).

О. В. Лукин справедливо подчеркивает, что «...смена лингвистических парадигм представляется нам процессом гораздо более неоднозначным и разнонаправленным по сравнению с той ее трактовкой, которая представлена в известной работе Т. Куна. По нашему мнению, отголоски предыдущей парадигмы могут сохраняться на протяжении весьма значительного периода времени, разумеется, и не в качестве основного направления языкознания. Но их влияние способно исключительно долго сохраняться в школьном и вузовском преподавании, так или иначе способствуя формированию взглядов будущих ученых, в том числе, и языковедов» (С. 25).

Главы 3 — 11 монографии содержат детальные лингвоисториографические нарративы, посвященные уникальным личностям языковедов теоретиков и практиков — знаменитых и признанных (И. Г. Кампе, А. Шлейхер, семейство Гейзе) и менее известных современным российским исследователям (Т. Гейнзиус, Г. С. Герлинг, М. В. Гетцингер, Ф. Шмиттнер, А. Вильмар, И. Х. В. Линдемани). В научный обиход отечественной германистики впервые вводится ряд публикаций, имевших в Германии XIX в. значительное количество изданий — как показатель их активной рецепции современниками, теорий и их понятийных аппаратов, а также содержание научных дискуссий. Например, в главе 6 представлена весомая полемика М. В. Гетценгера с позиций так называемой «прескриптивной грамматики» с Я. Гриммом в теории частей речи (С. 69-70).

Анализируя малоизвестные сценарии и сам многокомпонентный процесс синтеза научных знаний в немецкой грамматологии, О. В. Лукин обнаруживает себя как специалист в предметной сфере историографии образования и смежных областей (библиотечное и издательское дело, религиоведение, энциклопедистика, научная публицистика и критика) в Германии XIX в. Ряд ключевых фрагментов из сочинений языковедов и лингвистических терминов как маркеров научной парадигмы той эпохи впервые снабжены им русским переводом и необходимым содержательным комментарием (С. 76, 90, 133 и др.).

Нам показались чрезвычайно важными также отмеченные в исследовании О. В. Лукина факты (глава 7) рефлексии трудов уникальной династии языковедов Гейзе — Иоганна Христиана Августа и его сына Карла Вильгельма Людвига в России (переводы, переиздания), их влияние на русскую лексикографию и лингвистическую мысль (Московская и Казанская лингвистические школы) (С. 79-81).

Уникальные сведения приводит О. В. Лукин (глава 11) о пасторе-миссионере И. Х. В. Линдеманне в США и его сочинениях по грамматике, отмеченные интерференцией английских терминов, характеризующая зарождение теоретического осмысления варьирования строя немецкого языка за пределами основного ареала его распространения в ситуации эксклавирования и двуязычия.

Следует особо отметить обширный научно-справочный аппарат монографии О. В. Лукина (более 200 информативных комментариев и персоналий) и ее иллюстративную часть (портреты языковедов). Библиографический раздел монографии содержит ценные ссылки на малодоступные для отечественных германистов источники XIX в., большинство из которых (особенно не переизданные сочинения языковедов) аннотировано в соответствующих главах.

Монография О. В. Лукина «Немецкие грамматисты XIX века: известные и забытые имена» вызовет несомненный интерес специалистов по истории германистики и по общему языкознанию, исследователей грамматического строя немецкого языка, а также терминоведов лингвистики.

О. А. Кострова

Самарский государственный социально-педагогический университет

ГРАНИЦЫ И ГОРИЗОНТЫ МОДАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

Аверина А. В. Модальный синтаксис немецкого языка.
Монография. М.: МГОУ, 2019. 141 с.

Вниманию читателя предлагается небольшая по объему монография Анны Викторовны Авериной, посвященная модальному синтаксису немецкого языка. Небольшой объем книги свидетельствует в данном случае о необычайной четкости и лаконичности изложения автора, сумевшего вложить в этот объем чрезвычайно много новых идей, сложившихся в законченную оригинальную концепцию.

Монография начинается провокативным эпиграфом, принадлежащим известному немецкому лингвисту Г. Вайнриху, мысль которого состоит в том, что понятие модальности бесполезно и, более того, вводит в заблуждение, поскольку пронизывает все сферы языка. Эпиграф настораживает и в то же время настраивает на нечто необычное, с чем нам предстоит познакомиться. Предвкушение необычности не обманывает читателя.

Монография состоит из четырех глав, ведущих нас от общего понимания автором модальности к конкретному описанию модальных маркеров в парадигме языка, в речевой синтагматике и в разных типах текста. Подобный всеобъемлющий подход к трактовке категории модальности осуществляется в отечественной лингвистике, насколько мне известно, впервые.

Выстраивая свою концепцию, А. В. Аверина во многом опирается на труды зарубежных авторов, малоизвестные, а лучше сказать, совсем неизвестные в России. Так в основу понимания модальности заложено понятие «перспектива», заимствованное из работ видного немецкого грамматиста Элизабет Лайсс (С. 21). Попробуем соотнести построенную на таком понимании систему с опытом интерпретации этой категории в отечественной германистике, наметив известные границы и обозначив открывающиеся при новом взгляде горизонты.

Автор монографии исходит из традиционного понимания модальности как синтаксической категории, поскольку выража-

емое с помощью этой категории субъективное отношение к миру «не может существовать само по себе в отрыве от объектов и ситуаций реальной действительности» (Аверина 2019: 6). Напомним, что В. Г. Адмони (1973: 14) относит категорию модальности к разряду коммуникативно-грамматических, оформляющих отношение говорящего к содержанию высказывания и создающих «ту неразрывную и сложную связь, которая существует между содержанием речи и самим процессом речевого общения». Как видим, здесь позиция автора совпадает с традиционной. Различия начинаются при определении видов модальности.

В отечественной германистике принято разграничение объективной и субъективной модальности, основанное на *форме выражения* категории: *объективной* считается модальность, выраженная грамматической категорией — наклонением глагола — и передающая отношение говорящего к высказыванию, а *субъективная модальность* связывается с лексическими или лексико-грамматическими средствами выражения и передает внутрипредложенческие отношения грамматического субъекта к выражаемому действию (ср.: Абрамов 2001: 63-64). А. В. Аверина отмечает, что в западной германистике внимание исследователей сосредоточено на модальности субъективного характера (С. 10) и, не вступая в дискуссию, предлагает свое видение, основанное на критическом осмыслении отечественного наследия и новых зарубежных публикаций, а также на значительном эмпирическом опыте собственного исследования языкового материала, который изложен в монографиях (Аверина 2010; Averina 2010) и многочисленных статьях в отечественных и зарубежных изданиях. Мне довелось присутствовать на докладах, прочитанных ею на международных конференциях в Познани, Гданьске и Зеленой Гуре с участием видных немецких лингвистов В. Абрахама, Э. Лайсс, Г. Дивальд. После таких конференций появлялись публикации, доработанные с учетом результатов дискуссии (Averina 2010; Averina 2011; Averina 2019). Все это говорит о том, что рецензируемая монография — результат многолетней напряженной работы автора.

В концепции А. В. Авериной помимо формальных используются другие параметры разграничения видов модальности. К ним относятся: 1) включенность говорящего, которым может быть не только грамматический (пропозициональный) субъект

предложения, но и наблюдатель, например, автор; 2) фактичность / нефактичность передаваемой информации — критерий, различающий отношение к содержанию высказывания как к факту или как к чему-л., подлежащему оценке; 3) дейктичность / недейктичность, то есть «указание со стороны Ориго на что-либо, в том числе и на степень вероятности того или иного факта» (С. 16). На основе этих параметров вводится разграничение *внутренней и внешней модальности*, соотносимые с *перспективой говорящего*. «Внутренняя перспектива говорящего соотносится с неопределенностью и нефактичностью, субъективированностью изложения. Внешняя перспектива позволяет представить объективированное изложение событий и является показателем фактичности ситуации» (С. 75). Если говорящий или субъект речи излагает содержание в аспекте нефактичности, то он исходит из внешней перспективы, соотносимой, как правило, с грамматическим третьим лицом. Он может выразить при этом желание, возможность, необходимость и даже нереальность описываемого (С. 11-16), воспринимая все эти семантические значения модальности как существующие в реальном мире. Если же говорящий делает предположение относительно какого-то факта, подвергает этот факт сомнению или отсылает к источнику информации об этом факте, то он использует внутреннюю перспективу, смотрит на факт, оценивая его как бы извне. В таком случае речь идет об эпистемической модальности или эвиденциальности (С. 16).

Важная роль в разграничении перспектив говорящего отводится понятию дейктичности. Дейктичность связывается обычно с такими категориями, как персональность, темпоральность и пространственность. В монографии понятие дейктичности распространяется и на внутреннюю перспективу говорящего, поскольку при этом имеет место указание на эпистемическую оценку или отсылка к источнику информации. Это новый для отечественной германистики аспект рассмотрения дейктичности.

Внешняя перспектива выражается наклоном глагола: прошедшими временами индикатива или конъюнктива II, когда последний передает невозможное или неосуществленное действие, как это имеет место при нереальном условии или нереальном сравнении. Это показано в главе IV, посвященной функциям модальности в разных типах текста. Другим средством выражения внешней модальности являются модальные глаголы,

употребляемые в прямых значениях. Здесь мы видим расхождение с традиционным пониманием, согласно которому грамматические (наклонения) и лексико-грамматические средства (модальные глаголы без учета их прямых и переносных значений) оформляют разные виды модальности.

Основное внимание уделяется в монографии анализу внутренней перспективы — наименее исследованному участку модальной системы, предмету непрекращающихся дискуссий в западной германистике. Внутренняя перспектива выражается модальными глаголами во вторичных значениях, передающих в сочетании с инфинитивом II разные оттенки предположения, конструкциями типа *scheinen* + *Infinitiv*, глаголом *werden*, в сочетании с инфинитивом передающим не футуральные, а модальные значения, модальными словами и частицами, выполняющими модальные и дискурсивные функции. Как видим, здесь задействован богатый репертуар языковых средств, передающих тончайшие семантические оттенки, не всегда доступные пониманию носителя немецкого языка. Особенно это касается частиц, имеющих в немецком языке широкую сферу употребления в субъективированной речи в разных речевых регистрах и типах текста. А. В. Аверина мастерски показывает это во второй и третьей главах монографии, посвященных маркерам дейктической модальности в парадигматических и синтагматических связях. В этих главах поднимаются проблемы взаимодействия категорий: 1) рассматриваются лексико-грамматический и грамматический уровни репрезентации модальных значений; 2) раздел 2.4.2. посвящен феномену *Vegumfokus*, обозначаемому в русской лингвистике терминами «верификативный или контрастный фокус», «контрастная рема»; этот фокус рассматривается в монографии как модальный способ противопоставления фактов путем интонационного выделения вспомогательного глагола, которое воспринимается как утверждение обратного; 3) разграничиваются функции дискурсивных и модальных частиц, модальных частиц и модальных слов, модальных частиц и наречий и показывается их взаимодействие друг с другом и с модальными глаголами; 4) поднимается вопрос о синтаксической неподчинимости и ее связи с иллокутивной несамостоятельностью и употреблением частиц в придаточных предложениях. Чтобы понять понимание перечисленных проблем, многие из

которых впервые поднимаются в отечественной германистике, надо внимательно читать монографию.

Мне бы хотелось остановиться далее на некоторых новых горизонтах, открываемых поднятыми в монографии проблемами, которые пересекают границы собственно модальности, выводя в общеграмматическое или текстовое пространство.

1. Проблема разграничения дискурсивных и модальных частиц, модальных слов и наречий открывает новый взгляд на классификацию частей речи с учетом разной степени выраженности лексического значения и проявления грамматической функции (С. 33). В частности, модальные и дискурсивные частицы могут рассматриваться как грамматический класс слов, кодирующий внутреннюю перспективу (С. 34). В связи с этим рассматривается проблема грамматикализации языковых единиц и определяются ее параметры (С. 37-39).

2. При рассмотрении функционирования частиц возникает проблема инференции, то есть насыщения семантического содержания, которое не выражается словами, а имплицуруется. Например, ударная частица *EH* может кодировать скрытое отношение каузальности как в примере *Habt Spaß. Das Leben ist EH so kurz* и его трансформации *Man muss Spaß haben, denn das Leben ist so kurz* (С. 63).

3. Проблема метакоммуникативных функций, присущих частицам, наводит на мысль о том, что частицы имплицуруют дополнительную семантическую предикацию. Так, предложение *Aber er hatte ja zwei Jahre Zeit* содержит одну грамматическую, но две семантические предикации. Дополнительную семантическую интерпретацию А. В. Аверина интерпретирует как «это всем известно / это само собой разумеющийся факт» (С. 77).

4. Роль субъекта при выражении модальности иллюстрируется примерами, содержащими парадокс эксплицитного выражения: неопределенно-личное предложение с субъектом *man* может иметь более высокую степень вероятности, чем предложение с определенным субъектом *er*: *Er meint, ich würde es nicht schaffen diese Tour durchzuziehen* vs. *Man sagt, dass Ikebana ursprünglich von den Blumengaben der Mönche an Buddha abstammt. Allerdings gibt es die ersten schriftlichen Belege erst seit dem 11. Jahrhundert* (С. 77).

5. Новый пласт открывает исследование текстовой модальности, представленное в последней главе монографии.

6. По сути дела, обсуждаемые в монографии проблемы являются частью когнитивного процесса. Особенно ярко это проявляется при интерпретации значения частиц, требующей активного включения когнитивной деятельности.

Столь новый подход к пониманию модального синтаксиса, несомненно, обогатит отечественную германистику, испытывающую острую нужду в продуктивных идеях. Вместе с тем, новизна подхода оставляет место для дискуссии. Оценивая несомненные достоинства монографии, хотелось бы выразить автору некоторые пожелания. Во-первых, в главе о парадигматическом представлении модального синтаксиса хотелось бы видеть в этой парадигме место категории наклонения глагола. Без этого модальная парадигма создает впечатление лакунарности. Еще одно пожелание касается необходимости пояснения для отечественного читателя соотношения некоторых новых понятий. Мне как читателю стоило значительных усилий понять роль атрибутов «внешний» и «внутренний» по отношению к видам модальности, с одной стороны, и к перспективе говорящего, — с другой.

В заключение подчеркну еще раз, что рецензируемая монография открывает новые перспективы исследования. В лингвистический обиход введен целый новый пласт зарубежной германистики, что, вне всякого сомнения, будет стимулировать новые исследования. А. В. Аверина сама уже реализует перспективы, которые она отчетливо видит, обращаясь, в частности, к контрастивному сопоставлению семантики и употребления частиц и модальных слов в немецком и русском языках. Хочется пожелать ей дальнейших плодотворных успехов на этом поприще!

Список литературы

- Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: ВЛАДОС, 2001. [Abramov, Boris A. (2001) *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* (Theoretische Grammatik des Deutschen). Moscow: VLADOS. (In German, & Russian)].
- Аверина А. В. Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка). М.: Красанд, 2010. [Averina, Anna V. (2010) *Epistemicheskaya modal'nost' kak yazykovoy fenomen (na materiale nemetskogo yazyka)* (Epistemic Modality as a Language Phenomenon (Based on the Material of the German Language)). Moscow: Krasand. (In Russian)].

- Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1973. [Admoni, Vladimir G. (1973) *Sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka. Sistema otnosheniy i sistema postroyeniy* (Syntax of the Modern German Language: a System of relations and a System of Construction). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Averina, Anna V. (2010) Satzmodelle mit der Semantik der Vermutung im Deutschen im Vergleich zum Russischen und Besonderheiten ihres Funktionierens in der Rede. In Kaṭny, Andrzej, & Socka, Anna. (eds) *Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 223—238.
- Averina, Anna V. (2011) Phorik bei den Epistemitätsmarkern im Deutschen. In Kotin, Mikhail L., & Kotorova, Yelizaveta G. (eds) *Sprache in Aktion: Pragmatik. Sprechakte. Diskurs*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 33—46.
- Averina, Anna V. (2015) *Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln JA, DOCH und DENN im Deutschen und VED', ŽE und VOT im Russischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Averina, Anna V. (2019) Betonte Partikeln JA, DOCH, SCHON und EH im Deutschen und ihre Äquivalente im Russischen. In Kotin, Mikhail L. (ed.) *Wortschätze und Sprachwelten. Beiträge zu Sprachtypologie, kontrastiver Wort- bzw. Wortschatzforschung und Pragmatik*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 181—196.

L. A. Nefedova
Pädagogische Staatliche Universität Moskau

FASZINATION DER LEXIKALISCHEN VERDOPPELUNGEN

Schuppener, Georg. *Doppelt gemoppelt. Semantisch doppelnde Komposita im Deutschen*. Wien: Praesens Verlag, 2019. 106 S.

„Doppelt gemoppelt“ so der auffallende Titel der hier zu rezensierenden linguistischen Monographie eines deutschen Germanisten. Doppelt gemoppelt heißt unnötigerweise zweifach: das Schlüsselwort des Buches ist Verdoppelung oder Duplikation.

Die moderne Wissenschaft kennt verschiedene Duplikationen, z. B. Duplikation des Gens, Verdoppelung der Chromosomen, DNA-Verdoppelung. Die Sprachwissenschaft widmet sich auch der Untersuchung verschiedener Verdoppelungen: Im Deutschen wie in anderen Sprachen wird oft dupliziert. Man verdoppelt Konsonanten und Vokale in den Wörtern. Kinder können mit einem Jahr erste Wörter, wie „Mama“, „Papa“ oder „Wauwau“ sagen, indem sie Silben verdoppeln. Die Wortverdoppelung wird unter Wortwiederholungen eingeordnet: Alle erinnern sich an die Zeile „Mein Vater, mein Vater, jetzt fasst er mich an“ aus der Ballade „Der Erlkönig“ Goethes. Die Phraseologie befasst sich mit häufig auftretenden Zwilling- oder Paarformeln wie *Hand in Hand*, *nach und nach*, *angst und bange*.

Darüber hinaus gibt es Wortwiederholungen in einem Wort: *Helfershelfer*, *Kindeskind*, *Zinseszins*. Solche verdoppelten Wörter heißen Autokomposita oder Selbstkomposita, weil sie ein Kompositum mit sich selbst bilden. Die Reduplikationswörter wie *Bonbon* und *Tamtam* bezeichnet man im Deutschen umgangssächlich als Doppelmoppel. Aber sind die Verdoppelungen unnötig?

Der bekannte deutsche Journalist Bastian Sick, der Wortverdoppelungen als Pleonasmen kritisch ins Visier nimmt, stellt fest, dass es im „Wortvokabular“ des Deutschen von Pleonasmen wimmelt (Sick 2005). Er hat einige „doppelt gemoppelte“ Wörter und Wortverbindungen in eine einfachere Sprache übersetzt.

In der Linguistik erkannte man früh die Bedeutung der Wortverdoppelung (lat. *geminatio*) als rhetorisches Mittel und versuchte den Begriff „Verdoppelung“ als Stilmittel zu differenzieren. So entstanden verwandte stilistische Termini: Pleonasmus (Häufung sinnlei-

cher oder sinnähnlicher Wörter, Ausdrücke: *weltweite Globalisierung*, *alter Greis*), Tautologie (zwei aneinandergereihte, annähernd sinngleiche Wörter, die einen bestimmten Sachverhalt verdeutlichen: *hegen und pflegen*, *Sturm und Drang*) und Hendiadyoin (die beiden Wörter ergeben gemeinsam einen übergeordneten Sinn: *Feuer und Flamme*).

Schuppener wendet sich in seiner Monographie dem Phänomen Verdoppelung auf der lexikalischen Ebene zu. Im Mittelpunkt seiner Untersuchung stehen semantische Doppelungen innerhalb eines Kompositums als Ergebnis der Wortbildung. Folglich nimmt der Sprachwissenschaftler solche zweigliedrigen Komposita unter die Lupe, bei denen Erst- und Zweitglied sich semantisch überschneiden und einige oder alle Seme zweifach präsent haben (z. B. *Ausstellungsexponat*, *Bibelbuch*, *Tannenbaum*).

Nebenbei werden in der Monographie die Fragen der Wortbildung durch Reduplikation bzw. Iteration (S. 53-56) und der phraseologischen Verdoppelungen (S. 71-73) behandelt. Der Blick des Autors richtet sich ergänzend auf analoge Phänomene in anderen Sprachen (darunter Englisch, Jiddisch, Niederländisch, Russisch, Ungarisch). Es wird aber festgestellt, dass semantische Doppelungen ausgerechnet im Deutschen eine besondere Rolle spielen, weil die Komposition eine höchst produktive Wortbildungsart im Deutschen ist.

Im ersten Teil der Monographie wird die aktuelle Terminologie zum Thema genauer reflektiert. Es werden terminologische Fragen der semantischen Doppelung in der Komposition vor dem Hintergrund der Begriffe Tautologie, Pleonasmus und Synonymie erörtert (S. 16-28). Es wird anschaulich und überzeugend begründet, warum der Terminus „semantisch doppelnde Komposita“ bevorzugt wird.

Im Weiteren werden solche Fragen wie Inventar derartiger Komposita und Gründe für ihre Entstehung behandelt. Das Buch umfasst Themen wie Bedeutungswandel bei semantisch doppelnden Komposita, Bildungsmotive und Funktionen semantisch doppelnder Komposita, Ursachen und Folgen des Erläuterungsbedarfes, Potenzial und Effizienz semantisch doppelnder Komposita, die aus theoretisch-konzeptioneller Perspektive wie auch in empirischen Analysen diskutiert werden.

Es wird darauf hingewiesen, dass es zahlreiche Gründe für die Neubildung solcher Formen gibt und dass derartige Komposita auch gegenwartssprachlich im Bereich der Werbung/des Marketings neu entstehen. Sie sind heutzutage ebenso in Dialekten anzutreffen.

Der Autor setzt sich mit dem Thema Bildungsmotive und Funktionen semantisch doppelnder Komposita ausführlicher auseinander. Viele semantisch doppelnde Komposita werden, wie bekannt, als verdeutlichende Komposita betrachtet (Fleischer, Barz 1995: 125-127), eine besondere Klasse der Determinativkomposita, bei denen die Bedeutung eines Wortteils die des anderen semantisch verdeutlicht. Schuppener präzisiert, dass bei verdeutlichenden semantisch doppelnden Komposita das zweite Kompositionsglied oft zur Erläuterung bzw. zur Explizierung des ersten dient (S. 63). Es wird auf eine Variante der Komposita detaillierter eingegangen, die hybride Bildungen sind, in denen eine Komponente nativ und die andere fremdsprachig ist, z. B. *Fußpedal*, *Schutzpatron*. Als Kommentar kann man an dieser Stelle hinzufügen, dass Mischkomposita im Deutschen gebildet werden, weil das Bedürfnis der Sprecher nach Motivation der Wortbedeutung sehr groß ist. Man findet in der modernen Presse Belege dafür, z. B. *Service-Dienst Kiel*, *Currywürz*, *Zukunftsperspektive*.

Anschließend werden in der Monographie auch weitere Funktionen semantisch doppelnder Komposita erläutert: Intensivierung, Spezifizierung, kulturelle Integration. Als eine der wichtigsten Leistungen der semantischen Doppelung wird ihr Potenzial betrachtet, weil semantisch doppelnde Komposita eine effiziente Form zur Bedeutungsexplikation von Verdunkelungen sind oder einen höheren pragmastilistischen Wert als Simplizia haben.

Nach der ersten Bekanntschaft mit dem neuen Buch von Schuppener könnte die Frage entstehen, welche Perspektiven die Untersuchung eines solchen skurrilen Phänomens bietet? Es ist offensichtlich, dass es sich bei der strukturellen oder semantischen lexikalischen Doppelung um eine schwach produktive Wortbildungsart handelt.

Derartige Komposita des Deutschen, deren Erst- und Zweitglied das gleiche Nomen sind oder semantisch zusammenfallen, sind schon früher im Rahmen der Erforschung des Phänomens „lexikalische Deviation“ in den Vordergrund des wissenschaftlichen Interesses gerückt und wurden als solche, d. h. strukturelle bzw. semantische Anomalien im Sprachsystem betrachtet (Нефедова 2002a). Semantisch doppelnde Komposita wurden als „zusammengesetzte Wörter mit überflüssigen Komponenten“ (russ. сложные слова с избыточными компонентами) interpretiert. Es wurde postuliert, dass solche Komposita eher marginale Erscheinung im lexikalischen Teilsystem darstellen. Ihnen kommt keine breite Verwendung zu, im Vergleich

zu entsprechenden Simplizia werden sie weniger häufiger gebraucht: z. B. das Kompositum *Trödelkram* liegt in Bezug auf seine Häufigkeit weit hinter dem Simplex *Kram* zurück (Нефедова 2002b). Aus dieser Sicht kann das Thema weiter kontrovers diskutiert werden.

Ergänzend kann hinzugefügt werden, dass es im Deutschen Partikelverben oder Präverbfügungen mit semantisch doppelnden Partikeln/Präverben gibt: Die Semantik der Partikel/des Präverbs dupliziert die Semantik des Basismorphems, z. B. *abfrottieren*, *anvisieren*, *durchdiskutieren*, *herumflanieren*, *vorbeidefilieren*, *zusammenmischen*. Die Grammatiken empfehlen nicht, solche Verben wie *zusammenaddieren*, *zurückreduzieren*, *herauseliminieren*, *nachimitieren*, *neurenovieren* zu benutzen. Die oben angeführten Beispiele könnten zu wenigen Verben wie *aufklotzieren*, *unterminieren* im Wortverzeichnis der Monographie hinzugefügt werden.

Semantisch doppelnde Komposita kommen auch im Russischen vor, obwohl die Zusammensetzung keine große Rolle in der russischen Wortbildung spielt. Ihre Liste sollte präzisiert und aktualisiert werden: z. B. das in der Monographie erwähnte Kompositum *вор-разбойник* ist im modernen Russischen nicht üblich. Dafür hört man andere Komposita oft: z. B. doppelnde Bildungen mit der Hyponym-Hyperonym-Struktur *вор-карманник* *Taschendieb* (*карманник* ist ein Hyponym zum Hyperonym *вор*), *шапка-ушанка* (von russ. *уши uschi* *Ohren*) *uschanka*, eine für kalte Wetterverhältnisse geeignete Mütze. Solche Komposita sind stilistisch neutral. Wenn im Deutschen die Bedeutung des Zweitgliedes spezifiziert wird (z. B. *Pirschjagd*), ist es im Russischen umgekehrt.

In der russischen Umgangssprache kommt das Wort *чудак-человек* (dt. ‚Sonderling, (komischer) Kauz, exzentrischer Mann‘) vor. Das Simplex *чудак* hat dieselbe Bedeutung, die das Sem ‚Mensch‘ einschließt. Das Hyperonym *человек* *Mensch* ist im Kompositum semantisch überflüssig. Aber im Unterschied zum stilistisch neutralen Wort *чудак* ist das Kompositum *чудак-человек* expressiv und positiv konnotiert. Es ist als Anrede geläufig: *Да пойми ты, чудак-человек, для тебя же стараюсь!*¹ Und das Kompositum *бабушки-старушки* (dt. *Babusch-*

¹ Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/38976/> (дата обращения 30.03.2020). [Толковому словар' russkogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Retrieved from <https://www.vedu.ru/expdic/38976/> (In Russian)].

kas-alte Frauen) wird vorwiegend im Plural liebkosend gebraucht. So können usuelle Besonderheiten der Verwendung von semantisch doppelnden Komposita in verschiedenen Diskursen weiter untersucht werden.

Die lexikalische Verdoppelung könnte als wissenschaftlicher Forschungsgegenstand im Bereich der Onomasiologie verortet werden. Besonders aus russischer Sicht sind deutsche doppelnde Namen von großem Interesse. Für russische Muttersprachler sind solche mit Bindestrich geschriebene Doppelnamen wie *Klaus-Peter*, *Hans-Jürgen*, *Jan-Heinrich*, die Kontraktionen *Lieselotte*, *Karlheinz*, *Hanspeter*, getrennt geschriebene Doppelnamen, z. B. *Marie Luise* auffallend. Im Deutschen ist es auch üblich, zwei oder sogar mehrere Vornamen als Rufname zu verwenden, was aus russischer Sicht sehr ungewöhnlich ist.

Zur Vervollständigung der Liste der semantisch doppelnden Komposita im Deutschen kann der Gattungsname *Hansnarr*, ein semantisch doppelndes Kompositum mit dem Eigennamen *Hans* angeführt werden. Das Simplex *Narr* ist sein ideographisches Synonym. Im Russischen gibt es eine ähnliche Bildung *Иванушка-дурачок*. Dabei können Komposita anderer Art mit einem Eigennamen als Komponente im Russischen erwähnt werden. Im Kompositum *мама-растеряша* mit der Bedeutung ‚eine zerstreute Person, die ständig etwas verliert‘ ist die erste Komponente ein weiblicher Eigenname und wird nur zum Reimen angehängt. Er kann ohne semantischen Verlust eliminiert werden, das Simplex *растеряша* ist auch üblich. Aber der Eigenname verleiht dem Wort eine besondere Expressivität.

Im Deutschen kommen noch Wortverdoppelungen besonderer Art als Produkt der Zusammensetzung vor: die Rede ist von der zweifachen Bezeichnung eines Sachverhalts. In diesem Fall handelt es sich um ein onomasiologisches Herangehen an die Komposition. Es gibt solche Komposita, deren Komponenten ausgetauscht werden können, so dass man zwei bedeutungsgleiche Bezeichnungen hat. Ich bin auf solche zweifachen Komposita aufmerksam geworden, als ich über meine sehr bekannte Namensvetterin Ljuba gelesen habe. Die Rede ist von einem kleinen Mammut (russ. мамонтенок), das man 2007 in Sibirien entdeckt hat. Deutsche Zeitungen nennen es sowohl *Mammut-Baby* als auch *Baby-Mammut*², was heißt, dass beide

² Das sibirische Mammut-Baby „Ljuba“ (<https://www.augsburger-allgemeine.de/panorama/Das-sibirische-Mammut-Baby-Ljuba-id19572236.html>)

Formen üblich sind. Das kleine Mammut ist sowohl ein *Mammut-Baby* als auch ein *Baby-Mammut*: Die Reihenfolge ist nicht lexikalisiert, die Glieder können ohne Sinnverlust ausgetauscht werden. Dasselbe gilt für die Komposita *Elefanten-Baby* und *Baby-Elefant*.

Die Verdoppelung könnte weiter als sprachliches Phänomen, bei dem ein Element zweimal realisiert wird, betrachtet werden. Die Verdoppelung als Wortwiederholung in einer modifizierten Form stellt aus einem anderen Blickwinkel ein interessantes Thema dar. Beim feministischen Sprachgebrauch treten im Deutschen Verdoppelungen besonderer Art auf: zu traditionellen maskulinen Formen kommen movierte feminine Formen mit dem Suffix *-in* hinzu. Man schreibt: *Arbeitnehmer und Arbeitnehmerinnen, Zuschauer und Zuschauerinnen, Österreicher und Österreicherinnen, Motorfahrerinnen und Motorfahrer*. In der Schweiz kommen weitere Paare hinzu, z. B. *Snowborderinnen und Snowborder: Esther Ledeka hat den Snowboarderinnen und Snowboardern einen riesen Dienst erwiesen mit dem Gewinn dieses Rennens*³.

Resümierend ist zu betonen, dass in der Sprachentwicklung zwei Haupttendenzen hervortreten: neben der in der Linguistik gründlich behandelten Tendenz zur Sprachökonomie, Kürzung sprachlicher Strukturen, Ersetzung komplexerer sprachlicher Formen oder Systeme durch einfachere die Tendenz zur sprachlichen Verdeutlichung, Genauigkeit und Vollständigkeit, wie die Monographie von Schuppener deutlich zeigt. Man könnte vermuten, dass viele semantisch doppelnde Komposita im Deutschen darauf zurückzuführen sind, dass im Deutschen auf Präzision, Deutlichkeit und Eindeutigkeit ein besonders großer Wert gelegt wird.

Die 106 Seiten der Monographie sind dank dem leicht verständlichen prägnanten Schreibstil des Autors schnell gelesen. Es ist lobenswert, dass das Buch zusätzlich ein Verzeichnis der semantisch doppelnden Komposita im Deutschen beinhaltet (S. 98-106).

Die von Schuppener unternommene zweifellos aktuelle Untersuchung der semantischen Doppelung bei der Bildung von Komposita im Deutschen kann die Sprachwissenschaftler zur weiteren Erfor-

(eingesehen am 30.03.2020), Baby-Mammut in Sibirien entdeckt (https://rp-online.de/panorama/wissen/baby-mammut-in-sibirien-entdeckt_aid-11064547) (eingesehen am 30.03.2020).

³ Mit Shiffrins Ski zur Sensation (<https://www.srf.ch/sport/pyeongchang/ledeckas-sieg-bewegt-mit-shiffrins-ski-zur-sensation>) (eingesehen am 30.03.2020).

schung von ähnlichen Phänomenen anregen. Zu untersuchen wären weiter Triplikation, eine spezielle Form der Wortbildung, die dreifache Wiederholung eines gleichen oder ähnlichen Wortbestandteils, z. B. *Pipapo*; phraseologische Drillings- und Vierlingsformeln (z. B. *heimlich, still und leise; frisch, fromm, fröhlich und frei*). Diese Erscheinungen sind zwar weniger häufig im Vergleich zur Duplikation bzw. zu Paarformeln, aber dabei können zweifellos auch interessante Ergebnisse erzielt werden. Eine systematische Gegenüberstellung der semantisch doppelnden Komposita im Deutschen und im Russischen könnte eine Grundlage für weitere aufschlussreiche kontrastive Analysen bilden.

Abschließend sei angemerkt: „Doppelt gemoppelt. Semantisch doppelnde Komposita im Deutschen“ von Georg Schuppener ist eine sehr empfehlenswerte Monographie zur Analyse und Beschreibung eines außerordentlich faszinierenden lexikalischen Phänomens. Die Lust zu doppeln und moppeln wird den Sprechern bestimmt nicht vergehen, die Sprachwissenschaftler haben genug Stoff für linguistische Analysen zu unterschiedlichen Gegenstandsbereichen.

Zitierte Literatur / References

- Нефедова Л. А.* Явление девиации в лексике современного немецкого языка. Дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2002а. [Nefedova, Lyubov' A. (2002a). *Yavleniye deviatsii v leksike sovremnogo nemetskogo yazyka* (The phenomenon of Deviation in the Vocabulary of the Modern German Language). Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian)].
- Нефедова Л. А.* Сложные слова с избыточными компонентами в современном немецком языке // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. науч. тр. кафедры философии МПГУ. Вып. XV. М.: Прометей, 2002b. С. 131—137. [Nefedova, Lyubov' A. (2002b) *Slozhnyye slova s izbytočnymi komponentami v sovremnnom nemetskom yazyke* (Compound Words with Redundant Components in Modern German). In Griftsova, Irina N. (ed.) *Aktual'nyye problemy sotsiogumanitarnogo znaniya* (Current Problems of Socio-humanitarian Knowledge), 15. Moscow: Prometey, 131—137. (In Russian)].
- Fleischer, Wolfgang, & Barz, Irmhild. (1995) *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Unter Mitarbeit von Marianne Schröder. Tübingen: Niemeyer.
- Sick, Bastian. (2005, September 28) *Zweifach doppelt gemoppelt*. *Spiegel*. Retrieved from <https://www.spiegel.de/kultur/zwiebelfisch/zwiebelfisch-zweifach-doppelt-gemoppelt-a-373614.html>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамов** Петр Валерьевич, Высшая школа сценических искусств (Москва, Россия); p_abramow@mail.ru
- Аверина** Анна Викторовна, Московский государственный областной университет (Москва, Россия); Anna.averina@list.ru
- Аверкина** Лариса Алексеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); larissa.averkina@mail.ru
- Березовская** Анастасия Викторовна, МГИМО МИД России (Москва, Россия); frau.berezovskaya@yandex.ru
- Быкова** Ольга Ильинична, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); olga.bykova@rambler.ru
- Винтгенс** Лео, Королевская комиссия по топонимическим и диалектным исследованиям (Брюссель, Бельгия); lwintgens02@gmail.com
- Гришаева** Людмила Ивановна, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); grishaewa@rgph.vsu.ru
- Донец** Павел Николаевич, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (Харьков, Украина); p_dones@list.ru
- Дубинин** Сергей Иванович, Самарский государственный университет (Самара, Россия); doubinin@mail.ru
- Ишимбаева** Галина Григорьевна, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия); galgrig7@list.ru
- Кафанова** Ольга Бодовна, Санкт-Петербургский институт бизнес-инноваций (Санкт-Петербург, Россия); olg_kaf@mail.ru
- Кострова** Ольга Андреевна, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия); olga_kodtrova@mail.ru
- Кузовникова** Екатерина Геннадьевна, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); katerinakuzovnikova@gmail.com
- Кулькова** Мария Александровна, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия); mkulkowa@rambler.ru
- Лаххайн** Барбара, Университет Дуйсбург-Эссен (Германия); b-m.lachheim@t-online.de
- Макаренко** Олеся Сергеевна, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия); makarenko.olesia@yandex.ru
- Нефедова** Любовь Аркадьевна, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); nefedovalub.@gmail.ru
- Парина** Ирина Сергеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); parinai@yandex.ru

- Серягина** Юлия Сергеевна, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); seragi-na@gmail.com
- Смирнова** Татьяна Петровна, Нижегородский государственный лингвистический университет (Нижний Новгород, Россия); tr_smirnova@mail.ru
- Соколова** Елизавета Всеволодовна, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия); lizak2000@mail.ru
- Трошина** Наталья Николаевна, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия); troshinat@mail.ru
- Утриков** Виктор Владимирович, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия); utrikov93@gmail.com
- Филиппов** Андрей Константинович, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); k.filipov@spbu.ru
- Филиппов** Константин Анатольевич, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); k.filipov@spbu.ru
- Шуппенер** Георг, Университет св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия); georg.schuppener@ucm.sk
- Яковенко** Екатерина Борисовна, Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия); Yakovenko_k@ Rambler.ru

LIST OF CONTRIBUTORS

- Petr V. **Abramov**, Higher School of Performing Arts (Moscow, Russia);
p_abramow@mail.ru
- Anna V. **Averina**, Moscow State Region University (Moscow, Russia); Anna.averina@list.ru
- Larisa A. **Averkina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); larissa.averkina@mail.ru
- Anastasiya V. **Berezovskaya**, Moscow State Institute of International Relations MGIMO (University) (Moscow, Russia);
frau.berezovskaya@yandex.ru
- Olga I. **Bykova**, Voronezh State University (Voronezh, Russia); olga.bykova@rambler.ru
- Pavel N. **Donets**, Karazin Kharkov National University (Kharkov, Ukraine); p_donec@list.ru
- Sergey I. **Dubin**, Samara State University (Samara, Russia); doubin@mail.ru
- Andrey K. **Filippov**, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia); k.filippov@spbu.ru
- Konstantin A. **Filippov**, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia); k.filippov@spbu.ru
- Lyudmila I. **Grishayeva**, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
griscaewa@rgph.vsu.ru
- Galina G. **Ishimbayeva**, Bashkir State University (Ufa, Russia);
galgrig7@list.ru
- Olga B. **Kafanova**, Institute of Business Innovations (Saint-Petersburg, Russia); olg_kaf@mail.ru
- Olga A. **Kostrova**, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia); olga_kodtrova@mail.ru
- Mariya A. **Kulkova**, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia); mkulkowa@rambler.ru
- Yekaterina G. **Kuzovnikova**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); katerinakuzovnikova@gmail.com
- Barbara **Lachhein**, Universität Duisburg-Essen / University of Duisburg-Essen (Germany); b-m.lachheim@t-online.de
- Olesya S. **Makarenko**, Voronezh State University (Voronezh, Russia); makarenko.olesia@yandex.ru
- Lyubov' A. **Nefedova**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); nefedovalub.@gmail.ru
- Irina S. **Parina**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); parinai@yandex.ru

- Georg **Schuppener**, Universität der Hl. Cyrill und Method (Trnava, Slowakei) / St. Cyril and Method University (Trnava, Slovakia); georg.schuppener@ucm.sk
- Yulia S. **Seriagina**, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); seriagina@gmail.com
- Tatyana P. **Smirnova**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia); tp_smirnova@mail.ru
- Yelizaveta V. **Sokolova**, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); lizak2000@mail.ru
- Natalya N. **Troshina**, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); troshinat@mail.ru
- Viktor V. **Utrikov**, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia); utrikov93@gmail.com
- Léo **Wintgens**, Königliche Kommission für Ortsnamenkunde und Mundartforschung (Brüssel) / The Royal Commission for Toponymy and Dialect Research (Brussels); lwintgens02@gmail.com
- Yekaterina B. **Yakovenko**, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Yakovenko_k@rambler.ru

Научное издание

РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Ежегодник Российского союза германистов

Том XVII

Типология текстов и дискурсивные практики
в немецкоязычном культурном пространстве

Оригинал-макет подготовлен А. В. Ивановым
Художественное оформление переплета О. Максимовой

Подписано в печать 12.08.2020. Формат 60x88/16.

Усл. печ. л. 22,32. Уч.-изд. л. 14,88.

Тираж 500 экз. Изд. № 5061. Заказ №

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»

127282, г. Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495)230-20-52